

А.М. МИНАСЯН

ДИАЛЕКТИКА
И
СОФИСТИКА

А. М. МИНАСЯН

ДИАЛЕКТИКА И СОФИСТИКА

(опыт философской дискуссии)

Ответственный редактор
доктор философских наук
В. П. Кохановский

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО РЕШЕНИЮ УЧЕНОГО СОВЕТА
РОСТОВСКОГО ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА.

А. М. Минасян. Диалектика и софистика (опыт философской дискуссии). — Издательство Ростовского университета, 1985. 312 с.

В монографии доктора философских наук А. М. Минасяна с принципиальных позиций марксизма-ленинизма разоблачаются современные многочисленные софистические ухищрения буржуазной, ревизионистской идеологии, софистические фальсификации принципов материалистической диалектики. Последовательно вскрывается научная несостоятельность софистики во всех сферах современной идеологической борьбы.

Книга написана в форме диалогов диалектики и софистики, что способствует более глубокому пониманию истинности жизнеутверждающих принципов марксизма-ленинизма и делает изложение материала доходчивым, рассчитанным на широкого читателя.

Рецензенты: доктора философских наук *Е. Я. Режабек*,
Е. П. Ситковский.

М 032020100 — 065 85 — без объявления
175 (03) — 85

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой полемическое изложение некоторых проблем материалистической диалектики. А. М. Минасян пользуется заслуженной известностью как автор трехтомника «Диалектический материализм» (1972—1976). В научной деятельности А. М. Минасяна господствующее положение занимает марксистско-ленинский принцип совпадения диалектики, логики и теории познания. Новая его работа является дальнейшей конкретизацией и обогащением этого принципа.

В условиях обостряющейся идеологической борьбы чрезвычайно актуальна непримиримая и принципиальная борьба за чистоту и дальнейшее развитие материалистической диалектики. Поскольку самой утонченной и коварной формой современной метафизики является софистика, в книге ведется дискуссия материалистической диалектики с ее многочисленными разновидностями. При этом автор не сводит софистику к той или иной ее разновидности, как это нередко делается, а дает ее цельную дефиницию, понимая ее как такое направление в познании, которое подменяет сущность внешним правдоподобием, прикрывающим внутреннее заблуждение.

Автор книги, опираясь на логическое богатство бессмертных трудов классиков марксизма-ленинизма, в особенности «Капитала» К. Маркса и «Философских тетрадей» В. И. Ленина, а также на

теоретическую и практическую деятельность КПСС, правильно считает, что успешную борьбу против софистики может вести только диалектика, понимаемая и разрабатываемая как логика и теория познания. Он подчеркивает, что диалектика, сведенная к сумме примеров или к принципам частных наук, не только не способна на такую борьбу, но на деле является эрозией специфики марксистско-ленинской философии, поскольку обедняет и упрощает ее содержание, выхолащивает ее революционную сущность, наносит ущерб ее методологической и мировоззренческой функциям, ослабляет ее позиции в борьбе против современной буржуазной философии.

Книга написана автором с воинствующих марксистско-ленинских позиций, последовательно вскрывает антинаучную и реакционную сущность софистики и вообще буржуазной философии, как бы она ни рядилась в тогу научности.

Книга будет интересна изучающим не только марксистско-ленинскую философию, но и другие науки, поскольку в ней рассматриваются общеметодологические проблемы.

В. П. Кохановский.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях обостряющейся идеологической борьбы чрезвычайно актуальна последовательная непримиримая и принципиальная борьба за чистоту и развитие материалистической диалектики против ее извращений различными разновидностями псевдодиалектики и метафизики. Поскольку самой широко распространенной их формой является софистика, по линии которой происходят различного рода извращения и искажения учения Маркса вообще, материалистической диалектики — в частности, то диалог материалистической диалектики в данной книге ведется именно с софистикой.

Диалектика. Что есть диалектика? Известно, что имеется объективная диалектика, которая царит в природе, в объективных процессах развития общества, и субъективная диалектика, диалектическое мышление. В данной работе под диалектикой мы понимаем так называемую субъективную диалектику, предметом которой является мышление. Но такая диалектика есть логика, теория познания марксизма. Вот почему В. И. Ленин подчеркивал, что у Маркса «...в «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же]...»¹, что «диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимание Плеханов, не говоря уже о других марксистах»².

Софистика. Вы хотите сказать, что слова диалектика, материализм, логика, теория познания, методология и т. д. в марксизме синонимы и выражают одно и то же содержание?

Диалектика. Все это в марксистской философии формы выражения одного и того же содержания и имеют один и тот же предмет.

Софистика. Позвольте, а как быть с «философскими науками», ведь есть же такие науки.

Диалектика. Во-первых, Вы можете указать — по какому критерию делятся науки на «философские» и «нефилософские»? Нет, не можете! Не можете по той простой причине, что нет такого

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

² Там же, с. 321.

критерия. Во-вторых, «философские науки» появляются тотчас же, как только не реализуется марксистско-ленинский принцип совпадения диалектики, логики, теории познания в марксизме, то есть когда диалектику сводят к «сумме примеров» или к принципам частных наук, что означает ликвидацию ее собственно философской специфики.

Софистика. А что плохого, когда, скажем, этику, эстетику, научный атеизм и т. д. называем «философскими»?

Диалектика. Во-первых, как сказано, нет объективного критерия деления наук на «философские» и «нефилософские». Никто, например, не скажет, почему марксистская этика — философская наука, а марксистская политэкономию, на материале которой Маркс разработал свою философию, не философская! Во-вторых, существующее положение наносит большой вред как этим частным наукам, так и философии. Известно, что всякая частная наука имеет две стадии исследования — эмпирическую и теоретическую. Однако называясь «философской» или существуя в философии, такая частная наука не ведет серьезного научного исследования. Прикрываясь названием «философская», скажем, такая частная наука, как этика, как бы получает возможность не иметь этих двух стадий исследования, что делает ее неполноценной. В таком случае все «исследование» сводится либо к примерам с общими фразами, либо к общим фразам с примерами, либо к тому и другому одновременно. Подвергается нивелировке специфика философии, она сводится к сумме примеров или подменяется принципами других наук, то есть на деле не реализуется принцип совпадения диалектики, логики, теории познания. Поэтому чрезвычайно важно и необходимо «разгрузить» нашу философию от частных наук, четко определить их предмет, их место и роль в научном познании и их самостоятельное существование и развитие.

Софистика. Допустим, Вы правы. Но должны же быть разные направления в исследовании самого диалектического материализма. Ведь последний не есть раз навсегда данная бесформенная и бесструктурная догма!

Диалектика. Диалектический материализм, как и любая наука или любое явление, имеет свою структуру, свою форму и содержание, следовательно, свои направления научного исследования. Однако следует подчеркнуть со всей решительностью, что каковы бы ни были эти направления и сколько бы их ни было, они должны быть нацелены на исследование принципов собственно диалектики как логики, теории познания. В противном случае открывается возможность ликвидации собственно философской специфики диалектического материализма.

Софистика. По Вашему мнению, в диалектическом материа-

лизме не должно быть и такого направления, как «философские проблемы естествознания»? Как же можно выступать против такого направления в наш век, в век научно-технической революции? Не означает ли это, что Вы выступаете против союза диалектического материализма и естествознания?

Диалектика. Нет, конечно! Мы за действительный союз, который возможен лишь тогда, когда есть определенность и специфика предмета каждой стороны, вступающей в союз. Что касается предмета каждой частной науки, то он определен и ни у кого сомнения не вызывает. В наш век, когда все более и более интеграция научного познания преобладает над его дифференциацией, и чем дальше, тем в большей степени частные науки будут объединять свои усилия для теоретического воспроизведения предмета как целого. Современный научно-технический прогресс характеризуется, кроме всего прочего, и комплексным исследованием. При этом нельзя забывать, что «стыкующиеся» частные науки будут иметь (всегда) обе стадии научного исследования — эмпирическую и теоретическую. Однако этого нельзя сказать об объединении усилий нашей философии и любой другой частной науки.

Софистика. Спорить нужно не о словах или названии, а по существу!

Диалектика. Верно, спорить надо по существу. А в сущности мы должны твердо заявить: «философские проблемы» частной науки вовсе не научные проблемы.

Софистика. Вы отрицаете самый факт наличия таких проблем?

Диалектика. Написано множество книг, брошюр, статей по этому направлению, однако в них не исследуется научная проблема. Например, в книгах на тему «философские проблемы физики» Вы не найдете ни проблем физики, ни проблем философии. Как правило, в них из литературы по физике приводятся уже известные примеры, а из литературы по философии — известные общие положения, на которых «доказывают» истинность диалектики или верность этих примеров. О таких философах прежде всего говорилось в Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС: «Философы частенько предпочитают доказывать доказанное, вместо того, чтобы осмысливать новые явления жизни»³. Иными словами, сей философ диалектику сводит к сумме примеров из физики, тусклым «светом» освещает путь, уже пройденный физикой, в чем физика абсолютно не нуждается. А ведь задача нашей философии состоит как раз в обратном — освещать дорогу для продвижения физики вперед на основе изучения пройденного пути.

³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 78.

Софистика. Выходит, что «философские проблемы» частных наук — ложное направление, и все, что сделано до сих пор в этом направлении, — напрасная трата времени и средств?

Диалектика. Нет, это не так. Вы смешиваете два разных вопроса. Что это направление ложное в сущности, Вы сами убедились. Но, во-первых, его положительное значение состоит в его отрицательности, подобно тому, как положительное значение алхимии заключалось в ее отрицательности, поскольку рано или поздно она неизбежно должна была породить из себя научную химию; во-вторых, пропаганда философских знаний в частных науках и частично-научных знаний в философии имеет важное значение. Но, повторяем, здесь нет научных проблем.

Софистика. Тогда как же понять союз диалектического материализма с частными науками?

Диалектика. Это другое дело. В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин подчеркивал, что «ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании», естествоиспытатели найдут не в самом естествознании как таковом, а «в материалистически истолкованной диалектике Гегеля». И чтобы помочь им в этом, философы должны, «опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля... разрабатывать эту диалектику со всех сторон»⁴, путем обобщения всей истории познания и общественной практики.

Из приведенных слов видно, что В. И. Ленин под «философскими проблемами естествознания» понимал не какую-то отдельную науку или особое научное направление, а проблемы самой философии — те философские вопросы, которые возникают в ходе развития естественных наук и которые должны разрешаться не самими науками, а философией. Это, конечно, несколько не «подрывает» союза последней с частными (в том числе и естественными) науками.

Одной из важнейших особенностей диалектического материализма является его творческий, равноправный союз с частными науками. Разумеется, прошлая философия также была связана с частными науками, однако эта связь была внешней, неразвитой, неравноправной. Так, например, Гегель считал, что философия — это высшая наука, наука наук, поскольку ее предметом является царство чистых мыслей в отрыве от материи. Он так и писал: «сознание самого мышления и его форм, изолированных от материи, есть философия».

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 30, 31.

Диалектический материализм не нуждается в особой философии, стоящей над другими науками. Он развивается на основе диалектико-материалистических обобщений, достижений всех наук — как естественных, так и общественных, истории научной мысли и техники. В свою очередь частные науки невозможны без философии, и здесь Гегель совершенно прав, когда пишет, что частные науки есть прикладная логика. Но прикладная логика невозможна без Логики (с большой буквы). Любая частная наука есть не что иное, как сложный процесс диалектического отражения, процесс производства научных мыслей с помощью арсенала логических средств, приемов, форм, понятий и т. д. Исследователь в любой части познания оперирует категориями, понятиями, логическими средствами, а исследование последних — это область, сфера логики. Естествоиспытатель, да и вообще любой ученый должен мыслить, а мыслить он может категориями, понятиями, законами. И если он сознательно, как говорил Энгельс, отказывается от хорошей философии, то неизбежно, бессознательно, стихийно приходит к скверной философии.

Что частные науки невозможны без философии — это старая истина. О необходимости философии как теории познания для науки и об эвристическом значении хорошо сказал Эйнштейн: теория познания без контакта с наукой становится пустой схемой. Наука без теории познания, поскольку она вообще мыслима без нее, примитивна и беспорядочна. «Философские обобщения должны основываться на научных результатах. Однако раз возникнув и получив широкое распространение, они очень часто влияют на дальнейшее развитие научной мысли, указывая одну из многих возможных линий развития»⁵. Хорошая философия необходима каждому серьезному ученому еще и потому, что деятельность отдельных исследователей неизбежно стягивается ко все более ограниченному участку всеобщего знания, а эта специализация «приводит к тому, что единое общее понимание всей науки (которое может дать только философия. — А. М.), без чего истинная глубина исследовательского духа обязательно уменьшается, все с большим трудом поспевает за развитием науки. Создается ситуация, которая... угрожает отнять у исследователя широкую перспективу, принижая его до уровня ремесленника»⁶. Все дело в том, какой философией руководствуется представитель частной науки.

Софистика. А ведь логикой современного научного познания является формальная логика. Следовательно, именно она — союзник частных наук.

⁵ Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1965, с. 48.

⁶ Там же, с. 111.

Диалектика. Это возможно было до возникновения диалектического материализма. Ныне логикой действительной, а не мнимой — научного познания является диалектический материализм. Поэтому он и является естественным законным союзником частных наук. В. И. Ленин писал, что «без солидного философского обоснования... никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествоиспытатель должен быть... диалектическим материалистом»⁷ Следовательно, представители частных наук должны знать марксистскую философию и сознательно руководствоваться ею, а философы должны не в меньшей мере знать основное содержание частных наук, овладеть их достижениями. Это внутреннее единство диалектического материализма и частных наук есть корень, жизненность, решающее условие развития и диалектического материализма, и частных наук. А это значит, что частной науке не соответствует грубая, примитивная, топорная диалектика, сведенная к «сумме примеров», к системе тривиальных утверждений, диалектика, обобщающая только отдельные успехи и достижения науки и практики, но науке соответствует диалектика, разрабатываемая как логика, как теория познания, являющаяся итогом, квинтэссенцией всей истории развития науки и общественной практики в целом, их успехов и промахов, их достижений и недостатков.

Диалектический материализм не имеет непосредственного дела с материальными объектами, поскольку с ними имеют дело частные науки, и нет таких материальных объектов, которые были бы «свободны», будучи не заняты частными науками, которые могли бы стать предметом нашей философии. И если бы нашелся такой объект, то она должна была бы иметь экспериментальную базу, эмпирическую стадию исследования и т. д., то есть стать частной наукой, утратив свою философскую специфику, между тем эволюция научного познания достигла такого состояния, когда между философией и ее материальным источником возникли промежуточные звенья — частные науки, делающие их связь опосредованной. Эту мысль выразил еще Энгельс в следующей форме: «Идеологии еще более высокого порядка, то есть еще более удаляющиеся от материальной экономической основы, принимают форму философии и религии. Здесь связь представлений с их материальными условиями существования все более запутывается,

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 29—30.

все более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существует»⁸.

Какова же специфика марксистской философии, каков ее предмет? Принятое в учебниках по марксистской философии определение, что она наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления — является верным *лишь в конечном счете*, при учете следующих соображений: во-первых, эти наиболее общие законы развития, то есть объективная диалектика является предметом всех наук, а не какой-либо одной науки. Утверждать, что объективная диалектика является предметом только марксистской философии и видеть в этом ее специфику, значит лишить все другие науки их предмета, а марксистскую философию — ее специфики. Но если частные науки тоже «причастны» к этим законам, тогда остается неясным — в чем специфика марксистской философии, чем она отличается от них.

Возьмем, к примеру, закон перехода количества в качество. Разве этот закон изучает только марксистская философия? Отнюдь нет! Еще Энгельс назвал химию наукой «о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменений количественных». Точно так же этот закон является предметом изучения всех других наук. Но каждая наука изучает этот закон в пределах своего предмета, при этом сохраняя свою относительную самостоятельность. Но если этот закон (а также другие законы диалектики) изучается и марксистской философией и всеми частными науками, то есть всем процессом познания, то в чем специфика ее, ее относительная самостоятельность? В том, что она есть Логика, теория познания марксизма.

Софистика. Вы хотите сказать, что предметом марксистской философии является мышление?

Диалектика. Да! Ни одна частная наука не является наукой о мышлении. Только диалектический материализм является наукой о мышлении.

Софистика. А формальная логика? Разве она не является наукой о мышлении?

Диалектика. Так считалось со времени Аристотеля. Но Гегель показал и доказал, что формальная логика не есть наука о мышлении, что таковой является диалектика.

Софистика. Но ведь Гегель идеалист.

Диалектика. Именно Гегель впервые дал научное исследование мышления, хотя и на идеалистической основе!

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 312.

Софистика. А как считали классики марксизма?

Диалектика. Они также считали, что формальная логика наука не о мышлении, а о внешних устойчивых формах мышления. Она не может быть наукой о мышлении, поскольку последнее есть диалектически содержательный процесс, с которым она ничего общего не имеет. Об ограниченности и узости формальной логики неоднократно говорили Маркс, Энгельс, Ленин.

Софистика. А где классики марксизма говорят, что предметом диалектического материализма является мышление?

Диалектика. Пожалуйста! Приведем хотя бы некоторые высказывания классиков марксизма по данному вопросу. «Лишь когда естествознание и историческая наука впитают в себя диалектику, — писал Ф. Энгельс, — лишь тогда весь философский скарб — за исключением чистого учения о мышлении — станет излишним, исчезнет в положительной науке»⁹. Далее: «Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах...»¹⁰. Еще: «За философией, изгнанной из природы и из истории, остается, таким образом, еще только царство чистой мысли...»¹¹. «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹².

Эти высказывания Энгельса и Ленина ясно и определенно указывают на то, что предметом диалектического материализма является мышление. Но, к сожалению, есть еще авторы, которые не признают мышление предметом нашей философии и осторожно обходят приведенные выше положения Энгельса и Ленина. Почему? Потому что они не согласуются с их мнением. Но когда же вынуждены приводить их, то приспособливают к своим потребностям. Рассуждают примерно так: положение «не надо 3-х слов, это одно и то же» означает «тождество», а тождество в диалектике заключает в себе различие, следовательно, диалектика, логика, теория познания не одно и то же, а разные науки.

Софистика. Не является ли шагом назад к идеализму признание мышления предметом марксистской философии? А ведь мышление было и является предметом всякого идеализма!

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 525.

¹⁰ Там же, с. 25.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 316.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 131.

Диалектика. Нет, конечно! Ни признание мышления предметом философии, ни признание материи предметом философии еще не дает никакого решения основного вопроса философии. Такое признание не снимает противоположности материализма и идеализма. И материалист и идеалист могут признать одно и то же (материю или мышление) предметом философии, ни на йоту не приближаясь друг к другу, оставаясь на своих противоположных позициях. Домарксистские материалисты признавали материю предметом философии, но, сводя ее к природе, не увидев общественно-исторической практики, не увидев того, что развитие общества есть естественно-исторический процесс, оказались на позициях идеализма в понимании общественного развития.

Все дело в том, как понимать мышление и материю, материальное и идеальное и т. д. Так, у Гегеля мышление есть демиург, творящий всю действительность, а у Маркса идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Как показал В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» на примере ошибки Плеханова относительно понятия «опыт», признание «опыта» предметом исследования или средством познания еще не снимает вопроса о противоположности идеализма и материализма, ибо «под словом «опыт», несомненно, может скрываться и материалистическая и идеалистическая линия в философии... но ни определение опыта, как предмета исследования, ни определение его, как средства познания, ничего еще не решает в этом отношении»¹³. Дело в том, как понимать опыт, какое содержание вкладывать в это.

В этой связи следует подчеркнуть, что если в идеализме мышление рассматривается как первичное самостоятельное царство, а материя вторичное, то в диалектическом материализме источником мышления, мысленно-всеобщего, то есть всеобщего в логике, является общественно-историческая практика человека. Всеобщий универсальный характер отражательной деятельности человека определяется универсальным характером его практической деятельности. Всеобщие формы практической деятельности человека и обуславливают всеобщие формы познания. Логика, логическая деятельность и есть логически освоенная общественно-историческая практика. Такое понимание всеобщего является предметом диалектики как Логики и теории познания.

В домарксистской философии учение о бытии (онтология), теория познания (гносеология), наука о формах и законах мышления (логика) и учение о методе (методология) были отдельными,

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 156.

изолированными друг от друга областями знания, не имевшими между собой ничего или почти ничего общего. Это объяснялось тем, что материальный объект и мышление противопоставлялись друг другу за пределами практической человеческой деятельности. Только последовательное проведение материалистического принципа отражения и открытие материалистического понимания истории позволили обнаружить, что законы диалектики общи бытию (природе и обществу) и мышлению, что субъективная диалектика, диалектика как наука является аналогом и вместе с тем методом объяснения происходящих в материальном мире диалектических процессов, то есть объективной диалектики. Поэтому наука о законах развития объективной действительности является наукой о процессе и методе ее познания, о формах и законах мышления, с помощью которых обобщаются и закрепляются в сознании миллиарды раз повторяющиеся отношения материальной практики. Таким образом, диалектика, материализм, логика, теория познания в марксизме одно и то же. Диалектика есть учение об объективной диалектике, являющаяся в то же время логикой мышления.

Диалектический материализм есть третья, высшая историческая форма материализма и диалектики, которая стала возможной прежде всего на основе материалистического понимания истории, благодаря открытию решающей роли общественно-исторической практики в познании и преобразовании действительности. Важнейшим принципом марксистской философии является материалистическое понимание истории. Это гениальное открытие является величайшим завоеванием научной мысли, глубочайшим переворотом во взглядах на общество. Именно это открытие позволило понять, что диалектика сознания определяется диалектикой материальной практической деятельности, диалектикой объективного мира.

Без материалистического понимания истории, происхождения и сущности сознания, его роли в общественных отношениях невозможно было понять и его диалектику. А без понимания диалектики сознания невозможно было бы понять и выразить диалектику объективного мира. Итак, последовательное проведение материалистического понимания природы, общества, сознания привело к созданию диалектического материализма.

Диалектический материализм является высшим синтезом всех философских учений на основе новых достижений науки и практики. Как известно, в прошлой философии ее различные стороны — материализм, диалектика, онтология, гносеология, логика, методология и т. д. существовали изолированно друг от друга как более или менее самостоятельные науки. В марксистской философии все

эти стороны *переплавлены, слиты воедино и составляют новое, высшее состояние философского мышления*. В ней нет этих сторон. Она представляет из себя такой синтез, где каждый его принцип имеет *одновременно* все значения всех этих сторон — материалистическое, диалектическое, гносеологическое, методологическое и т. д.

Диалектический материализм не есть механическая сумма каких-то отдельных частей, элементов, сторон и т. д., а есть органическое целое — новое, высшее качественное состояние, принципиально отличающееся от всей прежней философии.

Философия марксизма есть *диалектический материализм*. Это необходимо специально выделить и рассмотреть как особую черту, дабы подчеркнуть правильный исторический взгляд на него. Диалектика достигает своего высшего совершенствования и развития только в материализме, совпадая полностью с ним, а материализм достигает своего высшего развития в диалектике, также полностью совпадая с ней. Последовательный материализм — это и есть последовательная диалектика, и наоборот. Диалектика, став материалистической, обнаружив свою основу в объективной действительности, была поставлена с головы на ноги.

Давайте лучше посмотрим, что произошло, как получилось, что исторический материализм превратили во вторую часть марксистской философии, к тому же — в самостоятельную науку!

Софистика. Выходит, исторический материализм не является наукой? Не выйдет ли Ваше утверждение недооценкой исторического материализма?

Диалектика. Нет, конечно! Исторический материализм, или, что то же самое, материалистическое понимание истории, является исходным принципом марксизма, краеугольным камнем всего его здания. Это великое открытие в истории познания. Поэтому никакой недооценки нет! Но тот или иной принцип науки, как бы он ни был велик и значителен, не есть самостоятельная наука. И если каждый принцип, закон, категорию науки превратить в самостоятельную науку, то в каждой науке мы имели бы множество наук, то есть не было бы самой науки. Это, во-первых! Во-вторых, почему только один из многих принципов диалектического материализма должно превратить в самостоятельную науку?

Софистика. А разве в истории науки не было случая, чтобы тот или иной принцип или закон науки в дальнейшем развернулся и превратился в самостоятельную науку? Ведь если не все принципы науки, то один из них может же превратиться в самостоятельную науку.

Диалектика. Не исключено, может. Но это в том случае, если

появляется новый, качественно определенный предмет исследования, не охваченный наукой.

Софистика. Но разве исторический материализм не имеет своего предмета? В «Программе курса марксистско-ленинской философии» и соответствующих учебниках есть тема «Исторический материализм как наука».

Диалектика. Предмет исторического материализма, как он определен в «Программе» и соответствующих учебниках, не имеет ни своей относительно самостоятельности, ни своей специфики. Это искусственно выхваченные из разных частей марксизма и других наук и столь же искусственно соединенные между собой «куски», которые просто повторяют другие дисциплины. Так, например, вопросы темы «Природа и общество» должны рассматриваться по теме «Материя», ибо в марксистском понимании, а не в метафизически-материалистическом понимании материя и есть природа и общество. Третья тема посвящена материальному производству. Но, во-первых, оно есть материя, высшее состояние материи; во-вторых, есть специальная марксистская наука *политэкономия*, предметом которой как раз и являются способы производства. Спрашивается, есть ли необходимость в-таком параллелизме? Темы «Классы и классовая борьба», «Политическая организация общества», «Социальная революция», «Роль народных масс и личности в истории», «Личность и общество» изучаются и должны изучаться научным коммунизмом, юридическими науками, историей партии, социологией и т. д. Тема «Общественное сознание и его структура» должна изучаться по теме «Сознание», а тема «Формы общественного сознания» — соответствующими частными науками: этикой, эстетикой, научным атеизмом и т. д.

Таким образом, если устранить повторы, то на долю «предмета» исторического материализма ничего не остается. И если ко всему этому добавить, что исторический материализм, отделившись от диалектического материализма, выражает лишь один принцип — материалистическое понимание истории без указания на диалектику, то становится очевидной научная несостоятельность вычленения исторического материализма из диалектического и превращения его в самостоятельную науку.

Софистика. Но разве об историческом материализме не говорили неоднократно классики марксизма? Возьмите хотя бы VI главу труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», озаглавленную «Эмпириокритицизм и исторический материализм»!

Диалектика. Как могли они не говорить о своем великом открытии! Но они никогда не делили свою философию на две части, а называли ее диалектическим материализмом. Вот одно из многочисленных высказываний по этому вопросу из того же произве-

дения В. И. Ленина: «Признает ли референт, что философия марксизма есть *диалектический материализм*? Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом? Если да, то зачем называют махисты свой «пересмотр» диалектического материализма «философией марксизма»? ¹⁴.

«Все эти лица не могут не знать, что Маркс и Энгельс десяти раз называли свои философские взгляды диалектическим материализмом» ¹⁵.

Софистика. Допустим, классики марксизма не делили свою философию на две самостоятельные науки. Но ведь Вы сами сказали, что марксистская философия — творческая наука. Значит, надо развивать ее. А разве превращение исторического материализма в самостоятельную науку не есть ее развитие?

Диалектика. Это не развитие нашей философии, а, мягко говоря, ее обеднение. Внешне это кажется развитием. Весьма привлекательно, заманчиво превратить этот великий принцип в самостоятельную науку. Но в том-то суть софистики, что она исходит из этой внешности, не интересуясь сущностью. А в сущности расширительное толкование исторического материализма не идет ему на пользу, а вредит.

Софистика. А как быть с принципом рассмотрения в чистом виде? Можно же рассматривать исторический материализм в чистом виде, как самостоятельный момент?

Диалектика. Безусловно, любой принцип науки, а тем более великий должен быть рассмотрен в чистом виде, как самостоятельный момент. Но это не дает основания для его превращения в самостоятельную науку.

Софистика. Вы практически уничтожаете исторический материализм. А ведь он кроме всего прочего является методологией общественных наук.

Диалектика. Ни одно открытие в науке, тем более великое, не может быть уничтожено. Даже тогда, когда инквизиция сожгла на костре носителя научного открытия, все равно оно пробило себе дорогу. Что же касается методологии общественных наук, то можно сказать следующее. Действительно, у нас утвердилось следующее положение: одна философия (диалектический материализм) обращена к природе и объявляется методологией естественных наук, другая философия (исторический материализм) обращена к обществу и объявляется методологией общественных наук. Такое «разделение труда» этих двух «философий» является логическим завершением того раскола, о чем речь шла выше. Между тем

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 5.

¹⁵ Там же, с. 9.

в марксизме нет двух философий и двух методологий наук, а есть одна философия и одна методология для всех без исключения наук — и естественных, и общественных — диалектический материализм. Какую методологию применял Маркс в исследовании такой науки, как политическая экономия? Материалистическую диалектику как логику и теорию познания!

Софистика. Вы сказали, что вычленение исторического материализма из диалектического есть обеднение, а не развитие марксистской философии. Можете это аргументировать?

Диалектика. Пожалуйста! Достаточно применить принцип историзма, посмотреть, как возник исторический материализм. Как Вам хорошо известно, до возникновения марксизма не было материалистического понимания общества, истории. Но был старый домарксистский материализм, который был непоследователен. Он был материализмом «внизу» — в понимании природы, но идеализмом «вверху» — в понимании общества. Этот недостаток был устранен Марксом — открытием материализма «вверху» — в понимании истории, общества. Выше уже говорилось, что открытие исторического материализма и было превращением домарксистского материализма в марксистский, который является исходным принципом, ядром диалектического материализма. Под видом развития из диалектического материализма вычленяют это открытие. Нетрудно понять, что получается — лишение диалектического материализма этого своего исходного принципа, своей сути, своего ядра, его выхолащивание. Это и есть обеднение марксистской философии.

Чтобы это было более понятно, укажем на следующее. Как известно, по свидетельству Энгельса, Марксу принадлежат два великих открытия: материалистическое понимание истории и научная теория прибавочной стоимости. Первое открытие, как исторически, так и логически, составляет основу, сущность диалектического материализма, второе — марксистской политэкономии капитализма. Однако материалистическое понимание истории вычленяется из диалектического материализма в самостоятельную науку, а вот марксистская теория прибавочной стоимости не вычленяется из политической экономии Маркса: никто, по крайней мере, не говорит о существовании двух учебных дисциплин — марксистской политической экономии и марксистской науки прибавочной стоимости. И это верно. Ибо нет марксистской политэкономии без ее сущности — марксистской теории прибавочной стоимости. Точно так же нет диалектического материализма без его сущности — исторического материализма.

Софистика. Но ведь можно исторический материализм не вы-

членять из диалектического, а изучать его как самостоятельную науку.

Диалектика. Как можно изучать нечто, не вычленив из всего прочего это нечто!

Софистика. А ведь кроме всего прочего исторический материализм есть, как сказано в той же «Программе», «общесоциологическая теория марксизма».

Диалектика. Всеобщей методологией всех наук является диалектический материализм. Вместе с тем необходимо отличать материалистическое понимание истории как важнейший принцип материалистической диалектики от марксистской социологии, являющейся, разумеется, самостоятельной наукой, которая должна руководствоваться общей методологией всех частных наук — диалектическим материализмом. Только единство и взаимопроникновение всех принципов делает марксистскую философию диалектическим материализмом. Без этого она превратилась бы в механический агрегат частей, правил, предписаний. Марксистская философия есть единое цельное и неразделимое — и в структурном отношении, и в функциональном, и по форме, и по содержанию. Как писал В. И. Ленин, «в этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи!»¹⁶.

Софистика. Исторический материализм есть самостоятельная наука потому, что он является распространением положений диалектического материализма на общество.

Диалектика. Это неверно как исторически, так и логически. Исторически неверно потому, что Маркс «углубил, развил и довел до конца», «достроил доверху» не диалектический материализм, а домарксистский материализм, который был создан до него. Авторы и сторонники этого заблуждения, конечно, не могли не знать о существовании ясных и четких высказываний об этом классиков марксизма, в особенности В. И. Ленина: «Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса»¹⁷. Следовательно, Маркс на общество распространил не положения диалектического материализма, а существовавшее до Маркса материалистическое понимание природы. До возникновения исторического материализма не было диалек-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 346.

¹⁷ Там же, т. 23, с. 44; см. также т. 17, с. 41, т. 18, с. 356, т. 26, с. 57.

тического материализма. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Тезисах о Фейербахе» и «Немецкой идеологии» впервые открывают исторический материализм, который является исходным принципом всего марксизма, всех его трех частей, в том числе его философии. А открытие материалистического понимания истории и создание диалектического материализма, как сказано, — одновременный процесс, точнее, это один и тот же процесс. Вышеприведенное определение исторического материализма несостоятельно также логически, ибо, если диалектический материализм есть наука, как утверждают, о предельно общих законах развития природы, общества и мышления, то подобное определение тавтологично.

Итак, исторический материализм, философский материализм, диалектика, логика, теория познания, методология, мировоззрение, марксистская философия — в марксизме не разные науки, а все это одно и то же, одна наука — диалектический материализм, или материалистическая диалектика.

А теперь посмотрим, что есть софистика.

Софистика. Это известно. В литературе имеются следующие дефиниции. «Софистика — рассуждение, основанное на софизмах». Софизм же «формально кажущееся правильным, но ложное по существу умозаключение; основанное на преднамеренно неправильном подборе исходных положений»¹⁸. «Софистика — преднамеренное применение ложных, обманчивых доводов, софизмов; словесные ухищрения, вводящие в заблуждение»¹⁹. «Софистика — совокупность многообразных видов аргументаций, основанных на субъективистском использовании правил логического вывода ради сохранения и утверждения наличных положений и теорий, которые по тем или иным причинам, независимо от фактического положения дел, признаются истинами, не подлежащими критике, пересмотру»²⁰ и т. д. в этом роде. В этих дефинициях подчеркивается мысль, что софистика есть преднамеренное заблуждение. Выходит, человек вступает в жизнь для того, чтобы преднамеренно заблуждаться. Ведь это вульгаризация.

Диалектика. Это вульгаризация, с которой мы ничего общего не имеем. Вместе с тем такая разновидность софистики действительно есть. Достаточно напомнить злопыхательства буржуазной пропаганды против социализма, чтобы убедиться в этом. Империализм не жалеет никаких средств для раздувания этой злопыхательской разновидности софистики. Радиостанции «Свобода», «Свободная Европа» и другие «голоса», которые денно и ночью

¹⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953, с. 594—595.

¹⁹ Щерба Л. В. Словарь иностранных слов. М., 1964, с. 605.

²⁰ Философская энциклопедия. М., 1970, с. 59—60.

вещают, без устали изощряются в клевете на социализм — клеветуют со злым умыслом, преднамеренно, лучше сказать, злонамеренно. Как говорилось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, «классовый враг открыто заявляет о намерении ликвидировать социалистический строй... И одно из главных средств достижения своей цели империализм видит в «психологической войне». Она ведется Западом на самой высокой... истерической антисоветской, антикоммунистической ноте. Противник пустился на сущий разбой в эфире. Мы имеем дело с попытками организовать против нас настоящую информационно-пропагандистскую интервенцию, превратить радио- и телевизионные каналы в орудие вмешательства во внутренние дела государств и проведения подрывных акций»²¹.

Софистика. Но ведь человек может заблуждаться чистосердечно, без злого умысла.

Диалектика. «Чистосердечное» заблуждение имеет место. Так, например, в годы первой мировой войны одна из видных революционерок Роза Люксембург чистосердечно заблуждалась в вопросах войны. Она софистически доказывала, что, поскольку в эпоху империализма национальная война может превратиться в империалистическую, то национальные войны в эту эпоху невозможны. В. И. Ленин в работе «О брошюре Юниуса» разъяснял ей ее софизмы. То же самое можно сказать о чистосердечных заблуждениях Инессы Арманд в вопросах морали в первые годы советской власти и т. д., следовательно, софистику нельзя сводить к той или иной ее разновидности.

Между тем приведенные выше дефиниции имеют дело с одной лишь разновидностью софистики и не охватывают ее полностью. Более того, часто ограничивая софистику одной ее разновидностью, ссылаются на то или иное высказывание В. И. Ленина, не приводя других его высказываний о предмете. Чаше всего приводят его высказывание об универсальной гибкости понятий, что «эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»²². Это, — конечно, верно! Однако это одна из разновидностей софистики. Можно привести другие высказывания В. И. Ленина о других разновидностях софистики. Например, «NB: отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объек-

²¹ Материалы Пленума Центрального Комитета ЦК КПСС. 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 52.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 99.

тивной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *в* релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»²³. Софизмом является и подмена тезиса во время спора и т. д. Поэтому совершенно неправильно указание на одну из разновидностей софистики выдавать за все ее разновидности. Такой прием сам является софистическим.

Под софистикой мы понимаем такое антинаучное направление в познании, которое сущность подменяет внешним сходством, внешним правдоподобием, причем внешнее, кажущееся правдоподобие прикрывает внутреннее заблуждение. Последнее рядится в тогу внешней истинности, скрывается за этой внешностью. Поэтому для содержания софистики главным, характерным является то, что внешняя кажущаяся истинность, внешнее правдоподобие, сходство заслоняет, скрывает внутреннее заблуждение. Эта внешность весьма обманчива, опасна и коварна. Делается ли это со злым умыслом, преднамеренно или нет — для содержания софистики не имеет значения.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСХОДНАЯ АБСТРАКЦИЯ

Диалектика. Всякое начало трудно! С чего начать научное исследование? Это вопрос не из легких.

Софистика. Какое значение имеет начало? Каждый исследователь вправе начинать с чего хочет, тем более, что способ исследования не может не отличаться от способа изложения.

Диалектика. Не нужно смешивать разные вопросы. Верно, что способ исследования с формальной стороны может отличаться от способа изложения. Но, во-первых, именно только с формальной стороны, в то время как по содержанию оба способа совпадают, поскольку оба они должны выражать восхождение начала, исходной абстракции; во-вторых, у нас речь идет об исходной абстракции, само исследование должно быть восхождением этой исходной абстракции. А это значит, что успех научного исследования в решающей степени обусловлен исследованием вычлененной и строго зафиксированной исходной абстракции.

Софистика. Разве существуют какие-либо критерии, характеризующие исходную абстракцию в научном исследовании?

Диалектика. Безусловно! Впервые этот вопрос специально исследовал Гегель. Так, первая его книга «Наука логики» «учение о бытии» предпослана специальным параграфом «С чего следует начинать науку?», где он довольно обстоятельно излагает свое понимание вопроса. Его точка зрения состоит в следующем: начало должно быть абсолютным, абстрактным началом; оно, таким образом, ничего не должно предполагать, ничем не должно быть опосредовано, не должно также иметь никакого основания; оно, наоборот, само должно быть непосредственным основанием всей науки. Эта простая непосредственность как логическое начало есть, по Гегелю, «чистое бытие». Дальнейшее движение вперед от этого начала должно быть в то же время возвращением назад в это осно-

вание. Существенным для науки является не столько то, что началом служит нечто непосредственное, а то, что все ее целое есть в самом себе круговорот, в котором первое становится также и последним, а последнее также и первым. Вместе с тем это начало противоречиво: оно есть единство бытия и ничто. И то, что начинается, уже *есть*, но в такой же мере также его еще *нет*.

Софистика. Но ведь Гегель идеалист!

Диалектика. Гегель идеалист, но именно этот идеалист впервые разработал диалектику как логику и теорию познания, хотя и в мистической оболочке. Вот почему умный идеалист ближе к диалектическому материализму, чем несумный материалист. Так вот, у этого идеалиста много ценного, истинного, верного, жизнеспособного, скрытого под мистической оболочкой. Задача состояла в том, чтобы мистику отсечь, а диалектику сохранить, спасти и развить дальше, что и было сделано Марксом. Он материалистически переосмыслил ценные мысли Гегеля по проблеме, развил их дальше и применил их в «Капитале». Логическое богатство «Капитала» Маркса, «Философских тетрадей» В. И. Ленина дает полное основание вычленить по меньшей мере следующие критерии исходной абстракции.

1. Она должна выражать сущность предмета в неразвитом виде, основу, на которой развиваются все остальные категории;
2. Она должна быть предельной и непосредственной абстракцией, «клеточкой»;
3. Она должна быть простой и массовой;
4. Она должна быть всеобщей, пронизывающей все стороны предмета исследования;
5. Она должна выражать специфику предмета исследования;
6. Она должна содержать в себе в неразвитом виде все противоречия предмета;
7. Она должна в общем и целом совпадать с тем, что было исторически первым в реальном развитии предмета.

Софистика. Путь познания, как известно, есть восхождение от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. Этот путь должен же совпадать со способом научного исследования. Следовательно, этот способ должен выражать путь от чувственно-конкретного к абстрактному, а не от абстрактного к конкретному!

Диалектика. Так как метод восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному в познании означает не что иное, как образование множества общих абстрактных определений, то он по своему характеру не может дать знания конкретного в его полноте, а лишь является предпосылкой познания конкретного. Следовательно, познание не может ограничиться формированием абстрактных определений. Восхождение от чувственно-конкретного

к абстрактному должно заключать в себе свою противоположность — восхождение от *абстрактного к конкретному*.

Софистика. Допустим, это так. Но ведь Вы сами утверждаете, что познание есть восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному мышлению, то есть от конкретного, а не от абстрактного.

Диалектика. Прежде чем ответить на этот «парадокс», надо разобраться, что есть абстрактное, что есть конкретное.

Софистика. Существует логический закон обратного отношения объема и содержания понятия, на основе которого образуются понятия «абстрактное» и «конкретное».

Диалектика. Есть такой закон, но он является формально-логическим. Формальная логика при определении понятия исходит из закона обратного отношения объема и содержания понятия. Она образует более широкие понятия путем исключения признаков, присущих данным группам предметов. Поэтому рост объема при обобщении вызывает обеднение содержания: чем более общее понятие, тем оно беднее содержанием. Но такого определения недостаточно, так как остается в стороне качественная сторона дела, не затрагивается глубина и диалектичность процесса отражения. Конечно, всякое понятие фиксирует общее. Но формальная логика изолирует общее и единичное друг от друга. Согласно ей, единичные признаки — это признаки данного предмета, а общие признаки — это признаки, одинаковые для многих предметов. Поскольку же в понятие она включает лишь общие признаки и не включает особенных и единичных признаков, она не рассматривает общее и единичное как тождество противоположностей, игнорирует их диалектику. Понятие как общее, абстрагируемое от многообразия единичных явлений, как пустое тождество, как сумма общих признаков — такое понятие есть безжизненная мертвая абстракция. Еще Гегель вскрыл узость, ограниченность формально-логического закона обратного отношения объема и содержания понятия. Согласно формальной логике единичное принимается за нечто целостное, богатое своим содержанием и потому есть конкретное. Общее же есть всего лишь тощая абстракция от единичного. Отсюда все многообразис, данное в живом созерцании, безоговорочно объявляется конкретным, а все, что имеет отношение к мышлению — абстрактным. Истинным считается обратное соотношение объема и содержания понятия. Кажется естественным с увеличением объема понятия упускать видовые признаки. Согласно же диалектике, наоборот, всеобщее признается конкретным как в объективной действительности, так и в его отражении в мышлении. Всеобщность есть тотальность (целокупность) понятия. Единичное же — это всего лишь абстрактный момент подлинно всеобщего, лишь одна из форм его проявления. Мышление на-

зывается абстрактным лишь постольку, поскольку оно движется путем абстракций, по своему же содержанию развитое теоретическое мышление конкретно. Но тогда истинным признается лишь прямое соотношение между объемом и содержанием понятия. Увеличение объема понятия одновременно является и обогащением его содержания новыми определениями особенного и единичного.

Как же формальная логика приходит к своему ограниченному выводу? Ясно, что раз содержание понятия рассматривается ею как простой набор общих признаков, то она не может не прийти к выводу об обратной зависимости между объемом и содержанием. Кроме того это достигается путем механического добавления или отбрасывания тех или иных признаков. Вот почему, если принимать точку зрения универсальности закона обратного отношения объема и содержания понятия, мы вынуждены будем признать, что развитие науки, совершающееся посредством обобщения, означает выхолащивание всякого содержания и превращает ее в несодержательную, пустую форму, что не соответствует действительности.

В диалектическом материализме связь между объемом и содержанием понятия вовсе не механическая, а диалектическая, и к тому же не обратная, а прямая.

Главная задача диалектики как логики состоит, как известно, в том, чтобы выразить движение объективных вещей в логике понятий, то есть исследовать развитие понятий, их взаимосвязь и переходы друг в друга. Поэтому с точки зрения диалектической Логике в развитии научного понятия его объем и содержание изменяются не в обратной, а в прямой зависимости.

А все это значит: в диалектическом материализме абстрактное есть тощее, бедное содержанием явление (и знание), а конкретное есть богатое содержанием явление, есть «единство многообразия», в то время как в формальной логике как раз наоборот.

На стадии чувственно-конкретного конкретное выступает как нерасчлененное целое, данное в ощущениях и созерцании, его сущность еще скрыта от нас. Поэтому знание, полученное на этой стадии, является абстрактным, тощим, бедным. Для того чтобы открыть сущность, внутренние связи чувственно-конкретного, оно должно «просвечиваться» научной абстракцией. На этой стадии познание получает все необходимые данные для своего восхождения к следующей стадии — стадии абстрактного мышления. Эта стадия характеризуется логическим членением чувственно-конкретной целостности и образованием научных абстракций, их формированием.

Вычленение сущности есть важнейший этап восхождения. Этот аспект определяется как необходимость рассматривать внутрен-

ную природу исследуемого процесса независимо от всех конкретных форм ее существования, от всего того, что затемняет ее познание. Выделение чистых абстракций составляет главную трудность в исследовании, но в то же время оно играет в нем решающую роль. В таких абстракциях с наибольшей ясностью выражена общая природа всех тех сложных и запутанных процессов, которые являются лишь ее проявлением и модификацией. Поэтому путь познания конкретного один — через чистые абстракции, абстрактные определения к их синтезу, к генетическому и синтетическому воспроизведению конкретного в мышлении. Следовательно, научный метод является не только аналитическим, но и синтетическим, он не только разделяет и открывает сущность, закон, всеобщую основу и т. д., но и синтезирует отдельные, абстрактные определения в одно целое.

Из сказанного видно, что единственно верным способом или методом в научном исследовании является метод восхождения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному, от низшего к высшему, что полностью совпадает с диалектическим путем познания — от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике.

Софистика. Но являются ли признаки исходной абстракции исчерпывающими ее критериями? А ведь научное исследование — более сложный процесс, чем какая-либо схема или эти признаки. К тому же их невозможно механически применять в многочисленных, разнообразных направлениях научного исследования!

Диалектика. Возможно, эти признаки не исчерпывают характеристику исходной абстракции. Но всякое научное исследование (и изложение) должно начинаться с чего-то. Тогда эти критерии обязательны, хотя они вовсе не исключают других. Без этого исследование и изложение будет иметь сумбурный характер.

Софистика. Могли бы привести пример такого «сумбура»?

Диалектика. Сколько угодно! Незнание или неумение применять исходную абстракцию к научному исследованию является «ахиллесовой пятой» многих диссертаций, книг, брошюр и т. д. Этого не могли избежать даже общепринятые учебники по философии и политэкономии. Например, с чего начать изложение политэкономии социализма? Чтобы ответить на этот вопрос, надо его исследовать на научном уровне. Что касается диалектического материализма, то применительно указанных критериев к его изложению исходной абстракцией является абстракция материи в ее высшем, развитом состоянии, то есть абстракция практики.

Софистика. Вы только что перечислили признаки исходной абстракции, в числе которых и такой: она должна выражать сущ-

ность в неразвитом виде, в то же время утверждается, что исходной абстракцией в изложении диалектического материализма является абстракция материи в ее высшем, развитом состоянии. Одно положение исключает другое. Первое положение гласит «в неразвитом виде», а второе — «в развитом».

Диалектика. Нет, не исключает. Вы смешиваете разные вещи. Первое положение гласит о том, что высшее, развитое состояние материи есть практика, а второе — абстракция практики есть исходная в изложении диалектического материализма, которая характеризуется вышеприведенными признаками и которая должна по мере восхождения катиться вперед, как «снежный ком», развертываться, обогащаться, уплотняться, модифицироваться, как стоимость в «Капитале» Маркса.

Маркс исследование и изложение в «Капитале» начинается с «чистого бытия»: сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Это начало есть единство бытия и ничто: оно и есть и одновременно его нет.

Началом изложения диалектического материализма также должно быть простое бытие, сознание того факта, что «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и... каждая данная ступень экономического развития... образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот...»¹.

Софистика. У Энгельса речь идет о материальном производстве, а не о практике.

Диалектика. Верно! У Энгельса материальное производство есть производство и воспроизводство материальных благ. Но это и есть материальная практика. В понимании Энгельса материальная практика совпадает с материальным производством.

Софистика. Абстракция практики была известна и до Маркса. Разве был философ в прошлом, который не говорил бы о практике; не выступал бы от имени практики и т. д.? Даже современный прагматизм есть философия практики. Но если это так, то почему практика является исходной абстракцией именно диалектического материализма?

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 350—351.

Диалектика. О практике говорили философы в прошлом, что прагматизм есть философия практики и т. д. Но дело не в том, что категория практики применялась и применяется сейчас разными философами, а в том — кто как понимает ее. Раз категорию практики применяли и до диалектического материализма, то внешне покажется, что он не должен ее иметь в своем арсенале, поскольку он принципиально отличается от любой другой философии. Но диалектический материализм отличается от любой другой философии не тем, что берет на свое вооружение те же категории, что и другие, а тем, что их понимает диалектико-материалистически, то есть в них вкладывает диалектико-материалистическое содержание. То же нужно сказать о практике, которую понимали и понимают объективно-идеалистически, субъективно-идеалистически, метафизически и т. д.

Поэтому когда мы говорим о практике, то исходим из ее марксистской, диалектико-материалистической интерпретации. Величайшим завоеванием научной мысли является марксистское учение о практике. Впервые Маркс и Энгельс открыли и подчеркнули решающую роль общественно-исторической материальной практики в познании действительности. Суть этого учения состоит в том, что практика — чувственно-предметная деятельность людей является основой, источником, движущей силой, критерием истинности и целью познания. Чувственно-предметная деятельность людей, процесс материального преобразования природных и социальных сил лежит в основе всей истории человечества и познания. Общественная жизнь в сущности своей является практической.

Главный недостаток всей домарксистской философии состоял в том, что ею игнорировалась решающая роль материальной практики в познании. Если объективный идеализм познание рассматривал как самосознание мистической идеи и выводил его из лона этой идеи, а субъективный идеализм познание рассматривал как самопознание абстрактного «я» и выводил его из этого «я», то старый материализм представлял дело таким образом, что будто действительность отражается в голове людей сама по себе, независимо от их практической деятельности. В сущности нет разницы между этими крайностями, поскольку все они отрывали познание от практики, выражая собою в разной форме идеалистическое понимание общественной жизни.

Найдя в практике ключ к материалистическому пониманию истории, классики марксизма тем самым научно обосновали материальное практическое происхождение познания. Только диалектико-материалистическое понимание практики позволило понять, что идеи, мысли, понятия, категории, логические формы, законы и т. д. вытекают не из лона мистической идеи или «я», а из реаль-

ных человеческих отношений, выработаны человечеством в процессе и на основе практической деятельности, в процессе осмысления этой деятельности. «Но что сказал бы старик Гегель, — писал Маркс, — если бы узнал на том свете, что *общее* [*Allgemeine*] означает у германцев и скандинавских народов не что иное, как общинную землю, а *частное* [*Sundre, Besondre*] — не что иное, как выделившуюся из этой общинной земли частную собственность [*Sondereigen*]. Проклятие! Выходит, что логические категории все же прямо вытекают из «наших отношений...»² Люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные отношения, изменяют вместе с тем свое мышление и продукты этого мышления. Мышление, изолирующееся от своего материального источника — практики, есть мистика, схоластика.

Софистика. Вы сказали, что практика есть материальная деятельность людей. А разве их духовная деятельность не есть практика? Разве мы не говорим о научной практике, научном опыте, научном эксперименте, о практике искусства, о житейском опыте, житейской практике, о социально-исторической практике и т. д.?

Диалектика. Нужно исходить из определенного содержания, а не из внешней формы. Это тем более необходимо потому, что одно и то же слово может выражать различные содержания, различные значения. В познании следует четко, строго вычленять определенное содержание, рассматривать его в чистом виде и не смешивать его с другим содержанием, не заниматься казуистикой. Иначе познание невозможно. Что понимает марксизм под практикой — уже Вам известно.

Софистика. Допустим! Но как же, в таком случае, материальная деятельность людей является источником познания, сознания, мышления, в то время как на деле происходит обратное: сознание предшествует во времени материальной деятельности людей и является ее источником. Об этом пишет сам Маркс: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально»³. Сказано совершенно ясно, четко и определено: идеальное предшествует материальной деятельности, то есть существует раньше ее.

Диалектика. Внешнее правдоподобие скрывает внутреннее за-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 45.

³ Там же, т. 23, с. 189.

блуждение. Верно, что любое действие человека, прежде чем быть реализованным, проходит через его голову как цель, план, то есть вначале принимает идеальную форму, а затем реализуется, «опредмечивается», отсюда и возникает та иллюзия, будто сознание вообще существует раньше материальной деятельности людей и порождает ее. Но давайте посмотрим, откуда берется данное определенное сознание. Вы, конечно, согласны с тем, что оно не «обрушивается с неба», не есть порождение «потусторонней силы». Нет, конечно. Оно возникает на реальной почве. Какова же эта почва? Советские люди с великим энтузиазмом претворяют в жизнь пятилетние планы. Последние есть идеальное, цель, то есть сознание. Как же они возникли? Они возникли на реальной основе определенного уровня практики, всей общественной жизни в целом и из потребностей ее дальнейшего развития.

Софистика. По-Вашему, выходит, что раньше существует материальная деятельность людей, а затем возникает их сознание?

Диалектика. Нет, не так! Человеческое общество есть тождество противоположностей — одновременный процесс материальной и духовной деятельности. Потому тут неприменимы термины «раньше», «позже». Но в этом взаимодействии мы подчеркиваем примат, первичность, решающую роль материальной деятельности людей, поскольку общество в сущности есть практическая, материальная деятельность людей.

Софистика. А учение о базисе и надстройке? Ведь базис есть совокупность производственных отношений, над которым возвышается надстройка. Раз это так, то базис существует раньше надстройки.

Диалектика. Во-первых, в марксизме нет учения о базисе и надстройке.

Софистика. Однако ведь сам К. Маркс пишет в «Предисловии» «К критике политической экономии» о базисе и надстройке.

Диалектика. Если Вы ссылаетесь на Маркса, то нужно ссылаться точно, не допуская извращения его мыслей. В «Предисловии» Маркс не пишет, что «базис есть совокупность производственных отношений», а, наоборот, «совокупность производственных отношений составляет... реальный базис». Это не одно и то же. Применение терминов «базис», «надстройка» безгранично и в разных связях они выражают разное содержание. Поэтому классики марксизма их применяли в определенной связи, в такой образной форме выражая определенное содержание. Между тем в «Программе курса марксистско-ленинской философии» имеется тема 15-я, которая называется «Базис и надстройка», до этого есть тема 14-я, которая называется «Материальное производство — основа существования и развития общества». Но «базис» и есть «основа».

Софистика. А почему в одном случае основой общества считают совокупность производственных отношений, а в другом — материальное производство?

Диалектика. Это и подтверждает то, о чем сказано выше: применение этих терминов безгранично. Поскольку Маркс писал труд по политической экономии, а предметом последней является совокупность производственных отношений, то он эту совокупность справедливо называет базисом общества. Но в других связях он под базисом понимает другое содержание: скажем, производительные силы, материальное производство, общественное бытие и т. д. и т. п. Во-вторых, эту образную форму выражения определенного содержания нельзя понимать в том смысле, что «базис» существует раньше «надстройки».

Софистика. Но ведь Маркс там же пишет, что «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»⁴.

Диалектика. Из этих слов Маркса вовсе не следует, что сначала существует базис, а затем надстройка. Маркс этими словами лишь подчеркивает решающую роль экономической основы как источника духовной жизни общества и как решающего условия изменения этой духовной жизни.

Софистика. В таком случае, как понимать положение Энгельса, что «труд создал человека»? Выходит, труд существовал раньше человека!

Диалектика. Вы неверно интерпретируете Энгельса. Он писал, что труд — «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»⁵. Опустив слова «в известном смысле», Вы искажаете суть дела. А ведь не кто иной, как Энгельс писал: «...В истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. Но... это... нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам»⁶. Если труд есть целесообразная специфическая деятельность человека, то абсурдно утверждение, будто труд существует «раньше» человека. Положение Энгельса «в известном смысле» означает решающую роль труда в возникновении и развитии человеческого общества. «Мы делаем нашу историю сами, — писал Энгельс, — но... мы делаем ее при весьма определенных предпо-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

⁵ Там же, т. 20, с. 486.

⁶ Там же, т. 21, с. 306.

сылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими»⁷

Софистика. Позвольте, но ведь в литературе широко и глубоко укоренилось верное положение, что объективный характер экономических законов социализма следует понимать в том смысле, что они существуют независимо от людей. Если это так, то они, как и законы природы, существуют раньше людей.

Диалектика. К сожалению, фатализм в этом вопросе не изжит. В отличие от законов природы, являющихся слепой необходимостью и существующих независимо от людей и до людей, законы общества есть необходимая, существенная, сознательная, целесообразная деятельность людей. Это во-первых. Во-вторых, законы природы прокладывают себе путь без активной предметной деятельности людей, без вмешательства человека, без применения орудий труда, в то время как общественные законы — это деятельность людей с применением орудий труда, изготавливаемых самими людьми. В-третьих, и законы природы, и законы общества несут объективный характер, не зависят от воли и сознания людей, однако законы общества есть целесообразная деятельность людей. Это значит, что если законы природы существуют до людей, без людей, без их творчества, то законы общества не существуют без людей, без их деятельности, а являются их действиями, их творчеством. Люди одновременно и авторы и действующие лица своей собственной истории. Этот тезис Маркса направлен против фатализма, который до сих пор еще не изжит в литературе. Нередко говорят так: люди не могут создавать и уничтожать экономические законы. Эти законы сами по себе возникают в определенных условиях, а в других — «сходят со сцены», исчезают. Получается следующий курьез: народ — творец истории, но не творец своих законов. Народ уничтожил капитализм, но не уничтожил его законов; народ творит социализм, коммунизм, но не творит его законов и т. д. Так законы людей отрываются от людей, превносятся, становятся над ними, обожествляются, гипостазированы. Нет, народ — творец истории и творец своих законов. В обществе кроме людей нет ничего другого. Все есть действие, деятельность людей сообразно со своей людской сущностью.

Софистика. А что значит «сообразно со своей людской сущностью»?

Диалектика. Это значит, что экономические законы несут объективный характер в том смысле, что они не зависят от воли и сознания людей, но не от людей, как пишут, ибо у людей кроме сознания есть материальная деятельность, которая носит объек-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф.: Соч., т. 37, с. 395.

тивный характер. Положения: «не зависят от воли и сознания людей» и «не зависят от людей» — нельзя смешивать.

Софистика. Ваша аргументация неубедительна. Если, как Вы утверждаете, материальное есть источник духовного, то есть его причина, а причина по времени, как широко известно, предшествует следствию, следовательно, материальное предшествует духовному, существует раньше его.

Диалектика. Мнение, что причина и следствие могут существовать друг без друга или связаны между собою внешним образом и каждое из них не является противоположностью своего другого, ничего общего с наукой не имеет, ибо допускается существование причины до следствия или бездействующая причина. Такое представление о причинно-следственной связи наглядно, доступно каждому, но не выражает истину, как и положения о том, что «сущность существует раньше явления», «содержание — раньше формы», «необходимость — раньше случайности» и т. д.

Софистика. Но разве мы не говорим, что сущность порождает явление, содержание — форму и т. д., следовательно, первое существует раньше. Иначе как можно порождать.

Диалектика. Нет, не «следовательно». Но, ввиду того, что этот вопрос является спорным, целесообразно несколько задержаться на нем.

Как показал Маркс в «Капитале», всякий труд одновременно содержит в себе две стороны: с одной стороны, он есть абстрактный человеческий труд и создает стоимость; с другой стороны, он есть конкретный полезный труд, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме — и создает потребительную стоимость. Абстрактный труд — источник, причина стоимости; конкретный труд — источник, причина потребительной стоимости. Но значит ли это, что абстрактный труд существует раньше стоимости, а конкретный труд существует раньше потребительной стоимости? Отнюдь нет! Рассудок же доказывает обратное. Его рассуждение сводится к следующему: раз абстрактный труд создает стоимость, то он, следовательно, существует раньше стоимости. При этом он не замечает того, что это «следовательно» существует в нем самом, а не в жизни, ибо ясно само по себе: если абстрактный труд существует раньше стоимости, то он за время этого «раньше» не создает никакой стоимости и потому не имеет никакого отношения к созданию стоимости, он вовсе не причина стоимости и т. д. и т. п., но такой абстрактный труд вовсе не существует в жизни, а есть фикция, произведенная рассудком.

Причина, которая не действует, не есть причина. Достаточно поставить вопрос четко и определенно: существующая раньше следствия причина причиной чего является? — чтобы положить

конец этому недоразумению. Допускать причину до действия, без действия, раньше действия значит в конечном итоге протащить боженьку. Прав Гегель, когда пишет, что в причинном отношении причина и действие нераздельны: причина, которая не производила бы никакого действия, не была бы причиной, равно как и действие, которое не имело бы причины, уже не было бы действием.

Софистика. Вы опять ссылаетесь на Гегеля. Но ведь Гегель идеалист и не авторитет для материалиста.

Диалектика. Допустим. Но следует подчеркнуть, что если причина существовала бы раньше, то мы должны были бы неизбежно прийти к первопричине, к причине всех причин, как у Аристотеля — к форме всех форм, то есть к богу. В действительности нет никакой первопричины, нет никакой и последней причины. Первопричина и *causa finalis* всего сущего это — материя, которая есть субъект всех своих изменений и которая развертывается как бесконечная цепь причинно-следственных связей.

Софистика. Это не аргумент!

Диалектика. Просим выслушать до конца! Одно из определенных времени — последовательность развертывания явлений. Совокупность взаимодействующих явлений, разумеется, должна сложиться раньше, чем завершиться становление порождаемого этим взаимодействием следствия. Скажем, все метеорологические факторы, обуславливающие возникновение дождя, сложились раньше, чем произошло следствие — дождь, а дождь должен раньше существовать, чем мокрота, ибо, чтобы, например, почва стала мокрой, дождь должен совершить путь до почвы. Но дождь становится причиной лишь тогда, когда действует. Следовательно, независимо от того, насколько раньше сложились метеорологические факторы, вызвавшие дождь, и на какое время последний раньше существовал, чем мокрота, он стал причиной мокроты лишь в своем взаимодействии с почвой.

Софистика. Так глубоко укоренилось в сознании положение, что причина по времени предшествует следствию. Оно и понятно, и доступно, и убедительно, а Вы отвергаете его. Каковы же Ваши аргументы?

Диалектика. К сожалению, это так, но это объясняется ограниченностью рассудка. Но каким образом рассудок делает заключение, что причина по времени предшествует следствию. Попытаемся ответить на этот вопрос.

Во-первых, он имеет дело не с предметом, не с категориальным выражением бесконечных причинно-следственных связей на теоретическом уровне, а с частным случаем, с конечной замкнутой системой, с примером — к тому же на эмпирическом уровне. А ведь абсолютно неправомерно распространять характеристику

причинно-следственной связи конечной замкнутой в себе частности на категориальное, теоретическое выражение бесконечных причинно-следственных связей.

Во-вторых, выхваченная из бесконечно разветвляющихся причинно-следственных связей пара явлений, одно из которых есть причина, а другое — следствие, интерпретируется неправильно. Берут, скажем, дождь и мокроту, и начинают рассуждать: дождь производит мокроту, значит дождь (причина) существует раньше мокроты (следствия). Но это есть «тавтологическое рассмотрение субъективным рассудком», ибо та же самая вода, которая составляет дождь, и есть мокрота. Хотя вода, составляющая дождь, существует в форме особой вещи, а как мокрота она есть как бы прилагательное и не имеет в себе устойчивого наличия, и хотя обе формы внешне воде, тем не менее здесь имеет место одно одновременное отношение, а не разные. А раз этот процесс есть одно отношение и происходит одновременно, то неверно утверждение, что дождь существует раньше мокроты. Дождь, существующий до мокроты, есть все, что угодно, только не причина мокроты. *Причинно-следственная связь содержит в себе обе стороны или противоположности единства, единого отношения и взаимодействия.*

В-третьих, процесс развития, предшествующий возникновению данной причинной связи, рассудок смешивает с готовым результатом, итогом ее познания. Исследует не сам процесс причинно-следственной связи, не взаимодействие причины и следствия, а берет готовый результат, отраженный в голове, эти противоположности берет вне процесса, вне развития, имеет дело лишь с моментом этого развития, с готовым результатом, отраженным в голове.

В-четвертых, он отождествляет возможность с действительностью — явление, которое было причиной другого явления в возможности, выдается за действительную причину, или, что то же самое, возможная причина заранее им объявляется действительной причиной.

Наконец, в-пятых, рассудок может замечать, что в каждом конкретном случае единства причины и следствия изменения причины обуславливают изменение следствия, но он не замечает того, что эти противоположности взаимно превращаются друг в друга.

Для научного выражения взаимоотношения причины и следствия нужно исходить из их взаимопревращения, причем последнее является как относительным, так и абсолютным. Причина превращается в следствие и обуславливает его качественную определенность. Следствие же превращается в причину, так как обогащает причину своим бытием, своей спецификой. В этом тождестве снята та форма, через которую они различаются между собой. Причина

потухает в своем действии — тем самым потухло и действие, ибо последнее есть определенность причины.

Из всего этого следует, что когда говорим, что материальная практика источник, причина духовной деятельности и определяет ее, причем определяет, как говорили выше, в конечном счете, то говорим об одновременном процессе.

Софистика. А что значит в «конечном счете»? Если материальное порождает духовное, то к чему же это дополнение.

Диалектика. Марксизм в этом вопросе боролся не только против идеализма, но и против вульгарного материализма, который отождествляет идеальное и материальное или же формы сознания прямо и непосредственно выводит из уровня экономического фактора, игнорируя относительную самостоятельность в развитии сознания.

Софистика. А что это такое «относительная самостоятельность»? Разве бывает абсолютная самостоятельность?

Диалектика. Да, бывает. Практика, как уже говорили раньше, абсолютна, абсолютно самостоятельна, поскольку она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности. Что же касается относительной самостоятельности форм сознания, то следует исходить из того, что каждая из них, возникнув однажды, «катится» вперед, как снежный ком, унося с собою все приобретенное, и каждое новое поколение людей, вступая в жизнь, не создает ее сызнова, не начинает сначала, а опирается на созданную до него готовую форму и несет ее дальше. Иными словами, в развитии форм сознания строго соблюдается *преемственность*. А это значит, что по мере восхождения определенные формы сознания удаляются от своего материального источника. Так, современные новые математические понятия выводятся из сложившихся, потому не имеют непосредственного материального аналога. Но если размотать этот «клубок», то можно придти к тому дикарю, который счет вел по пальцам, то есть к непосредственной связи познания и практики. Более того, сама относительная самостоятельность бывает разной степени удаления.

Диалектический материализм, понимаемый как Логика, теория познания, связан с практикой опосредованно, в конечном счете. «...Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики»⁸. «Миллиарды раз» означает «в конечном счете». Категории логики, определяясь практикой в конечном счете, являются отражением закономерностей объ-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 198.

ективного мира, практики. Вместе с тем практика является движущей силой, решающим условием познания и определяет его направление, характер, формы и т. д. Иными словами, практика порождает по «образу и подобию своему» и логические формы, отражающие различные уровни состояния самой практики. Всеобщие универсальные логические формы в конечном счете определяются всеобщими формами и характером практики, безграничностью возможностей практической деятельности людей, безграничностью вовлечения действительного мира в орбиту и формы собственно человеческой деятельности.

Говоря о решающей роли практики в познании, мы подчеркнули лишь одну ее сторону, а именно то, что практика есть основа, источник познания, а следовательно, основа, источник формирования логических категорий, но оставили в стороне другие ее стороны, которые в соответствующей связи должны будут рассмотрены самостоятельно. Вместе с тем решающая роль практики в возникновении, формировании, развитии логических категорий не исключает ни их *относительной самостоятельности*, ни необходимости их рассмотрения *в чистом виде*.

Софистика. Что означает «рассмотрение в чистом виде»? В мире все взаимосвязано, значит нет ничего в чистом виде.

Диалектика. В интересах исследования прежде всего необходимо исходить из принципа рассмотрения в чистом виде, поскольку никакое движение научной мысли невозможно без него. Незнание этого принципа или неумение сознательно применять его в исследовании не раз приводило в истории научного познания ко всякого рода теоретическим недоразумениям, порождало серьезные логические затруднения и парадоксы.

Как показал К. Маркс, главная ошибка всех политико-экономов, в том числе А. Смита и Д. Рикардо, состояла как раз в том, что вследствие незнания этого принципа они прибавочную стоимость рассматривали не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты, не представляли ее ясно выраженным образом в форме определенной категории, отличной от ее особых форм. И чем последовательнее они проводили основной закон стоимости, тем более смешивали, не вводя никаких посредствующих звеньев, прибавочную стоимость с более развитой формой, с прибылью. Отсюда возникал ряд непоследовательностей, бессмыслиц и противоречий, которые пытались разрешить схоластическим путем, с помощью словесных ухищрений.

Софистика. Известно, что в мире все взаимосвязано, а рассмотрение «в чистом виде» ведет к односторонности, следовательно, не может дать истину, а может дать только заблуждение, путаницу в познании.

Диалектика. В научном исследовании путаница начинается не там, где та или иная категория рассматривается специально, особенно, в чистом виде, а как раз там, где это не делается, где категории не рассматриваются особо, со стороны их специфики.

Софистика. В чем же суть этого принципа?

Диалектика. Суть этого принципа, говоря словами Маркса, состоит в следующем: для мысленного воспроизведения предмета в его чистом виде надо оставить в стороне все отношения, не имеющие ничего общего с данным объектом анализа, надо отвлечься от всех тех обстоятельств, которые не вытекают из имманентных рассматриваемому предмету законов и которые скрывают внутреннюю игру механизма исследуемого процесса, затемняют и деформируют его истинный ход.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании системы повышения квалификации преподавателей общественных наук высших учебных заведений»⁹ говорится о существенных недостатках учебников по этим наукам. Недостатки объясняются тем, что предмет этих наук четко и определенно не вычленяется. Так, «Программа курса политэкономии» для вузов ее предметом считает способ производства, который принято однозначно понимать как единство производительных сил и производственных отношений. Однако предметом марксистской политэкономии является совокупность производственных отношений. Что же касается производительных сил, то они составляют предмет других наук.

Софистика. Почему в научном отношении несостоятельно включение производительных сил в предмет политической экономии? Почему нельзя одновременно исследовать обе стороны способа производства — и производительные силы и производственные отношения?

Диалектика. Во-первых, без вычленения и рассмотрения в чистом виде собственного специфического предмета политэкономии не может быть ее самой, как науки, поскольку примешивание к ее предмету предметов других наук исключает возможность его научного познания;

во-вторых, включение в предмет политэкономии производительных сил означало бы включение технологии в политэкономии, что нанесло бы непоправимый ущерб классовому, партийному характеру последней;

в-третьих, такая «модификация» предмета политэкономии капитализма затушевывает антагонистический характер буржуазных

⁹ См.: Правда, 1982, 11 сент.

производственных отношений, смазывает их противоречия, льет воду на мельницу буржуазной апологетики.

Не менее ошибочно определяется предмет политэкономии социализма. Так, часть 2-я указанной «Программы» называется: «Социализм — первая фаза коммунистического способа производства». Между тем социализм как общество есть единство материальной и духовной сфер деятельности людей.

Включая в способ производства и духовную сферу деятельности, предметом политической экономии социализма считают как материальную, так и духовную деятельность людей. Но разве политическая экономия изучает духовные отношения общества? Отнюдь нет! Духовные отношения — предметы других частных наук.

Если предмет есть некая система, некое образование и вне познающего субъекта существует как некое нераздельное, нерасчлененное целое, то его познание осуществляется путем его разделения, огрубления, членения. Если он в своем объективном бытии невозможен в разделении своих сторон (а сами эти стороны невозможны друг без друга), то его познание невозможно без членения, без разделения.

Выполнение этого требования является, прежде всего, важной предпосылкой открытия в чистом виде самой сущности предмета. Вычленение сущности всегда есть частный случай рассмотрения в чистом виде, но его основной аспект. Этот аспект определяется Марксом как необходимость рассматривать внутреннюю природу процесса независимо от всех конкретных форм ее существования, от всего того, что затемняет ее познание. Выделение чистых абстракций составляет главную трудность теоретического исследования и в то же время оно играет в нем решающую роль. В таких абстракциях с наибольшей ясностью выражена общая природа всех тех сложных и запутанных процессов, которые являются лишь проявлением и модификацией. Поэтому путь познания конкретного один — через чистые абстракции, абстрактные определения к их синтезу, к генетическому и синтетическому воспроизведению конкретного в мышлении. Следовательно, наше мышление является не только аналитическим, но и синтетическим, оно не только разделяет и открывает сущность, всеобщую основу и т. д., но и прослеживает ее разветвление, ее модификации, то есть синтезирует разделенные, абстрактные определения в одно целое. Но сам этот синтез обусловлен опять-таки принципом рассмотрения в чистом виде и без него невозможен.

Софистика. Не значит ли это все, применительно к исследованию логических категорий, что они существуют изолированно?

Диалектика. Нет, так как исследование категорий в чистом

виде отнюдь не означает, что категории существуют изолированно друг от друга. Каждая категория есть ступенька, узловой пункт в познании лишь в связи с другими категориями и, напротив, вне этой связи она не является таковой. Категории, не находящиеся во взаимоотношениях друг с другом, не представляющие внутренне необходимой, взаимосвязанной диалектической системы, могут быть только мертвыми, раз навсегда данными, неподвижными абстракциями, ничего общего не имеющими с диалектическим процессом отражения.

Вообще никакая наука невозможна без системы понятий, категорий, без их взаимоотношений, взаимосвязи, взаимопереходов; каждое понятие неразрывно связано с другими, переходит в другие. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал всестороннюю, универсальную гибкость понятий, категорий, гибкость, доходящую до тождества противоположностей. Категории логики отражают живую связь только благодаря тому, что они гибки, вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одна в другую, составляя внутренне-необходимую систему, где все они одновременно тождественны и различны. Такова их диалектическая природа.

Вместе с тем принцип рассмотрения в чистом виде должен быть проведен с такой последовательностью и с таким пониманием, чтобы обеспечить восхождение от абстрактного к конкретному, создавая диалектическую систему субординированных, переходящих друг в друга категорий. Источником восхождения является противоречие. Переход от одной категории к другой есть разрешение противоречия, выражающее собою генетическое развитие новой категории, переход к новой категории с удержанием в себе предыдущей в снятом виде. Строго говоря, *субординация* категорий возможна в движении, в их применении к познанию и невозможна вне этого. Категории, вступая в различные связи и отношения, должны поменяться своими местами и ролями. В определенной связи та или иная категория выдвигается на первый план и для своего определения, выражения и исследования в чистом виде как бы подчиняет себе другие.

Самым сложным вопросом процесса восхождения является вопрос об этапах восхождения. Но его не решить без подчинения одних категорий другим. При этом подчинение одних категорий другим, рассмотрение их в разных связях и отношениях является логическим законом восхождения.

Роль, место, назначение категорий меняется по мере перехода от одного этапа восхождения к другому, по мере движения мысли от абстрактного к конкретному. В одном случае данные категории выступают как средство исследования других категорий; в другом случае — как предмет и цель исследования. И то и другое

вытекает из необходимости восхождения и служит его задачам.

Сложность процесса восхождения состоит в том, чтобы верно установить логическую последовательность категорий, этапов, ибо никакое генетическое выведение, развитие категорий невозможно, если нарушается принцип *последовательности*. А для этого категории с неизбежностью должны меняться ролями и местами: то, что в данной связи, на данном этапе восхождения выступает как *средство*, орудие познания, — в другой связи, на другом этапе восхождения выступает как *предмет и цель* познания. Таким образом, весь путь восхождения состоит из взаимосвязи, взаимодействия и взаимопереходов категорий, которые в единстве, в итоге воспроизводят предмет как сложную диалектически расчлененную систему.

Далее, поскольку категории логики — предельно общие категории и применимы в любой области знания, то в каждой конкретной области исследования, точнее, в каждом конкретном исследовании они должны подчиняться предмету исследования, ибо этот предмет имеет свою отличную, специфическую исходную абстракцию, свою специфику восхождения от абстрактного к конкретному и т. д. Иными словами, предмет исследования и специфика восхождения должны подчинить себе соответствующие категории для воспроизведения исследуемого предмета как диалектически расчлененного единого целого.

Софистика. А разве формальная логика отрицает субординацию категорий? Ведь научное исследование невозможно без нее?

Диалектика. Формальная логика сознательно не занимается этой проблемой. Поэтому исследователь, руководствующийся формально-логической координацией, а не субординацией категорий, желаемого результата не даст.

Как показал Маркс, экономические категории у Рикардо находятся не в соподчинении, не в диалектических переходах, не в развитии, а в *координации*, существуют рядом, друг возле друга, поскольку Рикардо хитроумно подводит все конкретные категории под всеобщий закон стоимости или делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из этого закона. У него из стоимости не развивается прибавочная стоимость, из последней прибыль и т. д. Иными словами, поскольку Рикардо не развивает категории друг из друга, у него не может быть и речи о субординации. Метафизике вообще чужда субординация категорий, ей присуща координация категорий, что и делает их неспособными адекватно, верно отражать действительные глубокие отношения и связи.

У Маркса же, наоборот, категории находятся в отношении субординации, поскольку высшие категории генетически развиваются из низших. Высшая категория отрицает низшую диалектически, то есть так, что «низшая» не отбрасывается полностью, а снимается, оберегается, сохраняется в высшей своим положительным содержанием. Например, прибавочная стоимость отрицает стоимость, но в то же время содержит ее в себе, поэтому прибавочная стоимость конкретна, а стоимость абстрактна; первая богаче, сложнее второй. Но прибавочная стоимость, в свою очередь, отрицается прибылью и в то же время сохраняется, оберегается в ней. Поэтому прибыль конкретна, прибавочная стоимость абстрактна и т. д. Восхождение от абстрактного к конкретному у Маркса, таким образом, есть диалектическое развитие категорий от низшего к высшему, от простого к сложному, есть развитие высших форм из низших, высших категорий из низших.

Следовательно, сам способ восхождения от абстрактного к конкретному включает в себя субординацию категорий, ибо высшие из них подчиняют себе низшие. Но характерно то, что Маркс для достижения цели исследования предмета приводит его в движение, действие и подчиняет ему множество категорий логики, такие, как качество и количество, тождество и различие, противоречие и прогивоположность, сущность и явление, содержание и форма, внутреннее и внешнее, возможность и действительность и т. д.

Предмету, задачам, цели своего исследования он подчиняет категории диалектики и в той связи, в какой обеспечивается восхождение от абстрактного к конкретному в исследовании капиталистической экономики как единого организма. Применение материалистической диалектики к законам и формам мышления дает ключ к верному пониманию их природы, к уяснению их роли, места, значения в процессе познания, является методологическим началом, «ариадиной нитью» постановки и решения еще не решенных вопросов, связанных с исследованием философских категорий вообще, вопроса об их субординации в частности.

Понимание и сознательное применение принципа рассмотрения в чистом виде и субординации категорий должно обеспечить имманентное движение познания по материалу, переход от одной категории к другой и воспроизведение предмета — диалектического материализма — как диалектически расчлененного, генетически и синтетически развитого, единого целого. Между тем ныне существующая структура курса марксистско-ленинской философии неудовлетворительна. Во-первых, как показано выше, нельзя вычленять из диалектического материализма его ядра, сути. Материализм без исторического материализма есть домарксистский ме-

тафизический материализм; во-вторых, в изложении не применяются такие принципы научного исследования, как восхождение от абстрактного к конкретному, совпадение исторического и логического, и т. д., что подменяет диалектику эклектикой; в-третьих, такое членение материала — сначала материализм, а затем диалектика — ничего общего не имеет с марксистской философией, ибо, как показано выше, в ней материализм и диалектика не разные вещи, а одно и то же — материализм диалектический, а диалектика материалистическая; в-четвертых, теория познания в «Программе» дается то одиннадцатой, то шестой темой, тем самым «Программа» не только не выполняет принципа совпадения диалектики, логики и теории познания в марксизме, но и подчеркивает свое несогласие с этим принципом; в-пятых, вся «Программа» — от начала до конца — составлена на рассудочно-эмпирическом уровне, что не выражает сути диалектики.

Софистика. В чем же суть диалектики?

Диалектика. Суть диалектики есть взаимопревращение противоположностей. Противоположности изучаются, но дело не доходит до их синтеза, до их взаимопревращения, до разума. Нечто есть сущность, а другое есть явление, нечто есть содержание, а другое — форма, нечто есть необходимость, а другое — случайность и т. д. Но абсолютно отсутствует взаимопревращение этих противоположностей. В «Программе» даже нет упоминания о взаимопревращении противоположностей; в-шестых, противоположности излагаются без их субординации, одна возле другой, что выражает собою метафизический способ рассмотрения и т. д. В изучении и изложении необходимо применять метод Маркса, использованный в «Капитале».

Софистика. Каков же этот метод?

Диалектика. Этот метод есть диалектика Маркса. Глубокое осознание той истины, что решение обсуждаемой проблемы возможно только на путях творческого использования логической структуры — логического богатства «Капитала» Маркса, обеспечило бы ее практическое решение. Изложение в «Капитале» реализовано в форме спирали, что напоминает о подражании Гегелю. Как известно, «Наука логики» Гегеля состоит из трех книг: учение о бытии (качество, количество, мера), учение о сущности (сущность, явление, действительность), учение о понятии (субъективность, объективность, идея). У Маркса логическая структура «Капитала» в целом находится в соответствии со структурой «Науки логики». Первый том «Капитала» — процесс производства капитала (сущность); второй том — процесс обращения капитала (явление); третий том — процесс капиталистического производства, взятый в целом (действительность). Логическая структура «Капи-

тала» Маркса более сложна и конкретна, чем «Наука логики» Гегеля, поскольку первая является дальнейшим развитием второй на материалистической основе.

Логическая структура «Капитала» Маркса не есть частный случай, имеющий силу применения только в анализе капитализма, а является той единственно возможной всеобщей формой, в которой теоретическое мышление может и должно логически воспроизвести, воссоздать предмет как диалектически расчлененное единое целое. Любое зрелое, развитое теоретическое исследование целого (а не части) возможно на основе логической структуры «Капитала» Маркса: разделение единого на две части (единого капитала на его производство и его обращение), изучение каждой части в чистом виде и синтез обеих частей (процесс капиталистического производства, взятый в целом), то есть воссоздание целого (что и является реализацией принципов восхождения от абстрактного к конкретному и совпадения исторического и логического).

Поскольку диалектический материализм есть целое, то его необходимо разделить на две части. Но как? Разумеется, не так, как это делает «Программа». Основным вопросом диалектического материализма является вопрос об отношении материи и сознания. Это единое отношение имеет две противоположности: материю и сознание. Его раздвоение на эти противоположности, а затем их взаимопревращение должно составлять основу структуры диалектического материализма. Итак, раздвоение этого отношения на материю (сущность) и сознание (явление), их изучение в чистом виде как самостоятельные моменты, а затем их синтез, взаимопревращение (действительность), воссоздание единого органического целого, вместо механической суммы частей. Эта цель может быть достигнута лишь при одном условии: если эта трехчленная форма будет наилучшим образом соответствовать своему содержанию — диалектике, понимаемой как логика, как теория познания.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МАТЕРИЯ

Софистика. Материя есть все то, что окружает нас. А нас окружают единичные вещи, явления и т. д., которые отличаются друг от друга, и если существует связь между ними, то чисто внешняя.

Диалектика. Такое представление о материи в целом верно.

Верно, что нас окружают единичные вещи. Но это представление о них не есть научное определение материи, поскольку само единичное невозможно, немислимо без общего или всеобщего. Единичное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к всеобщему. Всеобщее существует лишь в единичном, через него. Всякое единичное есть всеобщее, и, наоборот. Как возникновение, так и развитие единичного обусловлено всеобщим, всеобщими закономерностями развития, которым подчиняется множество других единичных явлений. Поэтому нельзя понять (познать) единичного, если изолировать его от всеобщего. Но, разумеется, путь к последнему лежит через единичное.

Познание начинается с анализа эмпирически данного и подтверждаемого практической деятельностью людей *единичного*. Однако оно на этом не останавливается и, опираясь на полученный результат, неизбежно восходит к всеобщему. Объективной основой самого этого восхождения является предметная деятельность людей, потребности этой деятельности. Именно последняя для себя и в своих интересах ставит перед познанием постоянную задачу восхождения к всеобщему, к открытию все новых и новых закономерностей развития. И чем глубже и шире фронт предметной деятельности, тем сложнее эта задача, а чем успешнее реализуется и опредмечивается эта задача, тем эффективнее, действительнее практическое изменение действительности. Неисчерпаемость познания обусловлена неисчерпаемостью практической предметной деятельности. Таким образом, переход единичного во всеобщее является законом познания, обусловленным практической деятельностью людей.

Софистика. Всеобщее не дано в живом созерцании, следовательно, его нет, оно не достоверно, не истинно, оно вымысел, фикция. И если бы оно реально существовало, то о нем не было бы так много разных точек зрения, мнений в истории философии. Так, в античном материализме реально существует единичное, чувственно-конкретное. Вода у Фалеса, огонь у Гераклита и т. д. есть единичное, чувственно-конкретное, а не всеобщее. Это идеалисты в своих целях считали единичные вещи в то же время всеобщими. У них общее есть вымысел, нематериальное начало, оторванное от реальных единичных материальных вещей и существующее без них; как некая самостоятельная сущность. Но даже и это все же есть единичное, отдельное существо. Поэтому материалисты XVII—XVIII вв. правильно считали, что всеобщее есть плод субъективной абстракции, созданной разумом для собственного употребления. Так, Джон Локк считал, что общее и универсальное не принадлежит действительному существованию вещей, а изобретено и создано разумом для собственного употребления и касается

только знаков, слов или идей. Спиноза, а также французские материалисты XVIII в. хотя и признавали, что абстрактные, общие «слова» имеют источник в вещах, но этот источник понимали как простое сходство вещей. Идеалист Д. Юм, развивая локковское понимание всеобщего, приходит к отрицанию материальности мира, а Кант рассматривает всеобщее как непознаваемое, как трансцендентально-психическое. В его понимании существует эмпирическое общее и априорное общее. Первое есть абстракция от одинаковых фактов, данных в пределах опыта. Второе — подлинное всеобщее существует вне всякого опыта. Первое недостаточно, поскольку всегда есть возможность появления такого факта, которого не знал опыт или который опыт до сих пор не фиксировал; второе всеобщее является всеобщим не потому, что реально существует в действительности, а потому, что «трансцендентальное сознание» по своей природе не способно воспринимать явления действительности иначе, как только в форме априорных категорий.

Еще в большей степени измышляет Гегель. Он под всеобщим понимает «абсолютную идею», о которой он сам не знал, что это такое. Как же можно утверждать, что всеобщее существует реально?

Диалектика. Можно в целом согласиться с Вашим историко-философским обзором точек зрения о всеобщем. Верно и то, что всеобщее не дано в живом созерцании. Однако ни то, ни другое не есть аргумент. Во-первых, различные точки зрения о том, что нет реального всеобщего, что всеобщее есть вымысел, неубедительны. Нельзя различные мнения, даже господствующие, широко распространенные, выдавать за истину. Скажем, сотни миллионов людей в современном цивилизованном мире твердо убеждены, что существует бог. Но разве это истина? Во-вторых, критерием истины является материальная практика, а не живое созерцание. И если всеобщее не дано в живом созерцании, следовательно, последнее не может, по своей природе, доказывать его реальность, то оно блестяще доказывается практикой, материальной деятельностью людей. Чтобы убедиться в этом, достаточно напомнить закон стоимости. Все товары отличаются друг от друга своими потребительными стоимостями, все они даны в живом созерцании, удовлетворяют потребности людей и т. д. Вместе с тем все они имеют то свойство, что обмениваются друг на друга в определенной пропорции. Откуда берется такое свойство? Как можно, скажем, молочную корову обменять на бензин? Чтобы это случилось, они должны быть продуктами общественно-необходимого труда, то есть должны иметь стоимость. Последняя есть внутреннее тождество всех товаров; то есть то всеобщее, которое скрыто в них и которое не дано в живом созерцании.

Софистика. Как же, в таком случае, Вы узнали, что в товарах заключено такое всеобщее?

Диалектика. Разумеется, на уровне живого созерцания этого знать нельзя, для этого требуется научное исследование, которое высвечивает, вычленяет из товаров их всеобщую основу, сущность-стоимость, которая не дана в живом созерцании, но — реальность, которую подтверждает практика со всех точек зрения и прежде всего тем, что люди на практике сами ее производят. Без производства стоимости не было бы не только производства товаров, но и не был бы возможен их обмен. Следовательно, категория общего есть прежде всего отражение реально общего. Конкретно всеобщее — это не «идея» или ее порождение, а объективная реальность, существующая независимо от сознания, как внутреннее конкретное тождество единичных явлений, как объективный источник, основание, закон единичных явлений. Форма всеобщности — это закон, это форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечном.

Софистика. Мы не отрицаем внешней связи, внешнего общего.

Диалектика. Такое внешнее всеобщее в познании имеет место и, безусловно, играет важную роль в нем. Однако оно не выходит за рамки абстрактного рассудка и не восходит к разуму и, следовательно, не наполняется конкретным противоречивым содержанием, не отражает объективно всеобщего, как оно есть в себе. Поэтому, не отрицая значения абстрактного всеобщего в познании, изучаемого традиционной логикой, в то же время следует указать на его ограниченность, снимаемую диалектической логикой.

Таким образом, всеобщее, в познании имеет два аспекта: *всеобщее как внешнее сходство, как внешнее абстрактное тождество и всеобщее как внутреннее конкретное тождество, тождество многообразного, как сущность, закон, проявляющийся в единичном многообразии особо.*

Софистика. Что означают слова: «Проявляющийся в единичном многообразии особо»? Разве единичное не есть особенное?

Диалектика. Нет, не есть! Особенное есть синтез, единство единичного и всеобщего, их взаимопереход, который всегда протекает особо, имманентно только данному случаю. Не может быть никакого взаимоперехода единичного и общего без особенного. Односторонность единичного и всеобщего снимается в особенном.

Истина состоит в том, чтобы противоположности — общее и единичное рассматривать в их внутреннем тождестве, подчеркивая, что всеобщее возможно лишь в единичном и лишь особо, специфически. Так, раскрывая общие закономерности перехода к социализму и строительства социалистического общества, марксизм-ле-

низм требует их творческого применения к конкретным условиям каждой конкретной страны.

Восхождение от единичных явлений к их всеобщему, а затем от последнего к конкретному в познании есть не что иное, как движение мысли от эмпирии к теоретическому открытию сущности, закона, к его модификациям, то есть к конкретно-всеобщему и далее преломление последнего через практику в единичном *особо, специфически*. Обнаружение *особенного* непременно предполагает установление различия, поскольку оно есть форма, в которой реализуется единичное и всеобщее, переходя друг в друга.

Категории общего, особенного и единичного, будучи отражением сторон реальных предметов, являются вместе с тем *логическими формами*, в которых фиксируются знания об этих предметах, и *ступенями познания*. Познать всеобщее, установить закон можно только путем изучения, сопоставления и обобщения многих единичных явлений. Отыскав сущность, закон определенного класса предметов, познание движется затем в обратном направлении от общего к единичному и объясняет особенную природу каждого конкретного явления или предсказывает специфику еще не известного явления.

Софистика. Но если допустить, что реально существует всеобщее, то истинным, подлинным, достоверным знанием является не знание всеобщего, а знание единичного, иными словами, наглядное знание, эмпирическое знание.

Диалектика. Нельзя согласиться с этим. Поскольку процесс восхождения от единичного к всеобщему и от него к конкретному есть сложный процесс перехода от единичного, данного в чувственной конкретности к абстрактному мышлению, просвечивающему всеобщее, то имеется возможность преувеличения одной из этих сторон. Как известно, сенсуалисты преувеличивали познание от единичного к всеобщему, рационалисты — напротив — от всеобщего к единичному. Ф. Бекон считал, что единственно истинным методом является индуктивный метод, метод постепенного восхождения от частного к общему, и недооценивал движения мысли от общего к отдельному, единичному, полагая, что метод, основанный на понятиях, отвлеченных от вещей, всегда является сомнительным, подозрительным.

В противоположность индуктивному методу Р. Декарт преувеличивает значение общих понятий, полагая, что чувственные данные «нас обманывают», что будто только разумом можно постичь все существующее. Этому способствуют «врожденные идеи», которые представляют собой нечто реальное, исходящее от бога, поскольку они ясны и очевидны, могут быть только истинными.

Истина состоит в том, что ни единичное и общее в объективном

мире, ни чувственное и рациональное в познании друг без друга невозможны. Вместе с тем в каждом конкретном случае, в самом процессе восхождения, на данном отрезке витка познания в зависимости от характера, состояния предмета исследования и от состояния познания тот или иной момент может приобретать решающее значение для того, чтобы затем снимать себя для самого восхождения. И исторически и логически познание начинается с единичного, отдельного, без чего оно, попросту говоря, невозможно. Но вместе с тем абстрактное мышление, «просвечивая» единство многообразного, вычленяет всеобщее, которое, выступая в форме научных абстракций и определений, является и ступенью познания конкретного, то есть возвратного движения мысли к синтезу абстрактных определений, к мысленно-конкретному.

Софистика. «Научные абстракции», кроме путаницы, познанию ничего не дают. Это подтверждается тем, что многочисленные заблуждения в истории развития науки порождены не наблюдением, а «научными абстракциями».

Диалектика. Нельзя согласиться с подобным утверждением! Без научных абстракций не было бы самой науки, ибо без них невозможно за многообразием единичных эмпирически данных явлений открывать сущность. Так, например, наблюдаемые изменения меновой стоимости, бросающиеся в глаза при поверхностном взгляде, без научной абстракции можно принять за сущность — стоимость. Но тогда становится невозможным научное исследование, тогда наука излишня, ибо зачем она нужна, если единичные явления, наблюдаемые нами, совпадают с сущностью.

Софистика. Но ведь по мере развития процесса абстрагирования последнее отрывается от единичного предмета, и понятия становятся пустыми звуками. А это значит, что научная абстракция мешает постижению истины, чем неразвитее, эмпиричнее абстрагирование, тем легче постичь истину предмета. Поэтому подлинным знанием о мире является только эмпирическое знание, выражаемое в языке наблюдения, а абстракции, в лучшем случае, выступают только как вспомогательные оперативные средства, удобные логические конструкции, обеспечивающие обработку эмпирической информации. Задача научного познания заключается в установлении связей между эмпирическими данными, наблюдаемыми нами непосредственно, без обращения к «научным абстракциям».

Диалектика. Во-первых, заблуждения в науке возникают не из научных абстракций, а из недостаточно развитых абстракций; во-вторых, развитие науки и есть развитие научных абстракций, чем более развиты они, тем глубже и шире наука проникает в тайны действительности. Современные теоретические математика, физика, квантовая механика, освоение космоса, и т. д. — яркое подтверж-

дение сказанного; в-третьих, заблуждения в науке — закономерная жизненность, жизнедеятельность науки. Без них не было бы и истины. Заблуждение и истина — это внутреннее тождество противоположностей, внутренний импульс в развитии науки; в-четвертых, научная абстракция есть отход от предмета, но это — отход для подхода, для познания сущности. Научное (а не всякое) мышление, восходя от чувственно-конкретного к абстрактному и от него к мысленно-конкретному, не отходит от предмета исследования, а подходит к нему, вернее, полнее воспроизводит его в научных абстракциях. Такой научной абстракцией является марксистское понятие материи.

Софистика. Вопрос о материи всегда стоял в центре философской мысли. Для всех материалистов бесспорным было то, что реально существующие единичные вещи первичны, не зависят от сознания человека. Зачем же абстракция материи?

Диалектика. Но вопрос не в том, что единичные вещи существуют независимо от сознания, объективно, это для любого материалиста, даже «наивного реалиста» очевидно, а в том, как это выразить в познании, в логике понятий. Домарксистские взгляды на материю были ограничены. Если определение материи у домарксистских материалистов связано с чувственно-конкретным явлением (атомы, молекулы, кирпичики и т. д.), то есть с недостаточным развитием научной абстракции, то у идеалистов, напротив, оно связано с чрезмерным раздуванием абстракции, отрицающей объективное бытие материи. Эту историческую ограниченность и тех и других снимает диалектический материализм.

Софистика. Как же, в таком случае, определяет материю диалектический материализм?

Диалектика. Прежде чем ответить на этот вопрос, пужно ответить на другой вопрос: что такое вообще определение, какие его аспекты имеют место в научном познании и какими способами можно определять нечто, в данном случае материю?

Определение — это логическое сокращение для краткого выражения характерных, в то же время общих черт предмета. Эта логическая операция должна отвечать следующим требованиям. Она должна, во-первых, вычленять предмет познания из универсальной связи, очерчивая его грани, формулировать его отличие, его специфику, кратко выражать его общие и характерные признаки; во-вторых, выражать тот или иной существенный признак предмета; в-третьих, выражать значение нового научного результата; в-четвертых, уточнять уже известные результаты научного исследования.

Такие определения, или дефиниции многообразны и бывают разного уровня абстрагирования. Их многообразие обусловлено

как предметом, так и задачами и логической структурой определения. Определениями *рассудка* являются дефиниции через *род и видовое* отличие и можно назвать их формально-логическими. Хотя эти дефиниции могут быть вовлечены в научное исследование как необходимое его средство, то есть как средство более сложного процесса, и играть роль в нем, тем не менее они истинны в определенной области и непригодны вне ее, так как они не имеют всеобщего характера. Это объясняется тем, что определяемое нужно подводить под более широкое (родовое) понятие; затем нужно указать признак, отличающий определяемое от других понятий, входящих в тот же род, то есть указать видовое отличие. Но таким способом определять предельно широкие понятия невозможно.

Этот недостаток снимается определениями *разума*, то есть научной абстракцией более высокого уровня. Так, философские категории являются самыми широкими, предельно общими. Их нельзя подводить под несуществующие более широкие. Следовательно, здесь возможен только диалектический способ определения. Суть этого способа состоит в отношении определяемого к своему другому — своему противоположному. Этот способ содержит в себе в снятом виде формально-логическую дефиницию, но не сводится к ней, поскольку последняя не указывает, во-первых, на предельно общий характер определяемого; во-вторых, на определение через отношение противоположностей, на определение определяемого через свое другое. Именно через *свое* другое, через *свою* противоположность, а не вообще другое.

Софистика. Через какую свою противоположность, через какое свое другое возможно определять материю?

Диалектика. Своим другим материи является сознание. Ее определение поэтому возможно лишь через ее отношение к сознанию. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» вскрыл научную несостоятельность махистов, отрицавших значение диалектического способа определения понятия материи через ее противоположность.

Софистика. Но такая дефиниция тавтологична.

Диалектика. Отнюдь нет! Как известно, махисты упрекали материалистов за то, что они материю и сознание определяют будто как «простые повтора», через их отношение, не замечая того, что они сами, определяя материю как «комплекс ощущений» или «совокупность ощущений», определяют ее также через то же отношение. Следовательно, упрек махистов представляет из себя софизм. Безусловно, определять предельно широкие понятия иначе, как через их отношение к своему другому, нельзя. Разница состоит в том, что материалисты определяют материю как объективную

реальность, существующую независимо от сознания, а махисты, наоборот, отождествляют материю и сознание.

Далее, поскольку любая дефиниция — и формально-логическая и диалектическая — есть краткое выражение общих и характерных признаков, постольку она всегда *недостаточна, узка*.

Софистика. Но если дефиниция всегда недостаточна, узка, неполна, то она не выражает истины. Тогда она познанию вовсе не нужна!

Диалектика. Такое мнение не ново, но оно ошибочно. Дело в том, что неосознание этой ограниченности дефиниции приводит порою к схоластическим спорам по поводу предмета, ибо ясное само по себе стремление избавиться от предмета одной его дефиницией или объяснять все стороны и черты предмета одной лишь его дефиницией наталкивается на узость самой дефиниции. Вместе с тем познание без дефиниции невозможно. С одной стороны, дефиниция должна давать ответы на все вопросы о предмете, с другой — она не дает этих ответов, ибо она узка. Это противоречие может разрешиться только научным исследованием всего предмета, развертыванием его как диалектического процесса. Следовательно, нельзя дефиницию абсолютизировать. Всегда нужно помнить, что она недостаточна, не полна, не совершенна. Вместе с тем дефиниции необходимы в познании, без них оно обходиться не может. *Познание не может двигаться вперед, не обращая внимания на себя.* Поэтому, не забывая условного, относительного значения дефиниций, которые никогда не могут охватить всесторонних связей предмета в его полном развитии, нужно применять их в процессе познания, не допуская ни их недооценки, ни их переоценки. При этом *дефиниция должна быть логическим выводом из предшествующей истории познания данного предмета и содержать в себе в снятом виде ее результаты.* Являясь результатом познания и моментом истины, дефиниция вовлекается в научное исследование, в процесс производства новых научных истин в качестве необходимого средства и фактора этого процесса.

Итак, что такое материя? «Материя как таковая, — пишет Ф. Энгельс, — это — чистое создание мысли и абстракция. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи. Материя как таковая, в отличие от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим»¹.

Софистика. Но, позвольте, ведь такую же примерно дефиницию материи дает и идеалист Гегель. Как же можно согласиться с такой идеалистической дефиницией материи?

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 570.

Диалектика. Что и материалист Энгельс и идеалист Гегель материю могут признавать как абстракцию, категорию, еще ничего не говорит об отличии их точек зрения. Отличие начинается тогда, когда ставится вопрос: кто как понимает абстракцию, категорию, мышление и т. д. Об этом более подробно речь шла выше.

Развивая мысли Энгельса, В. И. Ленин дает следующее классическое определение материи: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»². Это определение материи является высшим результатом теоретического определения материи не только потому, что оно содержит в себе критику различных разновидностей идеализма — субъективного, объективного идеализма и агностицизма, но оно имеет большое методологическое значение как для философии, так и для частных наук.

Софистика. Все это неубедительно. Как можно разнообразные, резко отличающиеся друг от друга явления природы отражать в категориях?

Диалектика. Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим, что такое философская категория вообще, категория материи в частности. Любая наука имеет свой арсенал законов, категорий, средств, методов, приемов и т. д. познания. Правда, есть авторы, которые категории определяют как «основные и наиболее общие понятия науки». Но это неверно: категория и понятие — синонимы, выражающие одно и то же содержание. Не только категории бывают основные и не основные, более широкие и менее, но и понятия. Однако главное в том, как понимать категорию, понятие, какое логическое содержание вкладывать в понятие категории, понятия и т. д. Такая постановка необходима, поскольку в истории философии существовало и существует сегодня множество взглядов, точек зрения о категории, понятии, выражающее собою сложный путь восхождения от первоначальных абстрактных определений в античной философии до конкретного научного *понятия о понятии* в марксистской философии.

В ранней античной философии, когда мышление еще не было специальным предметом исследования, когда в сущности оно было слито с предметной деятельностью людей, категория понималась как данный в живом созерцании материальный элемент. Позже, в философии Платона, категории (сущее, движение, покой, тождество, различие) хотя представлены как логические формы, но они гипостазированы, не обусловлены материальным источником и

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 131.

не отражают его. Этот объективно-идеалистический взгляд Платона на категории Аристотель подвергает критике, делая дальнейший значительный шаг вперед в разработке логических форм. В специальном трактате «Категории» он рассматривает категории — сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие, страдание — как отражение и обобщение объективной реальности. Однако дуалистические колебания Аристотеля между идеализмом и материализмом сказались и на его понимании категорий.

В новое время борьба между материализмом и идеализмом разветвляется и в сфере понимания мышления и его форм. Вместе с тем историческими условиями был обусловлен тот факт, что именно идеалистическая философия подвергает более детальному и специальному анализу логические формы. Если домарксистские материалисты в этой борьбе слишком «напирают на природу», то идеалисты упор делают на мышление, гипостазировав его. Так, в философии И. Канта важное место занимает исследование мышления и его форм. Он в своей таблице категорий, построенной по триадичной схеме, устанавливает 12 категорий — качество (реальность, отрицание, ограничение), количество (единство, множество, цельность), отношение (субстанция и свойство, причина и действие, взаимодействие), модальность (возможность и невозможность, действительность и недействительность, необходимость и случайность). Но в понимании Канта категории оторваны от объективной реальности, не имеют своего источника в ней, а являются порождением субъективного рассудка, функциями последнего. Этот субъективно-идеалистический взгляд на категории у Канта дополняется их метафизической интерпретацией, поскольку они неподвижны, не диалектичны и, как раз навсегда данные, механически наклеиваются на чувственные явления.

Софистика. Выходит, что домарксистская философия никакого вклада не вносила в разработку категорий, ничего не было до возникновения марксизма, появился марксизм, появилась и вся научная философия?

Диалектика. Домарксистские философы, безусловно, вносили те или иные моменты, рациональные зерна в постановку и решение той или иной проблемы. В особенности большой вклад в проблему внес Гегель. Ему принадлежит историческая заслуга критики агностицизма Канта и субъективизма Фихте и исследование активной, творческой функции мышления. Вместе с тем эта активность не есть идеальное выражение активной предметно-преобразовательной деятельности человека, а является самостоятельным всеобщим демиургом, то есть проблема решается идеалистически. Вся система Гегеля есть не что иное, как чистая логическая система субор-

динированных категорий, самостоятельно порождающих друг друга и являющихся ступеньками, моментами самодвижения абсолютной идеи. Тем не менее диалектическое развертывание категорий осуществляется по двум важнейшим логическим принципам, впервые открытым и сознательно примененным Гегелем: восхождения от абстрактного к конкретному и совпадения логического и исторического. Гегель не устанавливает определенного числа категорий, как это имело место у Аристотеля и Канта. Развертывание категорий, их гибкость, подвижность, переходы друг в друга и т. д. выражают собою диалектику развития мышления, впервые сознательно и последовательно в наиболее развитой форме разработанную и примененную им к исследованию мышления в его необходимости.

Софистика. А в чем суть марксистского понимания категорий?

Диалектика. Во-первых, в том, что категории имеют объективный источник в самой действительности. Принципиальное отличие состоит не в том, что у идеализма категории есть формы мышления, а у диалектического материализма нечто другое. И у идеализма, и у диалектического материализма категории суть формы мышления. Отличие состоит в другом — в том, что у идеализма эти формы не являются отражением материального мира, мистифицированы, оторваны от него, в то время как в диалектическом материализме они являются идеальным воспроизведением форм самой действительности, а потому уже эти формы являются формами мышления общественно-исторического человека. Они порождены и обусловлены материальным источником — *общественно-исторической практикой человека*, являются выражением закономерности развития действительности.

Во-вторых, категории являются формами не всякого мышления, а теоретического, научного мышления — потому они суть ступеньки познания мира, помогающие познавать его.

В-третьих, категории диалектичны, подвижны, гибки, текучи; они находятся в развитии, на основе практики и научно-технического прогресса возникают новые категории, а старые наполняются новым содержанием; они взаимосвязаны и взаимно превращаются друг в друга, обеспечивая восхождение, развитие познания в целом.

В-четвертых, категории диалектического материализма в отличие от категорий частных наук, несут методологическую нагрузку, выступают как всеобщие логические принципы познания, вооружающие частные науки всеобщей методологией.

В-пятых, категории суть логическое сокращение бесконечного множества частных, единичных явлений. Вообще говоря, никакое познание, а тем более научное невозможно без сокращений,

без обобщений. В противном случае пришлось бы всякий раз перечислять все бесчисленные единичные, реально существующие вещи или столь же бесчисленные их свойства. Категории познания избавляют от подобного праздного и бесполезного занятия и являются логическими сокращениями, служат для более точного определения и обнаружения предметных отношений. Путь восхождения от живого созерцания к абстрактному мышлению как путь движения познания от единично существующих реальных вещей, явлений, данных в ощущениях, к их всеобщей основе, к их сущности в то же время есть сокращение бесконечной массы частных «внешнего существования» и сведения их к их общей основе. При этом познание отвлекается от массы частных, отличительных признаков, особенностей и т. д. явлений и вычленяет их сущность, их внутреннюю всеобщую основу.

Категория материи есть также такое логическое *сокращение*. По какому признаку или свойству можно производить это сокращение? Все явления, вещи и т. д. отличаются друг от друга *чем угодно, но вместе с тем между ними имеется нечто всеобщее*. Таким всеобщим является их *реальное объективное бытие*, то есть их существование *вне сознания*.

Софистика. Выходит, общее между явлениями состоит в том, что они существуют независимо от сознания.

Диалектика. Но, разумеется, это общее существует в каждом отдельном особо, следовательно, чтобы знать данное явление, кроме общего, надо знать его специфику. Вместе с тем указанное всеобщее является единственным признаком, с признанием которого связан материализм и по которому возможно провести это сокращение, все это многообразие обобщить и выразить в одном понятии материи.

Из сказанного следует, что материя не сводится к тому или иному своему состоянию, к тому или иному свойству, элементу или частице, к тем или иным представлениям о ней, к той или иной субстанции. Она есть научная абстракция, теоретическое, точнее диалектико-материалистическое отражение объективного мира, потому несводима ни к чему и единственное, что выражает эта абстракция, это — *существовать, быть независимой от сознания*.

Софистика. Современная физика ничего не говорит ни о материи, ни о духе, ни об их соотношении, но зато много говорит о семантике. Современные физические понятия не отражают объективной реальности, а термины, соответствующие этим понятиям, обозначают только данные наблюдения. Далее, недостаток диалектико-материалистического определения материи в том, что оно не отвечает на вопрос: есть ли материя «единственная и последняя дейст-

вительность»? Иными словами, квантовая физика не подтверждает приведенного Вами определения материи.

Диалектика. Подтверждает, и абсолютно! И не только достижения современной физики, но весь, все более интенсивно развертывающийся научно-технический прогресс, глубокие социальные процессы, вся общественная жизнь современного человечества и практически и теоретически убедительно подтверждают истинность и жизненность ленинского определения материи. Ведь освоение космоса, атомные электростанции, электронно-вычислительные машины, всю электронную технику и т. д. люди осуществляют в реальных материальных условиях и из них. Что же касается «недостатка» этого определения, не отвечающего на вопрос: есть ли материя «единственная и последняя действительность», — то этим Вы хотите сказать, что кроме материи есть и другая действительность — бог, но это уже область мистики, религии и ничего общего с наукой не имеет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДВИЖЕНИЕ

Софистика. Движение является предметом физики, а не философии. К тому же факт существования движения ни у кого ныне не вызывает сомнения. В древности движение отрицал Зенон. Всем хорошо известна эпиграмма Пушкина: «Движенья нет, сказал мудрец брадатый, другой смолчал и стал пред ним ходить!» Второй мудрец опроверг парадокс первого простым фактом хождения.

Диалектика. Верно, что физика изучает физическую форму движения материи. Но только физическую, не движение как философскую категорию, что является предметом философии. Однако прежде чем говорить о движении, надо иметь правильные взгляды на пространство и время.

Софистика. Позвольте, но ведь сам А. Эйнштейн писал о пагубном влиянии философии на физику. «Я убежден, — писал он, — что философы оказали пагубное влияние на развитие научной мысли, перенеся некоторые фундаментальные понятия из области опыта, где они находятся под нашим контролем, на недостижимые высоты априорности... Это в особенности справедливо по отношению к понятиям пространства и времени. Под давлением фактов физики были вынуждены низвергнуть их с Олимпа априорности для

того, чтобы привести их в порядок и сделать пригодными для использования»¹.

Диалектика. Верно, Эйнштейн так писал. Но он имел в виду прежде всего априоризм Канта, который понимал пространство, время как непознаваемые априорные формы созерцания, что действительно мешало развитию физики. По Канту, вне нас мы не можем созерцать время, точно также как не можем созерцать пространство внутри нас. Пространство и время не есть эмпирические понятия, выводимые из внешнего опыта. Представления о пространстве, времени не могут быть поэтому заимствованы из отношений внешних явлений посредством опыта: сам этот внешний опыт становится возможным прежде всего благодаря доопытному представлению о пространстве и о времени. То же самое утверждает и современное неокантианство.

Между тем научный взгляд состоит в том, что пространство, время не есть априорные формы созерцания, а объективные формы бытия материи. Но эту проблему нельзя решить на эмпирическом уровне, и для ее решения познание должно восходить к разуму, к теоретическому мышлению, поскольку на эмпирическом уровне мы имеем дело не с понятием, а с представлением, которое в действительности есть не что иное как поверхностный взгляд на пространство, время, создающий внешнюю кажимость, внешнее впечатление, что будто эти формы совершенно отделены друг от друга и от бытия.

Софистика. Выходит, что такие естественные науки, как математика, физика и т. д., никакого отношения не имеют к исследованию категорий пространства, времени!

Диалектика. Нет, это не так. Разработка проблемы пространства, времени шла по двум линиям: по линии естествознания (в частности физики и математики) и по линии философии. Говоря о развитии естественнонаучного взгляда на проблему и о ее современном состоянии, следует указать на важную роль создания неэвклидовой геометрии Лобачевским и Риманом, открытия физических полей и в особенности теории относительности Эйнштейна. С другой стороны, в выработке современного понимания этих категорий не менее важна роль развития философского мышления, в особенности материалистически осмысленных идей Гегеля.

Опираясь на эти и другие достижения познания в целом, а также практики, мы даем следующие дефиниции этих категорий. *Пространство есть категория, выражающая объем материального явления, его протяженность в длину, ширину, высоту, его внешнюю форму, порядок расположения тел, предметов, явлений относительно*

¹ Эйнштейн А. Сущность теории относительности. М., 1955, с. 8.

но друг друга, их рядоположенность. Оно их объективное, естественное и вечное условие, способ их существования. Любое явление, когда бы ни существовало, может существовать только в пространстве. Оно имеет пространственную характеристику или определенность. Эти свойства пространства являются важнейшими элементами организации, образования явлений.

Время есть категория, выражающая последовательность развертывания материальных процессов, порядок следования явлений друг за другом, длительность процессов, развитие явлений, которые существуют не только в пространстве, но и во времени, не только расположены относительно друг друга, находятся в определенном месте, но и существуют в определенное время, в определенной последовательности.

Софистика. В физико-математических науках важным достижением является понятие четырехмерного континуума событий, что широко применяется в научном исследовании. Разве это не значит, что пространство и время одно и то же?

Диалектика. Нет, не значит! Мы здесь имеем дело не с «одним и тем же», а с диалектическим тождеством, то есть конкретным тождеством, заключающим в себе различие. Об этом писал А. Эйнштейн: «Неразделимость четырехмерного континуума событий совсем не означает эквивалентности пространственных координат временной координате. Наоборот, мы должны помнить, что временная координата определена физически совершенно иначе, чем пространственные координаты»².

Тождество и различие категорий пространства и времени есть доказательство гибкости, подвижности категорий диалектики. Однако эту гибкость нельзя понимать субъективно, абстрактно, поскольку тождество не устраняет их различия, не ликвидирует их качественной определенности, их специфики, а различие не устраняет их тождества. И самое главное отличие состоит в сущности — время есть решающее условие развития.

Софистика. Значит, пространство и время относительны?

Диалектика. Познание искажается, как только тождество и различие этих категорий понимают абсолютно, абстрактно. То же самое нужно сказать и о следующих крайностях: одни понимают пространство — время только абсолютным, другие — только относительным, а не как единство того и другого. Поскольку пространство и время — вечные, постоянные и необходимые условия бытия материи, то в этом смысле можно и нужно говорить об их абсолютности. Но, разумеется, отнюдь не в смысле ньютоновской концепции, рассматривавшей их как оторванные друг от друга и

² Эйнштейн А. Сущность теории относительности, с. 31.

от материи, раз навсегда данные пустые «вместилища», а в их диалектико-материалистической интерпретации.

Не отрицая абсолютности пространства и времени в указанном смысле, теория относительности вместе с тем устанавливает их *относительность*, доказывает, что их свойства не являются раз навсегда данными, неизменными, оторванными от движения и материи, а изменяются в зависимости от условий движущейся материи, что в различных материальных условиях пространственные формы, протяженность явлений, длительность времени и т. д. бывают разными.

Софистика. Это — мнения ученых-физиков, которые не отражают реальных пространства, времени.

Диалектика. Неверно. Эти взгляды истинны. Так, согласно частной теории относительности пространственные отношения и временные промежутки различны в различных системах отсчета. Одновременность явлений в одной системе отсчета есть неодновременность в другой системе отсчета. Вместе с тем эта относительность заключает в себе абсолютность пространства и времени, поскольку пространственно-временной интервал между событиями при переходе от одной системы отсчета к другой остается неизменным, абсолютным. Иными словами, если пространственные отношения и временные промежутки, взятые отдельно, изменяются относительно в зависимости от движения, то пространство — время как единая форма бытия материи не изменяется, является абсолютной. Следовательно, пространство и время одновременно и абсолютны и относительны. В этом единстве их истина: не *или*, а *и*. Вместе с тем это единство отражает тождество и различие пространства и времени, единство их изменчивости и устойчивости, непрерывности и прерывности.

Дальнейшим развитием частной теории относительности, углублением связи между пространственно-временными отношениями и их материальным содержанием было создание общей теории относительности (или теории тяготения). Было установлено, что в очень сильном гравитационном поле время замедляется, а пространство «искривляется», и это «искривление» тем больше, чем сильнее напряженность поля тяготения. «Кривизна» пространства, зависящая от распределения и свойств движущихся материальных масс — источника гравитационного поля, — отражается не в евклидовой геометрии, а в римановой. До создания общей теории относительности собственно не было научной теории тяготения.

Софистика. А закон тяготения Ньютона?

Диалектика. Закон тяготения Ньютона был всего-навсего внешним моментом, но отнюдь не научной теорией тяготения.

И частная теория относительности, и общая, как, впрочем, всякая научная теория продолжает совершенствоваться, развиваться, обогащаться. Но это не дает никакого основания подвергать сомнению истинность этого великого достижения науки. Теория относительности как итог, вывод является важным завоеванием науки XX века, представляет собой продукт более зрелой практики и соответствующего ей теоретического мышления.

Софистика. Но ведь из теории относительности следует вывод, что пространство и время не имеют объективного характера, а являются продуктом мышления ученых. Это доказывается тем, что в микромире не существует никакого пространственно-временного континуума.

Диалектика. Нет, не следует. Разумеется, есть вопросы, представляющие собой процесс научного обсуждения в интересах развития самой теории относительности. Говоря об этом, достаточно напомнить старую, но вечно новую истину: наука не может развиваться без борьбы мнений, без снятия достигнутого ею уровня. В частности, существуют различные точки зрения почти по всем вопросам общей теории относительности, среди которых важное место занимают вопросы об энергии гравитационного поля, о гравитационных волнах и др. В связи с квантовой физикой делаются попытки углубления и дальнейшего развития как теории относительности в целом, так и в особенности общей теории относительности и т. д. Но все это уже естественный путь развития науки, собственное ее движение. Что же касается объективного характера пространства и времени в микромире, то современная наука, в частности квантовая физика, и практика подтверждают это. Однако следует учесть, что в современной физике серьезные трудности возникают в связи с тем, что она экстраполирует на исследование процессов микромира свои старые представления о пространстве и времени, полученные из опыта изучения макромира на эмпирическом уровне. Достаточно указать, что при подобной экстраполяции физики нередко приходят к выводу о том, что пространство и время не универсальные формы бытия материи, а имеют лишь макроскопический характер, что микромир существует вне пространства и времени, что и приводит к мистицизму. И, наоборот, из истории развития физики непреложно следует вывод о том, что существуют качественно различные уровни объективного мира и соответствующие им качественно различные пространственно-временные формы, исследование которых возможно на соответствующих уровнях познания. При этом в высшей степени важное методологическое значение приобретает правильное понимание отношения этих различных уровней познания пространства — времени.

Истина заключается в том, что следует исходить из тождества и различия разных уровней познания пространства — времени. *Тождество* состоит в том, что на любом уровне пространственно-временных форм объективной действительности и их познания нечто может существовать только в пространстве и времени — будь это «элементарная» частица или макротело. В этом смысле пространство и время универсальны, суть всеобщие формы бытия материи. *Различие* состоит в том, что поскольку существуют различные уровни объективной действительности и соответствующие им различные пространственно-временные уровни, формы, изучение которых возможно также на различных уровнях познания, то, следовательно, в научном отношении несостоятельно механическое перенесение знания одного уровня на знание другого уровня, безразлично, идет ли речь об экстраполяции знаний о пространстве и времени макромира на микромир или знаний о микромире на макромир.

Именно из этих затруднений, из крутой ломки, переживаемой современным естествознанием, рождаются сплошь да рядом реакционные школы и школы. В этом отношении характерным является неопозитивизм, который, как и любая разновидность современного субъективного идеализма, паразитирует на затруднениях развития науки.

Софистика. Неопозитивизм не отрицает теории относительности.

Диалектика. Он может на словах признавать, но отрицать ее своей субъективистской интерпретацией. Так, неопозитивизм в этом вопросе в сущности ничем не отличается от кантианско-махистского его понимания. Например, М. Шлик считает, что пространство и время представляют только формы нашей интуиции и не могут быть приписаны «вещам в себе». В понимании Р. Карнапа вопросы о пространстве и времени «являются только псевдovoпросами об объектах». Одна из современных разновидностей позитивизма — операционализм также отвергает объективное бытие пространства и времени. П. У. Бриджмен считал, что всякие понятия, в том числе понятия пространства и времени, есть синоним соответствующего ряда операций, не выражающих никакого объективного бытия. Объективное бытие пространства и времени отрицается и иррационалистической философией Бергсона и его последователей Маритена, Карра и др., а также экзистенциалистами, в частности, Хайдеггером.

Эти идеалистические, мистические интерпретации пространства и времени, так или иначе, направлены против достижений современной науки, являются попыткой подорвать ее завоевания, в частности — теорию относительности. К этому ведут и различные антинаучные, в сущности теологические теории и теории

о начале и конце мира, отрицающие бесконечность мира во времени и безграничность его в пространстве.

В понимании экзистенциалистов нельзя говорить о бесконечности, вечности времени и пространства, поскольку индивидуальное существование субъекта конечно. По мнению философствующего математика Уайттэкера, мир имеет начало и конец потому, что он сотворен. Согласно теории Лемэтра, мир был начат единственным квантом и начало мира имело место немного раньше начала пространства и времени. О сотворении мира твердят разного рода космологические, в сущности индетерминистские теории (Г. Бонди; Р. Канн и др.), на позициях теорий гибели материи стоит и А. Эддингтон. Французский философ Ф. Алькье считает, что наша собственная слабость заставляет нас очень часто верить, будто природа вечна. Повседневный опыт нас учит, что все явления происходят во времени и вечность объекта может быть выдвинута только как внешняя наличной реальности, как трансцендентная ей. Ее нельзя схватить, как вещь.

Разумеется, все эти антинаучные теории имеют свои гносеологические, социальные и классовые корни, но безусловно то, что эти теории играют реакционную роль, мешая научно-техническому прогрессу.

Софистика. Возможно, некоторые из этих теорий, которые Вы считаете «антинаучными», недостаточно доказаны. Но теории, трактующие о начале и конце мира, истинны. Во-первых, сам Энгельс писал в «Диалектике природы» о конце мира (см.: *К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.*, т. 20, с. 359—363); во-вторых, всякое явление возникает и погибает, а мир есть не что иное, как совокупность явлений, следовательно, если все явления смертны, а мир есть эти явления, то и мир смертен; в-третьих, начало и конец мира доказывается бесконечным числовым рядом. Если допустить, что мир не имеет начала во времени, то до всякого данного момента времени прошла вечность — и, стало быть, истек бесконечный ряд следовавших друг за другом состояний вещей в мире. Но бесконечность ряда именно в том и состоит, что он никогда не может быть закончен путем последовательного синтеза. Следовательно, бесконечный протекший мировой ряд невозможен. То же самое нужно сказать о пространстве. Мир по своему протяжению в пространстве не бесконечен, а заключен в свои границы.

Диалектика. Во-первых, Вы извращаете мысли Энгельса. Энгельс никогда не писал о конце мира (материи). Напротив, он доказывал вечность и безграничность материи. Вы же спекулируете на словоупотреблении «мир», поскольку в одном случае под словом «мир» Энгельс понимает отдельный мир как часть материи, а в другом — как материю. Игнорируя это обстоятельство, Вы при-

писываєте Энгельсу гибель мира-материи. Говоря о круговороте материи, Энгельс писал: «Но как бы часто и как бы безжалостно ни совершался во времени и в пространстве этот круговорот; сколько бы миллионов солнц и земель ни возникало и ни погибало; как бы долго ни длилось время, пока в какой-нибудь солнечной системе и только на одной планете не создались условия для органической жизни; сколько бы бесчисленных органических существ ни должно было раньше возникнуть и погибнуть, прежде чем из среды разовьются животные со способным к мышлению мозгом, находя на короткий срок пригодные для своей жизни условия, чтобы затем быть тоже истребленными без милосердия, — у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»³.

Во-вторых, действительно, все, что возникает, заслуживает гибели, все явления смертны. Верно и то, что материя и есть не что иное как реально существующие объективные явления. Но смертность явлений не есть их полное, абсолютное исчезновение, а есть их превращение. Следовательно, и материя находится в вечном превращении, чем и достигается ее вечность и бесконечность.

В-третьих, манипуляция с бесконечным числовым рядом ничего не доказывает, ибо «вечность во времени, бесконечность в пространстве, — как это ясно с первого же взгляда и соответствует прямому смыслу этих слов, — состоят в том, что тут нет конца ни в какую сторону, — ни вперед, ни назад, ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево. Эта бесконечность совершенно иная, чем та, которая присуща бесконечному ряду, ибо последний всегда начинается прямо с единицы, с первого члена ряда. Неприменимость этого представления о ряде к нашему предмету обнаруживается тотчас же, как только мы пробуем применить его к пространству. Бесконечный ряд в применении к пространству — это линия, которая из определенной точки в определенном направлении проводится в бесконечность. Выражается ли этим хотя бы в отдаленной степени бесконечность пространства? Отнюдь нет: требуется, напротив, шесть линий, проведенных из одной точки в тройку противоположных направлениях, чтобы дать представление об измерениях пространства; и этих измерений у нас было бы, следовательно, шесть»⁴.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 363.

⁴ Там же, с. 49.

Суть научного понимания конечного и бесконечного состоит в том, что конечное и бесконечное не есть нечто рядоположенное, они не существуют рядом, изолированно друг от друга (как это понимает метафизика), а представляют собой тождество противоположностей, противоречие, которое возможно постичь только разумом. Бесконечное складывается из одних только конечных вещей, есть без конца развертывающийся процесс. «Природа самого конечного состоит в том, чтобы превосходить себя, отрицать свое отрицание и становиться бесконечным. Бесконечное, стало быть, не стоит над конечным, как нечто само по себе готовое»⁵. Конечное и бесконечное нераздельны, *едино суть*. Бесконечность заключена в конечном, а конечное в бесконечном. И Гегель справедливо критикует метафизический взгляд на эти категории, отрывающий их друг от друга. Комментируя эту критику, В. И. Ленин пишет: «Дурная бесконечность — бесконечность, качественно противоположная конечности, не связанная с ней, отгороженная от нее, как будто конечное было *по сю сторону*, а бесконечное *по ту сторону*, как будто бесконечное стоит *над* конечным, *вне* его...»⁶. Единство конечного и бесконечного состоит в их взаимопревращении, переходе конечного в бесконечное, и наоборот. Конечное конечно лишь в соотношении с долженствованием или с бесконечным, а бесконечное бесконечно лишь в соотношении с конечным. Они неразделимы и вместе с тем суть безоговорочно другие в отношении друг друга; каждое из них имеет в нем самом свое другое. Следовательно, единство конечного и бесконечного не есть их внешнее сопоставление, а каждое есть в себе самом это единство и каждое есть лишь снятие себя самого.

Софистика. Разве конечное и бесконечное не представляют две самостоятельные реальности, сосуществующие друг возле друга?

Диалектика. Нет! Такое представление о бесконечности и конечности, правда, вполне доступно и наглядно, но оно вместе с тем и не касается ни действительной конечности, ни действительной бесконечности. Между тем в самой действительности нет конечности и бесконечности, существующих изолированно друг от друга. Бесконечное и конечное есть тождество противоположностей, бесконечное конечно, а конечное бесконечно; каждое из них содержит в себе свое другое, бесконечное проявляет себя через конечное, пребывает в нем в форме законов, которые вечны и бесконечны.

Таким образом, все теории о начале и конце мира антинаучны.

Софистика. У нас разговор шел о движении. Вы же подменили этот вопрос другим. Почему?

⁵ Гегель. Соч., т. 5, с. 125.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 100.

Диалектика. Никакой подмены одного вопроса другим нет, ибо нельзя понять движение без правильного понимания пространства и времени. Конечно, на уровне обыденного наблюдения и опыта каждый знает, что есть движение, еще древние философы могли легко установить, что «все течет», «все изменяется», «в одну и ту же реку нельзя войти дважды», что в природе происходит вечное возникновение и уничтожение и т. д.

Софистика. Если каждый знает, что есть движение, то о чем же речь? Каждый видит, что движение есть перемещение тел в пространстве. Это и очевидно и понятно каждому.

Диалектика. Однако речь идет не о том, что есть движение, а о том, как выразить его в логике понятий, и все эти представления не есть теоретическое выражение движения, не есть постижение его сущности.

Невозможность постичь движение путем чувственного созерцания нашла свое выражение еще в античной философии, в частности у Зенона Элейского. Своими парадоксами-апориями, доставившими немало хлопот не только философам прошлого, но и философам наших дней, Зенон подвергал сомнению истинность существовавших тогда представлений о движении и доказывал невозможность постижения сущности движения путем обыденного наблюдения и чувственного восприятия. Наблюдение и чувства обманчивы, недостоверны и не дают истинного знания о прерывности, множественности движения. Так, смысл апории «Дихотомия» состоит в следующем: движущееся тело, прежде чем пройти весь путь, должно сначала пройти его половину, а чтобы пройти половину, должно пройти $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и т. д. — без конца. То же самое говорится в апории «Ахилл и черепаха»: быстроногий Ахилл никогда не догонит черепахи, ибо пока он дойдет до точки, где находилась черепаха, последняя уползает дальше и т. д. — до бесконечности.

Софистика. Из этих рассуждений Зенона ясно видно, что Зенон отрицает движение. Он метафизик!

Диалектика. К сожалению, такое мнение есть. Апории Зенона вызвали разного рода суждения относительно их истинности, правомерности, а также относительно возможностей теоретического познания пространства, времени, движения.

Аристотель пытается разрешить апории Зенона, по поводу которых он высказывает ряд глубоких мыслей. Так, на аргумент Зенона «Дихотомия» Аристотель ответил: пространство и время бесконечно делимы. На аргумент «Ахилл не догонит черепахи» Аристотель отвечает: догонит, если ему позволят перейти границу. На аргумент «Летящая стрела покоится» Аристотель отвечает: ошибка от допущения, будто время состоит из отдельных «теперь» и т. д.

Далее Аристотель обосновывает значение познания движения для познания действительности, доказывает, что «незнание движения необходимо влечет за собой незнание природы» и вместе с тем пытается дать логическое выражение движения. В его понимании движение есть активная деятельность формы, есть процесс превращения материи в форму, возможности — в действительность. Несмотря на эти отдельные, рациональные моменты в понимании движения, Аристотель не мог, разумеется, на современном ему уровне познания разработать научную теорию движения.

И сейчас находятся философы, которые считают, что Зенон отрицает движение, что он основоположник метафизического метода в философии, что «в целом же подход Зенона к явлениям был антидиалектическим» и т. д. Однако истина состоит в другом: Зенон вовсе не метафизик, а «изобретатель диалектики» (Аристотель), что «у Зенона мы точно... находим истинно объективную диалектику» (Гегель). Великая заслуга Зенона состоит в том, что он поставил вопрос о сущности движения, на который не могли дать ответ на протяжении 2500 лет.

Что касается метафизического материализма вплоть до Фейербаха, то он вовсе не ставил вопроса о выражении движения в логике понятий и ограничивался выражением в чувственном созерцании механического движения.

Софистика. Позвольте, но ведь всем известно, что метафизика отрицает движение.

Диалектика. К сожалению, такое мнение существует. Говорят, что метафизика отрицает связь, движение, развитие. Но это — недоразумение. Она не отрицает всего этого, а понимает их метафизически. Метафизический материализм продолжил и развил лучшие традиции античных материалистов. Обосновывая свой материалистический взгляд на природу в борьбе против схоластики и идеализма, он на первый план выдвигает вопросы о первичности материи и вторичности сознания, показывает единство материи и ее свойств, *объективное бытие* ее форм — пространства, времени, движения.

Отрицая диалектический характер мышления и решающую роль практики, как источника активности мышления, метафизический материализм не понял преобразующей роли мышления, которое активно воздействует через практику на мир. Поэтому и случилось так, что вопрос об активной роли мышления, о его формах — логических категориях, более подробно разрабатывали идеалисты, но, разумеется, абстрактно, в мистифицированном виде.

Софистика. Если метафизический материализм не дал ответа на вопрос, поставленный Зеноном, то кто же дал этот ответ? Неужели идеализм?

Диалектика. Вы угадали, ответ впервые был дан идеалистом Гегелем. Весьма плодотворным в истории философии оказалось учение Гегеля о движении. В. И. Ленин приводит следующие его мысли: «...Сущность времени и пространства есть движение, потому что оно всеобщее; понять его значит высказать его сущность в форме понятия. Движение как понятие, как мысль высказывается в виде единства отрицательности и непрерывности; но ни непрерывность, ни точечность сами по себе нельзя полагать в качестве их сущности...» — и комментирует: «Верно! «Понять — значит выразить в форме понятий». Движение есть сущность времени и пространства. Два основных понятия выражают эту сущность: (бесконечная) непрерывность (*Kontinuität*) и «пунктуальность» (= отрицание непрерывности, *прерывность*). Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий»⁷.

Разрабатывая диалектику как теорию движения, развития, Гегель тем самым создал все необходимые предпосылки для диалектико-материалистического решения проблемы. В понимании Гегеля движение есть «жизненность», «деятельность», есть непрестанный процесс. Движение есть *самодвижение*, самопроизвольное, спонтанное, *внутренне-необходимое* движение, есть импульс к «движению» и к «деятельности».

Развитие познания движения в домарксистской философии, в особенности гегелевская диалектика, с одной стороны, развитие общественно-исторической практики — с другой, с необходимостью подготовили создание Марксом и Энгельсом подлинной науки о движении, то есть материалистической диалектики. Тем самым был положен конец односторонности, механицизму и мистицизму в теории развития. «В наше время, — писал В. И. Ленин, — идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание... Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции»⁸.

Три основных положения выражают марксистское понимание движения. *Во-первых, движение есть объективная форма бытия, материи, высший ее атрибут, коренной способ ее существования, ее процесс, ее превращение. Во-вторых, движение есть противоречие, есть самодвижение, развитие. В-третьих, познать, выразить сущность движения на эмпирическом уровне невозможно, а возможно только на научно-теоретическом уровне. Следовательно,*

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 231.

⁸ Там же, т. 26, с. 55.

дело не только и не столько в признании движения, сколько в умении выразить его в логике понятий.

Софистика. Нам доступно только механическое движение. Поэтому мы вправе утверждать, что реально существует только оно.

Диалектика. Это не так! Один из недостатков старого материализма как раз состоял в том, что все формы движения он сводил к механическому движению, не признавая других. Однако категория движения выражает собой все происходящие в мире изменения, процессы. Многообразие явлений действительности соответствует и множество видов движения. Но множество движений мы сокращаем и обобщаем по общему существенному определению, выражаем в понятии той или иной формы движения и тем самым избавляем себя от повторений. Так, понятием механической формы движения мы выражаем все пространственные перемещения тел относительно друг друга; физической — все тепловые и электромагнитные процессы; химической — все химические процессы; биологической — все процессы жизни; общественной — все социальные процессы. Вместе с тем все эти формы движения неразрывно взаимосвязаны, что доказывается их *взаимопревращаемостью и повторением низших форм в высших*. Причем высшая форма не сводится к низшим, а подчиняет их себе для своего существования и развития, является высшим единством, связывающим в себе в единое целое низшие формы, без которых она невозможна. Вместе с тем познание возводит единичные формы движения *во всеобщее*, которое сняло в себе каждую индивидуальную форму и которое выражает собою движение вообще, движение как изменение вообще.

Внутренняя необходимая связь между каждой из форм движения и соответствующей сферой материальных и идеальных объектов указывает на неразрывное единство материи и движения, на то, что движение есть форма, способ бытия материи, выражение ее объективного состояния, является ее изменением, внутренним импульсом.

Софистика. Достижения современной науки доказывают, во-первых, что тепловая смерть Вселенной неизбежна; во-вторых, неизбежно исчезновение материи в результате ее превращения в энергию.

Диалектика. К сожалению, такие мнения существуют. Хотя приведенные выше истины самоочевидны, доказаны наукой и практикой, тем не менее и сегодня находятся естествоиспытатели, которые пытаются их «опровергать» путем односторонней интерпретации достижений науки. Одной из форм проявления этого является основанное на извращении сути закона сохранения и превращения энергии учение о «тепловой смерти» Вселенной. Сторонники

его полагают, что со временем вся энергия должна превратиться в теплоту и равномерно рассеяться в мировом пространстве, что приведет будто бы в свою очередь к термодинамическому равновесию, к прекращению всех процессов, к утрате способности энергии превращаться из одной формы в другую. Энгельс в свое время вскрыл научную несостоятельность такого вывода, разъяснял, что неуничтожимость движения надо понимать не только в количественном, но и в качественном смысле.

Другой формой выражения того же содержания является так называемый энергетизм, изобретенный Оствальдом в начале нашего века и развиваемый Гейзенбергом, Расселом и другими. Суть энергетизма состоит в отрыве материи от энергии, от движения, мистификации и материи, и движения (энергии), последнее считается не атрибутом материи, а самостоятельной субстанцией. Так, В. Гейзенберг, продолжая эту линию, «элементарные» частицы объявляет различными формами энергии. «Мы теперь знаем... что действительно существует только одна основная субстанция, из которой состоит все существующее. Если давать этой субстанции наименование, то ее можно назвать не иначе, как «энергия»... материя в собственном смысле состоит из этих форм энергии»⁹.

Идеалистические выводы ныне делаются и из достижений современной квантовой механики, в частности из объективной реальности взаимопревращения элементарных частиц, из взаимопревращения вещества в поле и поля в вещество. Например, из закона взаимосвязи и количественной пропорциональности массы и энергии, установленного теорией относительности, Рассел делает идеалистический вывод о превращении массы, понимаемой им как материя, в энергию. По мнению Рассела, теория относительности и квантовая теория «привели к замене старого понятия «массы» понятием энергии»¹⁰. На деле же здесь имеет место взаимосвязь свойств материи: массы — меры инерции тел и энергии — меры движения. «Идеалист, — писал В. И. Ленин, — и не подумает отрицать того, что мир есть движение, именно: движение моих мыслей, представлений, ощущений. Вопрос о том, что движется, идеалист отвергнет и сочтет нелепым: происходит смена моих ощущений, исчезают и появляются представления, и только. Вне меня ничего нет. «Движется» — и баста»¹¹.

Таким образом, старые, давно отвергнутые наукой теории и теорюшки сведения материи к движению, аннигиляции материи, отрыва ее от движения и т. д. возрождаются вновь и вновь.

⁹ Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. М., 1953, с. 98—99.

¹⁰ Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957, с. 61.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 282.

Софистика. Но Ваше утверждение вовсе не означает, что движение и есть развитие. Каковы бы ни были суждения о движении, последнее, по меньшей мере, шире развития. Последнее есть момент движения.

Диалектика. С таким мнением нельзя согласиться прежде всего потому, что в действительности не существует отдельно движения и отдельно развития, что одни явления *движутся*, другие — *развиваются*. Но чем вызвано деление изменений в действительности на два рода? Чем объяснить «твердое убеждение», решительно проводящее различие между движением и развитием?

Это объясняется рядом обстоятельств: во-первых, историей возникновения и становления представлений о движении и развитии. Как показано выше, домарксистский материализм все изменения, все формы движения сводил к механическому перемещению, по поскольку последнее не есть развитие, то стремление отличить диалектику от механицизма породило иллюзию об отличии развития от движения; во-вторых, сведением диалектики к сумме примеров. Если философ только доказывает истинность диалектики, то он при этом вовсе не интересуется самой логикой движения, то есть движением в собственных определениях логики, диалектики как теории познания. Поэтому, изучая, скажем, механическое движение, он приходит неизбежно к выводу, что оно вовсе не есть развитие, следовательно, движение не есть развитие; в-третьих, твердо укоренившимся мнением о том, что метафизика признавала движение, но отрицала развитие. Следовательно, чтобы не уподобляться метафизике, надо отличать развитие от движения. Утверждение, что механическое движение не есть развитие, следовательно, движение и развитие разные вещи, также не выдерживает научной критики, так как в самой действительности не существует никакого чистого механического движения. Последнее всегда есть перемещение определенного тела, вещи, где есть структура, элементы, стороны, диалектические взаимопревращения, которые составляют закон их жизни. Если мы в абстракции вычленим механическое движение от других форм движения и от самой материи (что является, безусловно, единственно возможным путем его познания), то это не значит, что оно и в действительности существует в таком чистом виде. Однако рассудок так и поступает, что и порождает указанное недоразумение. Вместе с тем механическое движение всегда наличествует во всех высших формах движения, в снятом виде. Но безусловно то, что без него невозможны никакие диалектические изменения, никакое движение, развитие.

Софистика. Если оба термина: движение и развитие — выра-

жают одно и то же содержание, то разве недостаточно одного из них?

Диалектика. Нет, недостаточно. Синонимы упразднять не следует. Иначе придем к обеднению языка, а следовательно, — и познания. Они очень необходимы для более глубокого всестороннего выражения понятия всеобщего свойства материи — *изменения, движения, развития.*

Софистика. Разве возможно говорить о движении, развитии, не говоря о покое? Ведь кроме движения в действительности есть покой, который принципиально отличается от движения, развития.

Диалектика. Верно, есть покой. Но не в том смысле, как Вы понимаете. Движение есть противоречие, есть тождество противоположностей. Как сказано выше, движение есть единство непрерывности и прерывности пространства и времени. Это положение в своей дальнейшей модификации выражается в понятии *единства абсолютного движения, изменчивости и относительного покоя, равновесия, устойчивости.* Покой не есть существующая рядом с движением какая-то внешняя реальность, внешняя движению противоположность, не «антипод движения», а является самим движением, со стороны его устойчивости, конечности. Следовательно, *покой внутренне необходимый момент, внутренняя противоположность абсолютного движения.* Это означает, что движение есть противоречие. Но чтобы понять это, нужно специально рассмотреть принцип единства противоположностей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Софистика. Почему «единство противоположностей»? Всем известно, что «ядром» диалектики является не «единство противоположностей», а закон «единства и борьбы противоположностей». Не значит ли это, что Вы игнорируете «борьбу»?

Диалектика. К сожалению, с некоторых пор так принято в литературе. Однако название «ядра» диалектики — «единство и борьба противоположностей» неудачно по следующим соображениям: во-первых, «и» — союз двух разных вещей — создает впечатление, что «единство» есть абстрактное тождество, то есть такое, которое не содержит в себе «борьбы», а «борьба противоположностей» не заключает в себе «единства». Видимо, не случайно классики марксизма не пользовались таким названием. Между тем этот закон у Энгельса называется законом «взаимного про-

никновения противоположностей»¹, а у В. И. Ленина — «единство противоположностей», «тождество противоположностей». «Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...»² В разных связях классики марксизма для выражения этого закона пользуются и такими терминами: «противоречие», «противоположность», «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности», «взаимодействие противоположностей» и т. д. Во-вторых, название «единство и борьба противоположностей» в силу сказанного не нацеливает мышление на проникновение в сущность, в противоречия в самой сущности вещей, а оставляет возможность для сведения внутренней противоречивости вещей к внешним противоречиям, даже для фактического отрицания внутренней противоречивости. Хотя эти соображения имеют внешнее значение, тем не менее и последнее не безучастно в правильном осмыслении, познании «ядра» диалектики. Можно это «ядро» назвать «тождеством противоположностей» или «единством противоположностей». Мы остановились на последнем.

Софистика. В литературе широко известно, что под единством понимают любое материальное или идеальное образование, целостную систему внутренне взаимосвязанных и взаимодействующих сторон, процессов, образующих явление, вещь, предмет, в конечном итоге — всю действительность. Более того, под единством понимают сплоченность, монолитность, общность.

Диалектика. Конечно, следует различать, не смешивать разные значения слова «единство». Однако у нас речь идет о философской категории «единство». Более того, саму эту категорию следует рассматривать на разных уровнях познания. Так, в живом созерцании единство выступает в слитности, в нерасчлененном виде, как чувственно-конкретное. На этом этапе мы рассматриваем его с внешней стороны, как качество, данное в живом созерцании. Такое «знание» о единстве представляет собой самое абстрактное, бедное содержанием внешнее знакомство, которое есть лишь «пустое» начало его познания, тенденция, стремление к его узнаванию. Поэтому познание не должно задерживаться на этом единстве, а должно выходить за рамки «чувственного опыта», направляться к абстрактному мышлению, к более активной деятельности, задача которой прежде всего состоит в разделении единства на противоположности и их рассмотрение в чистом виде, а затем их единение, то есть синтез. «Тождество противоположностей ... есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключу-*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 384.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

чающих, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)»³. Познать предмет возможно только как единство, тождество противоположностей и иначе нельзя. Эту мысль В. И. Ленин неоднократно подчеркивает и в других, соответствующих связях.

Раздвоение единого выступает как отрицание единого раздвоенным, что означает обогащение определениями, конкретизацию первоначального абстрактного, бедного содержанием внешнего знакомства с единством. Раздвоение единого — единственная возможность, условие проникновения мышления во внутрь единства и просвещения внутренних его связей и процессов. Поскольку познание есть временный процесс, то и «просвечивание» противоположностей практически осуществляется последовательно: то одна из них, то другая выступает на первый план, являясь на этом отрезке движения мысли целью или предметом познания. Но «просвечиванием», изучением противоположностей в чистом виде познание единства не завершается. Необходимым образом оно как бы пускается в обратный путь для *синтеза, тождества* уже познанных противоположностей, что означает переход познания на новый высший этап и воспроизведение единства как диалектически расчлененного, генетически и синтетически развитого единого *целого*. Последнее есть наиболее конкретное и полное знание о единстве, в котором сняты в синтезе все прошлые абстрактные определения.

Софистика. Вовсе не обязательно синтезировать раздвоенные противоположности. Достаточно раздвоение единого на противоположности и их познание.

Диалектика. В таком случае дело имеют не с единством как целым, а с его моментом, «кусочком», а истина есть целое. Суть диалектики: *раздвоение единого и единение раздвоенного* — всесторонне и глубоко разработана в «Капитале» К. Маркса. Достаточно указать на логическую структуру этого гениального произведения, чтобы убедиться в этом. В «Капитале» единый процесс капиталистического производства прежде всего раздваивается на «*процесс производства капитала*» (I том) и на «*процесс обращения капитала*» (II том). Эти раздвоенные противоположности единого изучаются в чистом виде, особо. После того как эти противоположности познаны и зафиксированны, мышление переходит к их синтезу, к интеграции (или к тождеству) противоположностей. Оно как бы возвращается к целому, единому, но уже на основе знания каждой из противоположностей, синтезируя которые оно воспроизводит целое: «*Процесс капиталистического производства, взятый в целом*» (III том), где в высшем единстве удержаны

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316—317.

в снятом виде результаты познания этих противоположностей (I и II томов).

Вместе с тем внутри каждого тома «Капитала», более того, — внутри каждого отдела, каждой главы, даже каждого параграфа, — мы наблюдаем ту же картину: *единое раздваивается на противоположности, каждая из которых исследуется в чистом виде, а затем противоположности синтезируются в высшем единстве.*

Софистика. Логическая структура «Капитала» — это частный случай, структура данного отдельного труда, потому ее нельзя применять к другим случаям научного исследования.

Диалектика. Не только можно, но и нужно, должно.

Логическая структура «Капитала» не какая-либо произвольная конструкция, вызванная какими-то внешними соображениями рас-судка, а величайшее завоевание человеческого разума, *выражение действительной сути диалектики*, потому и имеет значение не частного случая, хотя разворачивается она на частном — политико-экономическом материале, а всеобщее, *общеметодологическое значение*. Любое цельное научное исследование в любой сфере научного познания — будь это в математике, механике, физике, химии, биологии или в общественных науках, — должно сознательно руководствоваться логикой «Капитала» К. Маркса. В противном случае вместо целого будут «кусочки», вместо системы — «моменты», вместо всего этого будут блуждания в потемках, попятные движения, зигзаги и т. д., которые способны только затруднять научное исследование, отнимать у исследователя много времени, сил, энергии и т. д.

Более того, поскольку единство имеет многочисленные «определения содержания», раздваивающиеся на противоположности, то можно приводить доводы в любом числе за и *против*, поэтому особого труда не стоит подобрать определенные «хорошие» или «плохие», «положительные» или «отрицательные» признаки данного единства и доказать истинность желаемого признака.

Софистика. Раз в явлении есть «отрицательная» и «положительная» стороны, то задача состоит в том, чтобы устранить «отрицательную» сторону и сохранить «положительную». Это доказывали еще Прудон, Михайловский и др. Так, Прудон говорил о сохранении «хорошей» стороны современного ему буржуазного общества и устранении его «дурной» стороны. Он брал определенную категорию, подлежащую очищению, и устранял ее недостатки. Например, налоги устраняют, по Прудону, недостатки монополии, торговый баланс — недостатки налогов, земельная собственность — недостатки кредита и т. д.

Так поступал и Михайловский. Он современное ему русское общество делил на «хорошую» и «дурную» стороны и предлагал

сохранить «хорошую» сторону, устраняя «дурную». Более того, он считал, что «надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа. По-видимому, это столь просто, ясно и понятно, что и разговаривать не о чем».

Диалектика. И в самом деле, как это просто! На деле это абсолютно невозможно. Так, абсолютно невозможно сохранить капитализм и устранить его «дурную» сторону — капиталистическую эксплуатацию, невозможно коренное изменение данного единства без перехода в новое единство, и «тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению»⁴.

Софистика. Позвольте, а разве широко известная теория конвергенции не является доказательством того, что «хорошее» можно брать отовсюду и смонтировать новое высшее явление? Согласно этой теории «лучшие» стороны капитализма и социализма следует слить, синтезировать и таким образом разрешить антагонизм между капитализмом и социализмом.

Диалектика. Нет, не является. Напротив, как теория конвергенции, так и многочисленные другие теории и теорички вроде «индустриального общества», «постиндустриального общества», «техно-электронного общества», «планетарного общества», «планетарного сознания» и т. д. являются красноречивым доказательством все углубляющейся деградации, вырождения современной буржуазной идеологии. Единственно возможный путь ликвидации антагонизма в человеческом обществе — это, как показывает практика, полная ликвидация капитализма и полная победа социализма во всем мире. Разумеется, ликвидацию капитализма марксизм понимает как диалектическое отрицание капитализма социализмом. Что касается точки зрения о том, чтобы «хорошее» брать отовсюду и смонтировать новое явление, то она, кроме всего прочего, вовсе не оригинальна. Она высмеяна даже в художественной литературе. Так рассуждала, например, героиня «Женитьбы» Гоголя, Агафья Тихоновна. Как известно, у этой героини было несколько женихов, у каждого из которых она находила и достоинства и недостатки, что создавало затруднение в выборе жениха. И она рассуждала так (впрочем, как Прудон и Михайловский): «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, приставить к этому же дородности Ивана Павловича, я бы тогда тотчас бы решилась. А теперь поди подумай! Просто голова даже стала болеть!» Но Агафья все же поняла, что невозможно «хорошее» брать отовсюду и из него «смонтировать» же-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 136.

лаемого жениха и, в конце концов, решила: «Я думаю, лучше всего кинуть жребий, положиться во всем на волю Божию, кто выкинется, тот и муж».

Софистика. Когда мы говорим об использовании «хорошей» или «плохой» стороны единства в своих целях, мы исходим из фактов, реально существующих в самой жизни. Как же можно игнорировать факты, выступать против них?

Диалектика. Но если факты берутся вне сущности, вне их связи, они искажают действительность. Об этом писал еще В. И. Ленин: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»⁵. Именно в грязных, антикоммунистических целях сегодня подбирает фактики из истории социализма буржуазная пропаганда.

Софистика. Единство раздваивается на две стороны, на две противоположности. Следовательно, всесторонний охват единства познанием может выражаться в рассмотрении его этих сторон по формуле — «с одной стороны, с другой стороны».

Диалектика. Внешне кажется так, но это внешнее правдоподобие скрывает внутреннее заблуждение, что исключает возможность его истинного познания. Такой подход создает видимость «всестороннего» анализа, всестороннего учета всех связей, но при этом непременно игнорирует сущность единства. Научную несостоятельность этого способа рассмотрения вскрыл еще В. И. Ленин, в особенности на примере логического анализа тактики Каутского и других лидеров II Интернационала в период мировой войны. Как известно, лидеры II Интернационала замазывали империалистический характер этой войны софизмами, в том числе и таким, как рассуждение Каутского о том, что эта война «не чисто империалистическая». Он считал, что в этой войне были и национальные проблемы и империалистические тенденции, то есть доказывал, что война «с одной стороны» империалистическая, а «с другой стороны» национально-освободительная. В. И. Ленин писал, что чистых явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может. В какой-то степени, конечно, национальный момент в этой войне

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

имел место (сербско-австрийский конфликт). Однако этот момент не имел решительно никакого значения для империалистической сущности войны в целом. Но выпячивание, подчеркивание этого момента означает замазывание действительной сущности этой войны, ее империалистического, грабительского характера. Она же, не с одной стороны, империалистическая, а с другой, — нечто другое, а *со всех сторон* империалистическая.

Формой проявления этой разновидности софистики является и такой прием, как игнорирование сущности путем перечисления некоторых случайно выхваченных признаков предмета, без внутренней связи и условий их проявления. Так, во время профсоюзной дискуссии Бухарин пытался на примере стакана софистически доказать свою позицию, состоявшую в примирении ленинской формулы «профсоюзы — школа коммунизма» с троцкистской формулой «профсоюзы — административно-технический аппарат управления». «Стакан есть и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья», профсоюзы — «с одной стороны, школа, с другой, — аппарат управления», — рассуждал он. В. И. Ленин на том же примере стакана показал принципиальное отличие диалектики от софистики и эклектики.

Эклектик выхватывает случайные, несущественные различные признаки предмета, ставя их в случайную связь. Диалектик же, всесторонне изучая предмет в его развитии, *открывает сущность предмета, выделяет, оттеняет, подчеркивает ее*. Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства, или качества, или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений со всем остальным миром. Если стакан нужен как инструмент для питья, то совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан. Если стакан — инструмент для питья, то он не с одной стороны инструмент для питья, а с другой — нечто другое, а со всех сторон инструмент для питья — в этом его сущность.

Софистика. Позвольте, но ведь общепринято и общеизвестно, что, например, человек есть сложное био-социальное явление. А это значит, что человек, с одной стороны, сложнейшая биологическая система со всеми присущими живому организму физиологическими, биологическими и иными закономерностями, а с другой — продукт исторически сложившихся общественных отношений, социальной среды, содержащей множество влияющих на него факторов, отсутствующих в изначально природных условиях. Вот и получа-

ется, что истина заключается в формуле: «с одной стороны» и «с другой стороны».

Диалектика. Здесь смешиваются биологические, физиологические предпосылки человека с его сущностью. Предпосылки явления не есть само явление. Такое смешение исключает возможность познания явления. Сущность человека есть совокупность общественных отношений, и не с одной стороны, а со всех сторон. Одно из важнейших требований научного познания — *всестороннее рассмотрение* любого единства, однако таким образом, чтобы после возможного всестороннего учета всех связей, отношений, сторон единства непременно *вычленять его сущность*, а не растворять ее во множестве мелочей, подробностей и т. д. Особенность этой разновидности софистики состоит в том, что она как раз под видом «всесторонности» уничтожает сущность единства. «При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития»⁶.

Софистика. Как же можно говорить об определенной сущности единства, если и сущность, и единство, и его противоположности изменчивы, подвижны, к тому же взаимно превращаются друг в друга?

Диалектика. Отрицание качественной определенности данного единства на основе «субъективной гибкости понятий» ничего общего с научным познанием не имеет. Так, если Каутский софистически преувеличивал роль национального момента в первой мировой войне, то Р. Люксембург, напротив, на основании того, что всякая национальная война может в определенных условиях превратиться в империалистическую, стала утверждать, что в эпоху империализма вообще невозможны национальные войны. Верно, конечно, что все грани условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистическую и обратно. Но «только софист мог бы стирать разницу между империалистической и национальной войной на том основании, что одна *может* превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности вся-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 21.

ких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии»⁷.

Софистика. Если всякое единство раздваивается, а Вы доказываете, что это так, то международное коммунистическое движение не составляет исключения. А это значит, что раскол международного коммунистического движения является закономерным и оправдан самой его диалектикой.

Диалектика. Вы искажаете научное понимание «раздвоения единого». Это *догматически-механическое или формальное представление о раздвоении единого*, которое это раздвоение единого понимает не как диалектический процесс, а как механическое деление целого на две части. Так понимая раздвоение единого, левые ревизионисты и всякие маонисты в рабочем движении софистически обосновывают «неизбежность раскола международного рабочего движения». Но это — философское освящение расколынической, антикоммунистической деятельности сторонников этого механицизма. Между тем научное понимание раздвоения единого не оправдывает никакого раскола в коммунистическом движении, а, напротив, требует укрепления, сплоченности, монолитности международного коммунистического движения. И это вовсе не исключает того, что последнее действительно в себе раздваивается, но в том смысле, что в нем, как в здоровом живом организме, непрерывно происходит «обмен веществ»; старые организационные, тактические формы, приемы и т. д. сменяются новыми, соответствующими новому содержанию и задачам революционной борьбы, то есть происходит непрерывное его совершенствование, развитие, обогащение.

Софистика. Но каждый может по-своему понимать и доказать верность своего понимания.

Диалектика. Об этом же речь. Немошь рассудка, который занят тем, что членит единство на две части, но не хочет и не может видеть ни сущности, ни единства как оно есть в себе, ни взаимопереходов противоположностей, довольствуется случайным признаком, моментом или отрицает качественную определенность на основании «гибкости» понятий, — этим объясняется и формально-логическое тождество.

Софистика. Что это означает? Есть тождество одно, которое выражается логическим законом тождества: $A=A$ или отрицательно: A не может быть одновременно A и не — A ; или $A=B$ при том условии, если все свойства, характеризующие A , характеризуют и B . Это общеизвестно и общепринято. Возьмите «Философ-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6.

скую энциклопедию» (М., 1964, т. 5, с. 238), где речь идет об этом тождестве и больше ни о каком другом тождестве и речи нет. То же самое говорится во всех учебниках и монографиях по формальной логике.

Диалектика. Верно, такое тождество есть. Но это формально-логическое тождество. Кроме этого есть диалектическое тождество. Формальная логика, изучающая устойчивые, внешние формы мышления, независимо от их конкретного содержания, исторически возникла раньше всякой другой науки о мышлении, и в той или иной мере она одна выполняла функции науки о мышлении. Не случайно исстари установилась традиция, согласно которой под логикой и до сих пор понимается только формальная логика.

Познание предмета должно начинаться с внешнего знакомства с ним. И как бы ни удовлетворяла познание формула $A=A$, она, безусловно, присутствует в нем, является его необходимым условием и в той же степени его необходимым атрибутом.

Однако такое тождество есть абстрактное тождество, ибо если все абсолютно тождественно с собою, то не различно, не содержит в себе различия или если все абсолютно различно, то не тождественно с собою: если $A=A$, то A не есть не $-A$, или если $A=$ не $-A$, то A не может равняться A . Иными словами, «или-или». Или, если $A=A$, тогда A не может быть одновременно A и не $-A$; или, если $A=$ не $-A$, то A не может быть A . Таким образом, или тождество, или различие: тождество и различие существуют рядом, возле друг друга.

Софистика. Выходит, по-Вашему, что кроме тождества, выражаемого логическим законом $A=A$, есть и другое тождество?

Диалектика. Да, есть. Это *конкретное тождество*. Поскольку формальная логика своим предметом имеет формы мышления со стороны их внешности и устойчивости, постольку она имеет дело не с конкретным, а с абстрактным тождеством. «Принцип тождества в старо-метафизическом смысле, — писал Ф. Энгельс, — есть основной принцип старого мировоззрения: $a=a$. Каждая вещь равна самой себе... естествознание в последнее время доказало в подробностях... тот факт, что истиннос, конкретное тождество содержит в себе различие, изменение. — Как и все метафизические категории, абстрактное тождество годится лишь для *домашнего* употребления, где мы имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени ... Но для обобщающего естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно...»⁸ Узость, недостаточность, односторонность формально-логического понимания тождества ликвидируется диалектико-материалистиче-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 530—531.

ским его пониманием. Диалектика как логика исходит из того фундаментального принципа, что *всякое действительное, материальное и идеальное тождество есть тождество противоположностей*. Последнее не есть «одинаковость», «равенство» предмета с самим собой и не равенство, сходство ряда предметов, их идентичность и т. д. Оно в сущности *есть совпадение, взаимопроникновение, равнодействие, взаимодействие противоположностей*. Это такое тождество, которое невозможно, немислимо без различия в себе, которое заключает внутри себя различие и само в себе есть различие, ибо говоря, что оно есть тождество противоположностей, мы тем самым признаем, что оно есть тождество различий или различных противоположностей.

Софистика. Такое тождество не имеет права на существование. Сознание человека должно быть определенным, ясным по формуле «или-или», а тождество, заключающее в себе различие, а различие — тождество, — это путаница!

Диалектика. Сознание человека должно быть ясным, определенным! Это верно. Но оно тогда является ясным, когда адекватно совпадает с объективным предметом. Если предмет есть в своем объективном бытии тождество противоположностей, то его ясное отражение в голове должно быть также тождеством противоположностей. Ближайшее рассмотрение показывает, что абстрактное тождество $A=A$ задерживает мышление, образно говоря, у входа в предмет, на внешней его границе, не допускает самой возможности проникновения познающего мышления в сущность предмета, следовательно, исключает возможность его познания как оно есть в себе. Но познание не может остановиться у входа в предмет, а должно проникать в его сущность, «просвечивать» его внутренние процессы, стороны, связи, отношения — его внутреннюю объективную диалектику.

Разум имеет обусловленное общественно-исторической практикой и потребностями ее развития неистребимое стремление знать все как в историческом, так и в логическом плане, с необходимостью восходит от внешности, «внешней рефлексии», продуктом которой является $A=A$, к внутренним процессам, изучая тождество как оно есть в себе. *А тождество как оно есть в себе заключает в себе различие: $A=A$, и не $-A$* . Именно эта формула выражает полноту истины.

Следует подчеркнуть, что диалектико-материалистическое понимание тождества $A=A$ и не $-A$ отнюдь не отбрасывает формулу $A=A$, а содержит ее в себе как внешний момент, но вместе с тем и не сводится к ней. Формула $A=A$ не выражает никаких изменений, не касается вопроса ни о возникновении, ни о развитии, ни об исчезновении явлений, ни о развитии знаний о них. Напротив,

формула $A = A$ и не $-A$, выражая единство устойчивости и изменчивости, дает ответ на вопрос о возникновении, развитии и превращении, исчезновении явлений, а также на вопрос о том, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным. Но такое тождество есть выражение жизненности, внутренней жизнедеятельности единства, есть взаимопереход, взаимопревращение противоположностей. Иными словами, само различие, заключенное в самом тождестве, есть взаимопереход противоположностей.

Софистика. В таком случае, почему в литературе по логике ничего не говорится об этом, как Вы говорите, конкретном тождестве?

Диалектика. Вы ошибаетесь. Конкретное тождество всесторонне разработано Гегелем на идеалистической основе, а классиками марксизма на материалистической основе, а также советскими марксистскими диалектическими логиками. Но его игнорируют неопозитивисты и формальные логики — либо по недомыслию, либо сознательно.

Софистика. Вы хотите сказать, что и различие бывает двоякого рода? Речь может идти только об одном единственном виде различия, выражаемого формулой $A \neq B$.

Диалектика. Это абстрактное различие, односторонне фиксирующее внешность, внешнее различие, которое снимается конкретным различием как всесторонностью. Как в самом объективном мире, так и в истинном познании нет тождества без различия. Когда мы говорим о тождестве без различия, то имеем дело с односторонностью рассудка, который действует как раз разделяющим образом. То же самое нужно сказать о различии без тождества. *Истинное, действительное различие есть конкретное различие.* Оно всегда заключает в себе тождество и невозможно, немислимо без него. Это такое различие, которое есть другое сущности в себе и для себя, а не другое как другое некоторого находящегося вне его другого, но есть отрицательность самого себя, различие не от некоторого другого, а себя от самого себя, оно есть свое другое, оно есть тождество. Различие имеет оба момента: тождество и различие. В этом единстве каждый момент есть соотношение с самим собой.

Тождество в различии, различие в тождестве — таково диалектическое понимание тождества и различия. *Тождество есть тождество противоположностей. Но и различие есть то же тождество противоположностей*, ибо одновременное взаимопроникновение и взаимоисключение противоположностей есть одновременно и тождество и различие. Это убедительно показал Энгельс на простом примере в письме К. Шмидту: «Например, яркий образец нераздельности тождества и различия Вы как жених найдете в себе

самом и в Вашей невесте. Совершенно невозможно установить, является ли половая любовь радостью от того, что тождество в различии или различие в тождестве? Откиньте здесь различие (в данном случае полов) или тождество (принадлежности обоих к человеческому роду), и что же у Вас останется? Я припоминаю, как меня вначале мучила как раз эта нераздельность тождества и различия, хотя мы не можем и шагу ступить, чтобы не наткнуться на это»⁹.

Игнорирование как тождества и различия, так и их единства есть одно из проявлений рассудка, между тем эти противоположности возможно выразить лишь только в определениях разума, и то высшего порядка, в научной теории. На антинаучный характер метафизического отрыва тождества и различия друг от друга указывал К. Маркс, который писал: «Весь *грубый* характер «здорового человеческого смысла», который черпает «из гущи жизни» и не калечит своих *естественных* наклонностей никакими философскими или другими научными занятиями, сказывается в том, что там, где ему удастся заметить *различие*, он не видит *единства*, а там, где он видит *единство*, он не замечает *различия*. Когда он устанавливает *различающие определения*, они тотчас же окаменевают у него под руками, и он усматривает самую вредную софистику в стремлении высечь пламя из этих окостенелых понятий, сталкивая их друг с другом»¹⁰. То, что рассудок разделял и абстрагировал от целого, единого, разум сводит к его внутренней жизненности, к внутреннему тождеству, к сущности, синтезируя разрозненные, изолированные рассудком противоположности, «высекая из них пламя».

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что всякое явление есть тождество противоположностей, а следовательно, и его истинное познание должно быть тождеством противоположностей. Научная теория познания и есть «учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными* *противоположностями*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»¹¹. Такое тождество возможно только на уровне разума. Но велико, неопределимо его значение для научного исследования.

Образцом разработки и применения принципа тождества противоположностей является «Капитал» Маркса. Каждое положение,

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 176—177.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 299.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 98.

каждая политико-экономическая категория, каждый параграф, глава, отдел, том, наконец, все три тома — от начала до конца этого гениального труда исследуются на основе этого принципа. Так, товар есть тождество противоположностей — потребительной стоимости и стоимости.

Софистика. Позвольте, но сам Маркс товар определяет как единство потребительной стоимости и меновой стоимости. Он писал, что товар как таковой представляет собою непосредственное единство потребительной стоимости и меновой стоимости¹².

Диалектика. Правда, Маркс исследование начинает с этого единства, но для того, чтобы восходить от наглядного, чувственно-данного, от внешней формы к сущности, вскрыть стоимость, эту скрывающуюся за этой формой «мистерию», которая не дана в созерцании. Следовательно, истина, по Марксу, состоит в том, что товар есть тождество потребительной стоимости и стоимости. Меновая же стоимость есть форма проявления стоимости.

Труд также Марксом исследуется, в отличие от Смита и Рикардо, как тождество противоположностей — абстрактного и конкретного.

Софистика. Маркс в «Капитале» рассматривает не труд вообще, а труд товаропроизводителей. Если «Капитал» посвящен капиталу, то все, что в нем написано, относится только к капиталу. Поэтому, если говорится о двойственном характере труда, то это относится только к труду товаропроизводителей. А это значит, что Ваш «принцип тождества» не применим к труду вообще, то есть не имеет всеобщего значения.

Диалектика. Почему же. Если в «Капитале» говорится, что, скажем, «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой...», то под этим тоже нужно понимать только труд товаропроизводителей? В нем исследуются и понятия общесоциологического значения, такие, как «труд», «производство», «производственные отношения» и т. д.

Софистика. Если последовательно использовать подобную аргументацию, то любую категорию, рассмотренную в «Капитале», можно будет зачислить во внеисторические.

Диалектика. Предметом «Капитала» является не «товарное производство вообще», а капитал, и более того, не просто капитал, а капитал развитой, капитал второй половины XIX в. Но это отнюдь не исключает того, что Маркс исследует в «Капитале» понятия (категории), выражающие: 1) производственные отношения товарного производства вообще во всех социальных условиях: «товар», «потребительная стоимость», «меновая стоимость», «стои-

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 13.

мость» и т. д., и т. п.; 2) понятия, выражающие собственно капиталистические производственные отношения: «прибавочная стоимость», «норма прибавочной стоимости», «прибыль», «превращение нормы прибавочной стоимости в норму прибыли», «превращение прибыли в среднюю прибыль», «закон тенденции нормы прибыли к понижению» и т. д., и т. п.; 3) понятия, выражающие производственные отношения во всех общественно-экономических формациях, то есть общесоциологические: «труд», «производственные отношения», «производительные силы», «средства труда» и т. д., и т. п. Эти понятия смешивать нельзя. Допустим, Вы правы, когда слова Маркса «всякий труд» понимаете как труд только в условиях товарного производства. Но в то же время Вы не показываете где, когда существовал и может существовать труд не как тождество противоположностей.

Софистика. При определенных исторических условиях конкретный труд существует без абстрактного труда, и это вытекает из марксистской методологии о гибкости понятий, — в одних условиях есть единство абстрактного и конкретного, в других — нет, они могут существовать друг без друга.

Диалектика. Этот софизм не только ничего общего не имеет с марксизмом, а прямо направлен против него. Во-первых, не всякая гибкость понятий есть диалектика, ибо «гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике»¹³; во-вторых, невозможно, немислима одна противоположность единства без другой: «Одна сторона противоречия так же немислима без другой, как невозможно иметь в руке целое яблоко после того, как съедена его половина»¹⁴. А Вы доказываете, что «возможно»! Нет таких двух видов труда. Видов труда бесчисленное множество, но каждый (любой) вид труда есть тождество противоположностей — абстрактного и конкретного. Подобное мнение находится как раз на уровне (это доступно рассудку) классической политэкономии Смита и Рикардо, которая «нигде прямо не проводит вполне отчетливого и сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и *тем же самым трудом*» (курсив наш. — А. М.), поскольку он выражается в потребительной стоимости продукта»¹⁵. У Маркса совершенно ясно и четко сказано об одном и том же труде («тем же самым трудом») как тождестве противоположностей. Но допустим, где-то, когда-то будет конкретный труд без абстрактного. Не думаете ли, что не будет затраты человеческой рабочей энергии, то есть не будет людей, а останутся одни машины,

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 99.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 70.

¹⁵ Там же, т. 23, с. 90.

например, роботы, которые будут выполнять конкретный труд без абстрактного?

Софистика. Нужно учесть и то, что в «Капитале» К. Маркса термин «конкретный», данный в сочетании со словом «труд», выражает не философское понятие «конкретного» как единства многообразного, а специализированный труд.

Диалектика. Всякий труд есть «специализированный» труд, ибо существует в определенной конкретной, специальной форме, то есть конкретный труд, содержащий в себе свою сущность — абстрактный труд. Назовете ли конкретный труд «специализированным» или чем-то другим, от этого ничего не изменится.

Софистика. Справедливо, конечно, что любой труд требует расходования рабочей силы человека. Но отсюда отнюдь еще не следует, что абстрактный труд — внеисторическая категория. В том-то все и дело, что труд как таковой и труд абстрактный, то есть создающий стоимость — не тождественные понятия. Только при определенных исторических условиях труд выступает и как частный, и как общественный.

Диалектика. Во-первых, труд как таковой и труд абстрактный нельзя отождествлять, ибо труд абстрактный есть одна сторона, одна противоположность единого труда, другой его противоположностью является конкретный труд; во-вторых, абстрактный труд нельзя отождествлять с абстрактным трудом — субстанцией стоимости, поскольку первый аспект понятия «абстрактный труд» есть простая затрата человеческой энергии, свойственная любому труду в любых социальных условиях, независимо от этих условий, как «человеческий труд вообще, абстрактно-человеческий труд, то есть затрата человеческой рабочей силы»¹⁶, как «*абстрактный* человеческий труд, человеческий труд вообще»¹⁷ Второй аспект этого понятия — абстрактный труд, который в определенных социальных условиях создает стоимость.

Софистика. Из принципа историзма вытекает, что одни категории носят исторический характер, а другие — неисторический. Абстрактный труд носит исторический характер, то есть при коммунизме отомрет, а конкретный сохранится, пока есть люди.

Диалектика. Прежде всего напомним суть этого принципа: «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь ста-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 149.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 61.

ла теперь»¹⁸. Следовательно, все категории носят исторический характер, ибо все они возникли, проходили главные этапы в своем развитии и теперь стали такими-то. А потому нелепо делить категории на «исторические» и «неисторические».

Но что значит: абстрактный труд носит исторический характер? Это означает, что, во-первых, он как расходование человеческой рабочей силы возник вместе с возникновением человеческого общества; во-вторых, он проходил в своем развитии такие главные этапы, как первобытное общество, где он не создавал никакой стоимости, «в античной домашней промышленности женщины производили платье, не производя его меновой стоимости»¹⁹, рабовладельческое, феодальное и капиталистическое общества, где он создавал стоимость, сообразно этим социальным формам; в-третьих, он развивается к коммунизму, где он не будет создавать никакой стоимости, а будет создавать продукт труда, свободный от товарной формы, то есть возвратится к своему исходному состоянию, но на высшей основе. Отрицание отрицания! И все эти метаморфозы он проделал, разумеется, в единстве со своей противоположностью, в конкретной форме, то есть конкретным трудом.

Утверждать же, что абстрактный труд «историческая» категория в том смысле, что он есть только «свойство товарного производства», означает утверждать самый настоящий антиисторизм, ибо допускается, что в условиях нетоварного производства имел и будет иметь место конкретный труд без своей противоположности, то есть без затраты человеческой энергии.

Софистика. Быть может, Вы правы по отношению к труду, но Ваше пресловутое «тождество противоположностей» абсолютно неприменимо к исследованию стоимости. Так, Маркс показал, что в обмене один товар принимает относительную форму, а другой — эквивалентную. Вот как он пишет: «Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга»²⁰.

Диалектика. Однако здесь Маркс опять-таки фиксирует лишь эмпирическую, внешнюю форму обнаружения стоимости, но не теоретическую, то есть не самой стоимости. Ибо в понятии стоимости выражается не внешнее отношение одного товара к другому, а отношение данного товара к самому себе, рефлексированному через отношение к другому товару. В отношении к другому товару стоимость проявляется лишь односторонне.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 23.

²⁰ Там же, т. 23, с. 58.

Софистика. Почему Маркс сначала утверждает одно, а затем — другое?

Диалектика. Речь идет об «одном и том же». Но последнее им исследуется всесторонне: сначала одна сторона, потом — другая и т. д., а затем их синтез как тождество противоположностей. Поэтому в дальнейшем исследовании Маркс показывает, что в обмене один и тот же товар не может находиться в обеих формах и *должен находиться*, ибо каждый из двух товаров взаимно полагает в другом ту форму, в которой не может находиться. Владелец холста рассматривает сюртук только как эквивалент, а свой товар (холст) только как относительную форму. Владелец же сюртука мыслит как раз наоборот. Оба товара измеряют свою стоимость друг в друге и взаимно служат материалом измерения. Следовательно, один и тот же товар вынужден одновременно, в одном и том же отношении находиться сразу в обеих формах. Опять «пресловутое тождество противоположностей», причем не двух товаров, а одного и того же товара.

Совпадение противоположностей в то же время есть собственная отрицательность, есть несовпадение, поскольку есть совпадение противоположностей, каждая из которых в данном единстве, в данном целом, в одном и том же отношении имеет свое качественно отличное бытие, качественную определенность, имеет свою специфику, занимает в нем особое место, положение, играет особую роль и т. д. Следовательно, тождество само внутри себя распадается на совпадение и несовпадение противоположностей, на тождество и различие, поскольку каждый из этих моментов единства имеет свое бытие, заключающее в себе собственную отрицательность.

Таким образом, тождество в различии и различие в тождестве вовсе не выдумка идеалиста Гегеля, а адекватное постижение в определениях разума объективно существующего вне мышления конкретного тождества. Тождество же вне различия и различие вне тождества, как абстрактные тождество и различие, соответствуют переходу от нерасчлененного целого к абстрактному разделению его, к абстрактной разрозненности, внутренне не взаимосвязанной «многосторонности» в истории познания и переходу от нерасчлененного чувственно конкретного к абстрагированному и разделению рассудком целого на отдельные изолированные моменты его в логическом познании. Это совпадение исторического и логического снимается разумом в высшем единстве, в высшем синтезе, как в истории познания, так и в логическом познании.

Так, рассудок как в истории познания, так и в логическом познании членит единое на противоположности и находит, что последние тождественны или различны. Разум же открывает, что эти

противоположности одновременно и тождественны и различны, что тождество есть различие, а различие — тождество, что эти противоположности суть моменты целого. Воспроизведение целого в мысли или воспроизведение конкретного тождества как тождества противоположностей возможно лишь в определениях разума, понятия. «...Однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятия. Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир исключительно ей присущим образом...»²¹.

Тождество и различие суть отношение внутри одной и той же сущности, а не между разными сущностями. Внутренние противоположности одной и той же сущности, одного и того же целого, одной и той же системы предполагают друг друга в себе и для себя, совпадают, тождественны и одновременно не совпадают, различны, имеют разную специфику, разные тенденции и т. д. Различие есть тождество таких, которые суть лишь поскольку они не суть одно, и разъединение или различие таких, которые суть лишь как разъединенные в одном и том же отношении. Именно *противоположности разъединены в одном и том же отношении*. Или одно и то же отношение имеет две противоположные стороны или противоположные тенденции. Это отношение между тождеством и различием и есть противоречие.

Софистика. Почему противоречие есть только отношение между тождеством и различием противоположностей? Существует множество интерпретаций противоречия. Так, одни авторы под противоречием понимают путаницу в сознании, ошибку; другие — порок, недостатки; третьи — трудности; четвертые — тормоз; пятые — двигатель; шестые — зло; седьмые — аномалию; восьмые — борьбу противоположностей и т. д. и т. п.

Диалектика. Приведенные Вами интерпретации противоречия ничего общего не имеют с наукой.

Софистика. Возможно, не все интерпретации, приведенные нами, имеют силу научной истины. Но мы исходим, по меньшей мере, из следующей классификации противоречий: (А) диалектически-объективные и (Б) субъективные. Последние бывают либо формально-логические, либо диалектические, которые в свою очередь делятся на: 1) отражающие своим содержанием внешние объективно-диалектические противоречия, 2) гносеологические, неантиномические и 3) антиномии-проблемы. Причем эта точка зрения опубликована в журнале «Философские науки» (1978, № 6, с. 60).

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 727—728.

Диалектика. Если Вас правильно поняли, суть Вашей точки зрения состоит в том, что противоречия бывают диалектические и формально-логические?

Софистика. Это общепринято в литературе и общеизвестно!

Диалектика. Посмотрим, что означает логическое противоречие и что — диалектическое. Под диалектическим противоречием понимают жизненные, действительные противоречия. Такое деление противоречий, возможно, оправдывалось тем, что традиционная, или формальная логика, запрещающая противоречие в формах мышления, выдавалась за единственную. Но теперь, когда установлены место и роль элементарной логики в познании и она признана частной наукой, а современная диалектическая логика есть марксистско-ленинская философия, то под логическим «противоречием» более невозможно понимать путаницу, ошибку. Между тем логическое противоречие такое же жизненное противоречие, как и диалектическое. Это в сущности одно и то же противоречие.

Софистика. Вы отрицаете сам факт существования логического противоречия. А ведь противоречивость принята в науке и на протяжении тысячелетий — со времени Аристотеля — имела место.

Диалектика. Разумеется, формально-логическая мерка недостаточна для выражения противоположностей *в одном и том же отношении*, в особенности в научно-теоретическом мышлении. Но поскольку в литературе существует противоположное мнение, то следует несколько задержаться на этом вопросе. Безусловно, она в снятом виде необходима для теоретического выражения противоречия. Однако она со своим жестким «или-или» недостаточна и сама по себе не способна на это. Так, она никак не может согласиться с тем фактом, что прибавочная стоимость, капитал одновременно возникают и не возникают в сфере обращения. А ведь это так в самой жизни. «Наш владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы»²².

Софистика. Но почему капитал возникает «в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения»? Не лучше ли сказать, что «капитал возникает в производстве при посредстве обращения»?

Диалектика. Подобное формально-логическое «уточнение» искажает действительное положение вещей, поскольку разрывает

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 176—177.

противоречивое возникновение капитала на разные отношения, рассматривая их в разное время, в результате чего исчезает действительное противоречие. В истории философии такой взгляд не редкость. Так, В. Чернов рассуждал примерно так же: «Движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, в другой, следующий, момент в другом месте», — на что В. И. Ленин отвечал: «Это возражение *неверно*: (1) оно описывает *результат* движения, а не *само* движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний *покоя*, т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрито, отодвинуто, заслонено, занавешено»²³.

Софистика. Но если «одновременно находится и не находится здесь», то как же оно движется, перемещается?

Диалектика. В том-то и дело, что формально-логическая мерка по своей природе не способна адекватно отражать и выражать противоречие. Само собою ясно, если мышление подчиняется тем же диалектическим законам, что и объективный мир, то оно может быть истинным только при одном условии: если оно диалектично в своей сущности. Объективная диалектика может быть отражена истинно только диалектикой субъективной, то есть диалектическим мышлением. Каждая из противоположностей возможна благодаря своей другой и в другой, и не иначе, что, следовательно, единство как конкретное целое возможно благодаря этому взаимопроникновению, совпадению, равнодействию и взаимоисключению своих противоположностей.

Софистика. Выше Вы не согласились с формулой «с одной стороны» и «с другой стороны», а сейчас Вы соглашаетесь с ней — по содержанию, конечно, но только в другой форме.

Диалектика. И сейчас мы не согласны с этой пресловутой антинаучной формулой потому, что в раздвоенном единстве вычленим, подчеркиваем, оттеняем сущность, так как *одна из противоположностей, одна из крайностей берет верх над другой*. «Ибо, сколь бы обе крайности ни выступали в своем существовании как действительные и как крайности, — свойство быть крайностью кроется все же лишь в *сущности* одной из них, в другой же крайность не имеет значения *истинной действительности*. Одна из крайностей берет верх над другой. Положение обеих не одинаково»²⁴.

Выше было показано, что противоположности единства совпадают, равнодействуют. Однако **никакого дуализма сущности в действительном мире не существует**. Совпадение, равнодействие противоположностей означает, что каждая из них есть по существу «про-

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 232.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 322.

свечивание» себя в другом и даже полагание себя как другого. Значение истинной действительности заключается в сущности одной из них, другая — не имеет значения истинной действительности, поэтому объективная сущность хотя и противоречива, заключает в себе противоположные тенденции, тем не менее только одна из противоположностей представляет ее, в то время как другая противоположность подчиняется первой. Одна из них господствует над своей другой, подчиняет ее себе и для себя. Господствующая и подчиненная противоположности совпадают в том, что подчиненная должна быть подчиненной, чтобы могла господствовать господствующая, а последняя должна господствовать, чтобы могла быть подчиненной подчиненная. Таким образом, *господство есть в одном и том же отношении подчинение, а последнее — господство*. Следовательно, сущность одна, едина, *есть одно и то же отношение*, имеющее две стороны с противоположными тенденциями, в котором подчиненная сторона снимает себя в господствующей, является ее моментом, формой ее движения, способом ее господства.

Софистика. Приведите примеры.

Диалектика. Во-первых, пример не есть научное доказательство; во-вторых, подлинно научную всестороннюю разработку категорий противоречия дал Маркс в «Капитале». Каждая конкретная экономическая категория в «Капитале» является одной из форм взаимопревращения стоимости и потребительной стоимости. Однако анализ показывает, что *вся история развития товарно-денежных отношений есть история развития господства стоимости над потребительной стоимостью*. А при капитализме стоимость выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы. Стоимость является верховным судьей, решающим, определяющим, господствующим началом, сущностью, которая снимает в себе все прочие экономические формы, модифицируется, развертывается, обогащается, подчиняя себе и для себя все другие категории. Во всех трех томах «Капитала» красной нитью прослеживается, как стоимость развертывается, прокладывая свой собственный путь.

Софистика. Следовательно, стоимость как господствующая экономическая категория является вечной и будет таковой всегда во всех социальных условиях, даже при коммунизме?

Диалектика. Нет, не «следовательно»! Как самая стоимость, так и ее господствующее положение следует рассматривать исторически. С ликвидацией частной собственности на средства производства на более высоком уровне производительных сил исчезнет товарный характер продукта труда, исчезнет и его стоимостное выра-

жение. Следовательно, не только явления из себя представляют процесс, но и само противоречие.

Исследование противоречий в «Капитале» Маркса является не только образцом адекватного постижения объективных противоречий в теоретическом мышлении, но и доказательством того, что действительное, истинное постижение противоречия адекватно возможно лишь диалектическим мышлением, то есть противоречиво, лишь тогда, когда «мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного различия, до противоположности*. Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными (regsam) и живыми по отношению одного к другому, — приобретают ту негативность, которая является *внутренней пульсацией самодвижения и жизненности*»²⁵. Без логического принципа «заострения» невозможно воспроизводить целое тождество в противоположностях как оно есть в себе и для себя. Только благодаря этому принципу возможно преодолевать «односторонность» в познании и постигать целое как оно есть в себе, как тождество противоположностей.

Софистика. Вам не кажется, что Вы абсолютизируете «тождество противоположностей»? Ведь невозможно же всюду применять его. Возьмем заработную плату рабочего в буржуазном обществе. Человек трудится и получает за свой труд, то есть оплачивается его труд. И тут никакого тождества противоположностей нет.

Диалектика. Вещи в своем проявлении могут часто представляться в извращенном виде. Заработная плата, например, скрывает действительные отношения между рабочим и капиталистом. Но Маркс обнажает ее сущность, показывает, что оплачивается не труд, а стоимость рабочей силы, которая принимает превращенную форму заработной платы. «На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии»²⁶.

Таким образом, конкретность анализа есть не что иное, как анализ тождества противоположностей или анализ противоположностей в их тождестве, анализ тождества в различии, различия в тождестве, что означает совпадение теоретического противоречия со своим материальным аналогом, с объективным противоречием.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 128.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 550.

Софистика. Но другие науки развивались и развиваются, не зная никакого тождества противоположностей.

Диалектика. Даже тогда, когда «не знают никакого тождества противоположностей», его принимают стихийно, неосознанно. Сказанное подтверждается и современным развитием в естествознании, суть которого состоит в тождестве противоположностей. Процесс проникновения диалектики в научное познание и сознательного ее применения в научном исследовании — продолжительный, сложный, противоречивый, чреватый поиском, даже всякими отклонениями, отступлениями и т. д. По этому поводу еще Энгельс писал: хотя абстрактное тождество для обобщающего и теоретического естествознания совершенно недостаточно и хотя в общем и целом оно практически теперь устранено, но теоретически все еще властвует над умами, и большинство естествоиспытателей все еще воображает, что тождество и различие являются непримиримыми противоположностями, а не односторонними полюсами, которые представляют собой нечто истинное только в своем взаимодействии, во включении различия в тождество²⁷. С тех пор положение безусловно изменилось.

Современные научные теории характеризуются идеей изменчивости и взаимопревращаемости противоположностей. Теория относительности была бы невозможна без осознания идей внутренней необходимой связи пространственных и временных характеристик. Понятия «абсолютной длины» и «абсолютной продолжительности» уступили место релятивистским понятиям длины и противоположности; в неклассической физике, теоретической химии, молекулярной биологии, геохимии и т. д. понятия выражают новые глубокие синтезы и взаимопереходы. Тождество противоположностей все глубже проникает в науку, все решительнее выступает как всеобщий метод движения человеческой мысли и действия. Не случайно поэтому, что за последнее время всюду возрос интерес к нему.

Софистика. Разве в развитии современной физики, скажем, в достижениях квантовой механики, применяется «тождество противоположностей»? Отнюдь нет.

Диалектика. Безусловно, да! Ныне физике приходится все чаще и чаще оперировать *тождеством противоположностей* и в то же время все чаще и чаще отказываться от формально-логического абстрактного тождества. Она достигла такой глубины проникновения в объект, что пришла к необходимости сознательного синтеза в единое целое конечного и бесконечного, пространства и времени, прерывности и непрерывности, притяжения и отталкива-

²⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 531.

ния, отрицательного и положительного, симметрии и асимметрии, частицы и античастицы, корпускулы и волны и т. д.

Как известно, эти понятия, скажем, волны и частицы, были выработаны в физике вначале независимо друг от друга и отражали односторонние противоположности. Физики считали, что корпускулярными свойствами обладает только вещество, а волновыми — только поле. Характеристики волны: частота, длина, фазовая и групповая скорость, амплитуда, дифракция, распространение в бесконечность, непрерывность и т. д. и характеристика корпускулы: относительная устойчивость, дискретность, прерывность и т. д. — абсолютно взаимоисключающие противоположности.

Тем не менее дальнейшее исследование привело к пониманию одновременного наличия и волновых и корпускулярных свойств у одних и тех же объектов; частицы обладают теми характеристиками, которые считались присущими только полям, а поля обладают характеристиками частиц. Отмечая это обстоятельство, академик С. И. Вавилов писал, что жесткие антитезы старой физики — прерывное и непрерывное, корпускула и волны — вдруг предстали перед физиками в неоспоримом единстве. Вскрытое в итоге развития оптики «непреодолимое» противоречие волновых и корпускулярных свойств в световых явлениях есть новое выражение диалектики природы, реального единства противоположностей. Упрощенные механические представления классической физики о непрерывных волнах и прерывных частицах, якобы исключаящих друг друга, в действительных явлениях природы уживаются одновременно. Это непривычное для нас противоречивое единство свидетельствует только о недостаточности и примитивности нашей механической картины ²⁸.

Однако это вовсе не означает, что в этом отношении все решено и физики полностью овладели диалектикой микрообъекта. Под напором многочисленных фактов они все более признают противоречивую природу физических объектов, все более приближаются к диалектике, но не без колебаний и отступлений от нее. «Физик, — отмечал С. И. Вавилов, — постепенно подходит все ближе к постижению математических форм квантовой электродинамики, которые, наконец, соединят противоречивые да и нет в едином диалектическом законе» ²⁹. Именно «постепенно подходит». Об этом же писал Л. де Бройль: «...Мне не кажется, что современная атомная физика в какой-либо степени дошла до понимания подлинной природы дуализма волны-частицы» ³⁰.

²⁸ См.: Вавилов С. И. Глаз и солнце. М., 1950, с. 41.

²⁹ Вавилов С. И. Старая и новая физика. — В кн.: История и методология естественных наук. М., 1965, вып. 3, с. 12.

³⁰ Вопросы философии, 1957, № 4, с. 209.

Подтверждением того, что «физик постепенно подходит», но еще не дошел до понимания противоречивости микрообъекта, является принцип дополнительности Н. Бора. Вопрос состоит отнюдь не в том, что ныне физики не признают единства корпускулярно-волновой природы микрообъекта, а в другом — как выразить этот «дуализм» в определениях понятия. Старые понятия классической механики, опиравшиеся на формальную логику, не способны выразить его (и на эту их ограниченность указывал и Н. Бор), в то же время физики (в том числе и сам Н. Бор) не дали новых понятий для выражения названного противоречия. Как пишет академик В. А. Фок, «...все усилия Бора направлены к разъяснению ограниченности старых классических понятий, а не к разъяснению новых понятий, вводимых квантовой механикой»³¹.

Возникшая апория в свою очередь породила разного рода колебания; появились авторы, одни из которых считали, что нужно отказать от идеи корпускулы, а другие — от идеи волны.

Софистика. Но разве принцип дополнительности Н. Бора не является опровержением «тождества противоположностей»? Достаточно хотя бы схематично напомнить суть этого принципа: поскольку в атомной физике фиксация свойств микрообъекта возможна с помощью двух взаимоисключающих классов экспериментальных установок: один для познания волновых свойств, другой — корпускулярных и оба эти класса дополняют друг друга, то это и означает, что здесь нет места тождеству противоположностей. «...В квантовой физике, — пишет Н. Бор, — данные об атомных объектах, полученные при помощи разных экспериментальных установок, находятся в своеобразном дополнительном отношении друг к другу»³². Чтобы выразить в определениях понятия информацию о свойствах микрообъекта, полученную разными экспериментальными установками, Бор предлагал использовать два взаимодополняющих друг друга класса классических понятий: один для выражения волновых свойств, другой — корпускулярных.

Диалектика. Такой способ фиксации и выражения противоречия микрообъекта, безусловно, является важным шагом вперед по пути постижения этого противоречия в логике понятий. Вместе с тем поскольку согласно принципу дополнительности одновременно объективно существующие противоположности микрообъекта — волновые и корпускулярные свойства — в одной экспериментальной установке не проявляются одновременно, то фиксируется и выражается не тождество противоположностей, а противоположно-

³¹ Фок В. А. УФН, 1958, т. 16, вып. 4, с. 599.

³² Бор Н. Квантовая физика и философия. — Вопросы философии, 1964, № 8, с. 56.

сти вне тождества как сосуществующие, как рядоположенные, безразличные друг к другу.

Принцип дополнительности сам по себе выявляет идею внутренней противоречивости элементарной частицы, в отличие от ее внешней кажимой непротиворечивости. Сам Н. Бор считал, что дополнительный характер описания не является отрицанием объективного объяснения, наоборот, его целью является применение в атомной физике объяснения тождества, анализа и синтеза. Однако противоречивость отношения волны-корпускулы можно понять лишь на уровне высшего синтеза категориального отношения прерывного и непрерывного, возможного и действительного, сущности и существования. Когда противоречие рассматривается как отношение рядоположенных полюсов-противоположностей, без высшего синтеза, то неизбежно возникает необходимость в принципе дополнительности, который призван, как панацея, исцелить теорию от недопомогания. Это затруднение порождает попытку примирения антиномий путем построения двух различных теорий одного и того же предмета — одна соответствует тезису, а другая — антитезису. Таковы теории «комплементаризма», «контекстуального анализа» (Крошей — Уильямс), «динамической логики противоречия» (Стефан Лупаско) и др.

Эти теории, отвергая синтез, вовсе не разрешают противоречия, поскольку отношение полярности не может объяснять ни разрешения старого, ни возникновения нового противоречия в научных теориях.

Софистика. Выходит, что принцип дополнительности Н. Бора вовсе не выражает свойств микрообъекта. Это отрицание одного из важнейших достижений современной физики.

Диалектика. Мы выше подчеркнули важное значение этого достижения. Но принцип дополнительности не есть выражение противоречия микрообъекта; он не воспроизводит адекватно противоположностей в их тождестве, целого как оно есть в себе. Когда противоположности отражаются в разных отношениях, то отражается не действительное противоречие, а мнимое. «В разных отношениях» означает нечто внешнее, безразличное, но отнюдь не внутреннее тождество.

Софистика. Если Вас правильно поняли, то Вы хотите сказать, что современная физика еще не постигла «тождества противоположностей?»

Диалектика. Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что современная квантовая физика имеет громадные успехи, открыла противоречие микрообъекта, его корпускулярно-волновую природу, но не достигла еще теоретического воспроизведения этого противоречия в определениях понятия. Это объясняется объективным

ходом развития физики. Законом развития науки является попытка выражать новые результаты с помощью старых, уже сложившихся понятий. Пока наука не выработала нового понятия, адекватно отражающего новый результат, она должна, так или иначе, пытаться выражать последний старыми понятиями. Иного пути развития науки нет. Выработать новое понятие до нового результата это значит «давать науку до науки». Однако эта экстраполяция имеет тот недостаток, что новый результат фиксируется и выражается с помощью старых понятий односторонне, не полностью, не исчерпывающе, что приводит к значительным трудностям в познании новых идей и даже к их отрицанию. «Причина, по которой трудно охватить новую концепцию в любой области науки, — пишет американский физик Ф. Дайсон, — всегда одна и та же: современные ученые пытаются представить себе эту новую концепцию в понятиях тех идей, которые существовали прежде. Сам открыватель страдает от этой трудности больше всех; он приходит к новой концепции в борьбе со старыми идеями, и старые идеи еще долго потом остаются языком, на котором он думает»³³.

Перед нами типичный случай. Чтобы выразить противоречие микрообъекта в логике понятий, нужно выработать соответствующее понятие, адекватно выражающее это противоречие. Можно сказать, что квантовая физика сегодня находится на пути к этому или в стадии выработки этого понятия. А пока последнего нет, она вынуждена оперировать старыми понятиями, как-то объяснять ими новые результаты. Это признает и сам автор принципа дополненности: «Как бы далеко ни выходили явления за рамки классического объяснения, все опытные данные должны описываться при помощи классического понятия»³⁴. Но, во-первых, описание опытных данных не есть, конечно, научная теория. Развитие любой науки обеспечивается тем, что исследование восходит от «описания», от эмпирической стадии к теоретическому обобщению, синтетически выражающему сущность, тождество противоположностей; во-вторых, «классические понятия», выработанные классической физикой на основе формальной логики, несмотря на их важность, ценность, актуальность и т. д., далеко недостаточны для адекватного выражения результатов квантовой физики. Их ограниченность рано или поздно будет снята и они будут резюмированы в новые понятия, адекватно выражающие новые результаты; в-третьих, неизбежно будет выработана новая терминология для

³³ Дайсон Ф. Новаторство в физике. — В кн.: Над чем думают физики. М., 1963, вып. 2. Элементарные частицы, с. 91.

³⁴ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961, с. 60.

выражения нового содержания, ибо «в науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах»³⁵.

Софистика. Но каково бы то ни было новое понятие, выражающее свойства микрообъекта, оно, так или иначе, должно выражать, с одной стороны, корпускулярные свойства, а с другой — волновые. Таким образом, вернулись к формуле «с одной стороны» и «с другой стороны».

Диалектика. В том-то и дело, что нет! Следует подчеркнуть, что вновь открытое, выработанное понятие, адекватно выражающее противоречие микрообъекта, должно быть преодолением его «дуализма». Знание микрообъекта, исходящее из того, что последний обладает, с одной стороны, корпускулярными свойствами, а с другой — волновыми, недостаточно, само по себе, ибо не есть адекватное отражение его объективной природы, не выражает его сущности, не указывает на то, какая противоположность господствующая, определяющая, ведущая, а какая подчиненная, снимающая себя в первой, являющаяся ее моментом.

Как сказано выше, «с одной стороны» и «с другой стороны» еще не есть адекватное совпадение мысли с объектом, ибо положение противоположностей не одинаково. Истинностью, действительностью обладает лишь одна сторона, другая же снимает себя в ней и для нее, являясь ее моментом. В данном случае, если наукой установлено, что волна обладает такими объективными характеристиками, как изменчивость, непрерывность, непрерывное распространение в бесконечность, а корпускула обладает такими объективными характеристиками, как дискретность, прерывность и т. д., то истинной, действительной противоположностью является волна, в то время как корпускула снимает себя в ней и для нее, являясь ее моментом, подобно тому как в единстве движения и покоя истинной, действительной противоположностью является движение; в единстве бесконечного и конечного — бесконечное; в единстве изменчивости и устойчивости — изменчивость; в единстве непрерывности и прерывности — непрерывность и т. д. Правда, истинность, действительность господствующей противоположности достигается путем взаимопревращения противоположностей единства — в данном случае волны и корпускулы. Но ведь само это взаимопревращение ближайшим образом есть действительность восхождения, обогащения господствующей противоположности.

Следовательно, сущность каждого явления противоречива, но дуализма сущности не бывает, сущность микрообъекта противоречива, но в действительности нет его дуализма. Дуализм же возникает тогда, когда постигающее микрообъект мышление задер-

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, кн. 31.

живается на уровне рассудка, не восходит к разуму, не снимает узости, ограниченности рассудка. Современный научно-технический прогресс свидетельствует о том, что наука, как никогда ранее, в широких масштабах, все более интенсивно, все более уверенно и глубоко проникает во внутреннюю противоречивую природу своего объекта, доказывая на каждом шагу объективный характер противоречий.

Тем не менее и сегодня находятся философские направления и направления, школы и школы, которые в той или иной форме отвергают действительные противоречия. В наше время, пожалуй, самым активным противником категории противоречия (а следовательно, диалектики) является неопозитивизм. Последний, выдвигая на первый план обыденное рассудочное мышление в качестве критерия научности, отвергает категорию противоречия лишь потому, что она «не доступна рассудку». Последний провозглашается судьей всего познания и только тем и занят, что принимает окончательное решение: что доступно рассудку — истинно, что недоступно — ложно. Существует много форм проявления этой крайней субъективизации противоречия. Проповедуя языковой фетишизм и крайний феноменализм, неопозитивизм игнорирует теоретическое мышление и мешает таким образом развитию науки.

Софистика. А ведь давно известно, что «противоречивыми» бывают предложения, суждения или утверждения, а не вещи или события.

Диалектика. Это отрицание объективного характера противоречий, о чем шла речь выше.

Софистика. Допустим, признан объективный характер противоречия! Но разве оно является раз навсегда данным состоянием вещей? Разве возможно допустить, что действительная вещь никогда не бывает свободной от противоречия?

Диалектика. В современных условиях научно-технического прогресса и бурных социальных процессов трудно отрицать объективный характер противоречия. Но признание факта объективных противоречий еще не выводит мышление за рамки рассудка. Как говорилось раньше, и движение, и «борьбу» противоположностей, и противоречие может признать и метафизик, в особенности современный, ибо эти вещи до такой степени бесспорны, очевидны, что не все отважатся отвергать их. Все дело *в их интерпретации*, в их понимании.

Противоречие можно отвергать в разной форме. Скажем, можно признать его, но отвергать его исторический характер, отвергать его как процесс, что не редкость. Что же касается того, всегда ли противоречие присуще явлению, то следует подчеркнуть, что противоречие в явлении существует с самого его начала до конца,

что не бывает такого момента, чтобы явление было свободно от противоречия.

Софистика. А как быть с широко распространенным в литературе положением, что «противоречие существует не между формой и содержанием, а между старой формой и новым содержанием»? Значит, бывает такой момент.

Диалектика. Это положение ложное. Такого момента не бывает. Разумеется, на начальной стадии возникшего явления его противоречия не развиты, скрыты, находятся в «дремлющем» состоянии. «Борьба между капиталистом, — писал К. Маркс, — и наемным рабочим начинается с самого возникновения капиталистического отношения»³⁶.

Софистика. Если борьба между капиталистом и наемным рабочим начинается с самого возникновения их отношения, то почему наемный рабочий должен был идти на революции вместе с капиталистом и под его руководством?

Диалектика. Научное познание невозможно, если противоречие рассматривать раз и навсегда данным, мертвым, окостеневшим. Абсолютность противоречивости единства между противоположностями не исключает, а предполагает изменчивость, текучесть этой противоположности. Следовательно, *не только явление нужно рассматривать как процесс, но и его противоречие. Не брать его готовым, а изучать, как оно возникло вместе с явлением, какие различные этапы своего развития, обострения оно прошло, чем стало теперь, какова его природа, его тенденция, каковы внутренние и внешние условия его развития, какая его сторона, в каких условиях преобладает над своей другой и т. д.* Поскольку противоречие в зависимости от природы и условий развития явлений бывает различного характера, разной степени зрелости и т. д., то его анализ должен быть конкретным. Его познание невозможно, если игнорировать требование конкретности рассмотрения. А это значит, что борьба между капиталистом и наемным рабочим также есть процесс. На начальных ступенях она носила стихийный характер, не была развита, осознана, но она была, и как процесс проходит свой путь эволюции. Каждое конкретное противоречие, как любое другое явление, есть *процесс* и в своей эволюции проходит ряд этапов. Так, Маркс не только вскрыл в товаре, в зародыше все противоречия капитализма, но и проследил их развитие, самым тщательным образом, вплоть до мельчайших подробностей показал, как заложенное в товаре внутреннее противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, бывшее вначале неразвитым, скрытым и незаметным, пройдя ряд последовательных качественно своеобразных этапов в своем развитии, вырастает

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 438.

в конечном итоге в резко выраженный антагонизм между основными классами капиталистического общества — буржуазией и пролетариатом. А это и есть политическое выражение развития классовой борьбы пролетариата против буржуазии.

Софистика. Разве возможно говорить о развитии противоречия? Развивается не противоречие, а явление. Если развивалось бы противоречие, то нужно было бы выделить различные этапы этого развития, что абсолютно невозможно.

Диалектика. Нет, возможно! В развитии любого противоречия можно выделить в самом общем виде следующие основные этапы. На первом этапе противоречие характеризуется *господством тождества над различием противоположностей*. Здесь, во-первых, не все противоречия явления наличествуют: одни существуют в зародыше, а другие возникают позже; во-вторых, поскольку противоречие находится в скрытом, зародышевом состоянии, оно незаметно, потому его нельзя обнаружить и зафиксировать на эмпирическом уровне. Но в то же время господство тождества не исключает различия. Последнее наличествует всегда и своим бытием в тождестве обуславливает его господство. Господство тождества и подчинение различия свидетельствует о том, что на этом этапе *истинной, действительной противоположностью является тождество*. Именно оно характеризует явление на этом этапе.

Процесс обострения, углубления противоречий дополняется *возникновением новых противоречий*, которые непосредственно не содержались в «зародыше», но которые также проходят процесс обострения, развития. Господство тождества на первом этапе содержит в себе свою собственную противоположность, собственное отрицание. Последнее еще не совершенно, не развито, находится в подчиненном, зародышевом состоянии и не играет существенной роли в единстве, но господство тождества одновременно есть усиление различия, его имманентное развертывание. Чем совершеннее и продолжительнее господство тождества, тем успешнее и глубже усиление различия. *Развитие тождества есть, таким образом, дальнейшее расхождение противоположностей, т. е. развертывание своей отрицательности* различия, — причем в одном и том же отношении. Усиление расхождения, различия противоположностей мало-помалу, шаг за шагом, последовательно и неизбежно приводит к тому, что различие начинает господствовать над тождеством.

Второй этап противоречия характеризуется *господством различия над тождеством*. Последнее из господствующего положения теперь превратилось в подчиненное, а различие из подчиненного — в господствующее. Теперь *истинной, действительной противоположностью единства является различие, которое заключает в себе и*

для себя тождество как свой момент. Противоположности меняются местами, ролями, функциями и т. д., взаимно превращаются друг в друга, в то же время сохраняя единую сущность, на основе которой происходят эти метаморфозы. Дальнейшая эволюция противоречия означает его дальнейшее обострение, обогащение. Оно приобретает новые черты, новые стороны, становится богаче, конкретнее, достигает высшего напряжения и зрелости. Возникает объективная необходимость саморазрешения противоречия и перехода явления в новое качественное состояние.

Третий этап в эволюции противоречия характеризуется его практическим разрешением и переходом явления в свою противоположность, в новое явление, где совершаются те же процессы.

Во-первых, новое явление возникает в результате развития противоречий предшествующего ему старого явления и иначе не возникает; во-вторых, возникновение, становление нового явления и гибель старого явления есть одновременный процесс разрешения старых противоречий и возникновения новых противоречий; в-третьих, новое явление возникает (вообще движение, развитие имеет место) благодаря тому, что «борьба» противоположностей *абсолютна*, а их единство *относительно*.

Софистика. Что такое — абсолютность «борьбы» и относительность единства противоположностей?

Диалектика. Под абсолютностью «борьбы» и относительностью единства противоположностей мы понимаем следующее. Во-первых, новое явление возникает как результат «борьбы» противоположностей и иначе возникать не может; во-вторых, «борьба» между противоположностями выступает как внутренний источник развития явления, которое немисливо без нее, в-третьих, «борьба» противоположностей рано или поздно, но *непрерывно в определенных условиях ломает, преодолевает их единство — их взаимоисключение берет верх над взаимопроникновением*, — что ведет к коренному качественному изменению данного явления и возникновению нового; в-четвертых, разрешение противоречия означает, что обе противоположности одновременно погибают, изменяются коренным образом, поскольку процесс его разрешения и есть скачок, переход в новое; и, наконец, в-пятых, противоположности взаимно превращаются, причем их взаимопревращение следует рассматривать в двух аспектах: *внутри данного единства и во время скачка, при переходе от старого единства к новому*.

Софистика. Если даже согласиться с этим, то невозможно согласиться с тем, что «борьба» неизбежно должна ломать единство в результате ее обострения. Ведь общество вполне способно не допускать обострения «борьбы», а следовательно — ломки единства.

Диалектика. В истории познания капитализма были и подобные рецепты. Так, Сисмонди предлагал высшие ступени капитализма, где противоречия наиболее обострены, «отодвинуть назад» к более низким, где те же противоречия не развиты, то есть искал спасение в возврате к устаревшим формам антагонизма, чтобы избавиться от него в его острой форме. Но в том-то и дело, законы развития общества носят объективный характер.

Софистика. Почему нельзя действовать по плану Сисмонди?

Диалектика. Нельзя потому, что классовая борьба обостряется не по произволу людей. Взаимопревращение пролетария и буржуа в рамках капиталистического единства состоит в том, что пролетарий, производя и воспроизводя прибавочную стоимость, обуславливает не только свое эксплуатируемое бытие, но и эксплуататорское бытие буржуа, а буржуа, присваивая неоплаченный труд пролетария, обуславливает не только свое эксплуататорское бытие, но и эксплуатируемое бытие пролетария. А этот процесс прогрессирующий, следовательно, и борьба между этими классами есть прогрессирующий, восходящий процесс. Буржуазия как класс невозможна без пролетариата, без его труда, точнее без его эксплуатации, но и пролетариат в этом единстве невозможен без буржуазии, без той мизерной доли буржуазной частной собственности, которая служит средством поддержания жизни пролетариата. Капиталист производит рабочего, а рабочий — капиталиста. Каждый воспроизводит самого себя тем, что он воспроизводит другого, воспроизводит свое отрицание. Таким образом, это взаимопроникновение противоположностей есть их взаимодействие. Перед нами одно и то же отношение: эксплуатация, где на одном полюсе эксплуатируемый, а на другом — эксплуататор. Это отношение непрерывно воспроизводится и развивается до тех пор, пока не упразднится. Это и есть обострение классовой борьбы, обусловленное самой сущностью капитализма.

Что же касается второго аспекта взаимодействия, то суть его состоит в следующем: *скачок, переход в новое единство означает ликвидацию господства господствовавшей противоположности* и вместе с этим — подчинения подчиненной противоположности, то есть ликвидацию обеих противоположностей, что означает переход в эпоху диктатуры пролетариата.

Софистика. Как же ликвидируются обе противоположности, когда одна из них — пролетариат, по Вашему мнению, побеждает, устанавливает свое господство, свою диктатуру?

Диалектика. Нередко утверждается, будто при разрешении противоречия одна противоположность побеждает другую, сохраняется, а другая — погибает. При этом ссылаются на социалистическую революцию, в ходе которой буржуазия погибает, а проле-

тарнат сохраняется. Но все это внешнее умозрительное суждение. В сущности погибают обе противоположности старого единства, ибо речь идет о ликвидации одного и того же отношения. Победивший пролетариат — не тот пролетариат, который был угнетенным, эксплуатируемым, придавленным и т. д. Эти качества погибают вместе с буржуазией. Победивший пролетариат есть качественно новое явление, есть господствующий класс и т. д. Обе противоположности погибают одновременно, то есть происходит коренное, качественное изменение, превращение, переход. Так, в процессе социалистической революции наступает конец господству буржуазии и угнетенному, подчиненному положению пролетариата. Решающим условием этого процесса является диктатура пролетариата, без чего невозможен этот переход. Эпоха диктатуры пролетариата есть эпоха превращения капитализма в социализм.

Следовательно, *главное* не в том, что есть противоположности, есть «борьба» между ними и т. д., а *во взаимопревращении противоположностей*. Истина состоит в том, что тождество противоположностей есть признание, открытие противоречивых, **взаимоисключающих**, противоположных тенденций во всех явлениях, что суть, главное состоит в том, как могут быть и как бывают, как становятся тождественными противоположности, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека должен брать эти противоположности не за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую. Главное не в том, что есть классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, это признает и последняя, а в «устройстве государственной власти» пролетариата, в завоевании власти рабочего класса, чего не признает буржуазия и ее апологеты.

Софистика. Почему борьба должна обостряться? Во-первых, труд рабочего оплачивается капиталистом; во-вторых, рабочие своими забастовками добиваются увеличения зарплаты; в-третьих, в ходе рабочего движения профсоюзы находят общий язык с предпринимателями, заключая договоры и т. п.

Диалектика. Во-первых, оплачивается не труд, а стоимость рабочей силы; во-вторых, заработная плата рабочих существует не из филантропических соображений, а для того, чтобы рабочий мог существовать для производства прибавочной стоимости; в-третьих, ни изменения в зарплате, ни «нахождение общего языка» не снимают основного противоречия капитализма. Поэтому все теории буржуазной апологетики, суть которых — спасти гибнущий капитализм, не выдерживают никакой критики.

Софистика. Почему же? Разве нельзя, скажем, часть средств производства, принадлежащих буржуазии, раздать пролетариям

и таким путем не допустить обострения классовой борьбы пролетариата против буржуазии? Ведь последняя, ради своего сохранения, ради того, чтобы сделать невозможной социалистическую революцию, вполне может идти на такой шаг.

Диалектика. Нет, нельзя! Это — утопическая выдумка. Во-первых, буржуазия, тем более монополистическая, не пойдет на такой шаг, ибо ее сущность — извлекать все большую прибыль, чего она не может добиться без своей собственности на средства производства; во-вторых, если даже допустить такую возможность, то есть вернуть общество к докапиталистической эре, то оно вновь породило бы капитализм, то есть проделало бы тот же путь, ибо законы развития общества носят объективный характер. Это значит, что болезнь общества нужно лечить, а не загонять ее вглубь, а единственное реальное средство его лечения — это ликвидация капитализма во всех сферах общества.

Софистика. Спасением для капитализма является и научно-техническая революция. По мере ее дальнейшего разворачивания все более и более труд освободится от рабочего и, в конце концов, машина полностью заменит человека. Иными словами, капитализм будет существовать без рабочего класса, что исключит, таким образом, необходимость социалистической революции.

Диалектика. Это — очередная выдумка! Сам факт изобретения подобных «теорий» апологетикой капитализма является красноречивым доказательством ее вырождения, и чем больше она изобретает подобные «теории», тем более она разоблачает их антинаучный характер. Во-первых, современный научно-технический прогресс в условиях капитализма является бичом для трудящихся, ибо он ухудшает, а не улучшает их жизненные условия, поскольку он — причина безработицы, углубления эксплуатации, даже причина экологической проблемы; во-вторых, как показано выше, буржуазия и пролетариат не разные отношения, а одно и то же отношение, так что исчезновение одной противоположности этого отношения означает одновременное исчезновение другой противоположности; в-третьих, каких бы совершенств ни достигла машина, она всегда будет машиной и будет служить в качестве орудия труда в руках человека. Она немыслима без человека. Это значит, что где есть капитализм, там есть и рабочий класс.

Софистика. Вы доказываете, что разрешение противоречий есть развитие, а современный капитализм развивается, доказательством чего является научно-технический прогресс, чего Вы не отрицаете. Следовательно, противоречия в буржуазном обществе разрешаются.

Диалектика. При капитализме противоречия разрешаются. Но разрешаются частные противоречия, а не основное. Более того,

чем больше разрешается частных, второстепенных противоречий, тем более обостряется основное противоречие. Во-первых, разрешение противоречия — это вовсе не примирение составляющих его противоположностей и не «переход их в нуль», а «снятие» и развитие. Во-вторых, разрешение частных противоречий означает, что основное противоречие получило новую форму своего движения. Так, например, процесс обмена товаров включает в себе противоречие и исключают друг друга отношения. Но развитие товара не снимает этих противоречий, создает форму для их движения. Таков тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Разрешение какого-либо противоречия есть исчезновение именно данного конкретного противоречия (а не исчезновение противоречий вообще) и одновременно возникновение другого противоречия, другой его конкретной формы развития. То же происходит с основным противоречием. Разрешение частных противоречий есть появление новых форм его движения, развития.

Софистика. А что такое основное противоречие? Разве противоречия бывают основными и неосновными?

Диалектика. Не только бывают, а познание обязательно должно вычленил из остальной массы противоречий основное противоречие и оттенить, подчеркнуть его. В противном случае познание невозможно. Основное противоречие есть выражение сущности явления, его главное, основное содержание. Это такое противоречие, разрешение которого означает превращение данного явления в другое, новое явление. Основным противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Только его разрешение означает ликвидацию капитализма, что совпадает с социалистической революцией, точнее, разрешение этого противоречия и есть социалистическая революция. Это — один и тот же процесс.

Софистика. Вы сказали, что одно противоречие разрешается, а другое возникает. Какие противоречия возникают после разрешения основного противоречия капитализма?

Диалектика. Возникают новые противоречия нового общества! Но преимущества диалектики социализма перед диалектикой капитализма очевидны и состоят, по крайней мере, в следующем: при социализме противоречия неантагонистического характера, в то время как при капитализме противоречия антагонистического характера; неантагонистические противоречия социализма не есть резкое, глубинное столкновение людей, классов, в то время как антагонистические противоречия капитализма есть острое, грубое столкновение враждующих классов, которое неизбежно выражает-

ся в таких формах, как классовые битвы, вооруженные восстания, войны и т. д.; в обнаружении и ликвидации противоречий при социализме заинтересованы все социальные группы, слои населения, поэтому общество в целом выявляет и сознательно, планомерно разрешает их; разрешение противоречий при социализме совпадает с процессом подъема благосостояния всего общества, с развитием социализма, в то время как при капитализме не все классы заинтересованы в разрешении противоречий — буржуазия борется за сохранение противоречия, пролетариат — за его разрешение; при социализме объективная его природа дает возможность разрешения противоречия *своевременно*, не превращая их в конфликт, в то время как этого нельзя сказать о капитализме.

Софистика. Социализм есть сообщество людей. А разве могут жить люди без антагонизмов, разве в этом обществе нет антисоциальных явлений?

Диалектика. Такие явления, конечно, существуют. Но следует четко и определенно отличать подобные негативные явления от антагонистических классовых противоречий. Последние при социализме ликвидированы. Что же касается первых, то они могут быть порождены самыми различными причинами, ничего общего не имеющими с классовыми отношениями.

Софистика. Вы выше доказывали, что одна из черт антагонистического противоречия — это его разрешение *насильственными средствами*. Неразрешимых противоречий, как Вы утверждаете, нет, а противоречие между социалистическим и капиталистическим лагерями безусловно антагонистическое. Не следует ли из этого, что Вы проповедуете неизбежность войны между этими двумя лагерями?

Диалектика. Нет, не следует! Мы против войны, мы за мирное сосуществование этих двух лагерей, в особенности между государствами с различным социально-политическим строем вообще. В советском государстве существует закон, запрещающий пропаганду войны. Мы активно и настойчиво выступаем за то, чтобы не на поле боя, не на конвейерах вооружений решался спор социализма и капитализма, а в сфере мирного труда. Мы хотим, чтобы через границы, разделяющие эти два мира, проходили не трассы ракет с ядерными зарядами, а протянулись нити широкого и многообразного сотрудничества на благо всего человечества. Последовательно проводя эту политику, мы выполняем один из самых главных лозунгов Октября, заветов Ленина: мир — народам.

Софистика. Выходит, своей проповедью мирного сосуществова-

ния двух противоположных антагонистических систем и мира между ними Вы проповедуете увековечивание антагонистического противоречия между этими двумя системами и в то же время доказываете, что неразрешимых противоречий нет!

Диалектика. Неразрешимых противоречий нет. Как сказали, противоречие есть процесс, который неизбежно ведет к его саморазрешению. Так что и противоречие между двумя лагерями также разрешимо и, рано или поздно, неизбежно будет разрешено.

Софистика. Значит, война между ними неизбежна?

Диалектика. Нет, не значит! Чтобы убедиться в этом, давайте посмотрим, что такое разрешение этого противоречия. Это есть разрешение основного противоречия капитализма всюду и навсегда. А разрешение этого противоречия означает ликвидацию капиталистического лагеря, то есть ликвидацию антагонизма между двумя лагерями.

Софистика. Следовательно, погибнет все человечество, ибо, как Вы доказывали выше, разрешение противоречия есть гибель обеих его противоположностей, следовательно, гибель капитализма означает и гибель социализма, то есть всего человечества!

Диалектика. Прежде чем ответить на этот вопрос, хотим сделать следующее замечание. В истории человечества всегда бывало так: погибающий господствующий класс свою гибель всегда выдавал за гибель всей «цивилизации», а то и всего человечества. То же самое происходит сегодня: погибающий, уходящий капитализм свою гибель выдает за гибель всей «цивилизации». Достаточно напомнить многочисленные труды апологетов капитализма об этом — начиная хотя бы с «Заката Европы» О. Шпенглера и кончая современными теориями «круговорота» А. Тойнби, «ракообразного движения человечества», «гибели цивилизации», «гибели демократии» и т. д. и т. п. Что же касается гибели обеих противоположностей, то мы уже сказали, что под «гибелью» мы понимаем восхождение, развитие, а не превращение в нуль. Ликвидация капитализма означает ликвидацию противоположностей лагерей, поскольку повсеместно утвердился социализм. Следовательно, гибель капитализма не есть гибель человечества, а его восхождение, развитие.

Софистика. Ликвидация капитализма означает физическое уничтожение капиталистов и их защитников в ходе социалистической революции, что невозможно без вооруженного восстания и гражданской войны.

Диалектика. Во-первых, Вы искажаете суть научного понимания ликвидации капитализма. Она не есть физическое уничтожение капиталистов и их защитников. Социалистическая революция проводится под девизом: экспроприация экспроприаторов, что означает

лишение последних средств производства, созданных народом, и передача их ему, то есть утверждение социалистической собственности на средства производства. Во-вторых, в каких формах, какими средствами осуществляется социалистическая революция, — это всецело зависит от условий той страны, где она осуществляется. В одних странах возможен мирный путь перехода к социализму, с использованием даже форм буржуазной демократии, в других — немирный путь.

Софистика. Мирный путь перехода или немирный, все равно без физического уничтожения людей невозможен переход. Ведь не устарело положение Маркса: насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, беременного новым!

Диалектика. Нет, не устарело! Но все дело в том, как понимать насилие. Разумеется, в обоих случаях будет применяться насилие, но в одном случае оно будет означать экспроприацию экспроприаторов и никакого физического уничтожения, а в другом — возможно и последнее. Когда говорят о мирном пути перехода, то имеют в виду не абсолютное неприменение насилия вообще — такого на этой стадии развития быть не может, — а отсутствие вооруженного восстания, гражданской войны и т. д. Но в определенных условиях последние возможны, что означает немирный путь перехода. Более того, этот путь может быть разной степени напряжения, длительности и т. д. в зависимости от обстоятельств.

Софистика. В России в годы гражданской войны погибли тысячи и тысячи людей!

Диалектика. Верно! Но, во-первых, нельзя смешивать вооруженное восстание с гражданской войной. У нас речь шла конкретно об Октябрьском вооруженном восстании; во-вторых, гражданскую войну развязала внутренняя контрреволюция, то есть свергнутые эксплуататорские классы, которые с помощью внешней интервенции хотели восстановить старое. Но даже в этой ситуации физически уничтожались только те, кто с оружием в руках боролся против народа и его власти и сам убивал рабочих и крестьян. В то же время в эти годы приглашали трудиться и капиталистов, и интеллигенцию, и офицеров, ибо политика советской власти выражалась в лозунге: кто не работает, тот не ест. Так, например, в 1919 году в рядах Красной Армии сражалось около 35 тысяч генералов и офицеров, служивших раньше в царской армии.

Софистика. Гражданская война в России доказательство того, что война порождает революцию, для победы последней нужна война!

Диалектика. Решительно нельзя согласиться с этим. Война не есть причина социалистической революции!

Софистика. А исторический опыт! Достаточно перечислить некоторые факты, чтобы убедиться в этом. Вот они: 1. Парижская коммуна 1871 г. появилась во время франко-прусской войны; 2. Первая русская революция разразилась во время русско-японской войны; 3. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. совершились во время первой мировой войны; 4. Социалистический строй в ряде стран Европы и Азии возник и утвердился в ходе и в результате второй мировой войны. От этих фактов некуда деться!

Диалектика. Такой формальный подход ничего общего с наукой не имеет!

Софистика. Как не имеет? Ведь эти факты опровергать нельзя!

Диалектика. Эти факты опровергать нельзя. Но из этих фактов нельзя делать вывод о том, что для победы социалистической революции нужна война, тем более — мировая. Ваш вывод является абсолютно антинаучным, ибо он абсолютно оторван от жизни, абсолютно не учитывает тех коренных, глубоких изменений, которые произошли в жизни человечества.

Софистика. Разве когда совершались упомянутые факты, изменений не происходило?

Диалектика. Происходило! Но изменения изменениям рознь! Ваш вывод делается из старых фактов на основе полного, абсолютного отрицания фактов современных. Перечислим некоторые из них: ныне существует мощный развивающийся мировой социалистический лагерь — оплот мира и дружбы народов; ныне капитализм не является безраздельно господствующей системой в мире и не может по своему произволу развязывать войны; освободительное движение рабочего класса достигло высокого уровня организованности, зрелости; произошел распад колониальной системы; возможности капитализма систематически сокращаются, а социализма расширяются, развивается вширь и вглубь научно-технический прогресс и т. д. И если ко всему этому добавить, что война между двумя лагерями может стать термоядерной, в пучине которой может погибнуть все человечество, то станет совершенно очевидной бессмысленность такого самоубийства! Как же можно игнорировать все это?

Софистика. Вы преувеличиваете роль термоядерного оружия. Вот мнение бывшего помощника президента США З. Бжезинского: «неправильно считать, что использование ядерного оружия будет означать конец человечества. Это эгоцентрическая идея... Со строго статистической точки зрения, даже если Соединенные Штаты используют весь свой арсенал против Советского Союза, а Совет-

ский Союз использует весь свой арсенал против Соединенных Штатов, это не приведет к гибели человечества. Это весьма эгоцентричный подход» («Нью Йоркер», 1978, 1 мая).

Диалектика. Это мнение не отражает действительного положения вещей. «Со строго статистической точки зрения», этот господин — безответственный политический авантюрист. В Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС говорится: «Людьми хотят внушить, будто ядерная война может быть ограниченной, хотят примирить их с мыслью о допустимости такой войны. Но это же прямой обман народов! Ведь «ограниченная», по-американским понятиям, ядерная война, скажем, в Европе означала бы уже в самом начале верную гибель европейской цивилизации. Да и сами Соединенные Штаты, разумеется, не смогли бы остаться в стороне от пламени войны»³⁷. Сегодня в мире есть поджигатели войны. Но народы смогут их обуздать, сорвать их коварные замыслы, постоянно сохраняя и развивая высокую бдительность и готовность. «Империалисты и их пособники, — отмечалось на XXVI съезде КПСС, — систематически проводят враждебные кампании против социалистических стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвратить людей от социализма. События последнего времени еще и еще раз подтверждают: наши классовые противники учатся на своих поражениях. Они действуют против стран социализма все более изощренно и коварно»³⁸.

Софистика. Как бы там ни было, а все ведет к тому, что большая война неизбежна.

Диалектика. Конечно, исключить возможность такой войны нельзя. Но, во-первых, возможность не есть действительность; во-вторых, этой возможности противостоит другая реальная возможность — возможность мира; в-третьих, силы мира преобладают над силами войны; наконец, в-четвертых, возможность мира в этом единоборстве неизбежно победит, поскольку на ее стороне все более и более растущие объективные и субъективные факторы, обуславливающие переход всего человечества к социализму в мирных условиях. Как видим, переход к социализму не нуждается в войне. Этот переход есть скачок, к тому же великий.

Софистика. Почему этот переход есть скачок, к тому же великий? Разве правомерно делить скачки на великие и на невеликие?

Диалектика. Вы сразу поставили несколько вопросов. Начнем с последнего. Безусловно, скачки, как и противоречия, бывают

³⁷ Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 21.

³⁸ Там же, с. 9.

основными и неосновными, главными и неглавными, великими, значительными и невеликими, незначительными, тем более в общественной жизни и т. д. Почему переход от капитализма к социализму является великим скачком? Потому, что буржуазное общество является последней антагонистической формацией, которой завершается предыстория человеческого общества. Подлинная же история человечества начинается с момента возникновения и утверждения коммунистической формации, где люди сами сознательно творят свою историю.

Софистика. А разве переход от феодализма к капитализму не является великим скачком? Разве французская буржуазная революция конца XVIII века не является великим скачком?

Диалектика. Является! Но это ничего не говорит об отличии социалистической революции от буржуазной. Если первая ликвидирует эксплуатацию человека человеком, то вторая сменяет одну форму эксплуатации другой.

Софистика. Из сказанного Вами следует, что всякий переход от одного состояния общества к другому есть социальная революция!

Диалектика. Нет, не следует. Объективной природой диалектики социалистического способа производства обусловлен тот непреложный факт, что глубокие изменения в экономической и духовной жизни социализма не влекут за собой насильственную ликвидацию последнего, а означают его постепенное перерастание в коммунизм. Поскольку при социализме нет таких противоречий, которых нельзя было бы разрешить на его же базе, нет таких социальных сил, которые отстаивали бы отжившие формы, то у общества не возникает никакой объективной необходимости в ликвидации этих отношений или в появлении какой-то «новой», особой общественной формации. Практика строительства социализма и коммунизма показывает, что если переход от капитализма к социализму осуществляется в условиях классовой борьбы, требует коренной ломки общественных отношений, глубокой социальной революции и диктатуры пролетариата, то в отличие от этого переход к коммунизму происходит при отсутствии эксплуататорских классов, в условиях, когда все члены общества кровно заинтересованы в победе коммунизма, следовательно, без социальных потрясений, без социальной революции.

Софистика. Практика подтверждает вывод Маркса о том, что классовая борьба или вопрос «кто — кого» может быть решен лишь при коммунизме. Вот, например, одно из высказываний Маркса: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный

период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»³⁹.

Диалектика. Ссылка на Маркса абсолютно беспочвенна, здесь имеет место недопонимание или просто трюкачество. Разве Маркс говорит, что «весь период вплоть до вступления в высшую фазу коммунистического общества» есть переходный период от капитализма к коммунизму? Отнюдь, нет! В той же работе Маркс рассматривает коммунистическое общество как единое целое: под коммунизмом понимает единство первой (низшей) фазы и второй (высшей) фазы. Совершенно очевидно, что Маркс под «переходным периодом» от капитализма к коммунизму понимал период между капитализмом и первой фазой коммунизма, то есть социализмом. Более того, В. И. Ленин не только десятки раз подчеркивал, что «переходный период» есть период между капитализмом и социализмом», но и развил, обогатил учение об этом периоде. Возьмем хотя бы одну из многочисленных его работ, где развивается это учение — «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Вот характеристика переходного периода, данная в ней: «Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом»⁴⁰. Основные формы общественного хозяйства переходного периода это — «капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм...» Основные силы: «буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат»⁴¹. Эти высказывания со всей определенностью характеризуют сущность и исторические рамки переходного периода от капитализма к социализму, не оставляя ни тени сомнения для кривотолков.

Софистика. И при социализме есть преступные элементы — воры, хапуги, казнокрады и т. д., а это значит, что вопрос «кто — кого» имеет место при социализме.

Диалектика. Казнокрады и другие преступные элементы не являются социальными классами. Вопрос «кто — кого» выражает содержание скачка-перехода от капитализма к социализму. Разрешение этого вопроса есть одновременный антагонистический процесс возникновения и утверждения, становления социалистических производственных отношений и ликвидации капиталистических. Этот процесс охватывает весь переходный от капитализма к социализму период. Его разрешение в пользу социализма озна-

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 27.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 271.

⁴¹ Там же, с. 272.

чает победу социалистических производственных отношений и гибель капиталистических.

Софистика. Однако при социализме есть классы: рабочий класс и колхозное крестьянство. Получается, классы есть, а классовой борьбы нет? Разве такое возможно?

Диалектика. Так и есть в действительности. Однако эти классы не эксплуататорские и не эксплуатируемые, а дружественные, трудящиеся классы, коренные интересы которых совпадают и лежат на одной линии развития к коммунизму. Это содержание можно выразить и в такой форме: рабочие и колхозники — классы, поскольку пока сохраняется различие в их отношении к средствам производства, но в то же время не классы в том смысле, что никто из них не может присваивать себе труд другого, иными словами, это — ситуация единства бытия и небытия, что является одним из характерных признаков скачка: одновременно и есть и нет, а идет процесс ликвидации различий между ними, который еще не завершен.

Софистика. Движение бывает двоякого рода: эволюционное и революционное, эволюционное движение — постепенное, медленное, количественное изменение, а революционное — скачкообразное, качественное изменение. Это общепринято. Отрицая классовую борьбу при социализме, Вы доказываете, что ему присуще только эволюционное движение, что при нем нет скачкообразного развития.

Диалектика. Во-первых, это не общепринято; во-вторых, эволюция не есть количественное изменение, а есть развитие, в переводе с латинского — развертывание, то есть единство количественных и качественных изменений; в-третьих, социализм развивается также диалектически, то есть скачкообразно.

Софистика. А разве эволюционная теория Дарвина не есть теория количественных изменений?

Диалектика. Эволюционная теория Дарвина есть теория развития живой природы.

Софистика. Дарвин сам отрицал скачки в природе! Ему же принадлежит знаменитая фраза: «*Природа не делает скачков*».

Диалектика. Дарвин имел в виду скачки-катаклизмы по теории катастроф Ж. Кювье, которых действительно природа не делает. Сначала эволюцию объявляют только количественными изменениями, затем, услышав, что теория Дарвина эволюционная, объявляют Дарвина сторонником только количественных изменений, то есть метафизиком. Это — трюкачество. Дарвин был великим диалектиком, хотя и стихийным.

Софистика. Но и Маркс говорил об эволюции как количественных изменениях. «Только при таком порядке вещей, — писал он, — когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*»⁴².

Диалектика. Из этих слов Маркса нельзя делать такой вывод. Это положение Маркса означает, что социализм развивается без социальной, политической революции, без катастроф, планомерно и т. д. Но тут даже нет намека, что эволюция есть только количественное изменение.

Софистика. Выходит, скачки бывают разного рода. Одни скачки совершаются путем взрыва, в результате одноактного уничтожения, а другие — путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, одни — бурные, быстротечные, другие — постепенные, медленные и т. д.

Диалектика. В понимании скачка имеются две антинаучные крайности. Одна из них развитие понимает как только количественные изменения без скачков, и другая — игнорирует роль количественных изменений, представляет развитие как сплошную цепь скачков без соответствующего количественного приготовления. Развитие есть либо количественные изменения без скачков, либо скачки без количественных изменений — таковы эти крайности. Между тем развитие есть единство количественных и качественных изменений.

Софистика. Мы не отрицаем скачка, а говорим о постепенном скачке, что постепенность — характеристика не только количественных изменений, но и скачка, качественных изменений.

Диалектика. Нет, отрицаете. Точнее сказать, на словах признаете, а в сущности отрицаете, ибо постепенность — характеристика только количественных изменений, в то время как главный, решающий признак скачка есть *перерыв* постепенности. Противоположность скачка постепенности состоит в том, что постепенность есть лишь уменьшение или увеличение и односторонность, что постепенность касается только внешней стороны изменения, а не качественной его стороны, что предположение о постепенности скачка основывается на том представлении, будто возникшее существует уже чувственно или вообще в действительности и не может быть воспринимательно лишь вследствие своей малой величины; равно как в основании предположения о постепенности исчезания лежит представление о том, что небытие или то другое, которое занимает место исчезнувшего, также существует, но *еще незаметно*: то и другое существует не в том смысле, что в данном другом это другое содержится в себе, но в том смысле, что оно имеет место как

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 185.

существование, но только незаметное. Тем самым возникновение и уничтожение вообще снимаются, то есть отрицается скачок.

Софистика. Существуют два вида постепенности: один — это постепенные количественные изменения, другой — постепенные качественные изменения. Сообразно с этим существуют два вида скачков — скачок «путем взрыва» и скачок «путем постепенного накопления элементов нового качества».

Диалектика. Однако любой скачок есть диалектический процесс смены одного качества другим, характеризующийся по меньшей мере следующими чертами: *перерывом постепенности; более интенсивным изменением, чем предшествовавшие количественные изменения; разрешением противоречий между количеством и качеством и возникновением нового противоречия; единством бытия и небытия.*

Перерыв непрерывности, или постепенности является важнейшей чертой скачка. Без него не может возникнуть новое качество. Последнее не может возникнуть как без непрерывных количественных изменений, подготавливающих скачок, так и без перерыва этой непрерывности.

Софистика. Невозможно согласиться с Вами. Обратимся к жизни. Вы сказали, что развитие социализма к коммунизму есть постепенный процесс. В то же время, Вы утверждаете, что это развитие происходит диалектически, то есть скачкообразно! Это значит, что эта скачкообразность носит постепенный характер.

Диалектика. Нет, не значит! Мы уже показали, что социализм развивается также диалектически. Но, во-первых, постепенность не означает замедления темпов этого развития, ибо всем известны высокие темпы этого развития; во-вторых, под постепенностью нужно понимать развитие без социальных, политических революций, потрясений; в-третьих, скачки при социализме вполне нормальные скачки и характеризуются прежде всего также перерывом постепенности. Причем под перерывом постепенности количественных изменений нужно понимать *перерыв тех количественных изменений, которые возникли в пределах данной меры и которые необходимы для нарушения данной меры, поскольку последняя рано или поздно, но неизбежно сменяется новой, высшей не в результате количественных изменений вообще, а в результате необходимых, определенных для нее количественных изменений,* то есть прерывается та количественная постепенность, которая достигла необходимой грани, порога, уровня, на котором нарушается мера, коренным образом изменяется старая, для смены которой больше не нужно продолжение данных количественных изменений. Новое качество возникает в результате определенных количественных изменений. Но начало процесса этого превращения совпадает с пре-

кращшем, перерывом этих *определенных* количественных изменений, в то время как другие количественные изменения продолжаются, причем более интенсивно.

Софистика. Каждому ясно, что скачки бывают бурными, быстрыми и медленными, постепенными. И это до такой степени очевидно, что сомнение не возможно!

Диалектика. Абсолютно невозможно скачки классифицировать на «быстрые» и «медленные». Любой скачок *более интенсивный, глубокий, богатый, быстротечный процесс*, чем предшествовавшие ему, подготовившие его количественные изменения. От чего зависит глубина, продолжительность и характер скачка? Разумеется, от предмета, от характера его противоречий — внутренних и внешних, от этапа, состояния, ступени зрелости предмета и его противоречий, от совокупности всех внутренних и внешних условий, в которых происходит скачок. Вместе с тем, поскольку скачок есть *временной* процесс, то продолжительность его бывает разная. Если одни скачки могут происходить в доли секунды (например, превращение одних элементарных частиц в другие), то другие охватывают многие годы и даже миллиарды лет (превращение космических объектов). Однако независимо от того, какова длительность процесса скачка, одно безусловно — он более интенсивный процесс, чем предшествовавшие ему количественные изменения.

Софистика. Если скачок есть временной процесс, то можно в любом скачке установить фазы, этапы его продолжительности, поскольку он происходит во времени.

Диалектика. Разумеется! Скажем, скачок от капитализма к социализму в нашей стране можно разбить, по крайней мере, на следующие фазы: 1. Октябрь 1917 г. и установление Советской власти по всей стране; 2. Гражданская война; 3. Восстановление народного хозяйства; 4. Индустриализация страны; 5. Коллективизация сельского хозяйства и победа социализма. Разумеется, каждую из этих фаз можно рассматривать как скачок по отношению к предшествовавшим ей количественным изменениям, все они являются фазами общего скачка от капитализма к социализму. Поскольку это относится к любому скачку, то есть в любом скачке можно найти фазы, этапы и т. д., то попытка делить скачки на «скорые» и «медленные» путем «постепенного накопления элементов нового качества» означает попытку подменить науку мертвой тощей абстракцией, мешающей познанию скачка.

Для познания вообще не имеет никакого значения такая постановка вопроса, ибо форм скачков столько, сколько скачков, а скачков столько, сколько коренных качественных изменений явлений, т. е. бесконечно много. Тем более нелепо ставить вопрос о том, что одни скачки происходят внезапно, в результате «одноактного»

уничтожения, а другие медленно, постепенно и т. д. Никакого объективного критерия такой классификации скачков не существует. Однако такая попытка есть не более как попытка рассудка проводить классификацию скачков на эмпирическом, а не на теоретическом, категориальном уровне.

Софистика. Почему действительность можно классифицировать на разные сферы, а скачки нельзя? Почему, скажем, нельзя говорить о скачках в социальной жизни по тому, какими противоречиями они рождены — антагонистическими или неантагонистическими, и разрешением каких противоречий они являются?

Диалектика. Допустим, одни скачки кратковременны, другие нет, или одни скачки продолжительны, постепенны, другие нет! Но это не имеет никакого смысла и кроме путаницы ничего познанию не дает. Почему? Да потому, что каждый скачок и каждое явление кроме общего имеет свою специфику, свою индивидуальность. Можно скачки делить, скажем, сообразно со сферами действительности — скачки в неживой природе, скачки в живой природе, скачки в обществе, скачки в познании. Но такое деление ничего не дает о данном конкретном скачке. Чтобы знать что-либо о нем, нужно познать, открыть общие черты скачка в данном конкретном случае с учетом его специфики. Тысячу раз прав Энгельс, когда писал: «Само собой разумеется, что я ничего еще не говорю о том *особом* процессе развития, который проделывает, например, ячменное зерно от своего прорастания до отмирания плодоносного растения, когда говорю, что это — отрицание отрицания. Ведь отрицанием отрицания является также и интегральное исчисление. Значит, ограничиваясь этим общим утверждением, я мог бы утверждать такую бессмыслицу, что процесс жизни ячменного стебля есть интегральное исчисление или, если хотите, социализм»⁴³.

Софистика. Постепенность количественных изменений верно трактуется как «медленные, скрытые, незаметные, непрерывные изменения». Но имеется и другой вид постепенности. Это — «постепенное накопление элементов нового качества».

Диалектика. Что это за новый вид «постепенности»? Если под этим понимать изменение путем накопления элементов нового качества, то таким накоплением элементов является постепенность количественных изменений. Следовательно, если исходить не из внешней формы выражения, а из внутреннего содержания, то принципиально никакого отличия между этими «родами» постепенности нет, ибо всякое новое качество (независимо чего, где, когда и т. д.) возникает в результате медленных, постепенных (по сравне-

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145.

нию с последующим скачком) количественных изменений. Следовательно, «постепенное накопление элементов нового качества» не меняет сущности скачка, не является новым видом скачка, поскольку *постепенное накопление элементов нового качества есть не что иное, как постепенное накопление количественных изменений, необходимых для скачка*, и не более. Никакая постепенность ничего не объясняет без скачков, так как скачок *всегда есть перерыв* непрерывности, который разделяет собой постепенное накопление элементов нового качества и само новое качество и опосредствует переход первых во второе. Обыкновенно стремятся сделать изменение понятным посредством представления о постепенности перехода; но постепенность есть скорее, наоборот, исключительно только безразличное изменение, противоположность скачку, качественному изменению.

Итак, «чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия»⁴⁴. Поэтому не следует делить скачки на постепенные и быстрые, на внезапные, взрывные и невзрывные и т. д.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ

Софистика. Смена одного явления другим есть отрицание. А последнее есть уничтожение. Так, например, своим утверждением предмета человек как бы утверждает его истинное существование, а вместе с ним и истинность своих восприятий. Потребление есть уничтожение. Об этом писал и Маркс: «Потребление, уничтожая продукт, тем самым доводит его до завершенности, ибо продукт есть продукт не как овеществленная деятельность, но лишь как предмет для действующего субъекта»¹.

Диалектика. Верно, потребление есть уничтожение. Такое отрицание имеет место как в объективной действительности, так и в познании, и оно является необходимым условием существования и развития отрицающего. Но такое «голое» уничтожение есть внешний вид отрицания, что означает прекращение процесса саморазвития явления в результате внешнего воздействия. Однако недостаточность такого внешнего отрицания очевидна. Потребление как

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 256.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 717.

уничтожение в сущности возможно тогда, когда есть что потреблять. Чтобы потреблять, нужно производить. Следовательно, каковы бы ни были формы общества, как потребление, так и производство должны быть непрерывными. Отсюда следует, что в действительности кроме внешнего отрицания, «голового» уничтожения имеет место и другой вид отрицания — внутреннее отрицание, это важнейший внутренний существенный момент развития, есть переход от одного качества к другому — от старого к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему. Оно прежде всего является самоотрицанием и характеризуется преемственностью.

Софистика. Самоотрицание есть выдумка гегельянщины. Не может быть такого, ибо самоотрицание есть самоуничтожение.

Диалектика. Явление с самого начала включает в себе свое собственное отрицание, *свою объективную тенденцию*, свою противоположность в виде возможности. Эта внутренняя отрицательность есть движущая сила развития. Развитие явления есть его развитие в эту свою противоположность. В определенных условиях эта возможность реализуется, явление переходит в *свое* другое. Следовательно, отрицание явления не привносится извне, не является результатом внешнего действия, а подготавливается его закономерным внутренним порождением, результатом развития и разрешения имманентных, внутренних противоречий самого отрицаемого. Оно является *самоотрицанием*. Категория самоотрицания указывает на временный, преходящий характер явлений: в позитивное понимание существующего включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели. Отрицание выступает прежде всего, конечно, как гибель старого явления, без чего не может быть развития. Но это — лишь одна сторона отрицания. Другая сторона его состоит в сохранении содержания старого в новом. В развитии имеет место *преемственность*. Преемственность в объективном мире и в познании есть проявление действия принципов развития. Новое явление, возникшее из старого, уничтожает старое и одновременно сберегает, сохраняет его; уничтожает в старом все то, что мешает своему становлению, развитию, и сохраняет, удерживает все то, что способствует своему становлению и развитию; утверждение нового невозможно как без уничтожения старого, так и без сохранения содержания старого.

Развитие идет от содержания к содержанию путем сбрасывания отжившей формы и переделки содержания. В высшей стадии повторяются, удерживаются положительные черты, свойства низшей, но, разумеется, не составляя в ней автономии, а сливаются с ней в высшем единстве. Такое отрицание есть *снятие*.

Софистика. Что это значит?

Диалектика. Категория снятия выражает противоречивую природу внутреннего отрицания как единства уничтожения и сохранения. Так, каждая последующая ступень в поступательном движении не отбрасывает «начисто» завоевания прошлых ступеней, а сохраняет все ценное, прогрессивное содержание в переработанном виде, в то же время отбрасывает все отжившее, все то, что мешает движению вперед. Каждое поколение людей, вступая в жизнь, застаёт готовую, завоеванную прошлыми поколениями, материальную и духовную культуру, из которой оно исходит, которую оно развивает, обогащает.

Софистика. Вы продолжаете рассуждать без примеров.

Диалектика. Сказанное подтверждается не парой примеров, а всей практикой человечества и историей науки. Социализм есть отрицание капитализма. И казалось бы, социалистическая революция должна в своем горниле полностью, дотла, без остатка уничтожить ненавистный капитализм. Однако отрицает она не так. Она уничтожает капиталистические производственные отношения, реакционные организации и учреждения, но сохраняет, берегает средства производства: заводы, фабрики, науку, культуру — все богатства, созданные человечеством, без чего сам социализм был бы невозможен.

Итак, развитие действительности не есть либо только внешнее отрицание («голое» уничтожение), либо только внутреннее отрицание. Оно есть их единство и их взаимопревращение. Внешнее отрицание невозможно без внутреннего, поскольку для того, чтобы имело место внешнее, «голое» уничтожение, надо иметь что уничтожать, надо постоянно воспроизводить «материал» уничтожения, а такой материал доставляет внутреннее отрицание. Последнее в свою очередь невозможно без внешнего уничтожения, без внешних условий, коим является внешнее отрицание. Так, оба вида отрицания находятся во взаимодействии, друг другу доставляют «материал», друг друга обуславливают, составляя неразрывное единство.

Софистика. Выходит, оба вида отрицания имеют одинаковое значение?

Диалектика. Нет, главное внимание уделяется познанию внутреннего отрицания. При этом вовсе не игнорируется роль внешних условий в саморазвитии предмета. Это значит, что *всякое отрицание есть условие развития*. Только один вид отрицания есть внешнее условие развития («голое» уничтожение), другой — внутреннее условие развития. Истина состоит в том, чтобы, не игнорируя внешних условий, учитывая их, сосредоточить внимание на познании предмета как он есть в себе, вскрыть его сущность, то есть познание должно исходить из единства обоих видов отрица-

ния, подчеркивая решающую, господствующую роль внутреннего отрицания.

Софистика. Если оба вида отрицания друг без друга невозможны, то неправомерно ли утверждение, согласно которому один вид играет решающую роль, а другой — подчиненную.

Диалектика. Правомерно! Только внутреннее отрицание заключает в себе возможность воспроизводства, возможность отрицания отрицания.

Софистика. Значит, развитие есть сплошная цепь следующих друг за другом отрицаний?

Диалектика. Развитие можно представить как цепь отрицаний, если эту цепь правильно понимать, ибо принцип отрицания отрицания и отличается от нее. Они взаимосвязаны, составляют единство. Поскольку этот принцип состоит из двух отрицаний, то всякие два акта отрицания, следующие друг за другом, легко выдавать за этот принцип.

Софистика. А как же иначе? Ведь сам принцип есть отрицание отрицания. Следовательно, всякие два акта отрицания, следующие друг за другом, и есть этот принцип.

Диалектика. Нет, не «следовательно»! Ибо не всякая цепочка перехода от одного качества к другому, где каждое из которых отрицает предыдущее, есть проявление этого принципа. Последний хотя и содержит в себе такую цепочку, но не сводится к ней. При этом следует исходить прежде всего из того, что хотя внутреннее отрицание является обязательным компонентом отрицания отрицания, поскольку только оно содержит в себе объективную возможность второго отрицания, но так как вместе с ним существует и другое, внешнее отрицание, то данная возможность в одних условиях может быть реализована, а в других — нет, ибо внешнее отрицание означает уничтожение этой возможности.

Кроме того, хотя все черты внутреннего отрицания являются чертами, компонентами этого принципа, тем не менее последний не сводится к категории отрицания. Дело здесь не только в том, что, как сказано, возможность второго отрицания не есть еще действительность, и не в том, что в категории отрицания мы имеем один акт отрицания, а в принципе — два, хотя это также важно, а в другом, в том, что второе отрицание качественно отличается от первого как по форме, так и по содержанию, а именно: 1) в первом отрицании есть самоотрицание, преемственность, но нет непосредственного воспроизводства исходного на новой основе. Второе отрицание, напротив, есть *воспроизводство на новой основе*; 2) *если первое отрицание означает изменение движения в одном — отрицательном (в отношении исходного) направлении, то второе отрицание означает перелом этого направления в другом, обратном,*

положительном (в отношении исходного) направлении — возврат якобы к старому; 3) второе отрицание богаче содержанием, поскольку кроме нового удержало в себе положительные черты старого.

После того как мы выяснили, что такое отрицание, решающее значение для уяснения сущности этого принципа приобретает категория *возврата* якобы к исходному пункту. Природа возврата якобы к исходному пункту сложна и глубоко противоречива. Она заключается в превращении противоположностей друг в друга. Всякое явление, развиваясь до конца, превращается в свою противоположность, но так как новое, противоположное первому явление также превращается в свою противоположность, то третья фаза развития имеет формальное сходство с первой.

«Формальное» потому, что третье явление воспроизводит первое не в абсолютном смысле, не «как равное самому себе состояние» (в этом случае не было бы никакого развития), а в новых условиях и на новой основе. Поэтому развитие не возвращается к исходному пункту в прямом смысле, а *якобы* возвращается. Развитие, идя вперед, в то же время возвращается якобы назад, к исходному пункту. Таким образом, возврат якобы к исходному пункту является необходимым, существенным признаком, обязательным компонентом принципа отрицания отрицания.

Поэтому правомерна следующая альтернатива: либо признается реальное существование возврата якобы к исходному в качестве обязательного компонента принципа отрицания отрицания, тогда признается и реальное его существование; либо не признается возврата, тогда тем самым не признается и этот принцип. Последний не сводится ни к одному из своих компонентов, но в то же время он не возможен без того или иного своего компонента.

Софистика. Всякий закон в науке имеет свою формулировку, свою дефиницию. Что же из себя представляет дефиниция этого закона?

Диалектика. Суть рассматриваемого принципа можно выразить в такой дефиниции: развитие есть закономерная последовательность прохождения движения через ряд стадий — от низшего к высшему, где отрицание низшей стадии высшей подготавливается процессом саморазвития низшей; в новой, высшей стадии сохраняются положительные черты низшей — развитие обеспечивается непрерывной преемственностью; при переходе к третьей стадии движение возвращается якобы к исходной, первой стадии процесса: первая стадия как бы воспроизводится, но при этом она обогащается результатами всего последующего развития. *Это третье есть единство противоположностей, есть синтез, конкретное целое, которое сохранило богатство противоположностей и которое есть*

результат, в то же время начало, источник дальнейшего движения. Развитие протекает не по прямой линии, а, говоря образно, по спирали — расходящимися и сходящимися «кругами», где каждый следующий «виток» или «круг» выше и богаче по сравнению с предыдущим и сочетает в себе поступательное движение с *якобы возвратным*, выражая собою в такой форме основную тенденцию развития.

Софистика. Какая связь существует между понятиями: «Повторение в высшей стадии известных черт, свойств низшей», «преемственность в развитии», «возврат»? Разве все это не одно и то же?

Диалектика. Нет, не одно и то же. Важное значение для правильного понимания этого принципа имеет вопрос о соотношении понятий: «повторение в высшей стадии известных черт, свойств низшей», «преемственность в развитии» и «возврат». Преемственность есть, как видели, объективная, необходимая, непосредственная связь между новым и старым, высшим и низшим, сохранение, удержание положительных черт низшего в высшем, старого в новом. Собственно, это и есть не что иное, как повторение в высшей стадии положительных черт низшей. Следовательно, «повторение» совпадает с «преемственностью». Но вместе с тем эти два понятия не совпадают тогда, когда между повторяющимся и повторяющим нет непосредственной связи. Дело в том, что само «повторение» бывает *непосредственным и опосредованным*. Так, закон есть непосредственное повторение связи в том смысле, что это одна и та же существенная связь одновременно имеет место, «повторяется» во многих явлениях, составляя их внутреннее единство.

А вот возврат третьей стадии к первой тоже есть «повторение», но не непосредственно, а опосредованно, поскольку эта «третья» содержит в себе богатство обеих низших стадий. То же самое нужно сказать о «высшей стадии».

Высшей стадия может быть непосредственно и опосредованно.

Из этого следует, что, во-первых, «преемственность» и непосредственное «повторение в высшей стадии положительных черт низшей» выражают одно и то же содержание и нельзя их отрывать друг от друга; во-вторых, хотя возврат *якобы* к исходному безусловно заключает в себе преемственность, поскольку это не возврат в прямом смысле, а *якобы* возврат, тем не менее понятия «возврат» и «преемственность» не тождественны, отличаются друг от друга. Это отличие имеет важное значение для правильного понимания сущности рассматриваемого принципа вообще, категории возврата — в частности.

Софистика. В чем заключается это отличие?

Диалектика. В том, что всякое внутреннее отрицание содержит

в себе преемственность, в то время как *не всякое внутреннее отрицание* есть возврат, а лишь *второе*. Отождествление этих двух понятий является одной из главных причин искажения сути этого принципа. Между тем этот принцип выражается в форме витка, состоящего из трех стадий, или в форме триады.

Софистика. Триада была придумана Гегелем для обоснования и оправдания своего объективного идеализма. Так, его главный труд «Наука логики» от начала до конца изложен в форме триады. Первая книга — учение о бытии, вторая — учение о сущности, третья — учение о понятии. Причем внутри каждой книги каждая глава, параграф и т. д. излагается также в форме триады: *а, б, с*.

Диалектика. Прежде всего нужно заявить: идея триадичности или триады не принадлежит Гегелю, а была открыта задолго до него. О ней говорится в мистико-религиозной философии неоплатоников, в философии Канта, Фихте, Шеллинга и др. Так, неоплатоник Прокл считал, что развитие всего происходит по трем ступеням: пребывание, устремление вперед, обратное стремление. В триадичной таблице Канта третья категория возникает из соединения второй и первой категорий одного и того же класса. О триадичной схеме «тезис — антитезис — синтез» говорится в работе Фихте «Основа общего наукоучения». О развитии всех наций по трехступенчатым циклам (теория круговорота) говорил итальянский социолог XVIII в. Вико и др. Наконец, более всестороннее и подробное освещение триада получила у Гегеля.

Софистика. Допустим, так, но все это антинаучно!

Диалектика. Извращение идеи триадичности выражалось прежде всего в теории «круговорота». Согласно этой теории, общество движется по замкнутому кругу, повторяя одни и те же этапы. Например, Вико утверждал, что все народы развиваются по циклам, состоящим из трех эпох, аналогичных периодам жизни человека — детству, юности и зрелости. Этими эпохами являются: божественная (отсутствие государства), героическая (аристократическое государство) и человеческая (демократическое государство, где царствует «естественная» справедливость и свобода). Каждый такой цикл, достигнув вершины, зрелости, завершается всеобщим упадком. Развитие снова возвращается к первоначальному состоянию, и вновь повторяется тот же круговорот. Выражая интересы прогрессивной тогда буржуазии, Вико пытался этим доказать и обосновать смену феодализма капитализмом, причем он считал, что человечество находится лишь в начальной стадии своего развития.

Но этого нельзя сказать о теориях «круговорота» в эпоху империализма (Ницше, Шпенглер, Тойнби и др.). Эти теории ныне

выражают интересы загнивающего капитализма, выступают против общественного прогресса. О. Шпенглер в своей книге «Закат Европы» (1918—1922) предвещал гибель европейской культуры, разложение которой, по его мнению, началось с XIX в. По Шпенглеру, история распадается на ряд не связанных друг с другом «культур», которые проходят три этапа — возникновение, расцвет и упадок. Причем современное человечество, по его мнению, переживает последний этап своего развития — этап «заката».

Английский историк Арнольд Тойнби проповедовал аналогичную теорию круговорота, утверждая якобы параллельное существование разных, изолированных друг от друга, не связанных друг с другом «цивилизаций», каждая из которых возникает, развивается и бесследно погибает, не передавая своих достижений другим.

Разновидностью антинаучного извращения триады является и механическая теория «равновесия». По мнению сторонников этой теории, равновесие «отрицается» движением, движение — равновесием в зависимости от условий внешней среды: от равновесия через нарушающую его борьбу двух сил к новому равновесию. Понимая сложный, противоречивый процесс развития как прямолнейное простое повторение пройденного, эти теории рассматривают повторение черт пройденного как замыкание «круга», после чего якобы все начинается сначала. Такой антинаучный взгляд на развитие, конечно, имеет свои гносеологические корни в сложности процесса познания. Но подобный взгляд закрепляется реакционными силами общества, поскольку он выражает их интересы.

Софистика. Приведенный Вами обзор взглядов на триаду неопровержимо показывает, что триада выдумка, мистика.

Диалектика. Нет, триада не выдумка, но ее понимали искаженно. Неоценимая заслуга Гегеля состоит в том, что идее развития по трем последовательным ступеням он придал научный характер. Более того, Гегель подверг резкой критике формализм Шеллинга и других в понимании триады. Формализм, писал Гегель, правда, также усвоил себе троичность и держался ее пустой схемы, но поверхностность, скандальность и пустота современного философского, так называемого конструирования, состоящего единственно в том, чтобы повсюду подсовывать эту формальную схему без понятия и имманентного определения и употреблять ее для установления внешнего порядка, сделали эту форму скучной и приобрели ей дурную славу. Однако, поскольку триада в руках Гегеля была мисгифицирована и служила его идеалистической системе, он, разумеется, не смог преодолеть формализм. У Гегеля триада является формой развития чистой мысли и служит ору-

дием построения всей его мистической ситемы. По Гегелю, саморазвитие идеи и каждой логической категории проходит три ступени: тезис — антитезис — синтез.

Софистика. Вы сами себе противоречите: то Вы утверждаете, что триада не мистика, то доказываете, что она мистика.

Диалектика. Триада не мистика, но у нас речь шла о ее искажении. Так, мистификация триады у Гегеля вовсе не означает, что триада вообще есть мистика и реально не существует в самой действительности. Независимо от того, кто как понимает триаду, одно безусловно: она существует реально. Поэтому нельзя ее считать «гегелевской мистикой».

Софистика. Есть аргументы, подтверждающие Ваш вывод?

Диалектика. Да, есть. Научный взгляд на триаду состоит в следующем: триада не есть форма развития мистической идеи, как утверждает Гегель, а существует объективно в реальных процессах и явлениях действительности; триада не есть простое механическое повторение внутри себя пройденного пути, как утверждает метафизика. Триада есть форма поступательного движения. В триаде последняя стадия сходна с первой лишь по форме, в то время как по содержанию не совпадает с ней и по сравнению с первой является более развитой, обогащенной последующими преобразованиями: анализ сущности принципа отрицания отрицания показывает, что в развитии имеет место *цикличность*, каждый из циклов представляет круг, состоящий из внутренне взаимосвязанных трех звеньев цепи процесса: исходного явления, его отрицания вторым явлением, отрицания этого второго явления третьим.

Софистика. Выходит, триадой завершается развитие. Но ведь то же самое утверждал Вико, которого Вы критикуете.

Диалектика. Разумеется, трехступенчатостью завершается данный цикл развития, но не само развитие. Развитие бесконечно, и каждый цикл отрицания отрицания является одновременно результатом и началом — началом для дальнейшего развития, для новых отрицаний, для разрешения *новых противоречий в новых явлениях и в новых условиях*. Иными словами, мы вместе с каждым циклом отрицания отрицания вступаем в область тождества конечного и бесконечного.

Софистика. Но нельзя согласиться с тем, что триада является обязательной формой развития, ибо развитие осуществляется и независимо от триады. Так, в одних случаях принцип отрицания отрицания может протекать в тройственном ритме, в форме трех ступеней, а в других — в форме большего или меньшего количества ступеней.

Диалектика. Но такой прием один из тех, которые ведут к

упразднению этого принципа. Таким образом, упразднение этого принципа и его формы — триады — происходит как по линии отождествления категории отрицания и принципа, так и путем своеобразной интерпретации самих ступеней триады или цикла.

Софистика. Позвольте, ведь Энгельс говорит об этом. Так, он пишет, что бабочки «развиваются из яичка путем отрицания его, проходят через различные фазы превращения до половой зрелости, спариваются и вновь отрицаются, т. е. умирают, как только завершился процесс воспроизведения и самка отложила множество яиц»².

Диалектика. Неправильное понимание цитаты. У Энгельса совершенно четко и определенно говорится о трех стадиях: яичко — различные фазы превращения до половой зрелости — воспроизводство новых яичек. Вы же находите, что здесь не три ступени, а больше, по меньшей мере — 4. Разумеется, любую из трех ступеней мы можем рассмотреть как процесс, состоящий в свою очередь из ряда фаз, этапов, ступеней. Почему считаете, что в этом примере имеется только 4 ступени? В любом примере подобного рода можно находить 4 ступени, если есть желание. Это, во-первых. Во-вторых, почему 4 ступени, а не больше? Разве яичко или бабочка не проходят ряд фаз своего развития? Разве каждая фаза не есть ступень развития? Выясняется, что в любом таком примере можно насчитать не 4, а большее количество ступеней.

Софистика. Об этом пишет и сам Гегель. Он считал, что это отрицание есть третий член, но можно признать его и четвертым, считая два отрицания: простое (или формальное) и абсолютное.

Диалектика. Неправильное понимание цитаты. О чем же речь у Гегеля? О том, что Гегель второе отрицание рассматривает как простое, так и абсолютное. Под простым отрицанием он понимает непосредственное отрицание третьим членом второго, а под абсолютным отрицанием — отрицание третьим и второго, и первого, то есть такое, которое удержало в себе все содержание всего цикла, как результат отрицания отрицания. Это третье не есть покоящееся третье, а именно это единство противоположностей, которое есть опосредствующее себя с самим собой движение и деятельность.

Иными словами, Гегель говорит не о 4-х ступенях, а о 3-х, только указывая на две характеристики одной и той же — третьей

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 140.

ступени. Триада есть объективная форма выражения принципа отрицания отрицания, форма тройственного ритма процесса, двойного отрицания. И подобно тому, как содержание невозможно без формы и наоборот, так и этот принцип невозможен без триады и наоборот. Тот, кто отрицает триаду и признает этот принцип или допускает действие последнего не в форме трех ступеней, уничтожают как его, так и триаду.

Софистика. А разве существует какой-либо критерий для определения как самой ступени, так и количества ступеней?

Диалектика. — Да, существует! Таким критерием является направление движения. Скажем, движение мысли от чувственно-конкретного к абстрактному и от абстрактного к мысленно-конкретному состоит из трех стадий или ступеней: чувственно-конкретное, абстрактное и мысленно-конкретное. Каждую из этих стадий можно рассматривать как состоящую из множества стадий, но все это множество будет одного и того же направления. Следовательно, весь вопрос в том, как понимать ступень в триаде.

Софистика. Вы опять избегаете примеров.

Диалектика. Пожалуйста. Законом познания является раздвоение единого на противоположности и их единение. Выше сказали, что познание уходит от чувственно-конкретного к абстрактному, чтобы вернуться к конкретному, но на высшей основе — к мысленно-конкретному. Иными словами, движение познания объекта всегда может идти лишь так: отойти, чтобы вернее попасть, отступить, чтобы лучше прыгнуть — познать. Это подтверждается и биогенетическим законом: онтогенез повторяет филогенез, эмбриология — палеонтологию, а эмбриональное развитие зародыша повторяет предковые формы, то есть высшая форма уходит в прошлое, отходит от себя, чтобы вернуться к себе на высшей основе; любой биологический вид существует благодаря внутривидовому воспроизводству — возникшая особь достигает стадии половой зрелости, где воспроизводит себе подобных; человеческое общество развивается благодаря воспроизводству всех необходимых сфер общественной жизни и т. д.

Образцом трехчленного, триадичного научного исследования целого является «Капитал» Маркса. Все логическое богатство «Капитала» как по форме, так и по содержанию есть отрицание отрицания, трехчленное исследование, «спираль». Самый большой виток спирали — это раздвоение единого процесса капиталистического производства на процесс производства капитала (I том), процесс обращения капитала (II том), а затем их синтез — процесс капиталистического производства, взятый в целом (III том). На этом большом витке, точнее внутри него — витки меньшей величины (скажем, в I томе: товар — деньги — превращение денег

в капитал; производство абсолютной прибавочной стоимости — производство относительной прибавочной стоимости — производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости; производство прибавочной стоимости — заработная плата — процесс накопления. То же во II и III томах). Далее, внутри каждого такого витка множество мелких и мельчайших витков (таких, как потребительная стоимость — стоимость — товар; случайная — полная — всеобщая форма стоимости: $D-T-D'$; и т. д.), в итоге, в синтезе составляющие логическое богатство «Капитала». Эта логика «Капитала» есть всеобщий закон познания, и только в такой трехчленной, триадичной форме возможно теоретическое воспроизведение объекта как целого.

Софистика. «Капитал» Маркса состоит не из трех томов, как Вы утверждаете, а из четырех, что общепринято в литературе.

Диалектика. В результате незнания структуры «Капитала» с некоторых пор в нашей литературе появилось ошибочное утверждение, будто «Капитал» Маркса состоит не из трех, а из четырех томов: теории прибавочной стоимости объявили четвертым томом «Капитала». Это неверно как исторически, так и логически. Если исходить из истории создания «Капитала», то Маркс первоначально планировал написать 10 книг, затем — 6, наконец — 4. Это значит, что логическая структура «Капитала» не была заранее дана Марксу в готовом виде, а выкристаллизовалась в процессе самого исследования. Это видно хотя бы из того, что в Предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» Маркс писал: «Второй том этого сочинения будет посвящен процессу обращения капитала (книга II) и формам капиталистического процесса в целом (книга III), заключительный третий том (книга IV) — истории экономических теорий»³. В процессе же исследования Маркс изменил такую структуру и в основу положил триадичное, трехчленное деление материала, руководствуясь законами познания: раздвоение единого на противоположности и их сдинение. Капиталистическое производство раздваивается на процесс производства капитала (I том), процесс обращения капитала (II том) и их единение (синтез) — процесс капиталистического производства, взятый в целом (III том). Следовательно, окончательно выкристаллизованная логическая структура «Капитала» состоит из трех томов, а не из четырех.

Что же касается IV книги — истории экономических теорий, то Маркс ее выделил в самостоятельный том, назвав «Теории прибавочной стоимости», состоящий из 3-х частей, но сам автор не включал их в структуру «Капитала». «Теории» в основном

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 11.

написаны Марксом до «Капитала», следовательно, не могут быть четвертым томом, т. е. продолжением «Капитала». Если второй том является логическим продолжением первого, а третий — второго, то этот четвертый том отнюдь не является логическим продолжением третьего тома. Между тем третьим томом завершается исследование, поскольку он воспроизводит процесс капиталистического производства, взятый в целом, т. е. воспроизводит целое как оно есть в себе в самой жизни.

Закон отрицания отрицания действует во всех сферах действительности. Энгельс указывал, что закон отрицания отрицания есть один из предельно общих, то есть философских законов: «Когда я обо всех этих процессах говорю, что они представляют собой отрицание отрицания, то я охватываю их всех одним этим законом движения и именно потому оставляю без внимания особенности каждого специального процесса в отдельности. Но диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»⁴.

Софистика. Конечно, примеры триады в действительности и в познании можно найти, но ведь не все явления подпадают под триаду.

Диалектика. Нельзя всюду искать ни проявления закона, ни триады. Желание в каждом явлении, акте, в каждое мгновение «отыскать» двойное отрицание означает не что иное, как превращение этого закона и триады в мертвую схему. Сначала этот закон превращают в схему, так что раньше, чем говорить о чем-либо другом, уже имеют в голове готовую схему этого закона, а затем подгоняют, «втискивают» действительность в «прокрустово ложе» этой схемы. Такое понимание и применение триады, конечно, опошляет ее. Но, как говорил еще Гегель, из-за пошлости этого употребления она не может потерять своей внутренней ценности.

Раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и их взаимопревращение есть двойное отрицание в процессах. Но если двойное отрицание обязательно для действия и обнаружения закона отрицания отрицания, то оно вовсе не обязательно имеет место во всех процессах действительности и незачем ее искать всюду. Закон нужно открывать в процессах, явлениях, а не навязывать им свыше. Нельзя увлекаться «деревянными трихотомиями», нельзя подогнать действительность под трехчленную схему: тезис, антитезис, синтез. Вместе с тем нельзя конкретный анализ явлений подменять общими положениями, а нужно глубоко изучать не только общую, но и особую природу каждого случая.

Специфика закона отрицания отрицания состоит в том, что он

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145.

свое действие обнаруживает не на каждом этапе развития, а когда развитие прошло ряд последовательных этапов, то есть *законченный цикл*. И, напротив, он не обнаруживает своего действия, когда цикл развития не завершен, нет возврата якобы к исходному пункту.

Движение, развитие бывает и без возврата к исходным пунктам. Но только движение с возвратами якобы к исходным пунктам заключает в себе поступательное движение. Если же процесс развития прерывается на первом отрицании, не достигая второго отрицания, то в этом случае нельзя говорить о действии закона отрицания отрицания. Между тем поступательный процесс обеспечивается тем, что в *развитии действительности явления воспроизводят свою сущность в расширенном масштабе, возвращаются якобы к себе через второе отрицание*.

Софистика. Вы хотите сказать, что развитие шире, богаче, чем тот или иной закон развития?

Диалектика. Разумеется, развитие богаче, шире чем действие того или иного закона. Но если под развитием мы понимаем поступательный процесс, то без возврата якобы к исходному пункту имеет место лишь момент развития. Так, в живой природе поступательный процесс обеспечивается тем, что организмы, несмотря на бесплодие и уничтожение их части, воспроизводят свою сущность в новых условиях через второе отрицание. В обществе поступательный процесс обеспечивается благодаря воспроизводству средств производства, рабочей силы и общественных отношений также через второе отрицание, через возврат якобы к исходным пунктам. В научном познании истина достигается также через возвраты якобы к исходным пунктам. Движение и становление, вообще говоря, могут быть без «повторения», без «возврата» к исходному пункту, и тогда такое движение не было бы «тождеством противоположностей». Но и астрономическое и механическое (на земле) движение и жизнь растений, и животных, и человека — все это утверждало не только идею движения, но именно движения с возвратами к исходным пунктам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

Софистика. Вы сказали, что подобно тому, как содержание невозможно без формы, так и принцип отрицания отрицания невозможен без триады. Разве не бывает содержания без формы и наоборот — формы без содержания?

Диалектика. Нет, не бывает! Всякое содержание оформлено, а всякая форма — содержательна. Мы здесь имеем тождество противоположностей. Содержание и форма одновременно тождественны, друг без друга невозможны, друг друга обуславливают и различны, отличаются друг от друга.

Софистика. Как же так, ведь мы говорим, что это явление бес-содержательно или бесформенно. Значит, есть явление без содержания или без формы?

Диалектика. Когда говорим так, то хотим сказать, что нет надлежащего содержания, надлежащей формы.

Софистика. А формализм, скажем, в искусстве, разве не означает, что есть форма, а нет содержания?

Диалектика. Нет, не означает. Если формализм означал бы форму без содержания, то он был бы делом безобидным, и незачем было бы бороться с ним. Между тем формализм означает подрыв как содержания, так и формы. В нем и содержание и форма низменны.

Софистика. А каковы дефиниции содержания и формы?

Диалектика. В самом общем плане *содержание есть все то, что организовано формой, выражается, проявляется и отражается в ней, а форма есть способ организации, бытия, проявления содержания.*

Софистика. Эти дефиниции содержания и формы показывают, что они существуют друг без друга, и если было бы не так, то не было бы формализма, означающего отрыв формы от содержания. В литературе рассматривают многочисленные его разновидности в искусстве, литературе, науке, философии, политике и т. д. В искусстве он проявляется либо в ложном произвольном формотворчестве, либо в абсолютизации формы и отрыве ее от жизни, общества. В литературе он означает нарочито заумную запутанность, двусмысленность, неопределенность изложения, нарушение логической связи между словами, ломку литературного языка; в живописи — деформацию зрительных форм, разрушающую, уродующую художественный образ, в частности образ человека; в архитектуре — отрыв формы от функционального назначения сооружения, от идейного содержания. В музыке формализм выражается в том, что мелодия утрачивает целостность и заменяется алогичным чередованием интервалов, гармонические аккорды заменяются какофоническими образованиями и т. д. В театре, кино он уничтожает в актерской игре все живое, человеческое, все психологическое содержание; человек изображается абстрактно, вне связи с жизнью. Но разве все это не доказывает отрыв формы от содержания, а следовательно, существование формы без содержания?

Диалектика. Приведенные Вами суждения о разновидностях

формализма может быть и истинны. Только неистинны Ваш вывод. Разумеется, в искусстве можно абсолютизировать форму, можно вычленив ее из единства и рассматривать как самостоятельный момент, видимо, это и создает иллюзию о существовании формы без содержания. Но форма без содержания — такая же бессмыслица, как содержание без формы.

Софистика. Не только формализм в искусстве, но и достижения науки подтверждают существование формы без содержания. Так, Маркс писал, что богатство общества выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Как видите, речь идет о форме без содержания. То же самое можно сказать о биологической форме. Об элементарных частицах — формах без содержания и т. д. Так, когда мы слышим слово форма, то привычной языковой иллюзией является требование, что должна быть форма чего-то, что материальный субстрат необходим для формы... Но когда мы подходим к первичным частицам, составляющим материю, то оказывается, что нет такой точки зрения о них, как о составляющих саму материю. Они являются, как это и было всегда, чистой формой, ничего кроме формы, что обращает нас снова к усиленному исследованию этой формы, а не отдельных частиц материи. И физика идет к тому, что мертвая материя изгоняется из картины мира и заменяется полной жизни игрой форм.

Диалектика. Видимо, недостаточность, ограниченность вышеприведенных дефиниций содержания и формы порождают иллюзию об их изолированном существовании. В этой связи очень необходима их конкретизация. Содержание прежде всего есть все то, что организовано формой и выражается, проявляется, отражается в ней. Однако это определение Маркс конкретизирует, поскольку категория содержания по мере восхождения от абстрактного к конкретному обогащается различными своими определениями и модификациями, выражающими ее переходы в другие категории. Так, содержание есть общес., выражаемое в отдельном (богатство товаров, выражаемое в отдельном товаре); данное явление, выражаемое в другом явлении (стоимость одного товара выражается в другом товаре); материя, существующая в своих формах — пространстве, времени и движении; материальное, являющееся источником духовного и отражаемое в нем (общественное бытие — источник общественного сознания), и идеальное, выражаемое в материальном (мысли и чувства, опредмеченные, овеществленные в предметах труда) и т. д. Между всеми этими модификациями содержания имеются общие черты: содержание во всех своих аспектах по отношению к форме является ведущей стороной, подчиняет себе фор-

му, существует через все и выражается в ней и т. д. Но имеются и отличительные черты. Познание должно строго учитывать и общие и отличительные черты содержания.

То же самое нужно сказать о форме. Прежде всего форма выступает как внутренняя организация содержания, способ его существования, способ его проявления и отражения, а также его внешняя форма. Вместе с тем в исследовании у Маркса эта категория также претерпевает свои модификации, переходя в такие категории, как единичное, отдельное, выражающее всеобщее (отдельный товар, выражающий скопление товаров, форма стоимости, выражающая стоимость, и т. д.); данное явление, выражающее другое (меновая стоимость форма выражения стоимости); формы бытия материи — пространство, время и движение; материальное, выражающее духовное (предметы труда, выражающие мысли и чувства); духовное, отражающее материальное (общественное сознание как отражение общественного бытия) и т. д. Между всеми этими модификациями формы имеются не только общие, тождественные, но и отличительные черты. Познание должно исходить из их единства.

Из сказанного о категориях содержания и формы следует, что в познании необходимо четко определить аспекты этих категорий и установить специфику их связей. Стремление все аспекты свести к одному, а затем, исходя из него, объяснить все сложные связи и отношения — значит подходить к делу абстрактно, иметь одностороннее представление о предмете и нарушать принципы объективности и конкретности рассмотрения.

Софистика. К чему же ведет сведение всех аспектов этих категорий к одному? Неужели познание невозможно без четкого определения и выделения их аспектов?

Диалектика. Нет, невозможно! К каким заблуждениям ведет смешение разных их аспектов, легко установить на примере смешения формы — единичного с другими аспектами формы. Одно время в биологии господствовало такое заблуждение, как живое тело — форма, а его содержание — внешние условия. Поскольку общее существует только в отдельном и иначе не существует; поскольку оно может проявляться, выражаться только в отдельном и через него; и, наконец, поскольку его дифференциация есть возникновение, развитие и гибель, то есть превращение отдельного, постольку отдельное есть форма, способ существования, выражения, проявления общего. Отдельное есть форма не в рассмотренных выше аспектах, а в том аспекте, что оно выражает общее. Свойство «выражать» относится к определениям формы. Причем этот новый аспект не отбрасывает другие аспекты, а содержит их в себе *в снятом виде*.

Отдельное есть форма, выражающая общее, не без своего содержания и своей формы, поскольку оно имеет свое собственное содержание и свою собственную внутреннюю форму, а также свою внешность, находится в пространстве, времени, движении и т. д., то оно выступает как форма общего в единстве всех аспектов своего содержания и формы. То же самое нужно сказать и об общем. Так как категории общего и отдельного постоянно меняются местами, то соответственно с этим содержание и форма в этих новых аспектах также меняются местами.

Связь общего и отдельного указывает на то, что общее выступает в качестве содержания, существующего и проявляющегося в своих отдельных формах. Общее предполагает свою противоположность — отдельное, а отдельное — общее.

Данное отдельное, единичное может выражать не только общее, но и другое единичное. Иными словами, одно единичное может выступать в качестве формы выражения, проявления другого единичного, выступающего в качестве содержания первого. Поэтому, когда говорят, что отдельный товар — элементарная форма, то это отдельное единичное есть такая форма, которая заключает в себе свое содержание. То же самое нужно сказать о форме — живом теле: оно такая форма, которая имеет свое содержание в себе, и незачем его содержание искать вне его. Известно, какой огромный вред нанесло это заблуждение биологической науке. То же самое нужно сказать и о формах — элементарных частицах. Огромный вред физической науке наносит представление об элементарных частицах как формах без содержания.

Софистика. А что же является в таком случае содержанием этих форм?

Диалектика. Содержанием товара — стоимость, содержанием биологической формы — физиологические процессы, происходящие в ней, содержанием элементарных частиц — физические процессы, происходящие в них и т. д.

Софистика. По-вашему, выходит, что форма не играет никакой роли в жизни явления, не имеет никакого значения и можно пренебрегать ею.

Диалектика. Нет, это не так! Пока речь шла о том, что содержание и форма есть тождество противоположностей и друг без друга невозможны. Что же касается их взаимодействия, то в этом единстве содержание играет решающую, ведущую роль. Это выражается, говоря схематично, в следующем: содержание более подвижная, непрестанно изменяющаяся сторона единства, а форма — более устойчивая и менее подвижная его сторона; содержание своими непрерывными изменениями обуславливает отставание и старение формы, порождает все условия для замены отжившей,

несоответствующей формы новой, соответствующей; отношение между непрестанно изменяющимся содержанием и устойчивой формой есть глубокое противоречие, которое по мере роста содержания обостряется, развивается и, наконец, разрешается на определенном этапе путем сбрасывания старой формы и переделки содержания; в непрерывных изменениях содержания находит свое проявление изменчивая сторона единства, а в форме — его устойчивая сторона. Поэтому в их взаимоотношениях не бывает непротиворечивого этапа — этапа абсолютного соответствия. Противоречие между ними есть не особая стадия в развитии, а оно само проходит различные стадии развития, обострения и, наконец, разрешается путем сбрасывания отжившей формы и переделки содержания; содержание порождает себе соответствующую форму, определяет тенденцию развития формы, а также подчиняет себе, использует в интересах своего развития разные — и новые и старые — формы.

Софистика. Сказанное Вами является красноречивым подтверждением того, что форма никакой роли не играет, является каким-то придатком содержания, и, следовательно, ее исследование не имеет никакого значения для познания.

Диалектика. Нет, не является. Ведущая роль содержания не только не исключает, а предполагает влияние формы на содержание, ибо речь идет о взаимодействии содержания и формы. Это выражается в следующем: форма организует и выражает содержание. Поскольку ей внутренне присуща устойчивость, она является условием дифференциации, а следовательно, эволюции действительности, организует и выражает общее в отдельном, сущность — в явлении, формирует определенное, устойчиво существующее содержание и выражает его; она воплощает непрерывные изменения содержания в определенных «границах», но воплощает не абсолютно, а относительно; в определенных пределах. В противном случае она не могла бы выполнять свою функцию организации содержания, «придавать» ему определенную устойчивость и выражать его. Это означает, что форма должна одновременно воплощать содержание и противостоять его изменениям.

С одной стороны, если бы форма не воплощала, не удерживала в себе содержание и его изменения, то она не была бы формой, не было бы никакой дифференциации, никакого содержания и никакой формы. Вместо расчлененного, бесконечно многообразного богатства мы имели бы нечто неопределенное, аморфное. Форма без содержания должна быть непременно бесформенной.

С другой стороны, если бы форма воплощала содержание и его изменения абсолютно, исчерпывающе, то не было бы никакого развития, никакого перехода от одной формы к другой, то есть

опять не было бы никакого развития, никакого многообразия форм.

Софистика. Из сказанного Вами следует, что изменяется только содержание, форма является раз навсегда данной, неизменной. А разве есть неизменное состояние?

Диалектика. Нет, непрерывно изменяется все единство — и содержание, и форма. Но в том-то и заключается роль формы, что она как бы удерживает единство и его изменения в определенном качественном состоянии до тех пор, пока сама не изменяется коренным образом, в результате опережающих изменений содержания. А коренное изменение формы есть коренное изменение всего единства, следовательно, и содержания.

Перед нами противоречие: с одной стороны, непрерывно изменяются как содержание, так и форма, а с другой — эти стороны единого изменяются неравномерно, изменения содержания объективно опережают изменения формы, имеют другой характер, чем изменения формы.

Софистика. Но раз форма есть устойчивость, то она не имеет никакой самостоятельности.

Диалектика. Наоборот, с вопросом об устойчивости формы связан и вопрос об ее относительной самостоятельности. Форма относительно самостоятельна. Это выражается в ее относительной устойчивости, преемственности в развитии, а также в том, что, определяясь содержанием, она влияет на его развитие и в определенных условиях изменяется одновременно как в результате изменений содержания, так и в результате непосредственного воздействия на нее внешних условий. Причем в различных аспектах формы степень ее относительной самостоятельности различна.

Софистика. Не следует ли из этого, что форма влияет на содержание активно, а содержание на форму — пассивно?

Диалектика. Мнение об активности формы и пассивности содержания (материи) берет свое начало у Аристотеля, получает дальнейшее развитие у разных идеалистов, в том числе у Гегеля. Однако невозможно согласиться с этим мнением. В связи с этим возникла известная «поправка» в это положение, которое ныне приняло следующий вид: содержание играет ведущую роль, а форма — активную. Но эта «поправка» в сущности не меняет положения, выдвинутого Аристотелем, а лишь видоизменяет его. В самом деле. Если форма активна, то, сколько бы мы ни уверяли себя и других в ведущей роли содержания, последнее пассивно. Это подразумевается! Ибо нет активности без пассивности, нет активности формы без пассивности содержания. Если одна противоположность единства активна, то другая — пассивна. Вместе с тем понятия активности и пассивности есть процесс, они

взаимопереходят, взаимно превращаются друг в друга. Все это является достаточным основанием, чтобы отказаться от указанного положения и анализировать взаимодействие этих противоположностей.

Софистика. Вы много говорите о взаимодействии, о взаимопревращении противоположностей вообще, содержания и формы в частности, но не раскрываете, что такое взаимопревращение противоположностей.

Диалектика. Форма по своей природе не может или воплощать или не воплощать содержание и его изменения, она, как сказали, одновременно и воплощает и не воплощает. Единая в своей определенности форма как бы раздваивается на две стороны, тенденции. Но эти две тенденции формы нельзя рассматривать неподвижными, раз навсегда данными. Именно в подвижности, условности, относительности и взаимопревращении двух тенденций формы заключен ответ на вопрос об относительном характере соответствия и несоответствия формы содержанию.

Предмет успешно развивается тогда, когда форма наилучшим образом воплощает изменения его содержания и отвечает потребностям его развития. Требование содержания более полного, более совершенного соответствия формы его характеру, состоянию является объективным законом развития. Но соответствие или несоответствие формы содержанию не бывает абсолютным. В самом этом единстве в течение всего существования борются две тенденции формы: с одной стороны, форма, воплощая в себе изменения содержания, соответствует своему содержанию, способствует его развитию; с другой стороны, воплощая содержание не абсолютно, а относительно, она отстает от состояния, уровня, характера содержания и с этой точки зрения в известной степени не соответствует ему.

Одна тенденция формы постоянно и одновременно заключает в себе свою противоположность. Соответствие формы содержанию всегда мыслится в соотношении с его противоположностью, заключающейся в нем постоянно — несоответствием, и, наоборот, несоответствие мыслится в соотношении с соответствием, также наличествующим в нем постоянно. Эти обе тенденции формы немислимы друг без друга и находятся в определенном соотношении.

Софистика. Выходит, обе тенденции формы равнозначны, равнодействуют и, составляя равенство, равновесие, друг друга уничтожают.

Диалектика. Нет, не выходит. Так как содержание находится в непрерывном изменении, то это соотношение постоянно изменяется. Процесс изменения этого соотношения таков, что по мере

изменения содержания и в зависимости от его природы и условий его развития *преобладает, господствует то одна тенденция формы над своей противоположностью, то другая*. Когда преобладает соответствие, то форма способствует развитию содержания; при этом несоответствие находится в подчиненном, зародышевом состоянии, оно почти незаметно и не мешает развитию содержания. Когда же преобладает несоответствие, то форма «тормозит» развитие содержания, а соответствие находится в подчиненном состоянии. Форма одновременно одними своими сторонами в количественном отношении соответствует содержанию, способствует его развитию, другими — нет. Но в целом, в сущности, в своей качественной определенности, она или соответствует содержанию, или нет, если понимать, разумеется, не абсолютно, а относительно. Соответствие переходит в несоответствие благодаря тому, что развитие содержания приводит мало-помалу к преобладанию несоответствия. Количество переходит в качество. Несоответствие сменяется соответствием благодаря тому, что последнее означает рост содержания, а рост, непрерывные изменения содержания в свою очередь означает усиление отставания формы от состояния содержания. Этот процесс неукоснительно и неотвратно продолжается до тех пор, пока отставание формы от содержания не становится значительным и пока не возникает объективной необходимости качественного изменения формы. Сказанное можно схематично выразить так: взаимодействие содержания и формы в своем развитии как бы проходит три этапа: *на первом этапе* форма наилучшим образом соответствует содержанию, способствует его развитию. Правда, в это время форма какими-то моментами не соответствует содержанию, но это не имеет существенного значения и существенно не мешает развитию содержания. Но соответствие означает усиление несоответствия. По мере непрерывного роста содержания постепенно, шаг за шагом накапливаются, усиливаются несоответствующие или устаревшие черты, моменты формы.

Второй этап характеризуется тем, что эти устаревшие моменты начинают преобладать над соответствующими моментами, начинают существенно мешать развитию содержания, и чем дольше, тем сильнее. На этом этапе количество переходит в качество — соответствие формы содержанию сменяется несоответствием. В это время хотя некоторые моменты формы воплощают содержание, благодаря чему развитие содержания не прекращается, в какой-то степени имеет место, но былого развития нет, форма в целом «тормозит» его. Возникает объективная необходимость изменения формы для восстановления соответствия. *Третий этап* характеризуется качественным изменением отжившей формы и

переделкой содержания, то есть восстановлением соответствия формы содержанию. При этом третий этап, как и два предыдущих, есть противоречивый процесс и зависит от условий. Поэтому нельзя думать, что форма, как только она устарела, немедленно, автоматически сменяется новой. Продолжительность, характер, глубина всех этапов, в особенности третьего, зависят от совокупности всех внутренних и внешних условий. От соответствия формы содержанию к несоответствию и от последнего к соответствию на новой, высшей основе — таков путь этого взаимодействия.

Софистика. Из всего этого следует вывод, что ведущая роль содержания заключается в том, что его изменение ведет к изменению формы. Но вновь возникшая форма, наилучшим образом соответствуя содержанию, способствует его развитию, то есть начинает в свою очередь играть решающую, ведущую роль по отношению к содержанию.

Диалектика. Нет! Из этого следует прежде всего тот вывод, что сбрасывание старой формы новым содержанием является решающим поворотом, скачком и *закономерно вызывается потребностями развития содержания.*

С какой бы стороны мы ни рассматривали взаимоотношение содержания и формы, ведущим всегда является содержание. Ни гибкость категорий содержания и формы, ни их подвижность, ни их взаимопереход и взаимодействие не уничтожают их специфики и не дают никакого основания утверждать, что форма играет ведущую роль по отношению к своему содержанию. Тезис о ведущей роли и содержания и формы наносит вред научному познанию. Какую роль играет форма в развитии содержания, в каком направлении, в какой степени она влияет на свое содержание — все это определяется взаимодействием содержания и формы, основой которого является содержание и потребности его развития. В этом взаимодействии содержание не только определяет форму, но и ту или иную ее роль, тот или иной характер ее влияния на свое развитие. Развитие происходит от содержания к содержанию путем сбрасывания старой формы.

Софистика. Неужели действительное развитие представлено той же формулой: «старая форма сбрасывается новым содержанием»?

Диалектика. Нет, конечно! Если ограничиться формально-логическим подходом, то можно даже прийти к догматическому выводу: раз старая форма сбрасывается новым содержанием, то последнее не может и не должно использовать старую форму. Между тем в отдельных явлениях, на определенном этапе их развития, в соответствующих условиях старая форма до поры до времени не сбрасывается новым содержанием, а используется им для сво-

его развития. Более того, в отдельных случаях использование старой формы новым содержанием становится обязательным, единственно возможным условием восстановления соответствия формы содержанию, сохранения, поддержания и развития нового содержания, что является еще одним доказательством ведущей роли содержания.

Новое содержание в зависимости от характера явлений и условий его развития использует в одном случае старую внутреннюю форму, в другом — старую форму — внешность, в третьих — старую форму — единичное и т. д., но чаще всего использует старую форму во всех ее аспектах одновременно.

Софистика. Если новое содержание для своего развития использует старую форму, то зачем же оно должно сбрасывать ее?

Диалектика. Новое содержание использует старую форму не для примирения с ней, а для победы над ней.

Софистика. Приведите примеры.

Диалектика. Пожалуйста. Например, история КПСС является непревзойденным образцом отыскания и создания новых форм организации и борьбы, искусного сочетания новых и старых форм, гибкой смены одних форм другими для развития действительно революционного содержания рабочего движения нашей страны.

Революционное содержание партии немислимо было без определенных ее организационных форм и методов борьбы. Так, после II съезда партии, когда меньшевики подрывали партийность и партийную дисциплину, неразвитость и непрочность формы не давала возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызвала застой, вела к растрате сил, к несоответствию между словом и делом.

Более того, сами эти определенные формы воплощают содержание революционной работы КПСС не исчерпывающе, не абсолютно, а относительно, ибо непрерывно изменяются обстановка, условия, в которых работает она и на этой основе — содержание партийной работы. Поэтому «партия революционного марксизма, — говорится в решениях X съезда КПСС, — в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса, формы партийной организации, а равно и методов ее работы. Наоборот, форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают»¹.

Когда организационные формы не соответствовали потребно-

¹ КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1953, ч. 1, с. 516.

стям развития содержания революционной работы, КПСС боролась за их смену такими, которые соответствовали содержанию революционной деятельности. В противном случае отжившая форма тормозила бы развитие революционного содержания.

Борясь за соответствие формы содержанию, партия в то же время учитывала, что соответствие носит противоречивый характер, что «противоречия между потребностями нового складывающегося положения, с одной стороны, и установившейся формой организации и методами ее работы — с другой, намечаются в общем раньше, чем окончательно скажется необходимость изменения курса»². К тому же КПСС рассматривала эти противоречия как процесс, изучала его состояние, природу, степень зрелости. Осознание и изучение этого противоречия, как бы оно первоначально ни было незаметно, придавало ее тактике гибкость, готовность к своевременной смене старой, отжившей формы новой, соответствующей.

Вместе с тем КПСС исходила из того, что в зависимости от этапа и условий развития восстановление нарушенного соответствия формы содержанию вполне возможно не путем сбрасывания определенной старой формы и замены ее новой, а путем использования старых форм новым содержанием. Причем в этом вопросе она руководствовалась не предвзятой схемой, а потребностями развития революционного содержания. Ни возникновение новой формы, ни использование старой не является субъективным произволом. Более того, «новая», но преждевременная, искусственно навязанная содержанию форма может нарушить соответствие так же, как и отжившая форма. Поэтому единственно научная постановка вопроса состоит в следующем: соответствует или нет в данных условиях, в данном явлении, на данном этапе форма новому содержанию! Только такая постановка вопроса позволяет определить целесообразность и возможность использования новых и старых форм. КПСС выдвигала на разных этапах развития революционного движения рабочего класса те новые и старые формы, которые наилучшим образом соответствовали потребностям развития революционного содержания.

Соответствие формы содержанию нарушается не только тогда, когда форма изжила себя, и не только тогда, когда содержанию навязывается преждевременная форма, но и тогда, когда новое содержание не использует определенных старых форм для своего развития. Поэтому нигилистическое отрицание прогрессивной роли определенных старых форм в развитии нового содержания ничего общего не имеет с наукой. Новое содержание может и должно

² КПСС в резолюциях..., с. 516

использовать определенную старую форму, проникая в нее, изменяя ее природу, побеждая ее, подчиняя потребностям своего развития.

Стало быть, старую форму нельзя рассматривать как раз навсегда отвергнутую, неспособную в соответствующих условиях воплощать в себе новое содержание. КПСС в своей деятельности исходила из того, что «всякая организационная форма и соответствующие методы работы могут с изменением объективных условий развития превратиться из форм развития партийной организации в оковы этого развития: и обратно, сделавшаяся негодной организационная форма может снова стать необходимой и единственно целесообразной при возрождении соответствующих объективных условий»³.

Софистика. Существуют ли какие-либо объективные критерии выбора новой или старой формы? Не пахнет ли это субъективизмом, еще хуже — произволом?

Диалектика. Существуют! В объективной действительности старая форма сбрасывается новым содержанием не как самоцель, не ради «сбрасывания», а ради развития содержания. В зависимости от природы явлений и исторических условий их развития старая форма может быть сброшена, но использована в других условиях, могут быть сброшены отдельные стороны, моменты формы, но другие сохранены и т. д. Все дело зависит от того, соответствует ли та или иная форма содержанию, или нет. При этом прогрессивность формы нельзя сводить к ее новизне. Прогрессивной может быть и старая форма, если есть для этого соответствующие условия.

При рассмотрении вопроса об использовании многообразия форм, в том числе и старых, новым содержанием нужно исходить из того, что новое содержание использует определенные старые формы не для их увековечивания, а для того, чтобы, используя все и всякие формы, проложить себе путь к окончательной победе над старым. «У нас, — писал В. И. Ленин, — есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за Советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и должно проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, — не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые

³ КПСС в резолюциях..., с. 516.

формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма»⁴.

Софистика. Что же конкретно дает использование старых форм международному рабочему движению?

Диалектика. Научное использование старой формы новым содержанием придает тактике коммунистических и рабочих партий гибкость, действенность, творческий характер, облегчает их борьбу против правооппортунистических и левосектантских доктринеров за слияние всех социалистических сил в один мощный поток против борьбы империализма, помогает им использовать все и всяческие формы, средства, возможности для достижения полной и окончательной победы коммунизма.

Из анализа опыта использования КПСС старых форм напрашиваются прежде всего два вывода: во-первых, старая форма используется новым содержанием, как правило, в сочетании, взаимодействии с новой формой; во-вторых, использование старой формы новым содержанием нельзя понимать как примирение с ней.

Научное понимание вопроса об использовании старой формы новым содержанием глубоко принципиально отличается от его абстрактного догматического право- и леворевизионистического понимания. Если КПСС шла и идет на практическое использование определенных старых форм для укрепления и развития дела коммунизма, то правые оппортунисты шли и идут на использование старых форм для сохранения капитализма, а «левые» — отвергают использование старых форм в принципе. Проводя соглашательскую политику с буржуазией и подчиняя рабочее движение капитализму, правые оппортунисты признают только старые формы борьбы, отвергают новые. «Левые», отрицая использование определенных старых форм новым содержанием, авантюристически выдвигают несоответствующие, преждевременные формы, тем самым подрывают победу нового содержания. Правое доктринерство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всякие формы, что обязанность коммунистов в том, чтобы всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой выполнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене.

Использование старой формы новым содержанием не есть некий произвол, ничем, никакими закономерностями не обусловлен-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 88—89.

ное субъективное мнение, а есть проявление закономерностей развития.

Софистика. Чем вызывается использование старой формы новым содержанием?

Диалектика. Использование старой формы новым содержанием обусловлено прежде всего ведущей, решающей ролью самого содержания, потребностями его развития. Основой возникновения новых и использования старых форм являются потребности развития самого содержания. Объективно новая форма возникает не из старой формы, а из взаимодействия формы и содержания, где последнее играет ведущую роль. Новая форма не возникает, а старая не сбрасывается, пока содержание не подготовило соответствующих объективных условий для этого. Следовательно, если новое содержание еще не породило новой, высшей формы, то оно в силу объективной необходимости воплощается в старой форме, подчиняет ее себе, использует ее для своего развития.

Вместе с тем новая форма, хотя и соответствует состоянию нового содержания, но соответствует не абсолютно, а относительно. Следовательно, новое содержание в известной степени воплощается и в определенной старой форме, используя и подчиняя своим потребностям как новую, так и старую формы. Новое содержание может выражаться не в одной единственной форме, а в нескольких и более формах, в зависимости от характера и условий развития самого содержания. Причем в определенных условиях та или иная форма нового содержания может быть господствующей. Господство той или иной формы не исключает использования остальных форм, а предполагает.

Далее, одной из причин, объясняющих, почему новое содержание может и должно использовать определенные старые формы, является то, что одна и та же форма в определенных явлениях может воплощать в себе как одновременно, так и в разное время качественно различные явления. Это объясняется как потребностями развития содержания, его изменчивостью, подвижностью, так и относительной устойчивостью и самостоятельностью формы. При этом разные явления, выражающиеся в одной и той же форме, отличаются друг от друга не по форме, а по содержанию. Поэтому видимость единства формального не должна заслонять качественного отличия по содержанию.

Использование старой формы новым содержанием объясняется еще и тем, что развитие есть поступательность, восхождение, где переход от низшего к высшему подготавливается процессом развития самого низшего, в высшем воспроизводятся, сохраняются на более высокой базе положительные черты низшего — в развитии объективно соблюдается преемственность, без которой ис-

возможно ни возникновение, ни развитие нового; развитие происходит, как говорили выше, не прямолинейно, а как бы по спирали, где высшая, третья ступень якобы возвращается к исходной и по форме совпадает с ней, но отличается качественно, по содержанию.

Софистика. Раз третья и первая ступени по форме, как Вы сказали, совпадают, то есть одна и та же форма прикрывает разные содержания, то познание как формы, так и содержания становится абсолютно невозможным.

Диалектика. Внешне кажется так. Но лишь внешне. Следует подчеркнуть, что не только новое содержание может использовать старую форму, но и старое содержание — новую форму. Старое, реакционное содержание в одном случае может само породить «по своему образу и подобию» новую по времени, но реакционную по существу форму, отвечающую его задачам, а в другом — может проникнуть в новую, прогрессивную форму, переродить ее, изменить ее природу, подчинить себе, использовать ее в тех же реакционных целях. Причем в обоих случаях речь идет о регрессе, о методах, средствах, приемах и т. д. борьбы старого, реакционного против нового, прогрессивного.

В первом случае борьба носит открытый характер. Так, например, отжившая свой век монополистическая буржуазия для борьбы с новыми, прогрессивными силами общества, представляющими коммунистическое начало во всем мире, создает многочисленные формы и средства — начиная с такой открыто террористической формы диктатуры буржуазии, как фашизм, и кончая такими агрессивными блоками, как НАТО. Во втором случае борьба ведется завуалированно: старое содержание проникает в новую форму, пытается использовать эту новую революционную форму для борьбы с коммунизмом, рядится в коммунистические одежды.

Однако эти взаимоотношения содержания и формы принципиально отличаются друг от друга. Если новое содержание использует старую форму для победы над старым и в конце концов добивается этой победы, то этого нельзя сказать об использовании старым содержанием новой формы. В единоборстве с новым содержанием старое, реакционное содержание рано или поздно терпит поражение, и новая, революционная форма наполняется новым революционным содержанием. Поэтому важной особенностью использования новой, высшей формы реакционным содержанием является то, что само это использование носит *кратковременный, преходящий* характер, поскольку новое прогрессивное содержание неодолимо одерживает верх над реакционным. Так, например, хотя эсеры и меньшевики в 1917 г. превратили Советы в придаток

реакционного Временного правительства, большевики вскоре, изгнав их из Советов, в корне изменили содержание: Советы стали революционной формой революционного содержания — диктатуры пролетариата. То же самое нужно сказать о маоистах. Хотя они влили в Коммунистическую партию Китая контрреволюционное содержание, рано или поздно последнее будет преодолено. И эта революционная форма наполнится революционным содержанием. Это — красноречивое подтверждение жизненности, неодолимости нового революционного содержания, прокладывающего себе путь через все и всякие преграды, зигзаги, отступления и отклонения. Но, разумеется, поскольку одна и та же форма воплощает разные содержания, то о явлениях нужно судить по содержанию. Так, о политических партиях и их руководителях судить нужно не потому, что сами они говорят о себе, не по их словам, а по их делам, по содержанию их деятельности.

Итак, содержание и форма взаимно превращаются, взаимно переходят друг в друга. Их взаимопереход есть, во-первых, их внутреннее взаимодействие. Содержание и форма переносят друг на друга свою самость; во-вторых, содержание переходит в форму, поскольку это взаимодействие порождает новую, высшую форму и «в определенной точке» воплощается в нее, «переходит» в нее. Форма переходит в содержание в том смысле, что утвердившаяся новая форма обуславливает коренную переделку содержания, обеспечивает более развитое, обогащенное приобретениями всей предшествующей истории развития соответствие своему содержанию.

Софистика. В литературе существует мнение, согласно которому не только содержание оформлено, но и сущность. А разве может быть оформлено то, чего нет?

Диалектика. Сущность не выдумка, а объективная реальность. Верно, в истории философии были и есть философы, которые либо отрицают объективную реальность сущности, либо отрицают ее познаваемость. Так поступали Юм и Кант. Современная буржуазная философия, в особенности феноменализм и неопозитивизм, продолжает линию агностицизма Юма — Канта в новых формах. Феноменалист Гуссерль считает, что единственной реальностью обладает сознание. Как и Кант, он сущность понимает как идеальную сущность, воспринимает с помощью «интеллектуальной интуиции», также непосредственно, как все то, что можно слышать, видеть и т. д. Познание действительности он понимает как переход от одного феномена к другому. Сами же эти феномены не только не связаны с какой-либо объективной сущностью, но последняя есть продукт «интеллектуальной интуиции», и вне ее не существует. В таком же духе выступает и неопозитивизм, кото-

рый проблему сущности и явления считает псевдопроблемой. В понимании, например, Р. Карнапа познание не может выйти за рамки эмпирико-научных вопросов и поставить вопросы о сущности предметов. Такого же взгляда на сущность придерживается и Б. Рассел, который о ней говорит как о «безнадежно сбивающем с толку понятии».

Софистика. Как же можно утверждать, что сущность — объективная реальность, в то время как эта «реальность» не дана нам в ощущениях?

Диалектика. Сущность дана нам в ощущениях опосредственно, через свое явление. Поэтому нельзя отрывать сущность и явление друг от друга. Отрыв явления от сущности — характерная особенность кантианства. Более того, современные неокантианцы «очищают» кантианство от элементов материализма, придают ему более последовательный субъективно-идеалистический характер. Они отрицают закономерности развития, объявляют сущность «логической конструкцией», обманчивой видимостью или «словесной конструкцией» и т. д. и т. п. и приходят к отрицанию самой объективной реальности и ее познаваемости. Отрыв субъективными идеалистами явления от сущности выражается и в том, что они категорию «основы» («основания») понимают либо как явление без сущности, либо как сущность без явления. Между тем, категории «сущности» и «основы» — однопорядковые понятия. Основа есть та же «сущность», выражающая связь сущности и непосредственно данного в чувственном созерцании явления, то есть переход сущности в свое опосредствование, в свои формы существования и развития. Поэтому и исходить нужно не из одной сущности или из одного явления, а из их *неразрывного единства*. Сущность — не плод субъективного суждения, а объективный процесс. Восхождение от явления к сущности и от сущности к явлению есть закон познания. Логические категории — не пустые оболочки, а содержательные формы самой действительности. Кантовская философия исходит из ложной позиции, будто разум не способен познать никакого истинного содержания и в отношении истины следует отсылать к вере.

Софистика. Но нет никаких аргументов, доказывающих реальность сущности.

Диалектика. Есть объективный критерий, подтверждающий, что есть истина, а что вымысел, выдумка. Таким критерием является практика. «Самое же решительное опровержение, — писал Ф. Энгельс, — этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания

данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец»⁵.

Софистика. Все равно речь идет о познании. А раз так, то и сущность есть познание, то есть создание головы, которое может подтвердиться или не подтвердиться практикой.

Диалектика. Сущность познает голова, верно! Но голова отражает то, что существует вне ее, объективно. Причем познание начинается с кажимости. Как внешне, чувственно созерцаемое проявление момента сущности кажимость есть тоже знание, но знание поверхностное, абстрактное, бедное. В «Капитале» Маркса сначала анализируется также простое, обычное, непосредственно данное отношение буржуазного общества — обмен товаров. Разумеется, знает каждый без какой-либо теоретической подготовки, что товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, удовлетворяющая человеческие потребности. Но такое знание, будучи бедным по своему содержанию, в то же время является необходимым моментом, точнее — условием восхождения мысли к сущности — стоимости.

Как исторически, так и логически познание невозможно без кажимости — последняя является необходимым этапом восхождения мысли к сущности. Но кажимость непосредственно не есть сущность, и как внешнее проявление ее момента может выражать сам этот момент извращенно. Например, видимое движение Солнца вокруг Земли или видимость того, что заработная плата рабочего является полной оплатой всего труда рабочего, а не его части. Причем сама кажимость может быть понята только на основе знания сущности.

Софистика. Как можно серьезно вести разговор о чем-либо, не определив предмета разговора. Что можно сказать о сущности, есть она или нет, если мы не знаем, что такое сущность.

Диалектика. Нет, знаем! *Сущность является внутренним тождеством явлений, общей их основой.* Причем общее может выступать как сущность, но может и не выступать. Всякая сущность есть общее, *но не всякое общее есть сущность.* Так, различные товары могут иметь общий признак, скажем, им как материальным вещам обще то, что они имеют химический состав. Но такое общее отнюдь не есть сущность товара как экономической категории и искать ее нужно не в химическом, физическом и т. д. составе товара, а в экономических отношениях, овеществленных в товарах как стоимость.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 284.

Рассмотрение всесторонности, индивидуальности свойств, качеств, связей самой данной вещи в себе, несмотря на всю его необходимость и важность, оказывается недостаточным, потому что эти многообразные индивидуальные связи вещи в себе с другими составляют некую *систему* и обусловлены *всеобщей основой, сущностью*, которая является вместе с тем объективным источником научного познания самих этих индивидуальных связей. Для постижения научной истины необходимо за этим многообразием связей и отношений открыть их единую основу, возводить *единичное во всеобщее, бытие в сущность*. Задача науки как раз заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению, то есть к сущности.

Софистика. Выходит, что сущность непосредственно не совпадает с явлением, не лежит на поверхности предмета, не дана непосредственно в чувственном созерцании, скрыта от него и постижима только наукой, теоретическим мышлением.

Диалектика. Если бы форма проявления и сущность вещей совпадали, то всякая наука была бы излишня. Так, прибавочная стоимость, принимая различные формы, распадаясь на разные части, как бы скрывается за этими своими формами проявления, становится все более и более неузнаваемой. Она не выступает непосредственно в явлениях, а только путем научного анализа должна быть открыта как «скрытая мистерия». Буржуазная политэкономия в прибыли видела только прибыль и не смогла вследствие «недостаточной силы абстракции» открыть за этой формой ее сущность — прибавочную стоимость. Маркс же, развивая дальше научную абстракцию, «выделил» прибавочную стоимость из прибыли, показав, что последняя является лишь формой проявления своей сущности — прибавочной стоимости. Создание теории прибавочной стоимости Марксом было поистине величайшим переворотом в науке.

Поэтому, опираясь на данные практики и живого созерцания, познание должно восходить к сущности и за многообразием внешней кажимости явлений открывать их внутреннюю основу, их сущность.

Софистика. В таком случае чувственное созерцание излишне, так как сущность познается только абстрактным мышлением.

Диалектика. Для познания сущности нужно восходить от чувственного созерцания к абстрактному мышлению, к теории. Вместе с тем чувственное созерцание — необходимый этап, без которого нет и не может быть познания. Так, в «Капитале» теоретическое воспроизведение предмета опирается на Монблан фактов, на обработку колоссального количества эмпирического материала.

Это значит, что как в индивидуальном познании, так и в истории познания эмпирическая стадия выступает как необходимая ступень, этап познания. Вместе с тем эта ступень выступает как основа движения мысли от кажимости, явления, единичного ко всеобщему, сущности и выражает собою первую половину пути воспроизведения конкретного: от эмпирического накопления отдельных, разрозненных фактов, к их теоретическому обобщению и открытию их внутренне необходимых связей, законов, сущности — таково содержание этого отрезка пути познания, что является, в свою очередь, основой дальнейшего восхождения к мысленно-конкретному.

Софистика. Сущность неизменна, дана раз и навсегда, а стоимость, которую Вы выдаете за сущность, есть процесс, непрерывно изменяющийся. Так, в «Капитале» Маркс показывает, что капитал есть не что иное как самовозрастающая, самодвижущаяся стоимость. Она хотя и сохраняет себя, свою общую природу как капитал, но развивается, модифицируется, обогащается. Стоимость есть процесс восхождения, обогащения. Само это восхождение в определенных исторических условиях обеспечило превращение денег в капитал, то есть превращение стоимости в самовозрастающую стоимость.

Диалектика. Мы имеем перед собой ту антиномию, которую не решить никакими формальными средствами: стоимости могут отличаться только по величине, но сущность их одна — стоимость; одна денежная сумма может отличаться от другой только по величине, но сущность одна — деньги; абсолютная и относительная прибавочная стоимость отличаются друг от друга, но сущность одна — прибавочная стоимость, — и не «с одной стороны и с другой стороны», а со всех сторон сущность одна. Верно, сущность есть наиболее устойчивая сторона единства. Иначе и не может быть, поскольку сущность есть внутреннее тождество, основа множества явлений. Сущность есть *спокойное* в явлениях. Она не охватывает всего явления, а лишь то, что в нем прочно сидит, выражает устойчивое в нем. «...Несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность»⁶. Вместе с тем эта устойчивость не есть неизменность. Неизменной сущности не бывает, равно как нет сущности без собственного проявления. Не являющейся сущности или сущности вне существования нет. Сказанное, разумеется, не означает, что познание в явлениях также всегда постигает сущность. Когда говорим: сущность всегда является, мы под этим подразумеваем то, что сущность не может существовать иначе,

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 116.

как в своих явлениях, в своих формах проявления. Не являющаяся сущность не есть сущность, а абсолютно пустая абстракция, подобно кантовской непознаваемой «вещи в себе». Что же касается познания сущности, то, хотя непознаваемой сущности нет, но поскольку познание есть *временной и неисчерпаемый процесс, то и познание сущности есть временной процесс: одни сущности познаются на данном этапе, а другие, хотя и проявляют себя в своих формах, но пока скрыты, не познаны и ждут своего познания*. Непознаваемых сущностей нет, но всегда будут непознанные сущности, ибо мир неисчерпаем. Постигающее мышление не должно смешивать эти разные вопросы. Их смешение было как раз одним из гносеологических источников различных разновидностей агностицизма.

Софистика. Можно ли сказанное Вами подтвердить результатами какого-нибудь научного исследования?

Диалектика. Пожалуйста! Образцом подтверждения сказанного является «Капитал» Маркса. Так, у Маркса процесс обращения капитала есть явление, а его кругооборот есть непосредственность капитала, есть его существование. Поэтому Маркс анализ процесса обращения капитала начинает с «метаморфоз капитала и их кругооборота», то есть с существования капитала. Исследование процесса производства сущности — капитала теперь хотя и пройденный этап восхождения и Маркс во II томе специально не возвращается к нему, но оно составляет основу дальнейшего движения капитала, без которого нельзя понять ни существования, ни явления капитала. Иными словами, опираясь на исследование процесса сущности, рассмотренного в чистом виде, теперь, на достигнутом этапе исследования, Маркс, также в чистом виде, исследует процесс явления — конкретные формы проявления капитала в сфере обращения. Теперь предмет исследования есть явление — обращение капитала.

Кругооборот капитала есть непосредственность, принимающая денежную, производительную и товарную формы, содержанием которых, так или иначе, является опять-таки капитал и в которых последний не просто пребывает, а функционирует, обогащается, сохраняя свою природу. Капитал в своем функционировании проходит ряд последовательных стадий. Так, денежный капитал проходит следующие стадии: $D—T... P...T'—D'$. Рассмотрев в чистом виде существование — кругооборот денежного, производительно и товарного капиталов как три самостоятельные функциональные формы, Маркс затем переходит к анализу явления — оборота капитала. Анализ же показывает, что в действительности имеет место не отдельный акт кругооборота, а процесс прерывно-непрерывного возобновления кругооборота. Кругооборот капитала,

определяемый не как отдельный акт, а как периодический процесс, снова и снова повторяющийся через определенные промежутки времени, есть оборот капитала. Непосредственность кругооборота капитала снимает себя в опосредствовании, поскольку речь идет уже не об отдельном акте кругооборота, а о периодическом процессе, обороте, который, в свою очередь, снимает себя в анализе *воспроизводства и обращения всего общественного капитала*.

Таким образом, капитал существует в обращении и возможен в нем как сущность в явлении и не иначе. Обращение капитала есть капитал в его существовании, есть существенное отношение, есть явление капитала. Явление есть, таким образом, сущность в ее существовании; сущность наличествует в нем непосредственно. Существование, как *существенное* существование, есть явление.

Сущность и явление взаимопроникают, взаимно обуславливают друг друга и взаимно превращаются друг в друга. Сущность существует (является) не иначе как в отдельном — в единичных, отдельных, реально существующих вещах, процессах, явлениях. Вне отдельного нет сущности. Отдельное явление есть проявление сущности, содержит ее в себе как основу своего существования и развития. Все единичные явления отличаются друг от друга множеством специфических признаков, черт, свойств. Но вместе с тем они имеют одну общую основу, взаимосвязаны внутренним единством — сущностью.

Софистика. Взаимопревращение сущности и явления мы понимаем как их взаимное исчезновение. Сущность превращается в явление, значит она исчезает полностью, а явление — в сущность, тоже исчезает полностью.

Диалектика. Это механистическая интерпретация взаимопревращения противоположностей. Сущность в своем существовании есть действительность. Познание предмета как целого возможно, как уже отмечалось, при одном условии: если оно не останавливается на самостоятельном анализе каждой из противоположностей единства, а идет дальше, восходит к их синтезу.

Раздвоение единства и самостоятельный анализ явления и сущности есть движение мысли в отрицательном направлении, а их синтез есть движение мысли в противоположном направлении, есть процесс восстановления их единства на высшей основе. Вместе с тем ни сущность, ни явление сами по себе не есть целое, а есть его стороны. Только их синтез даст целое в его полноте. Это значит, что, во-первых, действительность выше, чем бытие и чем существование; во-вторых, она есть цельность, совокупность, точнее сказать, синтез своих моментов, потому и богаче, выше, конкретнее. Этот синтез следует понимать как развитие, как *взаи-*

мопревращение противоположностей, как переход противоположностей друг в друга и в новое высшее состояние. Следовательно, оно не есть исчезновение, а обогащение, развитие, восхождение,

Итак, взаимопревращение содержания и формы, а также сущности и явления есть развитие, восхождение, обуславливающее переход содержания и сущности в существенное содержание — в необходимость. Последняя и есть содержание в его сущности, в его действительности и из себя представляет следующий этап восхождения постигающего мышления к глубинным процессам, в конечном итоге, обусловленный потребностями развития предметной деятельности человека.

Софистика. В явлениях мы не можем открывать необходимую связь, мы устанавливаем как эмпирический факт только то, что одно явление действительно следует за другим. А это обстоятельство порождает привычку считать повторно следующие друг за другом явления необходимо связанными, что, в свою очередь, порождает представление (иллюзию) о закономерности. По всему этому необходимость, закон существует лишь в рассудке, который предписывает их природе. А это значит, что все вещи чувственно воспринимаемого мира совершенно случайны, и имеют всегда лишь эмпирически обусловленное существование. Сам же чувственно воспринимаемый мир не содержит в себе ничего, кроме явлений, а явления суть только представления, которые в свою очередь всегда чувственно обусловлены. Следовательно, необходимость есть установленные волей связи представлений, она порождается нашей психологией. В мире существуют только случайности, а необходимость есть априорное умозрение. Законы же есть предписания, правила поведения. Случайность является чем-то субъективным, относящимся к нам, к состоянию наших ощущений. Так называемая материальная действительность представляет собой поток случайностей, и то, что люди обычно принимают за необходимость, есть «заговор случайностей». В этом легко убедиться на примере исторического процесса, где действует множество случайностей, которые полностью исключают какую-либо необходимость.

Диалектика. Такое понимание мира старо, так же как субъективный идеализм. Познание начинается со случайности. Но знание случайности есть содержание эмпирического познания, которое как момент необходимости должно снять себя в последней теоретическом мышлении, задача которого состоит в том, что в его противоречивых отношениях, в его противоречивом движении открыть более глубокие, существенные объективные связи и отношения, а также синтезировать знание, выводить и объяснять единство всех сторон из самой необходимости. При этом выясняется,

что самое случайное возможно понять лишь на основе необходимости, из самой необходимости. Последняя, таким образом, подчиняет себе свое другое — случайность как свой собственный момент, определяя основное направление развития.

Далее, необходимость есть объективное всеобщее. Сам факт вычленения всеобщего, сущности в единичных, случайных явлениях есть *познание необходимости*. Последняя есть всеобщее в бытии, абсолютное опосредствование и неотделима от всеобщего, которое понимается не в формально-логическом смысле, а в научном — как такое, которое удержало в себе богатство отдельного, особенного, то есть отраженное всеобщее в процессе познания наполняется богатством содержания самого предмета. Необходимость есть *закон*. Одно из определений необходимости это — ее устойчивость, поскольку она есть внутренняя существенная связь. Необходимость — такая закономерная связь, которая остается равной себе в смене явлений. Всеобщность и устойчивость есть определения также и закона, который в познании выступает как необходимая ступень восхождения. Иными словами, закон есть *прочное*, сохраняющаяся в явлениях устойчивость, *идентичное* в явлениях, спокойное в них, их *тождество*, *основа*, *внутренняя* необходимая связь. Закон не потусторонен явлению, но непосредственно присущ последнему, является его собственным моментом.

Софистика. Но разве есть какое-либо доказательство тому, что законы существуют, да к тому же объективно?

Диалектика. Если бы законы не имели объективного характера, то не было бы никакой материальной деятельности людей, никакого человеческого общества. Законы объективного мира — основа целесообразной деятельности человека, который зависит от них и ими определяет свою деятельность и ее направление. Поскольку закон выражает генезис и синтетическое развитие явлений, постольку он содержит в себе тенденцию, направление развития, что лежит в основе направления практической деятельности и научного предвидения.

Движение постигающего мышления в глубь явлений, в их закономерные связи вскрывает подвижность, изменчивость, обогащение самого закона, а также познания — будь это закон природы или общества. Так, что устойчивость закона, как и сущности, необходимости, относительна и заключает в себе свое другое — *изменчивость*. Причем объективный характер носят не только законы природы, но и общества.

Софистика. Если даже согласиться с тем, что в природе есть объективные законы, то невозможно согласиться с тем, что в обществе есть такие законы тоже.

Диалектика. Общество также развивается по своим объективным законам. Это прежде всего законы материального производства. Общественная жизнь в своей сущности функционирует во всеобщих формах деятельности, что прежде всего выражается в характере орудий труда, являющихся решающим показателем уровня развития материальной и духовной культуры. Орудия труда каждой конкретной исторической эпохи в снятом, переплавленном виде содержат в себе все завоевания прошлых поколений, всей цивилизации.

Вместе с тем производством орудий труда не исчерпываются всеобщие формы деятельности людей. Этими формами характеризуются экономические, политические, культурные, идеологические и т. д. отношения. Сами же всеобщие формы обусловлены законами, которые своим объективным бытием определяют направление, тенденцию, стороны, аспекты деятельности людей. Действуя соответственно с объективными законами, люди выражают свое отношение к ним во всеобщих формах, поскольку закон, как сказали, есть всеобщее. Следовательно, сами законы предопределяют способ их использования: всеобщие формы деятельности людей зависят от характера используемых законов.

Софистика. Следовательно, у Вас речь идет о законах природы, а не общества.

Диалектика. Речь идет как о законах природы, так и о законах общества. К тому же использование обществом объективных законов природы, овладение ими означает господство общества над силами и законами природы. Общество развивается не по законам природы, а по своим, общественным законам. Законы же природы служат обществу через призму общественных отношений. Следовательно, всеобщие формы деятельности людей реализуются по законам общественной жизни.

Софистика. В таком случае как законы природы, так и законы общества объективны, то есть не зависят от людей!

Диалектика. Нет, есть отличие. И законы природы, и законы общества носят объективный характер, не зависят от воли и сознания людей, однако законы общества есть целесообразная деятельность людей. Это значит, что если законы природы существуют до людей, без людей, без их творчества, то законы общества не существуют без людей, без их деятельности, а являются их действиями, их творчеством. Люди, как говорил Маркс, одновременно и авторы и исполнители своей собственной драмы. Этот тезис направлен против фатализма, против недооценки роли самих людей, творящих свою собственную историю.

Софистика. Объективный характер закона состоит в том, что он не зависит от людей.

Диалектика. Объективный характер законов общества состоит в том, что они не зависят от воли, сознания людей. Это разные вещи; одно дело «от воли и сознания людей», а другое — «от людей». В последнем случае проводится линия фатализма и мистицизма. Нередко говорят так: люди не могут создавать и уничтожать экономические законы. Эти законы сами по себе возникают в определенных условиях, а в других — «сходят со сцены», исчезают. Получается, что народ — творец истории, но не творец своих законов. Народ уничтожил капитализм, но не уничтожил его законов; народ творит социализм, коммунизм, но не творит его законов и т. д. Так законы людей отрываются от людей, превносятся, ставятся над ними, обожествляются, гипостазированы.

Софистика. Есть явления, которые не проявляются в случайностях. Так, например, статистические законы не проявляются в случайностях. Значит, необходимость возможна без случайности.

Диалектика. Нет, невозможна! В связи с углублением современного научного познания в микромир и исследованием массовых явлений открыто единство тождества и различия *динамических и статистических законов*. Тождество их состоит в том, что эти два вида законов возможны только в случайностях, взаимопроникают, взаимообуславливают, друг без друга невозможны и взаимопревращаются. Их различие состоит в том, что динамический закон проявляет, обнаруживает себя в каждом отдельном случае, в то время как статистический закон проявляется лишь в массе явлений, в ансамбле случаев. Таким образом, хотя оба вида закона *проявлять себя могут лишь в случайной форме, но сама эта форма заключает в себе различие*: в одном случае форма проявления закона есть единичное, отдельное; в другом — масса. Но так или иначе, необходимость, закон невозможны без своей случайной формы проявления. Необходимость заключает в себе и для себя свой собственный момент — случайность, которая выступает как необходимость в форме своего бытия. Необходимость возможна и мыслима только в случайности, в случайной форме. Поэтому случайность есть абсолютная необходимость. Но и случайность невозможна без необходимости. Мы здесь имеем дело с тождеством противоположностей.

Случайность, во-первых, есть способ бытия необходимости. Подобно тому как содержание возможно только в форме, так и необходимость возможна только в случайности. Случайное необходимо, ибо без него нет необходимости.

Софистика. А ведь много великих философов-материалистов как в прошлом, так и теперь считали и считают, что нет случайности, все необходимо, нечто случайно по невежеству, в результате незнания.

Диалектика. В этом вопросе есть две антинаучные крайности: одна (субъективный идеализм) отрицает необходимость и все сводит к случайностям, а другая — (метафизический материализм) отрицает случайности и все сводит к необходимости.

Софистика. Но ведь широко распространено положение, что случайность — это то, что «может быть, но может и не быть».

Диалектика. Эта фраза не выражает действительного взаимоотношения необходимости и случайности, ибо допускает возможность бытия необходимости без случайности. Между тем случайность необходима, так как без нее не может быть никакой необходимости. Следовательно, случайность обязательно должна быть и для бытия необходимости. *Но какой именно момент необходимости в данных условиях выступит способом ее бытия, то есть случайным, — это зависит от самой необходимости и ее условий и обстоятельств.* Поэтому чтобы не было недоразумения в этом отношении, нужно эту фразу изменить таким образом, чтобы подчеркнуть прежде всего *обязательность и необходимость* случайности.

Случайность, во-вторых, есть форма проявления необходимости и дополнение к ней. Подобно тому как сущность проявляется в своих явлениях, так и необходимость может проявляться только в случайности. Необходимость — это содержание, проявляющее себя в своей форме — случайности.

Случайность, в-третьих, есть результат пересечения необходимостей; она, в-четвертых, есть явление в его изолированности и непознаваемости; она, в-пятых, есть внешняя, несущественная, нехарактерная связь или момент; она, в-шестых, есть исключение из закономерных связей, из законосообразного порядка вещей; она, в-седьмых, есть момент возникновения нового явления, неустойчивое, не ставшее еще прочным отношение; она, в-восьмых, исходный пункт познания. Причем объективным источником случайности как исходного пункта познания и случайного знания о предмете является случайный характер возникновения самого предмета. Случайность есть сфера возникновения и прохождения. Возникновение первоначально существует в случайном факте. Так, наемный труд, в котором уже содержится в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен в единичной, случайной форме. Случайный характер возникновения различных сторон капиталистического производства постоянно отмечается в «Капитале». Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но не только случаен сам обмен товаров как определенных потребительных стоимостей, но и их количественное меновое отношение первоначально совершенно слу-

чайно. Всеобщая форма эквивалента появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал ее к жизни. Попеременно и мимолетно выпадает она на долю то одного, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно закрепляется исключительно за определенными видами товаров, или кристаллизуется в форму денег. С каким именно видом товара она срастается — это сначала дело случая.

Случайному характеру возникновения объективного явления соответствует случайный характер знания о нем — это значит, что случайность является формой выражения незнания, ибо до тех пор пока мы не знаем закономерности, необходимости того или иного явления, знание о нем случайно. В этой связи под случайностью понимается незнание необходимости предмета, когда в нем еще не обнаружена необходимость, когда предмет выступает как чувственно-конкретное и еще не существует в сознании как необходимость, а пока является лишь совокупностью случайных свойств.

Софистика. Из Вашего изложения видно, что нет никакой разницы между содержанием, сущностью, необходимостью, формой, явлением и т. д. Зачем же разные названия одного и того же?

Диалектика. Все категории диалектического материализма одновременно и тождественны и различны. Остановимся на некоторых из них. Взаимопереход категорий содержания и формы имеет некоторые сходные черты с взаимодействием категорий количества и качества. Содержание и форма в некотором отношении тождественны соответственно категориям количества и качества, но в то же время нетождественны, отличаются от них.

Тождество этих категорий состоит в следующем: как содержание, так и количество — категории, выражающие непрерывные изменения предмета, его изменчивую сторону; как форма, так и качество — категории, выражающие более устойчивую сторону предмета; как форма — «граница» изменений содержания, так и качество — «граница» изменений количества; изменения содержания приводят к изменению формы лишь на определенном этапе; изменения количества приводят к изменению качества также лишь на определенном этапе; и изменение формы, и изменение качества происходят путем скачка, решающего поворота; как изменение формы есть разрешение противоречия между содержанием и формой, так и изменение качества есть разрешение противоречия между количеством и качеством.

Отличие указанных категорий состоит в следующем: содержание предмета по отношению к своей форме является его ведущей, решающей стороной, а форма — подчиненной; количество характеризует предмет со стороны степени развития, величины, объема, темпа и т. д., в то время как содержание включает в себя и ко-

личественную и качественную характеристику предмета; форма выступает и как структура содержания, в то время как качество есть определенная совокупность существенных черт, придающих предмету относительную устойчивость; определенность и количества и качества обусловлена формой, в то время как качество формы обусловлено содержанием; форма выражает содержание, в то время как качество выражается через свойства; форма играет двойную роль в развитии содержания, но этого нельзя сказать о качестве: одно и то же изменение в одном и том же отношении выступает как качественное и как количественное, но такая связь чужда природе взаимосвязи внутренних аспектов содержания и формы; содержание и форма имеют ряд аспектов, играющих различную роль в познании, но этого нельзя утверждать ни о количестве, ни о качестве; например, нельзя утверждать, что общественное сознание есть качество, а общественное бытие — количество; одна и та же форма может воплощать разные содержания, а одно и то же содержание может выражаться в разных формах, но между качеством и количеством таких отношений нет; качество есть такая определенность предмета, которая отличает его от других предметов. Хотя форма также определенность предмета, но если она воплощает разные содержания, то в этом случае предметы отличаются друг от друга не формой, а содержанием; изменение качества предмета есть его коренное изменение, в то время как только качественное изменение формы есть коренное изменение предмета; переход количества в качество обусловлен диалектикой содержания и формы и т. д.

Сказанное относится ко всем категориям. Но главное не в том, что все они одновременно тождественны и различны, играют разную, специфическую роль в познании, а главное в их взаимопереходе, взаимопревращении.

К примеру, взаимопереход категорий сущности и явления. Переход явления в сущность означает не что иное, как движение от внешности предмета к его внутренней природе, к внутренним связям и отношениям. Переход сущности в явление означает не что иное, как движение от сущности к ее проявлениям, к их объяснению, познанию из их сущности. Это можно изложить и так: познание на первом этапе движется от внешнего к внутреннему, от чувственно-конкретного явления к сущности. На этом этапе оно отвлекается от внешности, чтобы открыть сущность: без такого отвлечения ее невозможно открыть. Открыв сущность, познание пускается в обратный путь, движется в обратном направлении, идет от сущности к явлению, показывает, как сущность выражается во вне, в своих многообразных проявлениях. Переход чувственно-конкретного в абстрактное, абстрактного в мысленно-

конкретное — таков путь движения познания. Здесь важно подчеркнуть, что на обоих этапах мы имеем дело с движением, развитием познания путем преодоления живого противоречия между сущностью и явлением.

Правда, взаимопереход категорий в логике не совпадает непосредственно с взаимопереходом в действительности. Но именно взаимопереход категорий, понимаемый как развитие, способен воспроизводить адекватно взаимопереход в объективной действительности, причем взаимопереход в логике, как и в объективном мире, осуществляется путем скачка, преодоления противоречия. Скачок в познании — это и есть преодоление противоречия, есть узловой пункт, где количественные изменения прерываются и возникают новые понятия, новое качество или новое знание, то есть развитие.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОЗНАНИЕ

Софистика. А разве до сих пор не было речи о сознании? Категории, которые рассматривались выше, разве не есть формы сознания?

Диалектика. Поскольку исследовались философские категории, постольку опосредованно рассматривалось и сознание. Однако исследование этим не может быть завершено. Оно должно охватить категорию сознания и его модификации непосредственно и рассмотреть в чистом виде как самостоятельный момент. А пока несколько слов о предпосылках сознания.

Софистика. Сознание есть вечная, первичная, самостоятельная сущность, оно не возникло и не исчезнет. Более того, оно источник всей действительности. В крайнем случае предпосылками категории сознания можно считать рассмотренные до сих пор категории.

Диалектика. Такое представление о сознании ничего общего не имеет с наукой и является насквозь мистическим. Сознание не есть «вечная, первичная, самостоятельная сущность», как Вы утверждаете. Оно — продукт общества и имеет свои предпосылки возникновения. В данной связи речь идет о таких предпосылках, которые исторически и логически предшествуют сознанию или о сознании в его возможности. Такими предпосылками являются физиологические, психологические процессы у высших животных и человека: у высших животных — в историческом плане, у человека — в логическом.

Живая природа в своей эволюции, достигнув уровня высших животных, обладающих нервной системой, подготовила необходимые биологические предпосылки сознания. Для науки является абсолютно доказанным, что жизнь при своем возникновении не имела форм, характерных для современного мира, что она прошла сложный, противоречивый, длительный путь совершенствования, развития, усложнения, путь восхождения от простого к сложному, от менее совершенного к более совершенному, от низшего к высшему.

Достижения современной науки и практики полностью опровергают всякие мистические учения как о генезисе, так и о сущности сознания и доказывают, что никакое сознание невозможно без этих биологических предпосылок.

Софистика. Выходит, что сознание есть явление биологическое, свойство живого мира?

Диалектика. Нет, это не так! Пока речь шла не о сознании, а о его биологических предпосылках. Предпосылки явления не есть само явление. В историческом плане сознание могло возникнуть из своих биологических предпосылок. Следовательно, прежде всего нужно подчеркнуть роль последних в возникновении сознания. Более того, сознание невозможно без этих предпосылок и в индивидуальном развитии человека. Не может быть никакого сознания без биологических предпосылок, без физиологического механизма, без физиологических, биоэлектрических, биофизических, биохимических и т. д. процессов в мозгу. Так что в научном отношении несостоятельна недооценка биологических, физиологических и всяких иных предпосылок сознания.

К предпосылкам сознания следует отнести и некоторые элементарные «трудовые» операции, совершаемые некоторыми животными (паук, пчела, и т. д.). Однако их «трудовая деятельность» есть не что иное как их безусловно-условно рефлекторная деятельность, что доказывается тем простым фактом, что эти животные совершают одни и те же операции, свойственные данному виду, без каких-либо существенных изменений, на протяжении существования всего вида. Итак, в живой природе, каких бы совершенств она ни достигала, мы находим лишь предпосылки сознания.

Софистика. Что же есть, в таком случае, сознание? А ведь по этому вопросу было и есть множество мнений, точек зрения, выражающих собой, в конечном счете, историю развития теоретического мышления.

Диалектика. Не только в прошлом, но и сегодня имеется множество мнений по этому вопросу. Но это «множество» в сущности можно свести к двум линиям — Платона и Демокрита. В пони-

мании Платона сознание — противоположность материальному и существует как «мир идей», являясь вечным перводвигателем, источником всего сущего. В дальнейшем различные идеалистические взгляды на проблему явились модификациями платоновского ее понимания.

Софистика. А что из себя представляет «линия Демокрита»?

Диалектика. «Линия Демокрита» — это линия материализма. У домарксистских материалистов также существовали различные точки зрения на природу сознания. Однако это различие касалось не существа вопроса, а внешних моментов. Во-первых, все они — как сенсуалисты, так и рационалисты субъектом познания признавали человека, однако человек этот ими понимался как «мыслящее тело», как биологический индивид, обитающий в обществе как в нейтральной среде; во-вторых, сознание сводили к психике человека; в-третьих, сознание ими понималось в целом узко, как процесс восприятия, созерцания — по формуле: внешний объективный мир действует на органы чувств человека, а человек воспринимает, отражает его; в-четвертых, действительность ими рассматривается как объект, не субъективно, независимо от активной деятельности субъекта, не в преобразованном практикой виде; и, наконец, в-пятых, все они считали источником сознания природу, а не изменение природы человеком.

Софистика. А разве эти недостатки материализма не преодолела немецкая классическая философия? Ведь она разработала проблему творчески активной природы сознания. Известно, что Кант первым пытается снять односторонность рационализма и сенсуализма — рассудок ничего не может создать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание. Именно таким образом необходимое знание проникает в сознание индивида. Так возникает, становится возможным знание. А Гегель считает, что индивидуальное сознание (субъективный дух) на различных ступенях его развития не что иное как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием. Эмбриология сознания есть сокращенное воспроизведение палеонтологии сознания. Вместе с тем он подвергает критике все прошлые индивидуалистические концепции. Познание, которое направлялось бы на отдельные способности, характер, склонности и слабости индивидуума, не представляет собою познание подлинного в человеке. Это самопознание в обычном тривиальном смысле. Чтобы постичь истину, отдельный индивид должен пройти ступени образования всеобщего духа, но как формы, уже покинутые духом, как этапы пути, уже разработанные и выровненные, то есть он должен исследовать, познать всю целостную систему духовной культуры. Такое понимание отношения инди-

вида к духовной культуре в целом никогда не утратит своей актуальности.

Диалектика. Мы не собираемся отрицать заслуги различных философских направлений, школ в разработке проблемы. Мы воздаем должное прежде всего немецкой классической философии, в особенности гегелевской, внесшей важный вклад в разработку проблемы. Однако чрезмерная абсолютизация духовной культуры привела ее в целом к мистификации сознания. Ахиллесовой пятой всей домарксистской, а также современной буржуазной философии было метафизическое понимание отношения между обществом и индивидом. Общество и индивид рассматривались как внешние рядоположенные противоположности, не как внутреннее тождество противоположностей, что приводило либо к абсолютизации и гипостазированию общества, точнее — его духовной культуры, принимавшей форму «мира идей» Платона, «врожденных идей» Декарта, «трансцендентального субъекта» Канта, «абсолютного духа» Гегеля, либо к абсолютизации и гипостазированию индивида, принимавшего форму всемогущего абстрактного индивида. Даже тогда, когда современные буржуазные философы, несколько модернизируя старые идеалистические взгляды, говорят о социальном характере сознания (М. Шелер, К. Мангейм, Э. Дюркгейм), они не выходят за рамки этих двух крайностей. Однако как эти крайности, так и, впрочем, их многочисленные разновидности объясняются в конечном счете тем, что проблему они рассматривают вне сферы общественно-исторической практики, вне чувственно-предметной деятельности людей. Отдельные разумные, истинные моменты в этом плане не меняют существа дела.

Познать общество вне индивида и познать индивида вне общества — таково в конечном счете требование этих крайностей. Отрыв общества и индивида друг от друга, а также познания того и другого от общественно-исторической практики привел к мистификации сущности сознания.

Софистика. Таким образом, по-вашему, многочисленные направления и школы в истории философии не дали научного решения этой проблемы. В чем же выражается ее научное решение?

Диалектика. Основные принципы научного решения этой проблемы, разработанные марксизмом, следующие: материалистическое понимание общества, роль труда в становлении и развитии человеческого общества; решающая роль общественно-исторической практики в познании и преобразовании действительности; общественное бытие (предметная деятельность людей) — источник сознания; общество — единый организм материальной и духовной деятельности людей, единство исторически сложившихся форм совместной деятельности людей; не схема «общество — индивид», а

общество и есть индивиды, а индивиды и есть общество; людей можно отличить от животных по чему угодно, но сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни; способ производства есть воспроизводство физического существования индивидов (общества в целом), а еще в большей степени есть определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни; какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами; их сущность совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят; что представляют собой индивиды, — это зависит от материальных условий их производства; следовательно, сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, а в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений; уровень производительных сил обнаруживается в том, в какой степени развито разделение труда; различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности; развитие общества есть общественно-исторический процесс — первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения материальных потребностей, производство самой материальной жизни «Второй факт состоит в том, что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям...».

«Третье отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, заключается в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться»¹. Определенный способ производства всегда связан с определенным способом совместной деятельности людей. Эти стороны социальной деятельности составляют единый социальный процесс, являющийся историческим и логическим исходным пунктом человеческого общества. Сознание же есть идеальная функция общества. К тому же им человек обладает в виде «чистого» сознания не с самого начала — производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей и является непосредственным порождением материальных отношений людей; сознание не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием; даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса. Сознание с самого на-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 27.

чала есть общественный продукт и останется им, пока существуют люди.

Софистика. Возникновение сознания — это возникновение более сложной, более упорядоченной формы отражения, осуществляемого высокоорганизованными материальными системами. Таковыми системами являются биологические и социальные. Сам человек есть сложный биосоциальный феномен. Иными словами, сознание как по своему возникновению, так по своей сущности есть свойство природы и общества, то есть продукт двух материальных систем — биологической и социальной. Это до такой степени очевидно, что не может быть альтернативы.

Диалектика. Таким образом, допускается дуализм как в возникновении, так и в сущности сознания. Этот дуализм означает, что сознание, с одной стороны, продукт биологического развития, а с другой — общественного развития. Внешне покажется, что здесь применяется принцип всесторонности рассмотрения. Однако такая «всесторонность», которая включает предпосылки предмета в самый предмет, есть глубокое заблуждение. Такая «всесторонность» есть эклектика. На основе всестороннего учета всего возможного следует *вычленить, оттенить, подчеркнуть сущность предмета*, не смешивать его с его предпосылками. А это значит, что сознание не с одной стороны социальное явление, а с другой — нечто другое, а со всех сторон социальное.

Софистика. Позвольте, а разве у высших животных, скажем, у собаки, нет сознания? Об этом писал еще Энгельс: «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности...»¹.

Диалектика. Подобная ссылка беспочвенна, поскольку здесь Энгельс говорит об общих чертах «рассудочной деятельности» между человеком и Собакой Дидо, а не об отличии или специфике. А общих черт можно всегда находить сколько угодно.

Софистика. Абсолютизация социальной сущности сознания не способствует постижению истины, а, напротив, мешает ему. Ограничение характеристики сознания лишь только его социальной природой приводит к тому, что биологические мотивы остаются на произвол антинаучных, в частности, фрейдистских представлений. В детерминации человеческого сознания роль биологического достаточно значительна, чтобы можно было ее игнорировать. По крайней мере у высших животных есть животное сознание, о чем говорили видные физиологи. Скажем, у собаки есть сознание, но собачье.

Диалектика. Сознание всегда и всюду является продуктом об-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 537.

ственного развития и никакого другого сознания не существует. Что же касается физиологов, которые употребляют выражения: «животное сознание», «конкретное мышление у животных» и т. д., то они в такой форме выражают предпосылки сознания у животных.

Софистика. Но допустим, что у животных нет сознания, оно только свойство человека, допустим, в нем главное — социальный фактор. Но раскрытие или констатация главного еще не есть раскрытие или констатация целого. Ограничиваться только главным есть односторонность, а истина есть целое. Следовательно, сознание биосоциальный феномен.

Диалектика. У Вас упорное стремление проводить пресловутый принцип дуализма сущности сознания. Но, во-первых, почему в человеке есть только биологическая форма движения? В нем наличествуют все формы движения. Кроме биологической — механическая, физическая, химическая, без которых человек невозможен. Однако все эти формы являются предпосылками и не выражают сущности сознания. Каково отношение высшей общественной формы движения к этим своим предпосылкам? Она в снятом виде содержит в себе их, как свои предпосылки. Во-вторых, верно, что в детерминации человеческого поведения роль биологического достаточно значительна. Но как бы она ни была велика, она не выходит за рамки биологического, остается всегда таковой, к тому же само это биологическое в человеке не составляет «автономии», а существует в нем в переплавленном, снятом виде, то есть «социализировано».

Софистика. Доказательством того, что сознание есть биосоциальный феномен, является и тот неоспоримый факт, что умственные способности, талант и т. д. являются врожденными, что в формировании личности существенную роль играют кроме социальных факторов и генетические.

Диалектика. Вы утверждаете, что в формировании личности существенную роль играют два фактора: социальный и биологический (генетический, наследственный фактор). Эта точка зрения проводит тот же дуализм сущности социального. Она констатирует всем очевидный факт, что социальное невозможно без биологического фактора, и приходит к заключению: следовательно, личность, общество и т. д. состоит из двух сторон: из социальной и биологической.

Прежде всего следует подчеркнуть, что не должно быть никакой недооценки ни достижений современной биологической науки вообще, нейрофизиологии в частности, ни того факта, что тот или иной задаток обусловлен генетически врожденными особенностями микроструктур головного мозга. Однако безусловно и то, что

каковы бы ни были различия задатков и каких бы результатов ни достигали в их исследовании, они *могут проявлять себя только в социальной среде*. Следовательно, если допустить, что науке удалось установить, какими именно микроструктурами головного мозга или какими нейродинамическими процессами обусловлены те или иные задатки, то после этого главное еще впереди: новорожденного с задатками пужно включить в систему общественных отношений, в социальную среду, с тем, чтобы он, во-первых, сформировался как человек, иначе он станет животным, т. е. чтобы он «начинался» материнской и духовной культурой, созданной обществом до него; во-вторых, чтобы на основе этого, то есть на основе уже общественного продукта, с достигнутой «вышки» можно было бы говорить что-либо о его задатках, ибо ясно само по себе — о задатках личности можно говорить что-либо определенное не по ту сторону общественной жизни, не на уровне генетических, врожденных факторов, а на уровне *социальности*, на уровне достигнутой социальной зрелости, ибо *намек на высшее у низшего могут быть познаны и поняты, когда это высшее уже известно*. Поэтому каковы бы ни были эти задатки-намекы, обусловленные нейродинамическими, генетическими особенностями, вне социальности они останутся лишь возможностью, задатками, намеками.

Софистика. — Да, но ведь без необходимых задатков социальность подавно останется лишь возможностью!

Диалектика. — Верно, но Вы говорите о предпосылках сознания, без которых сознание невозможно, сущность которого социальна со всех сторон. Так, через категорию социального наследования человек путем воспитания преобразует свою собственную духовную природу, причем генетическая программа остается неизменной. *При социальном развитии человечества внутренней основой этого развития выступает не его генетические особенности, а исторически создавшееся и развивающееся содержание сознания.*

Софистика. «Социальная природа сознания» опровергается современным научно-техническим прогрессом, в особенности развитием кибернетики и ее возможностями. Появились и продолжают появляться книги, статьи и т. д. об «умных машинах», «сознательных машинах», о «машинном мышлении», «разумных машинах», «моделировании мышления», «создании электронного мозга», даже о создании машины «умнее человека».

Диалектика. Прежде всего мы со всей решительностью подчеркиваем великую роль и значение кибернетики, а также на ее основе развернувшегося моделирования. Более того, мы также подчеркиваем неограниченные возможности так называемого «машинного сознания» или «машинного мышления» в интеллектуальной

деятельности человека. Мы полностью солидарны с теми авторами, которые считают, что одной из интереснейших задач кибернетического моделирования является моделирование различных форм умственной деятельности, что прогресс в области моделирования интеллектуального труда имеет громадное социальное значение, предоставляя в распоряжение человечества могущественные средства умножения его материальных и духовных сил.

Но все же все это не дает никакого основания для утверждения дуализма социальной природы сознания. И когда говорят о «машинном сознании» или «машинном мышлении», под этим обычно подразумевают совокупность таких методов, с помощью которых на кибернетических машинах осуществляются действия, напоминающие по своим результатам те или иные функции интеллектуальной деятельности человека: запоминание информации, процессы обучения и т. д. Иными словами, речь идет об общих чертах результатов действий человека и машины и не более, не касаясь абсолютно их отличия. Поэтому при создании алгоритмов для вычислительных машин изучают особенности интеллектуальной деятельности человека и применяемых им методов с тем, чтобы машина наилучшим образом имитировала эту деятельность и наилучшим образом служила орудием в руках человека для осуществления тех или иных процессов автоматизации.

Софистика. А разве не фактом является то, что любую область интеллектуальной деятельности человека можно реализовать с помощью вычислительной машины?

Диалектика. Это возможно при одном условии: если эту область можно *формализовать*. Формализация — это предельный случай выражения знания с помощью формальной системы или исчисления, когда форма изучается без содержания, когда она полностью абстрагируется от содержания, что вполне правомерно в научном познании. Формализация обычно осуществляется описательным, алгоритмическим языком, то есть языком формальной логики, или, что в принципе то же самое, математической логики.

Однако как дело доходит до содержательной области знаний, то выясняется, что какой бы ни использовали богатый язык, невозможно формализовать эту область. Разумется, это отнюдь не значит, что недооценивается роль формализации. Очевидна важная роль формализации в разных науках, в особенности в математике, физике и т. д. Применение математических методов дает возможность выяснить формально-логическую правильность выводов в данной области науки, в которых понятия имеют устойчивый характер.

Но верно и то, что устойчивые внешние формы мышления не есть само мышление. Осознание того обстоятельства, что строго

формализованные языки не могут выражать полноту системы наших знаний, имеет важное, принципиальное значение при оценке возможностей вычислительной машины, так как вычислительные машины работают при помощи определенной формализованной системы. Отсюда следует, что можно создать вычислительную машину какую угодно, но нельзя никогда создать машину, способную решить все мыслительные процессы. Если задана определенная задача, то для ее решения можно создать такой алгоритм для вычислительной машины, который бы работал, подобно человеку, при решении данной задачи, но принципиально невозможно создать алгоритм, который был бы способен, как человек, решать многосторонние содержательные мыслительные задачи.

Как сказали выше, в машине возможно воспроизвести лишь машинообразные функции интеллекта, но не сам интеллект как «функцию», специальная характеристика которой заключается именно в постоянном процессе «снятия» любой конечной схемы, в выявлении противоречий внутри этой схемы и их разрешения путем дальнейшего исследования конкретной действительности.

Сторонникам «мыслящей машины» кажется, что достаточно построить модель мозга, чтобы получить и искусственное мышление. Но мыслит не мозг, а человек с помощью мозга.

Софистика. Как это так, «мыслит не мозг, а человек»? Мыслит именно мозг. И это до такой степени известно, очевидно, что сомнение в истинности этого невозможно!

Диалектика. Верно, мы говорим, что «мысль есть функция мозга», «мыслит мозг» и т. д. Чтобы это было понятно, сошлемся на «Капитал» Маркса. В I томе «Капитала» он доказывает, что прибавочная стоимость — исключительный продукт переменной части капитала, а в III томе доказывает, что как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость ведет свое происхождение одновременно от всех частей приложенного капитала. Оба положения истинны, ибо переменная часть капитала создает прибавочную стоимость не изолированно, а в составе всего капитала, в целом. Сторонники же моделирования мозга отрывают мозг человека от человека. Для возникновения сознания требуются органы чувств, обеспечивающие чувственно-предметный контакт этого мозга с вне его находящимся миром, обеспечивающие непрерывный поток «информации» в мозг, без чего он не сможет мыслить. Машина, самая совершенная, не имеет таких органов. Но если допустить, что когда-либо человеку удастся создать искусственный мозг, снабдив его всеми остальными органами, обеспечивающими его самостоятельную активную жизнедеятельность, то есть создать искусственную модель всего человеческого организма в целом (допустить можно), то и при этом такой

«мозг» не сможет мыслить, ибо при этом будет отсутствовать такая предпосылка мышления, как *развитие человеческой цивилизации*.

Способность мыслить не наследуется человеком генетически, она не «закодирована» в мозгу генетически, биологически. Она «наследуется», передается от поколения к поколению через формы предметного мира, созданного трудом, — через тело цивилизации. Чтобы отдельный мозг обрел способность мыслить, его обладатель должен быть с детства включен в систему общественно-человеческих отношений и развит в согласии с ее требованиями и нормами. Способность мыслить есть *общественный* продукт, деятельная функция *общественного* человека. Следовательно, эта функция определяется не самой по себе морфологической организацией тела индивида, а *совокупностью общественных отношений между людьми*.

Итак, человек есть человек, машина есть машина. И назовем ли машину «умной», «мыслящей», «разумной», даже «гениальной» — от всего этого она не станет мыслить и не перестанет быть машиной. Каких бы совершенств ни достигла машина, она всегда будет орудием — «великим», «гениальным», «умным», но орудием, именно орудием в руках человека, природным материалом, превращенным в органы человеческой воли и ее деятельного проявления.

Софистика. Записанная на бумаге или на магнитофонной ленте фраза может расцениваться как продукт психической деятельности, однако подобный продукт не содержит в себе идеального. Или: информация, зафиксированная в памяти общества (в книгах, чертежах, произведениях искусства, машинах и других материальных системах), не есть идеальное, не будучи актуализированной (в данном интервале) в сознании личности.

Диалектика. Сознание как один из видов целесообразной деятельности человека есть интеллектуальный или, идеальный труд, есть производство духовной жизни общества. Подобно тому, как машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна, так и знания и формы сознания, накопленные обществом и содержащиеся в общественной памяти, бесполезны, если они не функционируют, не служат в процессе общественной жизни.

Тем не менее все это не дает никакого основания для утверждения, что идеальное не есть ни идеальное, ни материальное, а нечто третье. Во-первых, «информация, фиксированная в памяти общества», всегда актуализирована, ибо без ее актуализации, без ее функционирования не было бы никакой социальной преемственности, попросту говоря, — никакой социальной жизни; во-вторых, идеальное всегда и при всех условиях есть материальное, пересе-

женное в человеческую голову и преобразованное в ней, и независимо от того, актуализировано «в данном интервале» в сознании личности или нет.

Допустим, тысячелетия назад какое-то идеальное не было «актуализировано» в сознании ни общества, ни личности. Эта никому не ведомая информация в форме, скажем, клинописи была тайной. Теперь, спустя тысячелетия, ученые расшифровали эту информацию и «актуализировали» ее. Неужели эта информация до этого не была идеальной, а теперь стала таковой? Информация, которая была когда-то идеальным явлением, но в силу обстоятельств была исключена из функционирования и не принимала участия в воспитании последующих поколений людей, ни в коей степени не утрачивала своей идеальной сущности, не утратила ее и никогда не утратит, даже тогда, когда люди никогда не узнают о ней ничего. А как быть с таким фактом, когда в пучине истории гибли царства, народы вместе с их духовной культурой, которая была явлением идеальным и о существовании чего современные поколения почти ничего не знают или знают очень мало? Неужели от этого духовное, идеальное перестало быть самим собой?

Софистика. «Идеальное», рассматриваемое как философская категория, противоположная по своему значению материальному, имеет смысл лишь в гносеологических исследованиях. Идеальное нематериально. Оно не является объективной реальностью, существующей вне сознания познающего человека. Эта абстракция совершенно необходима для познавательного анализа сходства. Идеальное — это копия оригинала. За пределами гносеологических исследований, за пределами отношений оригинал — копия такое понятие теряет смысл, поскольку идеальное не существует как субстанция, противоположная материи. Вне гносеологических исследований, вне отношений оригинал — копия мы сталкиваемся лишь с материальными явлениями. Иными словами, психическое, сознание в гносеологическом аспекте — идеальны, а в естественнонаучном — материальны.

Диалектика. Во-первых, что из себя представляет тезис: «сознание идеально в гносеологическом аспекте, материально в естественнонаучном аспекте?» В этом последнем «аспекте» речь идет о сознании, как таковом, или о чем-то другом? Если речь идет о сознании как оно есть в себе, то оно в любом аспекте, в любых «пределах», со всех сторон есть сознание, то есть идеальное. Если же речь идет не о сознании, а о чем-то другом, то не следует подменять сознание этим другим. Естествознание изучает и будет изучать нейрофизиологические, нейродинамические и другие материальные процессы, составляющие физиологические предпосылки

сознания. Но физиологические предпосылки сознания не есть само сознание, подобно тому как материальная практика, являющаяся источником, основой сознания, не есть непосредственно само сознание.

Во-вторых, что значит «вне гносеологических отношений, вне отношений оригинал — копия мы сталкиваемся лишь с материальными явлениями»? Какое значение имеет это «столкновение»? Если последнее означает познание, то как можно познать материальные явления «вне гносеологических отношений, вне отношений «оригинал — копия», то есть вне познания? Известно, что это «столкновение» в материализме и есть действительность или реализация отношения «оригинал — копия», что вне этих отношений немыслимо это «столкновение». Даже ученый, который изучает материальный процесс вне всякой «гносеологии», не занимаясь никакой философией, не выходит за рамки отношения оригинал — копия, ибо он объективный процесс отражает в своей голове в виде субъективного образа, в форме копии.

В-третьих, точка зрения, согласно которой сознание в одном аспекте идеально, а в другом — материально, приближается к дуалистическому решению основного вопроса философии.

Софистика. Идеальное есть сугубо личное явление, реализуемое мозговым нейродинамическим процессом определенного типа... Все те психические явления, которые определяются в качестве идеальных, представляют собой не что иное, как информацию, данную личности в непосредственном, «чистом» виде. Сигнал как определенная организация элементов и процессов нервной системы всегда начисто элиминирован для личности.

Диалектика. Идеальное как отражение, образ, копия, снимок и т. п. предмета не является материальным, не есть сам отражаемый им предмет. Идеальное — субъективный образ объективной реальности, то есть отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. Идеальное есть не индивидуально-психологический, тем более не физиологический факт, а факт общественно-исторический, продукт и форма духовного производства.

Однако концепция, сводящая сознание к естественным процессам нервно-мозговой деятельности, к рецепторно-мозговым процессам, не оригинальна и не нова. Как известно, еще Л. Фейербах доказывал, что сознание есть материальный процесс, протекающий в коре головного мозга телесного индивида; под черепной крышкой нет ничего, кроме совокупности нейрофизиологических структур, этих материальных явлений, которые как таковые познаваемы. Поскольку Фейербах обнаруживает непосредственный контакт человека с природой в акте созерцания, то решение этой

проблемы он видит в исследовании механизмов акта созерцания, то есть физиологии органов чувств и сознания.

Но анатомия и физиология органов восприятия и сознания оставляет вопрос о сущности сознания открытым. Разгадка человеческого способа мышления лежит, конечно, не в нервной системе и не в мозгу, а в тех социальных условиях, которые заставляют мозг в одну эпоху воспринимать, думать и работать так, а в другую — иначе.

Софистика. Нельзя согласиться с тем, что сознание «непосредственно вплетено в материальную деятельность людей» и определяется социальными условиями.

Диалектика. Сознание есть процесс. Дальнейшее развитие материального производства, первоначально непосредственно вплетавшего в себя сознание, приводит к разделению труда на физический и умственный труд. Первоначальные формы социальной жизни претерпевают коренные изменения, обостряются все коллизии общества, в частности, антагонизм между физическим и умственным трудом, между производительной силой и общественным состоянием, между ними, с одной стороны, сознанием — с другой; между индивидами, между ними и обществом и т. д.; развитие разделения труда, закрепление социальной деятельности, консолидирование собственного продукта человека в какую-то вещественную силу, господствующую над ним, вышедшую из-под его контроля, идущую вразрез с его ощущениями и сводящую на нет его расчеты, отчуждение индивида от себя и от других, эксплуатация человека человеком, господство и подчиненность, словом, появление антагонистических социальных классов и обострение их борьбы вызывает коренные изменения в характере самого сознания, поскольку господствующий класс господствует во всех сферах общества. Разумеется, мысли господствующего класса являются господствующими мыслями. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений. Тот класс, который представляет собою господствующую материальную силу, есть в то же время господствующая духовная сила. Класс, владеющий средствами материального производства, в то же время владеет средствами духовного производства. Все это обуславливает и относительную самостоятельность сознания, специфику связи между духовным и материальным производством.

Софистика. Что из себя представляет «относительная самостоятельность сознания»? Вы сами себе противоречите: то говорите, что сознание продукт материальной деятельности людей, то — о его самостоятельности.

Диалектика. Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно

знать, что развитие сознания характеризуется его дифференциацией, членением на свои различные виды, формы, что обусловлено, в конечном счете, развитием и конкретизацией общественно-исторической практики. Именно из последней следует объяснять появление таких форм сознания, как политическое и правовое сознание, эстетическое сознание, наука и т. д. Все эти формы одновременно тождественны и различны. Их тождество, говоря схематично, состоит в том, что они, во-первых, являются идеальным, духовным производством, обусловленным материальным производством, и определяются, в конечном счете, последним; во-вторых, они, определяясь, в конечном счете своим материальным источником, развиваются по своей «внутренней логике», приобретают относительную самостоятельность; в-третьих, они, определяясь, в конечном счете, своим материальным источником, влияют на этот источник, и т. д. Они различны, отличаются друг от друга, говоря также схематично, во-первых, своим историческим местом, поскольку они возникают в разное время, в различные эпохи, определяемые материальным их источником и потребностями развития последнего; во-вторых, в выполняемой ими ролью в жизни общества; в-третьих, степенью и характером их влияния на свой материальный источник; в-четвертых, степенью близости их связи с их материальным источником; в-пятых, специфическими законами их развития; в-шестых, тенденцией их развития, поскольку коммунизм есть отмирание таких форм сознания, как политическое и правовое сознание, религия, и в то же время он есть полный, всесторонний расцвет таких форм, как наука, эстетическое сознание и т. д.

Софистика. Вы уходите от вопроса: что такое «самостоятельность сознания»!

Диалектика. Прежде всего не «самостоятельность», а «относительная самостоятельность». Сознание в целом и каждая его форма, определяясь материальным своим источником, в то же время обладает относительной самостоятельностью. Последняя выражается в том, что материальная практика является внешним содержанием духовного. Это содержание есть источник, основа духовного и в конечном итоге определяет его. Однако оно не является внутренним содержанием духовного, и из него непосредственно выводить идеологические явления невозможно. Одним из важнейших требований принципа восхождения к конкретному, синтетического выведения, развития конкретного из абстрактного является то, что каждая новая ступень восхождения должна быть выведена непосредственно из своей предыдущей ступени и содержать ее в себе в снятом виде, должна быть связана с ней непосредственно. Поэтому «прыжки» через опосредствующие связи или зве-

ня, кроме путаницы, ничего не дают познанию. Вообще говоря, познание истины невозможно, если игнорировать это требование.

Почему нельзя непосредственно выводить явления сознания из уровня экономической жизни общества? Потому, что в развитии сознания возникают промежуточные связи, опосредствующие звенья как между экономическим источником и современным состоянием сознания в целом, так и между исходным пунктом и современным состоянием той или иной формы сознания. Эти опосредствующие связи легко понять, если исходить из специфики развития форм сознания, из преемственности в их развитии.

Софистика. Какая разница в том, какого происхождения сознание — божественного или материального? Факт остается фактом, что сознание есть самостоятельный феномен!

Диалектика. Разница принципиальная. С одной стороны, наука неопровержимо доказывает, что все формы сознания, так или иначе, в конечном счете, определяются материальной практикой, а с другой — на основе определяющей, решающей роли практики все они имеют свою «внутреннюю логику», развиваются по своим собственным законам, то есть обладают относительной самостоятельностью в своем развитии.

Поэтому наука вскрывает антинаучный характер утверждений как идеалистов, в разной форме отрицающих материальный источник сознания людей, так и вульгарных материалистов, одни из которых объявляют сознание материальным, особым видом материи, а другие хотя и признают духовную природу сознания, но отрицают его относительную самостоятельность, выводят те или иные формы общественного сознания непосредственно из уровня производительных сил, из уровня техники и т. д.

Софистика. Вы постулируете, но не раскрываете, не доказываете, что такое «относительная самостоятельность сознания»?

Диалектика. Об этом речь шла выше. Но можно резюмировать сказанное более определенно. Во-первых, в развитии форм сознания объективно соблюдается преемственность, делающая их относительно самостоятельными по отношению к своему экономическому источнику. По мере их развития они более или менее удаляются от материальной экономической основы. Здесь связь представлений с их материальными условиями существования все более запутывается, все более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существует, ибо — раз возникнув, та или иная форма катится вперед, как «снежный ком», развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. С каждым «уходящим» поколением идейное содержание сознания не «уходит», не исчезает, а новое поколение, вступая в жизнь, не начинается «сначала», не

возвращается к исходному состоянию человеческого сознания и не проходит те же этапы развития, которые прошли предшествующие поколения, а сохраняет, увеличивает, накапливает, развивает, передавая следующему поколению. Благодаря этому каждое новое поколение, вступая в жизнь, всегда застает в ней готовый духовный материал, на котором воспитывается. Конечно, оно может внести и вносит в него разные изменения, берет из него то, что соответствует его социальным, классовым интересам, отбрасывая то, что не соответствует им, или то, что изжило себя; вносит нечто новое, обогащая его новыми положениями и т. д. Но, так или иначе, все позитивное в содержании сознания людей как бы «конденсируется», воплощается «в плоть и кровь» духовной жизни каждого нового поколения. Поэтому сегодняшний космический корабль является итогом, результатом, сгустком, воплотившим в себе достижения всего предшествующего человечества. Можно это содержание образно выразить так: он есть каменный топор первобытного дикаря плюс все последующее развитие общества.

Во-вторых, если та или иная форма сознания развивается на основе всей совокупности накопленных в этой области представлений, то она в известной степени обособляется, удаляется от своего первоначального материального источника. С каждым новым поколением возникают новые промежуточные связи, звенья между данными представлениями и этим их источником. И чем больше этих связей, чем больше развивается та или иная форма, чем больше она усложняется, становится более конкретной, многосторонней, тем больше «запутывается», «теряется» ее связь с этим источником, тем в большей степени она «удаляется» от него, следовательно, тем более усиливается ее относительная самостоятельность.

Софистика. Можете ли привести пример такого удаления?

Диалектика. Пожалуйста, современная математическая абстракция может и не иметь непосредственно своего материального аналога в действительности. Но если размотать этот клубок «промежуточных связей», придем к ее материальному источнику. Именно этим объясняется тот факт, что периоды расцвета некоторых из форм или упадка не совпадают с состоянием производительных сил общества. Таковы, например, искусство, художественная литература. В современных США уровень производительных сил неизмеримо выше уровня производительных сил самых передовых стран Европы эпохи Возрождения. Однако искусство, в особенности живопись эпохи Возрождения, по своему прекрасному содержанию и столь же прекрасной форме неизмеримо выше вырождающегося формалистического искусства США.

В-третьих, относительная самостоятельность форм сознания выражается в том, что в силу своей специфики они влияют на развитие своего источника, опредмечиваются, реализуются. Поэтому для этого источника далеко небезразлично, каковы характер, специфика и т. д. как этих форм, так и их влияния. Более того, само это влияние обусловлено тем, что сознание и его сущность, мышление носят творческий, преобразующий характер. Это означает, что сознание способно к преобразованию образов отражения, то есть творит мир.

Софистика. Это у Гегеля сознание, мышление — демиург, творец всей действительности. Так, он писал, что разум, столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель.

Диалектика. Внешне кажется так. Однако дело не в том, что в прошлом философия знала о творческом характере сознания и исследовала его в основных чертах, а в том, что она останавливалась на этом, понимая его как конечную причину всех изменений: она не знала ни действительного источника сознания, ни действительного источника творческого характера сознания. Между тем действительным источником как самого сознания, так и его творческого характера, как подчеркнули выше, является общественно-историческая практика человека.

Софистика. Если Вас правильно поняли, Ваша точка зрения о творческом характере сознания совпадает с пониманием сознания Гегеля как демиурга действительности, только разница — в источнике этого творческого характера.

Диалектика. Разница в понимании. Сущность человека в его преобразовательной деятельности, в том, что человек в процессе практики, в процессе материального производства преобразовывает действительность — как природу, так и общество, — веществу, силам природы придает такую форму, которая делает их пригодными для потребления, в процессе чего изменяет свой характер, свою природу. В этом естественно-историческом процессе преобразования действительности, на основе освоения материальной и духовной культуры, создаются и передаются обществу новые необходимые силы, способности и ценности, — процесс, в котором человек этой своей деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собою и природой.

Софистика. Допустим, это так. Но причем тут «творческий характер» сознания?

Диалектика. Прежде чем предпринимать практическое дейст-

ние, люди предварительно его имеют в своей голове в виде мысли, плана, цели и предвидят результаты своих действий. Следовательно, сознание выступает как необходимый способ, важнейшее условие практической деятельности людей. Практическая деятельность людей никогда, нигде не осуществлялась и не может осуществляться без сознания. Это, конечно, ни в коей степени не умаляет материалистического решения основного вопроса философии, поскольку сознание и его творческий характер в конечном итоге определяются материальной практикой. Разумеется, сознание само по себе непосредственно не изменяет действительности. Оно может непосредственно изменять что-либо только идеально. Материальный же мир изменяется и может изменяться практически, только материальными силами.

Софистика. До сих пор Вы доказывали, что материальная деятельность людей первична, а сознание вторично, а теперь доказываете, что, наоборот, сознание первично, существует раньше материальной деятельности. Как понять такой парадокс?

Диалектика. Это затруднение возникает потому, что Вы, во-первых, отрываете практику и сознание друг от друга; во-вторых, под объективным характером понимаете существование «раньше» по времени. Что же касается творческого характера сознания, то это не есть отрицание первичности, объективности материального, а его подтверждение. Вычленение же идеального преобразования действительности как особой формы творчества и его рассмотрение в чистом виде вызывается необходимостью освоения и преобразования природы и общественной жизни через посредство практики. Новые мысли, идеи и т. д., т. е. новые духовные явления возникают из определенного уровня, состояния практики, но возникнув, выполняют свою творческую роль, превращаясь, реализуясь в практику на новой основе, в определенных исторических формах. Так, например, капиталистическому способу производства соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу производства, социалистическому — свой вид, отличный от капиталистического, и т. д. Но каковы бы ни были эти исторические формы, одно безусловно: мы имели дело с взаимодействием, с взаимопревращением материального и идеального, где решающую, определяющую роль играет материальное.

Софистика. Невозможно согласиться с тем, что материальное может превратиться в идеальное, духовное и, наоборот. Ибо такое взаимопревращение означает, что материя превращается в дух полностью, исчерпываясь, следовательно, она вовсе исчезает. Но такое превращение есть идеализм. Далее, идеальное превраща-

ется в материальное, значит дух порождает материю. Но ведь такое превращение опять-таки есть идеализм.

Диалектика. Так понимал взаимопревращение материального и идеального старый материализм, который не знал, что как объективная действительность, так и познание есть процесс взаимопревращения противоположностей. Он не знал, что противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области — исключительно в пределах основного вопроса философии: что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противопоставления несомненна. Для него нечто является самим собою и не может стать иным, вещи и их умственные отвлечения рассматриваются в их окостенелости, одеревенелости, окаменелости. Следовательно, ему была чужда сама идея переходов, взаимопревращения противоположностей.

С другой стороны, старый материализм, как известно, был созерцательным, предмет, действительность брал только в форме объекта, а не как человеческую чувственную деятельность, не как практику. Он не знал ни действительного источника идеального, ни того, что практика людей и есть процесс взаимопревращения материального и идеального.

Интерпретация взаимопревращения материального и идеального может иметь под собой различные основания: для объективного идеализма абсолютный дух, для субъективного — сознание изолированного индивида, для старого материализма — природа, для нас — практическая деятельность людей. Следовательно, все дело в том, как понимать это взаимопревращение.

Софистика. Как же Вы понимаете это взаимопревращение?

Диалектика. Ранее говорилось, что идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Этот тезис содержит в себе как бы два момента: пересадку, превращение и преобразование материального. В процессе материальной практики и на ее основе люди материальные явления, вещи, процессы и т. д. превращают в свои мысли, представления, понятия и т. д., то есть в идеальные формы, которые не что иное как те же материальные формы, пересаженные в человеческую голову, принявшие в ней субъективную форму, ставшие субъективными образами.

Объективно существующие явления, связи, отношения как бы отделяются от своей материальности, субъективируются. При этом субъективный образ хотя не есть непосредственно нечто материальное, но является копией материального и имеет вне себя свой оригинал, свое материальное содержание. Этот процесс есть про-

цесс освобождения от всего материального и сохранения всей содержательности, присущей материальному.

В высшей степени важно подчеркнуть, что этот процесс превращения материального в идеальное есть в то же время процесс преобразования материального — это один и тот же процесс. Поэтому точка зрения, отвергающая это превращение, неизбежно скатывается на позицию идеализма, ибо если идеальное не есть превращенное материальное, то остается одно единственное объяснение идеального: самостоятельная сущность, первопричина, первооснова, демиург и т. д. Однако проблема не исчерпывается исследованием одной стороны рассматриваемого отношения, поскольку последнее выражает целостность. Его другой стороной является превращение идеального в материальное, суть которого состоит в том, что в процессе практической деятельности идеальное реализуется, опредмечивается. Итак, объективные процессы предметной деятельности переносят свои определения на субъект, переходят в него, как бы распредмечиваются, определяя его цели, помыслы, мотивы, способности и т. д. его деятельности, но для того, чтобы всякий раз возвращаться к себе на высшей основе; из субъективности вернуться к себе, объективизироваться, вновь принимать формы объективных процессов, как бы *опредмечиваться*. Это и значит, что вся действительная история человеческого общества есть не что иное, как история превращения материального в идеальное, а идеального — в материальное.

Софистика. Но это взаимопревращение подтверждает тот факт, что сознание есть самостоятельный феномен, существующий без материального. В противном случае беспредметно говорить о его превращении в материальное.

Диалектика. Сознание — идеальное преобразование материального. Но это идеальное преобразование материального возможно посредством материального. Иными словами, чтобы сознание было сознанием, то есть идеальным процессом, оно должно иметь *материальную внешность*, благодаря чему сознание как способность идеального преобразования может функционировать.

Причем при рассмотрении вопроса о материальной внешности духовного явления нужно строго отличить, ограничить эту внешность от его внутренней, духовной стороны, не допуская их отождествления, то есть эту внешность следует рассматривать в чистом виде, которая функционирует в качестве материального средства выражения духовного содержания, или материальной формы, выражающей духовное. Как сказали, духовное явление может возникать из материального, может существовать, выражаться и передаваться только в материальном и через него. Материальное явление, имеющее свои материальные внутренние содержание и

форму, в этом единстве выражает духовное явление, имеющее свои внутренние духовное содержание и духовную форму. Мысли, чувства и т. д. людей существуют в материальных средствах и через них, и иначе существовать, а тем более передаваться не могут.

Софистика. Позвольте, а телепатия? Ведь передаются же мысли на расстояние без материальных средств. К тому же нельзя оспаривать правомерность возможного предмета исследования паропсихологии, изучающей в основном формы чувствительности, обеспечивающие способы приема информации, не объяснимые деятельностью известных органов чувств.

Диалектика. Если под телепатией понимать возможность передачи мыслей на расстояние без материальных средств их выражения, то это есть чистейшая мистика, нечто вроде спиритизма. Если же под телепатией понимать передачу мыслей посредством материальных средств их выражения, независимо от того, что они из себя представляют, то это известно людям со времени их возникновения, ибо они не могут существовать без передачи друг другу своих мыслей на расстояние, но в таком случае телепатия вовсе не телепатия.

Софистика. А пантомима? Ведь передают же мысли без слов.

Диалектика. Верно, мысли передаются без слов, но они передаются посредством мимики, движения органов и т. д., то есть так или иначе посредством материальных средств выражения. Более того. Подобно тому как каждое материальное явление имеет свою материальную внешность, внешнюю форму, так и каждое явление сознания имеет свою особую, специфическую для него материальную внешность — форму — средство выражения, проявления.

Наиболее широко действующей, древней и естественной формой выражения сознания является звуковая сторона языка, где материальными средствами выражения сознания являются звуковые сочетания.

Софистика. Язык есть материальная форма выражения сознания. Язык — материальная оболочка сознания, мысли.

Диалектика. Не язык, а его звуковая сторона есть материальное средство выражения сознания. Чтобы понять суть единства сознания и языка, посмотрим, что из себя представляет «клеточка»; «основная единица» языка — слово, не вдаваясь в специальный лингвистический анализ.

Слово, чем бы оно ни было, как бы ни определяли его, оно всегда есть единство значения или смысла и звукового знака. Смысловая сторона или лексическое значение есть обобщенное отражение явлений действительности. Единица мышления, скажем, понятие, есть также обобщение, отражение существенно общих признаков. В этом отношении смысл, значение слова и поня-

тие совпадают. Звуковая сторона слова содержит в себе духовное, идеальное. Поскольку значение слова само по себе, без звуковой стороны не существует и не передается, то необходимым образом воплощается в эту звуковую сторону, подчиняет ее себе, приобретает, таким образом, материальную внешность и проявляет себя через эту внешность.

Слово есть сложное единство духовного (смысл или значение) и материального (звуковой знак), единство, в котором содержанием является духовное, а внешней формой — материальное. Слова же в определенной взаимосвязи и взаимодействии составляют язык.

Софистика. Выходит, по-Вашему, что сознание и язык одно и то же. А между тем язык представляется нам как система знаков, отличная от сознания. В языке главное не значение, а как раз система знаков, звуковой комплекс.

Диалектика. В научном отношении не состоятельно утверждение, что «слова языка и их сочетания являются материальной оболочкой мысли», что язык есть материальная оболочка сознания. Выходит, язык есть нечто такое, что не содержит в себе идеального. Однако не язык в своей качественной определенности есть материальная оболочка мысли, а звуковая его сторона. Когда мы говорим, что не язык отражает действительность, а сознание, то исходим, очевидно, из того факта, что в языке есть материальная, звуковая сторона, которая не отражает действительности. Но из этого вовсе не следует, что будто и содержание и форма языка есть одни материальные звуки. В том-то и дело, что членораздельные звуковые знаки содержат в себе смысл, значение, выражающее общее.

Софистика. Вы подвергаете ревизии общеизвестную дефиницию языка: язык есть средство общения между людьми.

Диалектика. Средством общения между людьми, кроме языка, может быть все, что угодно. Когда говорим, слова выражают мысль, то имеем дело с усложнением слов, с помощью которых приводим в движение другие мысли или добываем новую мысль, — с тем, что слова вместе со своим духовным содержанием (значением) выражают другую мысль. Можно это изложить и так: одно значение с помощью и посредством знаковой системы языка выражает другое. В этом смысле и нужно понимать положение о том, что язык есть средство выражения мысли, но, повторяем, это отнюдь не означает, что это средство лишь одни звуки, лишенные духовного содержания. Следовательно, сознание и язык тождественны и различны. Они совпадают по содержанию. Вместе с тем отличие сознания от языка состоит в том, что сознание как такое есть процесс непосредственного и опосредственного отраже-

ния действительности, рассматриваемого в чистом виде, в свободном от звуковой стороны языка, в то время как язык не свободен ни от своей звуковой материальной стороны, ни от духовной — он есть единство значения и звуковой стороны, единство, где духовная сторона является его содержанием и поэтому подчиняет себе свою звуковую сторону.

Софистика. Возможны ли другие материальные средства выражения сознания?

Диалектика. Безусловно! Так, другой обширной областью проявления и выражения сознания является искусство. Тождество всех видов искусства (и их отличие от других форм сознания) состоит в том, что все они выражают сознание в *художественных образах*. Вместе с тем каждый вид искусства имеет не только свой, обусловленный общественно-исторической практикой и потребностями удовлетворения эстетического чувства, специфический предмет, но и свои специфические материальные средства выражения: в живописи — светотень, линии, цвет; в скульптуре — дерево, металл, гипс, глина; в графике — рисунок; в музыке — мелодии; в хореографии — мимика, пластика движения тела, пантомима; в художественной литературе — слово и т. д.

В отличие от звуковой стороны языка эти материальные средства выражения в искусстве имеют иную материальную структуру. Звуки речи воспринимаются слухом, художественные образы — зрением и слухом и т. д. В некоторых видах искусства образы создаются речевыми средствами или дополняются речью. Это означает взаимосвязь и взаимопереход всех материальных средств выражения сознания, которое для своего функционирования способно подчинять себе уже имеющиеся материальные средства и изобретать любые возможные новые.

Искусство, как и язык, является исторически сложившимся. Материальные средства выражения духовного вырабатывались на протяжении тысячелетий, изменяясь одновременно с развитием сознания. Между объективным миром и сознанием образовались элементы условности. Наиболее отчетливо эти элементы обнаруживаются в знаковых системах, изучаемых семиотикой. Связь между духовной стороной и материальными средствами ее выражения внешняя, условная. Подобно этому элементы условности наблюдаются как в искусстве, естественном языке, так и в так называемых неязыковых знаковых системах, возможности которых с научно-техническим прогрессом практически неисчерпаемы.

Виды неязыковых знаков следующие: знаки-копии (воспроизведения, репродукции); знаки-признаки (симптомы, предметы, показатели); знаки-сигналы (знаки специального назначения, предупреждающие о наступлении определенного действия); знаки-

символы (закрывающие в себе образ, выражающий определенное содержание); знаки-сигналы (телеграфный код, азбука Морзе, бой барабана, сигнализация и т. д.); графические знаки для сокращенного выражения научных понятий (математическая, химическая и т. д. научная символика) и т. д. и т. п.

Во всех своих значениях — предметном, смысловом и экспрессивном — знак является единством идеального содержания и материального средства его выражения. Его специфика состоит в том, что материальной формой выражения сознания становится условный символ, который выполняет функцию знака так же, как слово, как художественный образ.

Наконец, универсальной, всеохватывающей материальной формой бытия сознания является как сам процесс материального производства, так и его продукты. Как символическая форма, так и речевая находит свое воплощение в продуктах материального производства. Сознание опредмечивается. Оно превращается в машины, орудия труда, средства производства, в предметы производственного и индивидуального потребления. Оно в любой своей форме — словесной; символической и т. д. — переходит, превращается в вещественную форму чувственно-предметной деятельности людей. Продукты труда являются книгой зафиксированного знания. Любой продукт труда есть страница этой книги, анализ которой позволяет читать мысли создателя данного продукта труда. История материального производства есть одновременно история развития сознания в вещественной форме.

Таковы основные материальные формы бытия сознания; существуют и могут существовать и другие материальные формы бытия сознания.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МЫШЛЕНИЕ

Софистика. Сознание и есть мышление. Это одно и то же! По крайней мере, как в истории философии, так и сегодня принято, что сознание и мышление — одно и то же.

Диалектика. Быть может, так было принято и принято сегодня. Но мышление следует рассматривать в чистом виде, как самостоятельный момент. И вот почему. Сознание как духовное производство, как активная творческая духовная деятельность людей, обусловленная общественно-исторической практикой, функционирует прежде всего как *ощущение, восприятие и представление*.

Ощущение — самая низкая и простейшая форма (состояние) сознания, поскольку оно результат непосредственного воздействия практики, а через последнюю — внешнего мира на органы чувств. Оно элементарная форма непосредственного отражения на уровне чувственного созерцания. Эта природа непосредственности делает ощущение историческим и логическим исходным пунктом познания. Иначе как через ощущение ничего нельзя знать о внешнем мире. Оно есть начало и базис других форм сознания. На его основе строятся восприятия, представления, понятия, теории и т. д. Никакая форма познания невозможна без него. Познание, которое изолируется от чувственного созерцания, от ощущения, неизбежно абсолютизирует рационализм, что также неизбежно ведет к иррационализму.

Софистика. А разве сейчас, в эпоху бурного развития теоретического познания, ощущение как форма отражения не «исчерпало» себя, разве познание не может «обходиться» без ощущения? Доказано, что на уровне чувственного созерцания невозможно получить информацию. Используя современные достижения науки и техники, в частности информативные возможности новейшей техники связи, люди преодолевают естественную ограниченность своих органов чувств, как бы добываясь их «удлинения», «развития», «совершенствования». С дальнейшим проникновением науки в тайны специфики объективного источника и изучением природы зрительных, осязательных, слуховых, вкусовых, обонятельных и т. д. ощущений открываются все новые и новые, к тому же неисчерпаемые, возможности их «совершенствования» путем прежде всего вооружения соответствующего органа чувств новыми научно-техническими средствами. Человек присоединяет к своим органам чувств такие искусственные средства, как телескопы, микроскопы, спектрометры, рентгеновские аппараты, сейсмографы, радио, телевизоры, всякие усилители и т. д., с помощью которых он не только добывается усиления непосредственной восприимчивости, но и косвенной восприимчивости таких явлений, как инфракрасные, ультрафиолетовые, рентгеновские лучи и т. д. Как мы видели выше на примере кибернетики, человек, используя достижения науки и техники, усиливает свою власть над природой, облегчает и умножает свои жизненные условия. То же происходит в данном случае. Чтобы видеть дальше, глубже, человек вовсе не изобретает еще одну пару глаз, а вооружается электронными микроскопами, дающими увеличение до двух миллионов раз. Разве все это не означает, что ощущение исчерпало свою роль?

Диалектика. Нет, не означает! Как раз, наоборот, все Ваше рассуждение подтверждает возрастание его роли. Все это говорит о том, что ощущение вовсе не исчерпало себя, а, напротив, в свя-

зи с научно-техническим прогрессом наполняется новым содержанием, что всякая недооценка роли и места ощущения в познании — как в историческом, так и в логическом плане несостоятельна. Однако и абсолютизация роли ощущения в познании также несостоятельна. Как первая, так и вторая крайности не позволяют отразить объективную природу предмета, адекватно воспроизвести его. Гипертрофирование роли ощущения в познании есть линия субъективного идеализма, а роли абстрактного мышления — объективного идеализма.

Софистика. Чем вызвано это «гипертрофирование»? Не устройством ли головного мозга, его индивидуальностью у каждого человека? Один мыслит так, а другой иначе.

Диалектика. Нет, конечно! Познание есть единый процесс, есть целое. Ни чувственное без рационального, ни рациональное без чувственного невозможно. Каждая из противоположностей содержит в себе свою другую, обуславливается ею и обуславливает ее. Однако поскольку познание самого познания возможно путем рассмотрения его сторон в чистом виде — как по форме, так и по содержанию, то рассудок создает иллюзию о самостоятельном существовании либо той, либо другой стороны этого целого.

Софистика. Выходит, что эти стороны равнозначны?

Диалектика. Нет, это не так! В единстве противоположностей одна из них выражает сущность. Как показано было раньше, сущность противоречива, но дуализма сущности нет. Именно, *мышление является сущностью сознания*. Оно есть активная духовная деятельность в ее всеобщей форме и в снятом виде содержит в себе результаты чувственного познания.

Софистика. У Гегеля активным является мышление, а у Маркса — практика. В этом главное отличие в их понимании мышления.

Диалектика. Это неверно! У Маркса нет абсолютно никакой недооценки активности мышления. Напротив, у Гегеля активность мышления на деле отсутствует, поскольку вопрос об источнике ее остается открытым. Это иллюзорная, вымышленная активность — мертвая абстракция, которая не адекватна действительной активности мышления. И когда Маркс, говоря о главном недостатке предшествующего материализма, пишет, что «дейтельная сторона в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно», то он как раз указывает на эту абстрактность. У Маркса же мышление действительно активно, поскольку он не оставляет вопрос об источнике активности мышления открытым, а дает ответ на него, видя этот источник в практике. Если Гегель весь мир выводит из активности, силы, мощи мышления, то

Маркс считает, что в практике должен доказать человек истинность, действительность и мощь своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос. При этом у Гегеля практика — это абстрактно-духовный труд, а у Маркса — чувственно-материальная деятельность.

Мышление как исторически, так и логически возникает, развивается в процессе общественно-исторической практики. Сама его сущность как опосредованного отражения высшего порядка, активность, его модификация, его содержание и форма, состояния, уровни, степень удаления от материального источника, внутренние закономерности развития, относительная самостоятельность, преемственность в развитии и другие характерные черты в конечном итоге определяются обществом, исторической практикой и потребностями ее развития. Этим объясняется и диалектический характер мышления, тот факт, что оно имеет свою историю и логику, проходит ряд состояний, уровней исторического и логического развития, в частности, такие общие состояния и формы, как *рассудок* и *разум*.

Софистика. «Рассудок» и «разум» — это вымысел Канта и Гегеля и никакого отношения к науке о мышлении не имеет.

Диалектика. Нет, это не вымысел, а реальное состояние мышления. Исторический процесс самосознания не мог ограничиваться абстрактной фиксацией его деления на чувственное и рациональное. Он должен был восходить к расчленению и рассмотрению в чистом виде качественно различных уровней, состояний, форм самого мышления, выявлять их взаимосвязь и вырабатывать конкретное понятие о нем.

Поэтому, начиная с античности, вопрос о разных формах мышления привлекал внимание философов всех времен. Уже у Аристотеля мы находим классификацию способностей души, деление мышления на пассивный и активный разум. Пассивный разум постигает общее и необходимое в вещах, обрабатывая данные чувства. Мышление должно быть непричастно, воспринимая формы и отождествляясь с ними потенциально, но не будучи ими, и подобно тому, как чувственная способность относится к чувственным качествам, так ум относится к предметам мысли. Активный разум не только создает идеи, но и актуализирует их. Он является одновременно мышлением и объектом мышления и характеризуется целенаправленностью. У Аристотеля еще нет четкой постановки вопроса о рассудке и разуме, но его учение о пассивном и активном разуме по существу в неразвитой форме содержит в себе расчленение мышления на две его функции или стороны, одна из которых есть обработка данных чувств (функция рассудка), а

другая — выяснение реальных путей целенаправленного изменения вещей (функция разума).

Важной вехой на пути исследования проблемы является учение Николая Кузанского о рассудке и уме (интеллекте). Рассудок, по его мнению, различает, а ум понимает. Если простой человек, не понимающий значения слов, читает какую-нибудь книгу, то зрительное восприятие происходит благодаря способности рассудка, потому, что читает этот человек при помощи различения различных видов букв, которые он складывает и разделяет. А это есть задача рассудка. Однако читающий не знает, что именно читает. И найдется другой человек, который не только читает, но и знает и понимает то, что читает: это уже дело ума. Последний является различительной формой актов рассудка, рассудок же есть различительная форма ощущений и представлений. Рассудок оформляет данные чувств, а ум осознает результаты рассудка. Только действительность ума порождает новое знание.

О рассудке и разуме говорил и Дж. Бруно. Истина, учил он, заключается в чувственном объекте, как в зеркале, в разуме — посредством аргументов и рассуждений, в интеллекте — посредством принципов и заключений, в духе — в субъективной и живой форме. О различных формах мышления говорили Декарт, Спиноза, Локк, Юм и другие.

Результаты, полученные этими исследователями, в дальнейшем были развиты в немецкой классической философии. Кант впервые четко ставит вопрос о способности познания — чувствах, рассудке и разуме. В его понимании познание начинается с внешних чувств, идет оттуда к рассудку и оканчивается в разуме, в котором совершается его последнее дело, то есть перерабатывается содержание созерцания и подводится под высшее единство мышления. Рассудок черпает свое содержание из чувств и основан на них, а разум — из рассудка и основан на нем. Рассудок — это способность составлять суждения, мыслить, способность к знаниям. Если априорными формами чувственности являются пространство и время, то формами рассудка являются суждения, порождаемые с помощью категорий, а формами разума — умозаключения, которые связаны с синтезом высшего порядка. Рассудок устанавливает априорные законы для природы как объекта чувств в целях теоретического познания ее в возможном опыте. С помощью рассудка природа познается только как явление. Разум устанавливает априорные законы для свободы и ее особой каузальности как сверхчувственного в субъекте в целях безусловно практического познания. С помощью разума познается сверхчувственный субстрат природы, даются ему определения. Область понятия природы и область понятия свободы обособлены, отделены друг от

друга глубокой пропастью и не могут влиять друг на друга. Разум стремится познать бесконечное и воспроизводить целое как синтетическое знание, но не достигает этого, так как он содержит в себе свои собственные антиномии. Хотя Кант четко разделил мышление на рассудок и разум, но вместе с тем он их оторвал друг от друга, не видел их единства, к тому же он разум в сущности не вывел за границы рассудка, поскольку он его рассматривает на уровне рассудка.

Более полную и всестороннюю разработку проблемы дает Гегель. В его понимании рассудочное мышление в сущности метафизично, а разумное — диалектично. Ближайшая истина восприятия состоит в том, что предмет скорее есть явление, его рефлексия — в себя есть — для себя — сущее внутреннее и всеобщее. Сознание этого предмета есть рассудок. Поэтому мышление прежде всего есть рассудок, но оно не сводится к нему и не останавливается на этом, а восходит к разуму. Когда речь идет о мышлении вообще или, в частности, о постижении в понятиях, то часто имеют при этом в виду лишь деятельность рассудка. Но хотя мышление есть раньше всего рассудочное мышление, оно, однако, на этом не останавливается, и понятие не есть одно лишь определение рассудка. Ограниченность рассудка с необходимостью снимает разум. Вместе с тем рассудок — необходимый этап познания и его голое отрицание порождает скептицизм. Разум, который отвергает рассудок, в сущности ничем не отличается от рассудка, ибо он, как и рассудок, имеет дело с односторонними абстрактными определениями. Истина состоит в том, что разум должен относиться к рассудку не отрицательно — разумно, а положительно — разумно, то есть удерживать в себе его результаты, его богатство в снятом виде. Логический разум есть то субстанциональное или разумное, которое сцепляет в себе все абстрактные определения, и он есть их самородное, абсолютно конкретное единство.

Таким образом, мышление развивается в двух формах: рассудок и разум, но проходит три ступени: рассудочное, отрицательно-разумное и положительно-разумное. Рассудочное разделяет, абстрагирует, отличает определенности друг от друга, дает жесткие, односторонние конечные и условные определения; отрицательно-разумное есть голое отрицание рассудка, что ведет к скептицизму; положительно-разумное есть синтез абстрактных определений, единство многообразного, есть истинное мышление. Гегель рассудок и разум не отрывает друг от друга, как это имеет место у Канта, а снимает их противоположность. Следовательно, заслуга Гегеля состоит в том, что он впервые дает научную разработку проблемы рассудка и разума, хотя и на мистической основе.

Софистика. Если Гегель, как Вы утверждаете, дал научную разработку проблемы, то значит, исследование мышления завершено. Следовательно, прав Гегель, когда утверждал, что его философия является венцом развития философии вообще.

Диалектика. Нет, не значит, ибо мы сказали «на мистической основе». Разумеется научное исследование мышления в снятом виде содержит в себе результаты исследования мышления Гегелем, в частности, его членение мышления на рассудок и разум. Вместе с тем было необходимо преодолеть мистицизм и развить исследование дальше на новой основе.

Рассудок и разум тождественны. Их тождество состоит в том, что они друг без друга невозможны и мышление само как процесс также невозможно без той или другой своей стороны. Ни рассудок без разума, ни разум без рассудка не существуют — как в историческом, так и логическом плане. Обе формы являются вечным, постоянным, необходимым состоянием мышления. Мнение, согласно которому разум вскоре освободится от рассудка, — иллюзорно. Ни рассудок, ни здравый смысл, ни «метафизическое» мышление никогда не исчезнут, пока существует мышление.

Софистика. Как же понять Вашу проповедь о метафизическом мышлении? Оно, как давно доказано, ничего общего не имеет с наукой! Вы взялись увековечить его, да еще считаете его необходимым.

Диалектика. Наука вытесняет метафизический способ рассмотрения и в конце концов вытеснит его. Но, во-первых, нельзя думать, что метафизический способ рассмотрения сам по себе «автоматически» исчезает. Такое представление исходит из наивного предположения о том, что если содержание современного теоретического мышления не метафизично, то метафизическому способу познания не остается места.

Во-вторых, рассудок является постоянным, необходимым, определенным состоянием мышления, без которого невозможно мышление как деятельность общественно-исторического человека, он выступает как необходимый этап, или состояние познания, хотя и проявляет себя в односторонности и во внешней рефлексии, в чисто феноменологическом плане, поэтому этот способ рассмотрения всегда будет иметь место. В этой связи следует подчеркнуть, что сознательно научное мышление не дается человеку со дня рождения в готовом виде, а вырабатывается в упорной борьбе против рассудка и при помощи рассудка путем воспитания, обучения, деятельности — путем преодоления, снятия ограниченности, узости рассудка.

В-третьих, в научном отношении несостоятельно утверждение, будто с дальнейшим прогрессом науки метафизическое мышление

когда-либо исчезнет, что грядущие поколения со дня своего рождения будут свободны от него и будут мыслить только научно. Дети всегда и везде должны рождаться нормальными, то есть детьми, а не учеными. А это значит, что для повседневного обихода, для научной «мелкой торговли» метафизические категории сохраняют свое значение.

Вывод о вечности обеих форм мышления не есть вывод из самого себя полагающего абсолютного духа или не субъективное размышление «Я», а обусловлено социальной природой действительного мышления, предметной деятельностью людей. Безусловно, будет изменяться социальная основа этой противоположности, безусловно, изменается и непрерывно будет изменяться роль, место, соотношение рассудка и разума. Но столь же безусловно, что никакие изменения ни в социальной основе мышления, ни в его структуре, формах и содержании не приведут к ликвидации одной из его 'сторон, ибо исчезновение одной из противоположностей единства есть исчезновение его другой противоположности, то есть исчезновение единства в целом, его переход в нечто другое.

Софистика. Если рассудок и разум тождественны, то какой смысл имеет разделение единого мышления на эти понятия? Не беспредметное ли это занятие?

Диалектика. Нет, конечно! Это тождество конкретно заключает в себе и различие. Рассудок и разум в своем тождестве различны, отличаются друг от друга как качественно разные состояния, формы, уровни мышления, имеющие свою специфику, свою особую природу. Они не только взаимопроникают, но и взаимоисключают друг друга как тождество противоположностей.

Как уже говорилось, рассудок характеризуется абстрагирующей и разделяющей деятельностью. Это такое функционирование мышления, когда фиксируемые абстракции в своей внутренней оторванности друг от друга рядоположены, в силу чего приобретают самостоятельное, самодовлеющее значение. Сущностью всякой рассудочной абстракции является тождество и абстрактная всеобщность. Возведение единичного во всеобщее, образование абстракций есть деятельность мышления в целом как рассудка, так и разума. Однако сами абстракции бывают *простыми, рассудочными и научными, разумными*. Простые абстракции как умственные отвлечения, обнаруживающие общее сходство вещей, или сведение чувственно-конкретных образов вещей к абстрактно-одностороннему представлению есть дело рассудка.

Отграничение простых, рассудочных абстракций от разумных имеет важное значение для правильного понимания вопроса об историческом и логическом развитии, углублении самого познания. Научное мышление именно потому, что оно имеет своей пред-

посылкой исследование природы самих понятий, возможно только на сравнительно высокой ступени развития. Первобытный человек обладал простыми рассудочными абстракциями и предпосылками разума, но не обладал разумными теоретическими абстракциями. Вот почему он не выделял себя из сложной сети объективных явлений природы. Образование же понятий, категорий, законов стало возможным на сравнительно более высоком этапе развития практики и познания.

Далее. Рассудок есть мышление, очищенное от собственных внутренних противоречий. Он не есть творческая активность, лишая творчески преобразовательной функции и подчинен внешней целесообразности. Не имея собственной цели, рассудок вынужден подчиняться заранее заданной цели. Поэтому его деятельность осуществляется в рамках схемы, стандарта, норматива. Эта природа рассудка дает возможность моделировать его, создавать машины, которые выполняют функции рассудка, заменяют рассудочную деятельность человека, к тому же осуществляют ее гораздо быстрее.

Категория рассудка, поскольку она соотносится с категорией разума, являясь ее противоположностью, отличается, конечно, от здравого смысла. Однако эти два понятия в определенном отношении совпадают. Как и рассудок, здравый смысл основан на абстрактном тождестве и на столь же абстрактном различии. Он есть стихийное сознание большинства людей, складывающееся в процессе их житейского опыта, не искаженное под влиянием внешних обстоятельств.

Рассудок, здравый смысл — это низшее, простое, но необходимое состояние мышления или необходимый его этап. Мышление без рассудка есть мистика. Вместе с тем этот этап ограничен своими рамками — играет положительную роль в познании, дает истинное знание в определенных пределах, за которыми (как, впрочем, и формальная логика) становится не истинным.

Софистика. Выходит, что формальная логика не наука о мышлении в целом, а только о рассудке — его низшем состоянии?

Диалектика. Вы угадали, хотя об этом речь шла выше. Мы не допускаем этим никакой недооценки ни формальной логики, ни рассудка. Более того, ограниченность рассудка может быть обнаружена и может быть снята только тогда, когда он исчерпает свои возможности. В противном случае возникает ситуация расплывчатости, неопределенности мысли, когда нечто представляется, а еще хуже практически реализуется «рассудку вопреки» или «вопреки здравому смыслу». Рассудок есть вообще существенный момент образования. Образованный человек не удовлетворится туманным и неопределенным, а схватывает предметы в их четкой определен-

ности. Как в прошлом, так и сегодня прогрессивные силы общества в своей борьбе не раз апеллировали к рассудку, к здравому смыслу, и последний не раз бывал знаменем их борьбы. Реакционные же силы общества не раз действовали рассудку вопреки.

Познание искажается тогда, когда на уровне рассудка не используются его возможности, действуют вопреки ему. Познание искажается и в том случае, когда возможности рассудка использованы и необходимо снять его ограниченность, двигаться по линии восхождения и совершить переход к разуму, но в силу каких-либо обстоятельств этого не делают, познание задерживают на уровне рассудка и довольствуются им. Современный научно-технический прогресс, охватывая области, далекие от узкого житейского опыта, от рассудка, подтверждает сказанное. Из этого следует, что как нельзя нарушать требования рассудка и действовать безрассудно, так и нужно и должно нарушать его требования и действовать ему вопреки. Эта антиномия разрешается диалектическим восхождением к разуму. Поэтому рассудок должен своевременно снимать себя в разуме, сохраняя свою истинность. В противном случае часто он превращается в объект всяких субъективистских, в особенности неопозитивистских спекуляций.

Софистика. Что за эквилибристика: «нельзя нарушать требования рассудка, так и нужно, и должно нарушать его требования»? Нужно или не нужно нарушать требования рассудка? «И нужно и не нужно» — ничего общего с наукой не имеет, ибо нет ясности и определенности. Единственно ясный ответ — или — или: или нужно или нет.

Диалектика. Именно *и*, а не *или* — *или*. Если рассматривать рассудок как раз навсегда данным, то уместно ставить вопрос *или — или*. Но рассудок не таков, он есть процесс. Поэтому пока не исчерпаны возможности рассудка, нельзя нарушать его требования, но как только исчерпаны его возможности, его ограниченность должна быть снята восхождением к разуму. Рассудок переходит в разум.

Софистика. Чем обусловлен такой переход?

Диалектика. Непосредственно тем, что мышление есть процесс. Опосредованно, в конечном итоге этот переход обусловлен общественно-исторической практикой и потребностями ее развития. Поскольку практика в силу своего объективного бытия есть непрерывный процесс творческого преобразования самой действительности и неисчерпаемого творческого углубления и усложнения, а рассудок сам по себе не имеет своей собственной цели и не обладает творческой функцией, то как его ограниченность, так и необходимость преодоления этой ограниченности является очевидной и неизбежной. Творчески предметной деятельности человека соот-

ветствует критически творческое мышление, то есть разум, хотя рассудок является его необходимым моментом и содержится в нем в снятом виде.

Софистика. Зачем нужен переход рассудка в разум? То, что Вы приписываете разуму, с успехом может выполнять рассудок. Так что необъединительно деление единого мышления на рассудок и разум.

Диалектика. Нет, не может! Разум есть высшая форма или высшее состояние мышления и характеризуется своим критически-творческим духовным преобразованием действительности, адекватным практическому ее преобразованию. Он есть движение мысли по «логике» самого предмета, адекватное природе самого предмета. Разум постигает мир целенаправленно. Отражая предмет в его необходимых формах движения, он в то же время отражает его тенденцию развития, его процесс. Как свой необходимый результат, как внутренне присущее своей природе свойство, он отражает предмет не только таким, как он есть, но и таким, каким он должен быть в соответствии с потребностями практики.

Софистика. По-Вашему выходит, что только разум является дискурсивным мышлением, а рассудок не является таковым.

Диалектика. Нет, это не так! И рассудок и разум есть дискурсивное мышление. Однако рассудочная дискурсивность уничтожает особенное, превращает знание в мертвый результат и довольствуется абстрактной всеобщностью. Разумная же дискурсивность снимает эту ограниченность, целенаправленно и осознанно воспроизводит жизнь предмета, воспроизводит его как расчлененное, генетически и синтетически развитое единое целое. В силу этого рассудок характеризуется абстрагированием, разделением, расчленением и исчислением, а разум — синтезом абстрактных, расчлененных определений, тождеством противоположностей, творческим преобразованием единства многообразного в соответствии с потребностями практики.

Далее. Если рассудок довольствуется представлением о предмете, часто выдаваемом за понятие, и не выходит за рамки внешних форм мышления, то разум характеризуется сознательным оперированием понятиями, осознанным исследованием их природы, содержательным познанием действительности.

Софистика. В литературе мышление называется абстрактным мышлением. Что это означает? Не то ли, что речь идет о противоположности мышления чувственному созерцанию, чувственно-конкретному?

Диалектика. Что мышление содержит в себе процесс абстрагирования, это — безусловно. Оно невозможно вне этого процесса и есть в отличие от чувственного познания опосредованное отраже-

ние. Абстракция и есть мысленное отвлечение от ряда несущественных свойств предмета и выделение, вычленение его существенных, основных свойств, что возможно путем восхождения от чувственного созерцания к мышлению, от единичного к всеобщему. Научные абстракции и являются сокращениями, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей. Однако абстракция имеет и другие значения: она может быть не только рассудочной, разумной, то есть не только мысленным отвлечением, но чувством, созерцаемым образом; абстрактное в противоположность конкретному есть бедное содержанием знание. В этом случае мышление не только абстрактное, но и конкретное, богатое содержанием знания, поскольку познание не останавливается на первой половине своего витка — от чувственно-конкретного к абстрактному, но и от последнего восходит к мысленно-конкретному, к синтезу абстрактных определений; абстрактное понимается как оторванность от жизни, от практики. Познание должно учитывать эти различные значения в интересах истины.

Софистика. Допустим, все это так. Но разве рассудок, рассудочная деятельность не оперирует абстракциями? Как Вы сказали, рассудок «разделяет» и «абстрагирует», следовательно, он оперирует абстракциями!

Диалектика. Рассудочная деятельность также оперирует абстракциями. Однако последние являются скорее предпосылками для образования разумных теоретических абстракций, которые выражают сущность вещей, отражают не абстрактно-всеобщее, а конкретно-всеобщее, то есть единство общего и единичного. Конкретно-всеобщее охватывает собой также и все богатство особенного. Не только абстрактно-всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного. Простые абстракции, выражая абстрактно-всеобщие признаки, не проникают в сущность предметного мира и, как правило, имеют дело с видимостью и кажимостью — с внешним сходством явлений. Поэтому они гораздо более удалены от предметного мира, чем разумные абстракции. И, напротив, категории и понятия, как фиксация результатов научных обобщений, гораздо ближе связаны с объективным миром, поскольку охватывают, выражают глубокие, внутренние, существенные связи и отношения вещей.

Софистика. Не означает ли это, что чем более удаляется разумная абстракция от чувственного мира, чем более она отрывается от этого мира, тем более она превращается в пустую абстракцию, ибо чем дальше она удаляется от жизни, тем больше она отрывается от жизни? К тому же Вы сами сказали, что «абстрактное понимается как оторванность».

Диалектика. Вы смешиваете разные вещи. Во-первых, «абстрактное как оторванность от жизни» нельзя смешивать с другими значениями «абстрактного»; во-вторых, научная абстракция чем более удаляется от мира, тем ближе подходит к нему, тем глубже проникает она в его сущность, чем она более отходит от него по внешним признакам, тем ближе подходит к нему по своему содержанию. Вот почему мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно правильное — от истины, а подходит к ней, словом, все научные, правильные, серьезные, не вздорные абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее.

Софистика. Приведите доказательства для такого вывода!

Диалектика. Как известно, по мере роста общественной практики и науки происходит неуклонный рост роли разумных абстракций. Например, В. Гейзенберг правильно указывает, что рост научных абстракций придает естествознанию новую силу, способную вскрыть внутренние связи явлений.

Софистика. А ведь не кто иной, как Гейзенберг утверждает: «В наше время оказалось, что такая картина с увеличением точности становится *все более и более удаленной от живой природы*. Наука имеет дело уже не с миром непосредственного опыта, а лишь со скрытыми основами этого мира, обнаруженными нашими экспериментами. Но это вместе с тем означает, что объективный мир в известной мере выступает как результат наших активных действий и совершенной техники наблюдения. Следовательно, здесь мы также вплотную наталкиваемся на непреодолимые границы человеческого познания»¹. Это и означает, что Ваша научная абстракция есть не что иное, как идеализм.

Диалектика. Гейзенберг крупный физик, но мелкий философ. Он здесь непоследователен. Он не замечает, что в действительности же рост разумных научных абстракций, развитие науки открывает все новые глубокие связи и стороны объективного мира, отражает его все глубже, полнее. Это признают многие выдающиеся представители зарубежной науки. Например, М. Планк писал, что прогрессирующий отход физической картины мира от чувственного мира означает не что иное, как прогрессирующее сближение с реальным миром.

Разумные абстракции имеют объективный источник и, как бы ни были удалены от чувственного мира, являются его отражением. Поскольку эти абстракции — категории и понятия — отражают и выражают всеобщие существенные связи действительности, они непосредственно не доступны органам чувств. Однако из

¹ Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. М., 1953, с. 63—65.

того факта, что они не являются чем-то чувственным, вовсе не следует, что они пустые оболочки или вечные, неизменные априорные формы рассудка, как утверждает Кант. Они извлечены из опыта, практики, из действительности, апостериорны и являются итогом, результатом многовекового развития общественно-исторической практики и познания.

В то же время, возникнув из реальной почвы, из общественной практики, из потребностей развития материальной жизни общества, разумные абстракции приобретают известную самостоятельность по отношению к своему объективному источнику и активно влияют на его развитие. Однако самостоятельность их не абсолютна, а относительна, поскольку они являются отражением своего материального источника, и, в конечном итоге, определяются им.

Ограниченность гегелевского понимания разума, различных абстракций и категорий не в том, что Гегель признает их роль в познании, а в том, что он мистифицирует их, отрывает от материального источника, рассматривая их как абсолютно самостоятельные «сущности», как абсолютно «чистую» мысль, творящую самое действительность.

Софистика. Все сказанное Вами означает, что разумные абстракции материальны, объективны, то есть не зависят от людей.

Диалектика. Объективное содержание разумных абстракций не означает того, что они не имеют субъективной стороны. Они субъективны как формы человеческого мышления, как ступеньки познания, но объективны в своем итоге, источнике. Эти абстракции, стало быть, суть неразрывное единство объективного и субъективного. Только в этом единстве они сами выступают как орудия научного познания. Современный неопозитивизм отрицает это единство объективного и субъективного, и тем самым мешает научному прогрессу, мешает естествоиспытателям в эпоху научно-технического прогресса.

Софистика. Как бы то ни было, а единственным критерием научной достоверности истины является здравый смысл. Это подтверждают и естествоиспытатели.

Диалектика. Есть ученые, которые либо абсолютизируют рассудок, либо абсолютизируют разум, отрывая его как от чувственного познания, так и от рассудка и от практики. С другой стороны, есть и такие, которые игнорируют качественное различие в степени абстрагирования и обобщения, а также в степени логической осмысленности и систематизации знаний. Но самый главный недостаток их концепций состоит в том, что они отрывают познание от практики, забывая, что как разумные понятия, так и понятия

здорового смысла так или иначе своим источником имеют материальную предметную деятельность людей, их многовековой опыт. Более того, они не видят качественного различия абстракций, ибо источником абстракций рассудка, здравого смысла являются потребности повседневной практической деятельности человека, а источником абстракций разума, его рациональным содержанием является вся общественно-историческая практика как целое.

Рассудок основан на прикладной функции науки. Односторонность рассудка состоит в том, что он интерпретирует новые факты, новые явления науки с этой узко-утилитарной точки зрения. Разум же интерпретирует те же новые явления и факты с точки зрения необходимости новой научной теории. Рассудок стремится укрепить формальную сторону теории, разум — обогащает содержание теории, выходит за рамки существующей теории, обобщая и синтезируя новые данные, стремится выдвигать новые принципы или создавать новую теорию. Отмечая тождество и различие рассудка и разума, следует подчеркнуть и их взаимопревращение.

Софистика. Вы подчеркивали принципиальное, качественное отличие рассудка и разума. Как же они могут взаимно превращаться друг в друга?

Диалектика. Не только могут, а взаимопревращаются. Рассмотрение в чистом виде рассудка и разума еще не выводит нас за рамки рассудка, который абстрагирует эти противоположности, рассматривая их порознь, как особые самостоятельные моменты. Разумное мышление должно восходить к синтезу этих противоположностей, понимаемому не как сумма, а как взаимопревращение противоположностей в высшем единстве.

Переход рассудка в разум непосредственно обусловлен объективным бытием самого рассудка, и опосредственно, в конечном итоге — общественно-исторической практикой. Поскольку рассудок односторонен, не вникает ни в суть своих абстракций, ни в суть изучаемого объекта, то эта его ограниченность содержит в себе необходимость собственного преодоления, содержит в себе свою собственную противоположность — всесторонность разума. Кроме того, пока рассудок оперирует своими жесткими и строгими антитезами и своим методом, по заранее заданной схеме, без осознания этого метода и своих возможностей и не выходит за свои рамки, он является догматическим мышлением. Только в процессе познания, в процессе восхождения от рассудка к разуму, когда происходит использование возможностей рассудка и снятие его ограниченности, рассудок становится необходимым моментом разума или, точнее, его необходимой предпосылкой, базисом, на котором возможна самая разумная деятельность.

Не только рассудок превращается в разум, но и, в свою оче-

редь, разум превращается в рассудок как в историческом, так и в логическом плане. Этот переход также обусловлен непосредственно природой разума и опосредованно — общественно-исторической практикой.

Разум невозможен без определенной системы знаний. Поэтому он как выход за пределы рассудка не означает выхода за пределы системы знания вообще, а означает лишь выход за пределы данной, уже устаревшей системы знания в новую систему. Без строгой системы не может быть никакой научной теории. Так, теория относительности Эйнштейна есть выход за рамки классической физики как определенной системы знаний в новую систему знаний. Следовательно, разум, снимая старую систему, переходит в новую, снимая ограниченность рассудка, создает новую ограниченность рассудка на новом уровне познания, поскольку строгая система со всеми своими внешними определениями рассудочна. Иными словами, разум порождает новые идеи, оформляет их в новую строгую научную систему знаний, которая не только разумна по своему содержанию, но и рассудочна по своей форме. Но так как рассудок характеризуется ограниченностью, то разум, породив новую систему, порождает новый уровень рассудка и новую его ограниченность в рамках новой системы, порожденной восхождением самого разума.

Разум как диалектическое мышление противоречив по своей сущности, жизненности и действительности. Однако признание противоречивости мышления не самое главное при определении разума. Необходимо учитывать тот факт, что противоречия не остаются вечно самими собою, они разрешаются, и одновременно с этим возникают новые: возникают и разрешаются, разрешаются и возникают, представляя собой сложный процесс восхождения. В этом суть, мощь, сила, способность разума, которые он сохраняет в процессе исследования своих противоречий и изучения пути и средств их разрешения.

Софистика. Вы до сих пор доказывали, что только разумное мышление есть противоречивость, а рассудочное — нет! А теперь утверждаете, что разум переходит в рассудок, то есть утверждаете, что рассудок тоже противоречивое мышление.

Диалектика. Речь идет о разрешении противоречий разума. А разрешенное противоречие уже не есть противоречие. Разрешение в разуме своих противоречий и рассмотрение результата разума, само по себе как внеположенность, есть уже рассудок. При этом разрешение противоречий есть скачок, переход в новую, высшую систему. Но самая сложная научная система, рассматриваемая вне процесса, сама по себе, как результат разрешения противоречий разума, становится доступной рассудку школьника или

студента, потому что разум, создав эту теорию, перешел в рассудок. Очевидно, что разрешением данных противоречий и созданием данной системы или теории разум не исчерпывает себя. Напротив, опираясь на содержание своей теории, он совершает свой путь восхождения и усложнения на новом уровне и в новой ситуации, но это не исключает, а предполагает его рассудочные результаты.

Превращение разума в рассудок обусловлено еще его целью. Она состоит в том, чтобы понять, осмыслить сущность предмета, его внутреннюю природу, законы его развития и наметить пути, средства опредмечивания, практической реализации его результата. Как отмечалось выше, разум, то есть собственно диалектическое мышление, нельзя моделировать и заменять машиной. Только переход разума в рассудок позволяет моделировать рассудочную сторону интеллектуальной деятельности, заменять ее машиной, которая несравненно превосходит человека в скорости выполнения определенных рассудочных операций. Без этого перехода не было бы никакого «машинного» мышления, никакой кибернетики, то есть не было бы никакого научно-технического прогресса.

Наконец, переход разума в рассудок носит исторический характер. И разум, и рассудок являются процессом, согласно процессу общественно-исторической практики. С изменением этого базиса рано или поздно изменяется характер, уровень, возможности, границы, глубина и ширина как разума, так и рассудка. Поэтому мышление в целом нельзя представлять неизменным. Вышим проявлением разума XVII в. была классическая механика. Однако в наш век она скорее рассудок, чем разум.

Итак, рассудок и разум тождественны, различны, взаимно переходят друг в друга. Это их взаимопревращение проявляет себя в целом в восхождении познания, а также в таком его моменте или форме, как *интуиция*.

Софистика. Пожалуй, самая сложная проблема из всех это — проблема интуиции. Можно сказать, что она вообще непознаваема. Этот вывод подтверждается прежде всего тем, что эта проблема в истории философии и естествознания характеризуется множеством разноречивых, нередко взаимно исключающих друг друга точек зрения, мнений и представлений. Еще в античной философии происходила острая борьба вокруг этой проблемы. Если ионийцы рассматривали интуицию как непосредственное знание, как чувственную форму познания, то элейцы, а также Левкипп и Демокрит отвергали непосредственное знание, чувственное познание, объявляя ощущения ложными. В понимании Сократа интуиция есть не что иное, как «даймоний», как «обладание идеей предмета». Платон также отвергает истинность чувственной интуиции.

В новое время Декарт, Спиноза, Лейбниц разрабатывают учение об интеллектуальной интуиции. Декарт под интуицией понимает не веру в шаткое свидетельство чувств и не обманчивое суждение беспорядочного воображения, а понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что оно не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим, или (что одно и то же) прочное понятие ясного и внимательного ума, порождаемое лишь собственным светом разума, и благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция. Спиноза под интуицией понимает высшее состояние разума. Интуиция — это такой род познания, который ведет от адекватной идеи о формальной сущности каких-либо атрибутов бога к адекватному познанию сущности вещей. В понимании Декарта и Спинозы математические истины в огромном своем большинстве опосредованы доказательством. Но если продолжать восхождение мысли от доказанной теоремы к теоремам, на которые наука ссылается при ее доказательстве, а от этих последних в свою очередь к теоремам, лежащим в их основе, то это восхождение не может продолжаться беспрерывно. Рано или поздно мы дойдем до положений, которые в данной науке уже не могут быть доказаны и принимаются без доказательств. Истинность этих положений уже ничем не опосредована. Они усматриваются прямо, непосредственно.

Противоположное утверждали сенсуалисты. Они проповедовали чувственную интуицию, выдвигая на первый план чувственное непосредственное познание. По Дж. Локку, ум — всего лишь зеркало, беспрестанно фиксирующее непосредственно истинные результаты деятельности органов чувств. Эта сторона познания неотразима: подобно яркому солнечному свету, она заставляет воспринимать себя непосредственно, как только ум устремляет свой взор в этом направлении. Для колебания, сомнения, изучения не остается никакого места: ум тотчас же заполняется ее ясным светом, не нуждается в доказательстве либо изучении, но воспринимает истину, как глаз воспринимает свет, — только благодаря тому, что он на него направлен.

Кант отрицает способность интеллектуальной интуиции. Отвергая сверхчувственное созерцание, он апеллирует к чистой апперцепции. Но как показал позже Фихте, чистая апперцепция Канта есть не что иное, как интеллектуальная интуиция, с тем принципиальным отличием от таковой у Декарта, Спинозы, Лейбница, что у последних интуиция рассматривалась как способность познать реальные вещи, в то время как у Канта она направлена на познание деятельности. Что же касается интеллектуальной интуиции у самого Фихте, то он ее также понимает как способность познания, но познания не реальных вещей, а деятельности абсо-

лютного «я». Шеллинг, развивая дальше линию Канта — Фихте, дополняет их учение своим трансцендентальным идеализмом — собственной натурфилософией «для познания субстанции», выдвигает на первый план эстетическое воображение. В отличие от рационалистов прошлого он ищет причины интуиции не в рассудочной, а в разумной деятельности, что позволило ему сделать вывод о том, что интуиция есть способность только особых избранных духа.

Гегель превращает философию в науку разума, развертывает ее в доказательную логическую рациональную систему, основанную на чистом мышлении вместо интеллектуальной интуиции.

Диалектика. Допустим, этот исторический обзор взглядов на интуицию в целом правильно выражает действительную историю. Но из этого разве следует, что интуиция непознаваема? Отнюдь нет!

Софистика. Не только этот исторический обзор, но и современные философия и естествознание также подтверждают наш вывод. Так, в начале XX века возникают различные школы: феноменологическая интуиция (редукции) Гуссерля, интуитивизм Бергсона, подсознательной интуиции Фрейда и т. д., которые (если отвлечься от их несущественных отличительных черт) понимают интуицию как иррациональный акт познания, сочетающий в себе и инстинкт, и подсознательный феномен, и религиозную веру, и признание трансцендентного, потустороннего начала и т. д. Так понимаемая интуиция схватывает «во всей его подлинности», без ненужных рационалистических рассуждений. Все теории интуитивизма в целом рассматривают интуицию как таинственное свойство сознания, приводящее к абсолютно достоверному знанию без всякой предварительной мыслительной деятельности. Интуиция здесь выступает как инстинкт, иррациональное чувство, в ряде случаев сливающееся с религиозным «откровением». Так, в понимании интуитивиста Бергсона, например, совершенное существо познает все интуитивно, без посредства рассуждений, абстракций, обобщений, путем сверхинтеллектуального видения. Если же человек наряду с интуицией пользуется суждениями, абстракциями, обобщениями, то он несовершенен. Высшее совершенство обусловлено потусторонним, трансцендентным началом. Мышление само по себе недостаточно, разум действует разлагающим образом. Поэтому религия является оборонительной реакцией природы против разлагающей силы разума. Добавим к этому, что эту точку зрения развивают сегодня экзистенциализм, неопозитивизм и другие направления современной философии. Так, экзистенциалист Хайдеггер считает, что логическое постижение «экзистенции» невозможно. У Ясперса на первый план выдвигается вера, мистическое «озарение», рассматриваемое интуитивно. Марсель проповедует

«упорную беспощадную борьбу против «духа абстракций». Англичане Росс, Мур, Причард доказывают, что материальные характеристики возможно познать, минуя чувственную и рациональную стороны познания, непосредственно — интуицией.

Диалектика. Если Вас правильно поняли, из Вашего обзора прошлой и современной истории взглядов на проблему выходит, что если в прошлом философы под интуицией, так или иначе, понимали человеческую способность познать реальный мир, а некоторые из них (Спиноза) рассматривали интуицию как высшее проявление разума, то современные интуитивисты принижают или отвергают роль разума, мышления, проповедуют алогизм и мистический иррационализм. Но возникает вопрос — как может происходить познание без процесса познания? Как может внезапно, неожиданно появиться абсолютная истина из потусторонней, мистической сферы интуиции, где нет ни познавательной деятельности разума, ни практики как его основы и критерия. Надо сказать, что несостоятельность подобной точки зрения показал еще идеалист Гегель в «Феноменологии духа», где он верно указывал, что познание абсолютного не может быть достигнуто интуицией, в созерцании и «откровении», а является результатом длительного и сложного развития духа как движения в понятиях. Гегель метко и остроумно отмечает, что поборники этого знания восбражают, будто, обволакивая туманом самопознание и отрекаясь от рассудка, они суть те посвященные, коим бог ниспосылает мудрость во сне; то, что они таким на деле получают и порождают во сне, есть поэтому так же сновидения. Эти аргументы Гегеля против мистико-религиозной интуиции и вообще против понимания знания как результата интуитивного озарения сохраняют свою силу и в настоящее время.

В этой связи необходимо сделать следующее замечание. Возникновение представлений о решающей роли в научном открытии внелогических и шире того — иррациональных средств нередко является, во-первых, следствием непонимания ограниченности формальной логики и, во-вторых, результатом незнания или недостаточного овладения теорией познания.

Софистика. Да, но ведь наш вывод подтверждают и крупные естествоиспытатели, в частности физики Эйнштейн, Луи де Бройль, Гейзенберг и многие другие. Так, характерной в этом отношении является позиция Луи де Бройля: «...Человеческая наука, по существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять свои наиболее значительные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности, освобожденные от тяжелых оков строгого рассуждения, которые называют воображением, интуицией, остроумием. Другими слова-

ми, ученый проводит рациональный анализ и перебирает звено за звеном цепь своих дедукций; эта цепь сковывает его до определенного момента; затем он от нее мгновенно освобождается, и свобода его воображения, вновь обретенная, позволяет ему увидеть новые горизонты». «Разрывая с помощью иррациональных скачков... жесткий круг, в который нас заключает дедуктивное рассуждение, индукция, основанная на воображении и интуиции, позволяет осуществить великие мысли; она лежит в основе всех истинных достижений науки»².

Диалектика. Во-первых, Луи де Бройль не говорит о мистическом происхождении интуиции; во-вторых, в ходе научного познания эти способности действительно играют немалую роль; в-третьих, ни интуиция, ни воображение и фантазия не носят сверхъестественного характера. Они формируются в ходе познавательной деятельности человека как формы самого мышления общественно-исторического человека.

Антинаучный характер современного интуитивизма очевиден.

Софистика. Но ведь об этом пишет и Эйнштейн. Для меня не подлежит сомнению, пишет Эйнштейн, что наше мышление протекает в основном минуя символы (слова) и к тому же бессознательно. Задача логического мышления сводится к установлению соотношений между понятиями и предложениями по твердым правилам формальной логики. Однако сами понятия и предложения получают смысл и содержание лишь благодаря их связи с непосредственным отображением мира. И именно эта связь, делающая мышление содержательным, есть интуитивное образование и не может быть рассмотрена как явление логической природы. Высшим долгом физиков является поиск тех общих элементарных законов, из которых путем чистой дедукции можно получить картину мира. К этим законам ведет не логический путь, а только основанная на проникновении в суть опыта интуиция³.

Диалектика. Следует заметить, что ученый в данном случае имеет в виду формальную логику. Вместе с тем он неоднократно подчеркивает, что интуиции, как непосредственному знанию, как «озарению», предшествует тяжелая, изнурительная деятельность ученого. Так что ссылка на Эйнштейна не имеет под собою основания.

Прежде всего следует подчеркнуть *единство* непосредственного и опосредованного в познании как чувственного и рационального, так и интуитивного и дискурсивного. Мышление есть не только процесс единства рассудка и разума, но и процесс единства инту-

² Бройль де Лун. По тропам науки. М., 1962, с. 294—295.

³ См.: Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965, с. 9.

итивного и дискурсивного. Последнее есть, в свою очередь, рассудочно-разумная дискурсивность. Вместе с тем рассудочной и разумной бывает и интуиция. Рассудочная интуиция есть непосредственное усмотрение истины в рассудочной деятельности, в которой рассудок достигает своих результатов, не сознавая своей дискурсивности, своего логического хода к этим результатам. Следовательно, интуиция, как бы ни представлялась интуитивистам «внезапным озарением», «подсознательным» или «потусторонним феноменом», или «божественным» началом и т. д. — есть реально существующее и реально функционирующее непосредственно опосредованное познание.

Чтобы на научном уровне решить эту проблему, нужно исходить из единства непосредственного (интуитивного) и опосредованного знания. То, что на известной ступени знание представляется сознанию в качестве непосредственно очевидной истины, на самом деле есть результат предшествующего длительного опосредования. Необходим целый ряд действий, чтобы известное восприятие или постижение представлялось сознанию как непосредственное.

Интуиция обычно представляется как начало познания. Отправляясь от него, достоверное знание науки разворачивается в длительные цепи форм опосредований и доказательств. Поэтому нет такой интуиции, которая не содержала бы в себе вместе и непосредственности и опосредования. Следовательно, знание, полученное «интуитивно», на самом деле непосредственно лишь по отношению к тем истинам, на которые оно опирается и из которых оно выводится. Но рассматриваемое само по себе, это непосредственное знание не начало, не первично данное, а результат, итог предшествующего ему опосредования.

Познание подчиняется определенному ритму, состоящему в том, что, пройдя путь опосредования и обогатившись им, знание на каждой новой ступени снова достигает непосредственности и определяется. На каждой высшей ступени оно как бы возвращается к исходному, непосредственному созерцанию, но на высшей основе, поскольку в нем удерживается содержание всего пройденного пути. Выводы науки являются на данном этапе научного мышления опосредованными предшествующим развитием самой науки категориями теоретического мышления, что обусловлено, в конечном итоге, общественно-исторической практикой: развитием промышленности, техники, эксперимента и т. д.

Из этого следует, что непосредственное и опосредованное взаимно превращаются друг в друга и альтернативы «или непосредственное или опосредованное» не существует.

Естествознание своим развитием подтверждает этот вывод, от-

брасывая прочь интуитивистски-мистический вздор об интуиции. Так, И. П. Павлов из собственного опыта научного исследования пришел к следующему выводу. «Ведь мне самому, — пишет он, — сперва не было ясно, откуда шла правильность моего предположения. Выходило, — другой бы сказал, — интуиция, сам догадался, а не понимал от чего... Я результат помнил и ответил правильно, а весь свой ранний путь мысли позабыл. Вот почему и казалось, что это интуиция. Я нахожу, что все интуиции так и нужно понимать, что человек окончательное помнит, а весь путь, которым он подходил, подготавливал, он его не подсчитал к данному моменту»⁴.

Разум, выдвигая новую идею, не обращает внимания на логический ход своего движения к этой идее, а подчеркивает только результат, фиксирует внимание на нем. Однако с выдвиганием этой идеи мышление логически обосновывает и формализует ее, создавая новую теорию или открывая новый принцип. Подобно тому как обыденное сознание не ведает того, каковы законы и пути мышления, так и ученый, увлеченный поиском и выдвиганием новой идеи, не ведает того, каким логическим путем он пришел к идее — результату.

Наука логика способствует формированию интуиции и критическому рассмотрению ее результатов. Хотя интуиция подсказывает важные звенья дедуктивной теории, она не избавляет нас от необходимости их доказательств. Как непосредственное, внезапное и неосознанное знание интуиция возникает не на пустом месте, а при наличии определенных предпосылок, которые обуславливают решение задач, «интуитивное» нахождение решения. Но результаты интуиции следует проверять в тех областях знания, где есть для этого условия. Например, результаты, полученные в математике и физике, можно проверить только опытным путем.

Интуиция связана с основными понятиями задачи, ее структурой, что рождает скачки, переходы, минуя отдельные процессы. Она нередко проявляет себя как быстрое заключение, как переход от одного факта к другому и совершается настолько быстро, что некоторые составные элементы рассуждений и иногда большая часть предпосылок пропускаются. Поэтому для интуитивного мышления характерна свернутость рассуждения, осознание не всего его хода, а отдельного наиболее важного звена, в частности, окончательного вывода.

Доказательства, выполненные быстрыми заключениями, бывают несовершенными. Этим объясняется их ненадежность. Интуиция дает возможность сократить длинную цепь суждений, выбра-

⁴ Павлов И. П. «Павловские среды». М., 1949, т. 1, с. 227.

сывая ее промежуточные звенья, отсюда и кажущаяся внезапность получения результата.

Таким образом, при анализе проблемы выясняется, что интуиция, понимаемая как особая способность, вне мышления невозможна. Она есть само мышление и существует как факт интроспекции. Практика создает такие социальные ситуации, в которых субъект, осуществляющий акт сложного процесса познания, не осознает предпосылок и всего логического хода познания. Однако современное научное мышление есть в сущности разумная дискурсивность, которая реализуется в понятиях, суждениях и умозаключениях и во всех других формах мышления.

Софистика. Что такое — «другие формы» мышления? Общеизвестно, что формами мышления являются понятие, суждение, умозаключение и кроме них нет никаких других форм мышления.

Диалектика. «Традиционными» формами мышления считаются понятие, суждение и умозаключение. Однако кроме этого формами мышления являются рассудок, разум, дискурсивное мышление, интуиция, абстрактное и конкретное знание. Следует добавить, что такими же формами являются гипотеза, теория, наука, истина, заблуждение и все категории и принципы философии. Следовательно, сведение мышления к вышеуказанным трем формам обедняет само мышление. Но рассмотрим эти «традиционные» формы и прежде всего понятие.

Понятие есть форма дискурсивного разумно-теоретического мышления, в которой отражена сущность явлений. Оно узловой пункт движения, восхождения мышления. Современное научное понимание понятия является итогом и высшим синтезом борьбы представлений и мнений по проблеме в истории философии — борьбы, выражавшей, в конечном итоге, борьбу двух линий в философии — линию Демокрита и Платона. Так, в понимании Демокрита понятие — это представление, совпадающее с объектом. Разрабатывая основы атомистики, он дает количественное определение понятия, которое характеризуется совокупностью частей, элементов, из которых состоит сам реальный предмет. Сократ считает, что понятие такое определение, посредством которого возможно познать сущность вещей, Платон решает проблему мистически. Он считает, что понятие своим предметом имеет не чувственную действительность, а познание мира «идей». В понимании Аристотеля понятие такое представление, которое отражает не единичное, отдельное, а лишь общее. Понятие есть «вторая» сущность, в отличие от первичных сущностей — единичных вещей, познаваемых чувственным созерцанием. Эта вторая сущность есть единство противоположностей. Все противоположные определения всегда восходят к некоторому субстрату, принадлежат одному и

тому же роду и входят в определение сущности. Причем единство противоположностей порождает не одно понятие, а систему понятий. Как видите, две линии имели место и в античной философии.

Софистика. Из сказанного Вами вовсе не видно, что были две линии. У каждого философа был свой взгляд на проблему. Если каждый взгляд считать «линией», то таких линий будет не две, а столько, сколько философов.

Диалектика. Конечно, у каждого философа свой взгляд на проблему, отличающийся от взглядов других философов чем-то. Но как бы ни отличались взгляды друг от друга, по решению основного вопроса философии они относятся либо к линии материализма, либо к линии идеализма. Еще более четко эти две линии обозначены в философии нового времени. Так, Локк создает эмпирическую теорию понятия, согласно которой определить можно «имена» сложных, составных идей, а простые, бессодержательные имена и самые широкие абстракции общности, такие, как, например, «субстанция», неопределимы. В понимании Спинозы понятие выражает всеобщую природу вещи. Постоянные и вечные вещи, хотя они и единичны, все же вследствие своего присутствия везде являются общим и абстрактным, понятиями или родами в определении единичных изменчивых вещей и ближайшими причинами всех вещей.

Немецкая классическая философия проблему ставит и решает на принципиально новой основе. Если до нее эта проблема ставится как учение о постижении в понятии явлений объективного мира, то она ее ставит как учение о постижении самого понятия в понятии, то есть создает теорию понятия, но на идеалистической основе. Она впервые мышление превращает в объект содержательного исследования. Так, Кант делает попытку проникнуть в природу понятия, дает его классификацию. В его понимании существует три вида понятия. Это прежде всего общедискурсивное понятие, которое характеризуется тем, что оно есть общее представление или представление того, что общо многим объектам. Такое понятие является формальным (поскольку оно находится в соответствии с требованиями общей формальной логики и безразлично к содержанию, не интересуется генезисом знания и т. д.). Указывая на недостаточность понятий общей логики, Кант переходит к анализу второго вида понятий — априорных форм рассудка в трансцендентальной логике. Эти формы (категории) суть определения познающего субъекта, не связаны с вещами в себе, обладают общезначимостью, поскольку обусловлены одинаковой структурой сознания, что делает возможным знание. Кант делает попытку перехода от формальной логики к содержательной, хотя он и не преодолел узкого горизонта формализма, поскольку у него

не предмет порождает познание, а субъект, который и продуцирует предмет со стороны его формы. Тем не менее априоризм Канта дает возможность ему ставить вопрос о новом знании, основанном на целом как единстве многообразного. Такое единство есть первоначально синтетическое единство апперцепции, при котором понятие об объекте создается путем объединения всего многообразия созерцаний, данного в опыте об объекте. Но всякое объединение представлений возможно лишь на основе единства самого сознания. Причем субъективное единство есть объединение представлений на основе эмпирических данных и не имеет характера истинной всеобщности, в то время как трансцендентальное единство апперцепции есть единство многообразия представлений в понятии об объекте, полученное с помощью категорий рассудка. Так как опыт никогда не дает своим суждениям истинной всеобщности, он сообщает им только условную всеобщность, только трансцендентальное единство; обобщая чувственно данный материал посредством категорий рассудка, познание имеет характер истинной всеобщности и необходимости, поскольку не допускает опровержения со стороны какого бы то ни было опыта.

Третий вид понятий у Канта — это понятия чистого разума. Последние не дают ограничивать себя сферой опыта, так как относятся к такому знанию, в котором всякое эмпирическое знание составляет лишь часть и к которому не может подняться никакой действительный опыт, хотя он и входит всегда в него. Понятия разума служат для концептуального познания, подобно тому как рассудочные понятия — для понимания восприятий. Разумные понятия содержат в себе безусловное, подчиняют себе опыт, но не являются предметом опыта. Эти понятия суть трансцендентальные идеи.

Софистика. Взгляд Канта на проблему является дуалистическим. Выходит, что в философии не две линии, а, по меньшей мере — три, ибо дуализм тоже «линия».

Диалектика. Дуализм не представляет из себя самостоятельной особой линии, поскольку его сущность заключается не в чем ином, как в примирении материализма и идеализма. Это видно из того, как Фихте развивает дальше субъективистскую сторону философии Канта, освобождает ее от трансцендентальной вещи в себе и гипостатизирует деятельность субъекта. Это дает возможность ему рассматривать категории как содержательные, мысленные сущности, а идеи практического разума, понимаемые как цели, являются теологическим принципом образования понятия. Важным моментом является постановка вопроса о природе понятия. Понятие у Фихте есть единство противоположностей — опыта и априори, обосновываемого и основания, средства и цели. Противополож-

ности в единстве взаимно исключают друг друга, взаимопревращаются, одно истинно через другое, что и придает гибкость, подвижность понятию.

У Шеллинга понятие есть акт мышления и как деятельность противостоит ощущаемому. Оно совпадает с самосознанием, создает эту противоположность, является определяющим, а ощущаемое — определяемым. Понятие вовсе не всеобщее, а скорее правило, момент ограничения наглядности. И если понятие можно назвать чем-то включающим в себя неопределенность, то только в силу того, что в нем нужно видеть не определенное, не определяющее. Созерцание без понятия есть совершенно неопределенное. Рассудок ограничен, предполагает нечто высшее, что уже не является отображением чего-то внешнего и разворачивается само по себе. Это высшее есть абсолютная абстракция, акт трансцендентального мышления, которое создает понятие. Шеллинг хотя и близко подошел к пониманию ограниченности абстрактного тождества, но не дал логического обоснования конкретного тождества.

Софистика. Очень часто Вы ссылаетесь на идеалиста Гегеля, даже ставите его выше других. Что же он мог дать по обсуждаемой проблеме?

Диалектика. Как раз самое ценное, что он дал науке, — это его учение о понятии. Всестороннюю разработку «традиционных» форм мышления — как по форме, так и по содержанию — дает Гегель. Он впервые в истории философии более последовательно и на высшем уровне мышление и его формы делает объектом научного исследования, обосновывает идею необходимости этого исследования, доказывает тезис о том, что предметом философии является *мышление*, что, следовательно, философия должна быть логикой, теорией познания.

В понимании Гегеля, мышление как активная деятельность есть противоречивый процесс. Отсюда следует, что его истинное исследование, его постижение в соответствующих логических формах должно быть также противоречивым процессом. Но противоречивым мышлением является разум. Гегель говорит о рассудочных и разумных понятиях (абстракциях). Рассудок, правда, дает определения, но разум отрицает, ибо он противоречив. Рассудочные понятия не есть истинные понятия, а скорее есть представления, не выражающие противоречивость мышления. Принцип *противоречия* Гегель кладет в основу как генезиса, так и самодвижения.

Этапами развития понятия являются — кроме понятия как такового — *суждение* и *умозаключение*.

Гегель творчески, критически переработал все представления, концепции по проблеме, какие были в истории философии до него,

сумел удержать разумное, положительное и развить его дальше, создав богатую, разностороннюю теорию форм мышления. Но вместе с тем как мышление в целом, так и его формы он мистифицирует, отрывает от общественно-исторической практики, от мира сего. В частности, Гегель понятие гипостазировывает, приписывая ему самостоятельное существование. Правда, он критикует субъективизм в понимании общества, пытается понять развитие общества как необходимый, закономерный процесс. В частности, он подвергает критике тех, кто мнение, волю королей, законодателей и т. д. считает решающей силой развития общества, а также тех, кто общество представляет как случайность, хаотическое скопление событий, фактов и т. д. Однако вместе с тем он мистифицирует реальные связи и отношения, считает главной движущей силой развития общества «мировой разум», абсолютную идею, которая является, по его мнению, носителем исторической необходимости, единственной и действительной конкретностью. Все остальное абстрактно, метафизично. Понятие не выводится из жизни, практики, а, напротив, оно порождает и жизнь и практику, является демиургом действительности.

Развитие «мирового разума» Гегель понимает как восхождение от абстрактного к конкретному. Абсолютная идея восходит к самой себе через ряд ступеней, представляющих собой ряд ее абстрактных проявлений — механизм, химизм и организм. Она самое конкретное понятие, ибо в снятом виде содержит в себе все многообразие духовного и материального. Становясь конкретной, она проявляет себя и в обществе. Экономическая жизнь общества также есть ее абстрактное проявление. В этой сфере действуют обособленные индивиды, вступающие в определенные связи друг с другом ради сохранения своей индивидуальности. Но здесь господствует абстрактная форма сознания — рассудок, который не конкретен. Правда, он содержит в себе противоположности, но последние являются внешними и не являются источником развития. Развитие обеспечивается правовой деятельностью. Но право есть проявление высшей сущности — целенаправленной воли. Именно воля является субстанцией права, политики, экономической жизни и т. д., она — форма существования абсолютной идеи. Все экономические категории есть абстрактные проявления разумной воли. Государство — это конкретная реальность, действительность всеобщей воли, образ и действительность идеи. Вся материальная культура общества, по Гегелю, есть продукт развития идеи или понятия.

Таким образом, материальная жизнь общества у Гегеля есть форма проявления понятия.

Софистика. Как же может дать науке нечто положительное

мистицизм? Вы сами показали, что гегелевская философия чистой воды идеализм, мистицизм. Потому она должна быть отвергнута, отброшена с порога.

Диалектика. «С порога» ничего нельзя отбрасывать, а тем более это относится к философии Гегеля, ибо у него мистическая форма содержит разумное, истинное, как говорят, «рациональное зерно», которое надо было спасти и развить дальше, что и сделал Маркс. Мистицизм Гегеля он подверг всесторонней научной критике. Обосновав свой научный взгляд как на мышление так и на объективный мир, Маркс показал, что идеи, понятия, мысли не есть самостоятельные сущности, а обусловлены чувственно-предметной деятельностью людей, общественным их бытием, являющимся его отражением, что общественное бытие есть источник, содержание всякого мышления, всего духовного, что мышление — продукт общества, общественной практики и определяется общественным бытием, что сущность его состоит в целенаправленном отражении и идеальном преобразовании внешнего материального мира и т. д.

При этом следует особо подчеркнуть, что Маркс не ограничивается выяснением мистицизма Гегеля. Свои диалектико-материалистические воззрения он последовательно проводит по всем линиям, по всем вопросам философии, политэкономии, социализма, заодно подвергая всесторонней критике тех, кто стремится применить гегелевскую мистику к объяснению общественных отношений.

Софистика. Разве проблема понятия обсуждалась только в прошлом? Современные философы также обсуждают эту проблему, причем у них своеобразное, оригинальное понимание понятия.

Диалектика. Можно узнать, что за «оригинальное» понимание у этих философов?

Софистика. Пожалуйста. Например, представители неопозитивизма, прагматизма, экзистенциализма, неотомизма подтверждают сказанное. Бергсон считает, что понятие такая абстракция, которая выполняет функцию лишь внешнего упорядочения восприятий и как обобщение оно препятствует постижению индивидуального. Оно не может выразить сущность. Гуссерль также считает, что понятие не выражает сущности. Последняя постижима с помощью интуиции, «эйдетической дедукции». В понимании экзистенциалистов понятие субъективно, носит индивидуалистический характер. Оно находится в зависимости от того, как мыслит данный индивид. Вещи таковы, пишет Сартр, какими определит их быть человек. Это «очеловечение», индивидуализация понятия имеет важное значение для познания, поскольку экзистенциалисты отвергают объективное содержание понятия, тем самым превра-

щая его в абстракцию, свободную от материального: по мнению Витгенштейна, объекту нельзя давать определение. Рассел понятие считает фикцией.

Общие семантики нападают на ограниченность традиционной логики для того, чтобы отвергнуть ее. Для позитивизма характерна номиналистическая интерпретация проблемы понятия. Общие семантики считают, что понятийное мышление и словесный язык ничего общего не имеют с действительностью. Последнюю познать возможно путем... отказа от общих понятий и языка слов. Они требуют перехода от мышления интенционального, оперирующего общими понятиями в форме слов, к экстенциональному мышлению, оперирующему бессловесными единичными чувственными данными. Понимать предметы, факты, процессы нужно так, пишет, например, А. Рапопорт, как они соотносятся друг с другом в природе, а не так, как о них говорится словами. Немыслящая словами личность различает явления лучше, чем личность, мыслящая словесно. Все то, развивает его А. Кожибский, что мы можем видеть, испытывать на вкус, обонять, является абсолютно индивидуальным и невыразимым словами. Мы в состоянии достигнуть объективного уровня лишь зрением осознания, активным восприятием и т. д., короче говоря, указывая пальцем на объект и сохраняя молчание обо всем том, что не может быть выражено словами. С. Хайкава, С. Чейз и другие такие общие понятия, как «материя», «пространство», «время» и т. д., объявляют фикциями и требуют отказаться от них. Но поскольку эти термины широко распространены и отказаться от них невозможно, они требуют брать их в кавычки, означающие, что эти термины не имеют реального значения.

Логический позитивизм на первый план выдвигает «логический анализ» знания, математическую логику, приходит к выводу, что для философии остается, как пишет Карнап, не утверждения, не теория, не система, а только метод, а именно метод математического анализа. Причем под логическим анализом понимается анализ языка. Логическая правильность, пишет Рейхенбах, есть признак языковой формы, логика является анализом языка, а термин «логические законы» следует заменить термином «правила языка», то есть конструировать искусственные языки, заменяющие реальный язык науки. Или, как пишет Карнап, это — понятие решений относительно способов конструирования языка, оцениваемых исключительно с точки зрения их эффективности или целесообразности. Поэтому в логике, по его мнению, нет морали. Каждый волен построить свою собственную логику, то есть свою собственную форму языка, которую он желает. Этот конвенционализм Карнапа ничего общего не имеет с возможностью применения со-

зданных формальных систем к процессу логического анализа знания. Если раньше он ратовал за такой логический анализ, который должен абстрагироваться от смысла, значения языковых выражений, то ныне он «эволюционировал» в сторону «содержательно-го» анализа языка. Однако последний не выходит за рамки анализа правил языка и формально-логического аппарата. Таким образом, теория познания у современных позитивистов растворяется в формально-логическом анализе, не выходя за рамки его структуры.

Далее, если неотомисты определяют мышление и его формы в духе томизма, в соответствии с мистико-религиозным мировоззрением, отрывая познание человека от человека, то экзистенциалисты все «открывают» в человеке, «во имя человека». В их понимании человек может понять лишь человеческий способ существования посредством интуитивного понимания, порождаемого страданием и другим видом глубоко волнующего опыта. Причем под «человеческим способом существования» они понимают не анализ действительности человека, а лишь некоторые общие, прежде всего психологические, к тому же неизменные черты человека, такие, как «человеческая неопределенность», «исключительность» и «свобода».

Диалектика. Ваш обзор взглядов современных буржуазных философов на проблему интересен, но в них ничего оригинального нет, а есть повторение азов субъективно и объективно идеалистических, натуралистических, вульгарно-метафизических концепций прошлого. И более того, если философы в прошлом искренне стремились к истине, так или иначе каждый «в меру своих сил и возможностей» вносил известный вклад в историческое подготовление возникновения научного решения проблемы, то этого нельзя сказать о современных философах, которые в эпоху бурных социальных процессов и научного мировоззрения повторяют давно избитые и опровергнутые наукой и практикой идеалистические положения. Современный идеализм в отличие от старого характеризуется своим тлетворным влиянием на науку и практику. Во-первых, если идеализм в прошлом содержал в себе рациональные зерна, то современный идеализм почти не содержит их в себе и старается очистить себя от разумного. Он характеризуется иррационализмом и алогизмом. Во-вторых, одно дело идеализм, когда не было научного мировоззрения, другое дело идеализм теперь, когда возникло, пустило глубокие корни во всех сферах человеческой деятельности и успешно развивается научное мировоззрение, ибо ясно само по себе, возврат от достигнутого уровня научной теории познания к старым идеалистическим учениям,

хотя и подпавленным, как старый фасад, есть такой же реакционный акт, как возврат от современной научной химии к алхимии.

Софистика. В чем же, в таком случае, состоит научное решение проблемы, по-Вашему?

Диалектика. Прежде всего следует подчеркнуть, что научное решение проблемы возможно только в том случае, если оно будет четким и определенным отрицанием формально-логического ее решения.

Софистика. По-Вашему, выходит, что формально-логическое решение проблемы носит антинаучный характер. А ведь именно формальная логика разработала эту и другие формы мышления. Ей принадлежит и приоритет в исследовании форм мышления.

Диалектика. Мы так не утверждаем. Научное решение содержит в себе завоевания формальной логики в снятом виде, а не отбрасывает их.

Софистика. В таком случае, нужно показать, в чем отличие между формально-логическим и «научным» решением проблемы.

Диалектика. Отличие не внешнее, а принципиальное. Чтобы убедиться в этом, остановимся, хотя бы вкратце, на этом отличии. Прежде всего подчеркнем то общее, которое имеется между двумя решениями. Оба решения совпадают в том, что формы мышления рассматривают как логические формы отражения действительности. Оба решения рассматривают понятие как фиксацию общего и т. д. Короче говоря, они совпадают во внешних моментах, по внешним соображениям. Однако они и принципиально отличаются друг от друга. В чем же заключается это отличие?

I. Прежде всего в самой дефиниции понятия. Под понятием мы понимаем результат обобщения и фиксацию сущности, конкретно-всеобщей природы в процессе и на основе практики. В нем резюмируется определенная совокупность значений предметов. Поэтому оно составляет новый этап, узловой пункт познания, восхождения. Формальная же логика под понятием понимает мысль — результат обобщения некоторого класса явлений по их общим и специфическим признакам, не выражая их сущности.

Софистика. Но ведь формально-логическое понятие также есть фиксация, выражение сущности.

Диалектика. Истина состоит в том, что претензии формальной логики на то, что в ее интерпретации понятие есть отражение также сущности предметов, несостоятельны, поскольку сущность противоречива, а формальная логика боится противоречивости мышления, как и природа — пустоты. Поэтому, хотя вся современная формально-логическая литература определяет понятие как отражение сущности, то она концы с концами не сводит, так как

это утверждение отвергается ею тотчас же, как только она начинает очищать и сущность и мышление от сущности, то есть от противоречности. Сущность без сущности — вот что хочет иметь формальная логика. Поэтому понятие, выражающее общее, но не выражающее сущности, есть рассудочное представление, а вовсе не понятие.

II. Формальная логика при определении понятия исходит из закона обратного отношения объема и содержания понятия. Она образует более богатые содержанием понятия путем исключения признаков, присущих данным группам предметов. Поэтому рост объема при обобщении вызывает обеднение содержания, — чем более общее понятие, тем оно беднее содержанием. Хотя такое понимание понятия в определенных узких пределах правомерно, но оно недостаточно, так как оно не интересуется качественной стороной дела, не интересуется глубиной процесса отражения. Конечно, всякое понятие фиксирует общее. Но формальная логика изолирует общее и единичное друг от друга. Согласно ей единичные признаки — это признаки данного предмета, а общие признаки — это признаки одинаковые для многих предметов. Поскольку же в понятие она включает лишь общие признаки и не включает особенных и единичных признаков, она не рассматривает общее и единичное как тождество противоположностей, игнорирует их взаимодействие. Понятие как общее, абстрагируемое от многообразия единичных явлений, как пустое тождество, как сумма общих признаков — такое понятие есть безжизненная мертвая абстракция. Узость, ограниченность формально-логического закона обратного отношения объема и содержания понятия очевидна. Согласно формальной логике единичное принимается за нечто целостное, богатое своим содержанием и потому конкретное. Общее же есть всего лишь тощая абстракция от единичного. Отсюда все многообразие, данное в живом созерцании, безоговорочно объявляется конкретным, а все, что имеет отношение к мышлению — абстрактным. Истинным считается обратное соотношение объема и содержания понятия. Кажется естественным с увеличением объема понятия упускать видовые признаки. Согласно же науке о мышлении, наоборот, всеобщее признается *конкретным* как в объективной действительности, так и в его отражении в мышлении. Всеобщность есть *тотальность* (целокупность) понятия. Единичное же есть всего лишь абстрактный момент подлинно всеобщего, лишь одна из форм его проявления. Мышление называется абстрактным, поскольку оно движется путем абстракций, по своему же содержанию развитое теоретическое мышление конкретно. Но тогда истинным признается лишь прямое соотношение между объемом и содержанием понятия. Увеличение объема понятия одно-

временно является и обогащением его содержания новыми определениями особенного и единичного.

Софистика. Если формальная логика рассматривает содержание понятия как сумму общих признаков, то она не может не прийти к выводу об обратной зависимости между объемом и содержанием. Кроме того, это достигается путем добавления или отбрасывания тех или иных признаков.

Диалектика. Это так. Но в том-то и дело, что связь между объемом и содержанием понятия не механическая, к тому же необратная. Развитие науки не оставляет сомнения в том, что рост степени обобщения не приводит к обеднению содержания понятия, а, напротив, к его обогащению, развитию. Верно, понятие есть фиксация общего. Но оно не сумма тождественных признаков, не такое общее, которое сводится к этой сумме, а есть единство общего и единичного. Оно фиксирует не просто тождественные признаки, а существенные признаки, сущность единичных предметов,— фиксирует такое общее, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного. Всеобщее не есть опускание признаков единичных явлений, а есть их удержание. Оно воплощает в себе богатство единичного, особенного. При этом общее и единичное понятием схватывается как тождество противоположностей. Отсюда ясно, что понятие, отражающее сущность большего количества единичных предметов, является более содержательным, конкретным, чем понятие, отражающее общие признаки меньшего количества предметов. Поэтому самыми богатыми, содержательными и конкретными понятиями являются предельно общие принципы, законы и категории, поскольку они выражают существенные связи и черты всех без исключения явлений материальной и идеальной сфер. Именно это имел в виду Энгельс, когда писал: «Общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный «конкретный» пример этого»⁵.

Софистика. Ваши абстрактные рассуждения не убедительны, ибо не подтверждаются фактами, примерами.

Диалектика. Проиллюстрируем сказанное на понятии материи. Оно есть предельно общее понятие, то есть есть обобщение всех без исключения реальных, объективных вещей, предметов и явлений. Бесконечное их множество обобщается и выражается общим понятием материи. Но это общее содержит в себе богатство каждого единичного явления. Если категория материи в начале нашего диалога выступала как исходная абстракция, выражающая собою тощее, бедное содержанием знание: быть независимо от сознания, то все последующее исследование, есть не что иное как моди-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 537.

фикации, развертывание, обогащение этой категории, которая по мере восхождения стала конкретнее, содержательнее, вобрав в себя все богатство всех категорий и принципов, развертываясь от начала исследования до конца, она стала узловым пунктом, верховным судьей, организующим и господствующим началом в движении мысли по материалу. Бесконечные единичные вещи, явления и т. д. и их общее выражение в понятии материи составляют единство тождества и различия. Общее и единичное тождественны и одновременно различны. Отношение между тождеством и различием есть противоречие. Последнее обнаруживает себя в том простом факте, что понятие материи не может быть однозначным выражением единичного явления, поскольку оно абстрагировано от множества подобных единичных явлений, имеющих свои специфические особенности. Оно, следовательно, отражает противоречивую связь общего и единичного. В познании нужно учитывать как тождество общего и единичного, так и их различие, нужно «конкретизировать» общее в единичном. Общее понятие, являясь итогом исследования более обширного класса объектов, более содержательно, включает в себя большее богатство. Так, например, понятие «социализм» ныне более содержательное понятие, чем в 1917 году; понятия «пространство» и «время» более содержательные понятия в теории относительности, чем в классической механике. Те понятия, которые были «целыми», теперь стали элементами внутри нового, более широкого понятия. Следовательно, расширение объема понятия есть не что иное как обогащение его содержания. И, напротив, сужение объема приводит к обеднению содержания понятия.

III. Поскольку понятие есть сгусток, сокращение многообразного и различного, то оно внутри себя имеет определенную структуру, в снятом, переплавленном виде содержит в себе множество определений. Однако эти определения и противоположности равны и не равны, тождественны и различны. Но поскольку формальная логика не интересуется сущностью и под понятием понимает набор признаков, то она дает тем самым возможность игнорировать тождество и различие, смешивать различные определения, решающие и нерешающие, первостепенные и второстепенные и т. д. Если научное познание восходит к сущности, вычленяет, оттеняет, подчеркивает ее, не игнорируя других моментов, то формальная логика растворяет сущность, главное, решающее в массе второстепенных элементов. Так, например, понятие человек выражает ряд определений: способность производить орудия труда и материальные блага, иметь сознание, обладать речью и т. д. Из этих определений понятия «человек» мы подчеркиваем решающее из них, а именно: «производить орудия труда и материальные бла-

га». Формальная же логика выделяет не эту сущность, а что угодно, даже психологические функции человека. Мы из ряда определений понятия «класс» выделяем и подчеркиваем главное из них: «отношение к средствам производства», из понятия «империализм» — монополию и т. д. Формальная же логика, игнорируя роль и значение этих решающих определений, выхватывает второстепенное (безразлично какое), лишь бы постулировать бездоказательно, без научной аргументации и образовать свой «понятия». А это все имеет место потому, что формальная логика не интересуется ни содержанием, ни сущностью, потому она формальна со всех точек зрения.

IV. Формальная логика форму мышления понимает только как вид, единицу мышления, совершенно отвлекаясь от содержания. Она не углубляется во внутрь и не видит того, что сама эта форма содержательна, существенна, что она в себе имеет форму-структуру, способ взаимосвязи сторон, элементов и свое содержание. Мы же исходим из того, что каждое понятие есть единство многообразного, единичного, отдельного и общего. Следовательно, всякое понятие есть единство противоположностей. Всякое понятие есть тотальность, конкретность и внутри себя структурно, дифференцировано на различные элементы. Следовательно, это такая форма, которая оформлена и содержательна.

Софистика. В формальной логике само понятие есть форма мышления, то есть под формой понятия понимается само понятие. Более того, это до такой степени общеизвестно и до такой степени прочно укоренилось в сознании, считается непоколебимым, что постановка вопроса об исследовании внутренней формы понятия может действительно вызвать удивление.

Диалектика. Безусловно, такое удивление имеет основание в рассудке. Поскольку мы говорим, что «формами мышления являются понятие, суждение и умозаключение», то каждое из них и есть форма. Но коль скоро это так, форма заранее дана, то остается брать ее как данную. Поэтому случилось так, что даже не ставили вопроса о внутренней форме понятия. Но этот недостаток рано или поздно будет преодолен и исследование внутренней формы понятия займет умы наших философов.

Очевидно, удивление должно вызвать не то, что ставится вопрос о внутренней форме понятия, а другое — то, что он до сих пор не ставился. Мы ставим этот вопрос и по мере возможности, по ходу дальнейшего его изложения, попытаемся выразить свое отношение к нему.

Софистика. Что же из себя представляет эта внутренняя форма? Как это похоже на аристотелевскую «форму форм»!

Диалектика. Отнюдь нет! Не задаваясь целью в данной связи

пытаться давать сколько-нибудь удовлетворительное исследование внутренней формы, тем не менее следует сделать ряд замечаний в этом направлении. Во-первых, «форма мышления» выступает как единичное, выражающее общее, как способ существования мышления, подобно тому, как данный предмет выступает как форма материи, то есть речь в данном случае идет о другом аспекте категории формы, о форме — единичном, выражающем общее; во-вторых, эта «форма» — единичное имеет внутри себя как содержание, так и форму — внутреннюю организацию содержания, — следовательно, эта «форма» не есть внутренняя организация содержания, а есть единство содержания и формы, то есть единое явление; в-третьих, сама эта «форма» невозможна, немыслима без внутренней формы, точно так же любая вещь немыслима без своей внутренней формы. Поэтому отрицать внутреннюю форму такой «формы» — понятия, значит отрицать само понятие. Видимо, «камнем» преткновения здесь является смещение различных аспектов и содержания, и формы.

Содержание понятия есть единство многообразного, тождество в различии и различие в тождестве. Нет такого понятия, которое включало бы в себя только один какой-нибудь признак. Оно есть единство одного и многого. Любое понятие всегда включает ряд признаков, во всяком случае, три группы признаков: единичную группу признаков, особенную и общую. Но если содержание понятия трехчленно, включает в себе три группы признаков, то как признаки внутри каждой группы, так и сами группы признаков должны быть особым образом взаимосвязаны и взаимозависимы. Иначе понятие не может быть образовано. Механическая сумма признаков не образует содержания понятия. Как и любая вещь, понятие внутренне строго и закономерно ограничено. И вот закон внутренней организации содержания понятия или способ внутренней взаимосвязи признаков или определений его содержания и есть внутренняя форма понятия.

V. Формальная логика отвергает противоречивость мышления.

Софистика. Общеизвестно, что современная формальная логика не отвергает противоречия, а исходит из того, что они бывают «логическими» и «диалектическими». Под «логическими» в основном понимаем ошибку, путаницу в мысли в результате недостаточного знания вопроса, неправильного употребления терминов и т. д., а под «диалектическими» — действительные противоречия.

Диалектика. Такое деление противоречий, возможно, оправдывалось тем, что формальная логика, запрещающая противоречие в формах мышления, выдавалась за единственную. Но теперь, когда прекратились споры по поводу ее места и роли и она при-

знана низшей, элементарной, а диалектическая логика — высшей, сложной, под «логическим противоречием» более невозможно понимать путаницу, ошибку. В противном случае, если «логическое» противоречие — путаница, а в диалектической логике главным ее содержанием является как раз противоречивость, то выходит, что диалектическая логика есть путаница, ошибка. Между тем логическое противоречие такое же жизненное противоречие, как и любое.

Софистика. Формальная логика не отрицает противоречий действительности, а запрещает противоречия в мышлении. Поэтому, если мы говорим, что все ее законы, принципы, правила основаны на запрете противоречия в мышлении, то под этим мы понимаем чистоту мышления, его безошибочность.

Диалектика. Формальная логика продолжает под противоречием в мышлении понимать путаницу, ошибку, поэтому создается впечатление, что формальная логика, изгоняя противоречие из мышления, ратует за чистоту, ясность мышления, а кто доказывает противоречивость мышления, ратует за неясность мышления. Во-первых, мы решительно против всякой путаницы в мышлении. Мы за его ясность, чистоту, строгость, системность и т. д.; во-вторых, здесь имеет место нечеткость словоупотребления, подмена одного значения другим; в-третьих, «ясным», «чистым» мышление может быть только в одном случае: если наше понимание мышления совпадает с его сущностью, с его действительной природой и, напротив, если же наше понимание мышления не совпадает с его природой, то оно не может быть ни «ясным», ни «чистым»; в-четвертых, наше мышление есть процесс, подчиняющийся всеобщим законам и принципам, следовательно, оно в действительности есть противоречивый процесс. Следовательно, та наука о мышлении истинна, которая совпадает с ним, отражает его так, как оно есть в себе. Более того. Если мы все согласны, что истина есть адекватное совпадение мысли с предметом, а объективный предмет противоречив, то и мысль должна быть противоречива. В противном случае не может быть речи об истине. Следовательно, исследование противоречий мышления, понятия должно быть главным содержанием науки о мышлении. И, напротив, та наука, которая «очищает» мышление от его сущности, его противоречивости, рассматривает его как бессодержательную пустую абстракцию, есть все, что угодно, только не наука о действительном мышлении. Поэтому совершенно очевидно, что формальная логика не наука о мышлении как таковом, а наука о внешних устойчивых формах мышления, и только в этих пределах она и истинна и полезна.

Софистика. Что такое, по-Вашему, противоречия, противоречивость мышления?

Диалектика. Повторяем, сущность мышления — его противоречивость. Как мышлению в целом, так и каждой его форме внутренне присущи всевозможные и многообразные противоречия, рассмотренные ранее и не рассмотренные. Это те же противоречия, что и между единичным и общим, количеством и качеством, тождеством и различием, сущностью и явлением, содержанием и формой, устойчивостью и изменчивостью, необходимостью и случайностью, историческим и логическим, абстрактным и конкретным, внешним и внутренним и т. д. и т. п. Да иначе и не может быть, ибо мышление есть процесс отражения объективного мира. Последний есть противоречивый процесс, следовательно, его истинное отражение может и должно быть противоречивым. В противном случае не было бы совпадения бытия и мышления, то есть не было бы никакого истинного отражения. Взять, к примеру, хотя бы противоречие между содержанием и формой понятия. Оно обусловлено природой обеих этих сторон. Содержание более подвижная, ведущая, решающая сторона, а форма менее подвижная, ведомая, подчиненная содержанию сторона. Противоречие между этими двумя сторонами является источником изменения, развития понятия. Поскольку содержание играет ведущую роль, а форма играет подчиненную роль, то содержание в конечном итоге побеждает отжившую форму, обуславливает возникновение новой формы и т. д. Это противоречие обуславливает диалектический характер как отдельных наук, так и всего познания и логики в целом.

Но чтобы правильно понять это противоречие, нужно исходить из единства устойчивости и изменчивости понятия, поскольку изменчивость выражает собою содержание, а устойчивость — форму. Как уже говорили, формальная логика сознательно берет одну сторону — устойчивость формы. Такова ее специфика. Она этим выполняет свою узкую задачу. В этой связи нужно сказать, что мы же исходим из единства устойчивости и изменчивости, следовательно, мы вовсе не отвергаем формальную логику, а рассматриваем ее как момент.

Более того. Мы категорически отвергаем антинаучные взгляды современных буржуазных философов на понятие, одни из которых абсолютизируют изменчивость и отвергают устойчивость, другие — наоборот, абсолютизируют устойчивость и отвергают изменчивость. Для первой точки зрения характерен бергсонизм. Признавая изменчивость как мистическую деятельность, осуществлявшуюся в сознании, Бергсон, Джемс и другие отрицают возможность выразить изменчивость в понятии. По их мнению, разум способен отразить только прерывное и бессилён отразить изменчивость, развитие. Отсюда ими делается вывод, что понятия пригод-

ны лишь для узкопрактических целей и не имеют теоретического значения и т. д. — что означает на деле фактическое отрицание роли понятий.

Другая точка зрения приходит к тому же результату, только другим путем — путем абсолютизации устойчивости. Для этой точки зрения характерны различные разновидности неокантианства, отрицающие изменчивость сущности, действительности, но признающие понятие как устойчивую мертвую форму. Одна точка зрения отрицает понятие, другая — признает. Обе точки зрения, по-разному извращая действительность и природу понятия, сходятся на том, что отрывают стороны понятия друг от друга и объявляют, что изменяющаяся вещь и понятие об этой вещи ничего общего между собою не имеют. Идеалистическое и метафизическое извращение понятия, как мы видели выше, присуще и другим разновидностям идеализма, в особенности логическому позитивизму.

Всякая попытка метафизического отрыва сторон понятия друг от друга антинаучна и исключает возможность познания понятия. Как и любая вещь в объективном мире есть единство устойчивости и изменчивости, так и отражающее ее понятие есть единство устойчивости и изменчивости. Ни устойчивость без изменчивости, ни изменчивость без устойчивости друг без друга немыслимы. Отношение между устойчивостью и изменчивостью есть противоречие, которое является внутренним импульсом, источником движения и развития как вещи, так и понятия. Поскольку объективные вещи по своей природе противоречивы, подвижны, переходят друг в друга и т. д., то отражающие их понятия также являются гибкими, подвижными, противоречивыми.

VI. Поскольку формальная логика абстрагируется от содержательного анализа мышления, рассматривает его со стороны его внешности, отвлекаясь от его сущности, противоречивости, то она вовсе не исследует его как процесс. Понятие, рассматриваемое ею как выражение суммы раз и навсегда данных, покоящихся признаков, не может изменяться и не есть процесс. Природа самого понятия, по меткому выражению И. Дицгена, трактуется старой логикой как «застывшая ледяная сосулька». Понятия в старой логике рассматриваются как нечто истинное лишь в своей изолированности и неподвижности, оторванности друг от друга. Мы же, напротив, признаем понятия истинными лишь в том случае, если они берутся в их конкретном единстве и взаимном переходе. Действительно, постигаемое мышлением конкретное целое есть единство противоположных моментов. Каждый единичный момент целого истинен не сам по себе, а лишь в своей связи с целым и внутри этого целого. Следовательно, каждый единичный дискретный

момент целого есть лишь отдельное звено или переход к целому и внутрь целого, его сущность. Поэтому и понятия должны рассматриваться как звенья постигаемого мышлением конкретного объекта действительности.

Далее. Как мышление, так и каждая его форма есть процесс; они изменчивы, и источником их изменчивости являются их противоречия. Когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а рассматривают в их историческом, соответственно логическом, процессе образования. Сущность понятия в его *изменчивости*, в его возникновении, развитии, обогащении, в его переходе, превращении друг в друга. Понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят в другое, переливают одно в другое.

Изменения понятия, как и всего процесса познания, обусловлены рядом факторов, но в конечном итоге, общественной практикой, потребностями развития материального производства. Разумеется, при этом не игнорируется факт относительной самостоятельности как в развитии познания, так и понятий. Последние, как говорилось, с одной стороны, являются результатом предшествующего познания, возникают как итог, вывод из предшествующей истории познания, а с другой — являются исходным пунктом познания, выражающим собой определенное состояние, уровень в развитии знания. Непосредственным источником изменений понятия является его внутренняя противоречивость. Изменения понятия, переход от одного понятия к другому в процессе познания или совершенствование; развитие, обогащение и т. д. происходит на основе противоречий.

Поскольку познание есть непрерывный процесс углубления, а понятия — его ступеньки, узлы, то непрерывным процессом является и изменение, углубление, усовершенствование, развитие понятий. Не было, нет и не может быть понятий, которые, возникнув однажды, не претерпевают тех или иных изменений.

Непрерывность процесса познания вносит непрерывные изменения в содержание понятия, которое углубляется, расширяется, обогащается, уточняется, становится более конкретным. С другой стороны, с каждым изменением его внутренняя организация, форма не изменяется. Она сохраняет свою устойчивость, продолжая воплощать новые признаки содержания. Но она не может беспрестанно воплощать непрерывные изменения содержания. Во взаимоотношениях содержания и формы понятия наступает такой момент, когда «разросшееся» содержание больше не «вмещается» в ставшую узкой форму и вызывает коренное изменение формы.

Весь прогрессивный процесс познания обусловлен непрерывной, непрекращающейся борьбой содержания с формой за «гармонию», за соответствие. И как бы форма ни соответствовала содержанию, со временем на основе изменения содержания перестает соответствовать ему, и в результате сама подвергается изменению.

Изменение формы понятия может выражаться: в возникновении нового понятия и исчезновении старого; в приспособлении формы к потребностям нового содержания; в расширении аспектов формы, когда одна и та же форма выражает различные содержания — в зависимости от связей и отношений понятия.

Софистика. У Вас опять общие рассуждения без фактов, иллюстраций, подтверждающих Ваши рассуждения.

Диалектика. Пожалуйста, проиллюстрируем изменения формы понятия в результате изменения его содержания на примерах из истории развития различных наук.

Все научные понятия, которыми ныне оперируют в любой области знания, возникли в определенных исторических условиях, в результате непрерывного процесса познания, в результате изменений содержания понятий. И здесь, в истории мысли, развитие шло от содержания к содержанию путем сбрасывания старой формы и утверждения новой.

В истории развития физики и химии одно время, например, господствовали такие понятия, как «флогистон», «теплород», «электрическая жидкость» и т. д. Однако развитие этих наук внесло глубокие изменения в содержание наших знаний об окружающем мире, вскрыло вопиющее несоответствие отжившей формы новому содержанию, привело к сбрасыванию формы и замене этих понятий новыми, адекватно отражающими действительные результаты.

Новое содержание познания для своего проявления требует нового понятия. Рассмотрим в качестве примера возникновение одного из основных понятий физики — понятия энергии. Это понятие появилось в физике лишь в середине XIX в. Оно формировалось в ходе подготовки и открытия закона сохранения и превращения энергии. Известно, что этот закон первоначально формулировался как закон сохранения и превращения сил природы, что способствовало его механическому толкованию. Однако действительное содержание нового закона выходило за рамки механических представлений о движении материи.

Содержание вновь открытого закона настойчиво требовало создания нового понятия, которое более адекватно выражало бы это содержание. Однако вплоть до 1860 г. физики все еще связывали новое содержание закона со старым термином «сила», который не мог отразить богатство взаимопревращений качественно

различных явлений природы. Освобождение от устаревшего термина идет таким путем, что сначала в этот старый термин вкладывается новое содержание. Затем обнаруживается, что это новое содержание настолько противоречит старому, установившемуся понятию о «силах» как внешних агентах, что для дальнейшего развития этого нового содержания требуется изменение формы. Революция в физике, начавшаяся с конца прошлого века, вызвала к жизни множество новых понятий, глубоко и верно отражающих явления микро- и макромира, выражающих собою достигнутый, более высокий уровень развития познания материи.

Можно подробно останавливаться на истории возникновения тех или иных понятий, скажем, «империализм», «неравномерность развития капитализма», «нэп», «мировая система социализма», «распад колониальной системы капитализма» и т. д. или «элементарные частицы», «спутник», «атомная электростанция» и т. д. Однако каковы бы ни были подробности, одно безусловно: новое понятие возникает из потребностей приведения формы в соответствие с содержанием понятия.

Противоречие между содержанием и формой понятия может разрешаться не только путем сбрасывания старой отжившей формы и возникновения новой, соответствующей, но и путем одновременного сочетания старой формы и возникшей новой. Поскольку разросшееся содержание не «вмещается» в старой форме и «ищет» себе соответствующую форму, то оно может воплощаться в старой форме лишь отдельными сторонами, признаками или элементами, в то время как его другие, новые, не вмещающиеся другие в ней признаки или элементы порождают новую форму и воплощаются в ней. Иными словами, старое понятие не отбрасывается, а сохраняется в снятом виде. При этом уточняются, определяются его границы, круг тех признаков, которые оно выражает. Вместе с тем новые результаты, не вмещающиеся в форму старого понятия, воплощаются в форму новых понятий. Познание восходит от абстрактного к конкретному, от односторонности к всесторонности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка, выражаясь во все новых и новых понятиях, сохраняя и унося с собой вперед старые научные, верные, но ставшие узкими, понятия в снятом виде. Так, например, понятие, односторонне выражающее противоречивую сущность объекта, выражающее долю истины, а не полную в ходе накопления новых данных науки и практики, дополняется своей противоположностью и сливается с ней в высшем единстве. Так, если до недавнего времени одни физики утверждали, что «свет есть движение корпускул», а другие — «свет движение волн», то теперь эти споры прекратились, ибо выяснилось, что свет — и то и другое и возник-

ло новое понятие «свет есть корпускулярно-волновой процесс».

Развитие науки непрерывно, мало-помалу, шаг за шагом вносило одно изменение за другим в содержание всех наук и всех понятий. Возьмем классическую механику. Изменения в ней продолжались до тех пор, пока старая форма не показала свою узость. Все попытки ученых воплощать эти изменения — новые результаты — в старую, ставшую «узкой» форму, объяснить их старыми понятиями — кроме разочарований, отступлений и колебаний ничего другого им не давали. Сколько лет борьбы и труда стоило науке, пока, наконец, не были образованы новые формы, адекватно выражающие достигнутые результаты исследования. Но при этом возникновение понятий новой, квантовой механики не означало отбрасывания понятий старой классической механики. Понятия последней оказались неверными вне своих узких пределов, но они верны, имеют свое научное значение, выполняют свою роль в своих пределах.

Вообще в науке, в силу специфических законов ее развития, имеет место «экстраполяция» старых понятий на новые явления, попытки объяснить новые незнакомые явления с помощью старых, уже известных, выработанных и «испытанных» средств, понятий. Это и понятно. Процесс познания невозможен без строгого соблюдения преемственности. Его законом развития является, как уже говорили, восхождение от абстрактного к конкретному, от низшей ступени к высшей и т. д. При этом высшая ступень подготавливается низшей, точнее, развитие низшей есть ее самоотрицание, переход в высшую ступень и вместе с тем ее сохранение в этой высшей ступени в снятом виде.

Но понятия, выражающие высшую ступень, не имеются в готовом виде до нее, не даны заранее до этой ступени. Их образование и логически и исторически совпадает с образованием самой высшей ступени. Это один и тот же процесс. Поскольку же любое, каждое изменение содержания того или иного понятия в то же время не приводит к ломке формы или к коренному ее изменению и к возникновению новой, а воплощается в существующей старой форме, то это и означает попытку объяснить новые явления старыми понятиями. Поэтому попытка объяснить новые явления старыми средствами познания не «психологический» недостаток ученого, а закон познания.

Прежде чем создавать новые понятия и для того, чтобы создавать новые понятия, наука должна оперировать всеми теми средствами, которые имеются в ее распоряжении. Давать новые понятия до новой ступени познания — то же самое, что «давать науку до науки». Конечно, можно и должно говорить о характере, длительности, степени, пределах применения старых средств для объ-

яснения новых результатов. Но что такое применение неизбежно и вытекает из специфических законов познания, в частности, из противоречия между содержанием и формой понятия — в этом нет сомнения.

Разрешение противоречия между содержанием и формой понятия и другим путем — путем уточнения, углубления старых понятий так же свидетельствует об этом. Суть этого способа разрешения указанного противоречия состоит в том, что по мере развития познания старые понятия не исчезают, а продолжают воплощать новое содержание, наполняются новым содержанием. При этом от старого понятия сохраняется его внешняя форма, в то время как внутренняя форма понятия претерпевает изменения, перестраивается, приспосабливается к потребностям нового содержания.

Можно привести великое множество примеров такого рода. Ограничимся указанием на основные категории философии. Так, например, понятие «материя» существует издревле. Возникнув однажды, это понятие претерпевало непрерывные изменения на протяжении всей своей истории как по своему содержанию, так и по внутренней форме. Причем каждый философ исходил из предшествующего понимания этого понятия, вносил свои новые моменты в это понятие, так или иначе изменял его.

Внешняя форма философских категорий и ряда других понятий очень живуча и способна долго сохранять свою устойчивость, поскольку существенно не препятствует развитию познания, то есть изменению содержания и внутренней формы понятий. Основные философские категории, возникшие в разные эпохи истории философии, сохраняются и сегодня, наполнившись новым содержанием. И если бы их внешняя форма стала бы существенно препятствовать дальнейшему развитию содержания философской мысли, то она была бы отброшена этим развитием и на месте старых категорий возникали бы новые. Но поскольку внешняя форма не мешает развитию, то такой необходимости и не возникает.

Из сказанного следует, что развитие философской мысли происходило внутри данной внешней формы по законам единоборства между содержанием и внутренней формой понятия. Это в полной мере относится и к понятиям различных наук, которые с дальнейшим развитием этих наук не исчезают, а наполняются новым содержанием, продолжая выполнять свою роль орудия познания и практики.

Разрешение противоречия между содержанием и формой понятия осуществляется и путем расширения, увеличения его *аспектов*. Чем это обусловлено? Как законами познания, так и наличием у явления (и понятия) множества внутренних и внешних свя-

зей. Непрерывные изменения содержания понятия означают углубление отражения, расширение охвата отражаемых существенных признаков, порождающее новые, различные аспекты понятия. Понятие как бы модифицируется, приобретает качественно новые стороны, оттенки, свойства, черты и в этом смысле становясь богаче, конкретнее, «плотнее». При этом внутренняя форма становится гибкой, воплощая различные стороны содержания. Следует особо подчеркнуть, что для познания имеет чрезвычайно важное значение учет различных аспектов, связей, отношений понятия, без чего нарушается принцип конкретности понятия. Таким образом, гибкость, подвижность, изменчивость понятий, их модификации и т. д. составляют сущность мышления, его жизнеспособность.

Итак, познание понятия должно выражать совпадение, соответствие мысли с предметом. Возникновение новых понятий и исчезновение старых, наполнение старых понятий новым содержанием и их уточнение, конкретизация понятий и их модификация; увеличение их аспектов и т. д. составляют главное содержание науки о мышлении вообще, о понятии в частности. Формальная логика от всего этого далека.

Как мы выяснили, понятие есть тождество противоположностей, есть противоречие. Разрешение противоречия между формой и содержанием понятия есть переход его в *суждение*. В формальной логике суждение есть повествовательное предложение, в котором нечто утверждается или отрицается.

Софистика. Непонятно, почему суждение рассматривается после понятия.

В последовательности исследования понятия, суждения и умозаключения существуют разные точки зрения. Одни авторы считают, что прежде чем исследовать понятие, нужно исследовать суждение и умозаключение. Так, например, Кант полагал, что понятие возникает только в результате суждений и умозаключений, поэтому оно должно быть исследуемо после них. Гегель, напротив, считал, что суждение и умозаключение есть не что иное как развертывание, модификации самого понятия. Следовательно, исследование этих форм начинается с понятия. К. Д. Ушинский считал, что суждение есть не более как то же понятие, но еще в процессе своего образования. Окончательное суждение превращается в понятие. Из понятия и особенного представления, или из двух и более понятий может опять выйти суждение; но как окончательное, оно опять превратится в понятие и выразится одним словом. Есть и такие авторы, которые считают, что та или иная из рассматриваемых форм мышления исторически предшествовала другой, и на этой основе обосновывают свое мнение о последовательности их исследования.

Диалектика. Такая точка зрения не выдерживает научной критики, ибо эти формы как исторически, так и логически друг без друга невозможны. Более того, она чревата бесконечным схоластическим спором, вроде того: «что раньше, курица или яйцо»? Последовательность исследования форм мышления у Гегеля истинна, поскольку она совпадает с восхождением самого мышления: понятие есть выражение сущности, суждение есть развертывание понятия, его модификации, умозаключение — выводное знание, новое понятие на новой основе.

Софистика. Допустим, так. Но чем отличается Ваше понимание суждения от формально-логического?

Диалектика. Ответ на Ваш вопрос облегчается тем, что на него он дан по существу выше. Следует подчеркнуть, что подобно тому, как понятие интерпретируется нами и формальной логикой принципиально по-разному, на разной основе, так и суждение. Вкратце перечислим признаки этого отличия.

I. Формальная логика при анализе суждения не исходит из сущности, не интересуется содержанием суждения в то время, как мы исследуем его, не игнорируем сущности, а исходим из нее.

II. Формальная логика при построении суждения также исходит из закона обратного отношения содержания и объема понятия, в то время как мы исходим из прямого отношения содержания и объема. Для формальной логики общее есть общее сходство или общий признак. Для нас общее есть единство многообразного, то есть такое, которое содержит в себе богатство единичного, особенного.

III. Формальная логика изгоняет противоречия из суждения, не допускает тождества противоположностей в нем, утверждение или отрицание противоположностей в одном и том же отношении. В нашем же понимании, суждение есть противоречивый процесс. Оно есть расщепление понятия самим собой, следовательно, содержит в себе такие же характеристики, что и понятие. Вместе с тем оно богаче понятия, поскольку содержит в себе характеристики ряда понятий в снятом виде. Понятия в сумме не дают суждения. Они должны быть приведены в движение, связаны друг с другом. Суждение и есть форма движения, связи понятий, позволяющая раскрыть их содержание. Суждение прежде всего есть единство взаимосвязанных и взаимозависимых понятий, в силу логической необходимости приведенных в движение для того, чтобы добыть новое знание. Оно не внешнее раскрытие содержания понятия, а внутренне необходимое его развертывание, которое означает новое, высшее по сравнению с понятием знание, новый высший этап углубления мышления. Именно потому, что понятия вступают в какую-то определенную взаимосвязь между собой,

образуя тем самым суждение, они перестают быть понятиями как самостоятельными целостными образованиями и превращаются в *элементы* суждения — в субъект и предикат. Суждение выступает как единство взаимосвязанных и взаимозависимых понятий в снятом виде. Субъект и предикат качественно отличаются не только от понятий, которые в них превратились, но и друг от друга. Эти отличия заключаются в их месте и роли, функциях по отношению друг к другу и к целостному образованию — к суждению. Тот факт, что тождество содержит в себе различие, выражен в каждом предложении, где сказуемое по необходимости отлично от подлежащего. «Лилия есть растение, роза красна» — здесь либо в подлежащем, либо в сказуемом имеется нечто такое, что не покрывается сказуемым или подлежащим. Само собой разумеется, что *тождество с собой* уже с самого начала имеет своим необходимым дополнением отличие от всего другого. Тождество субъекта и предиката не есть абстрактное. Оно заключает в себе различие. Субъект в этом единстве обладает еще многими другими определенностями, которыми не обладает предикат. С другой стороны, в предикате находится в снятом виде богатство *всех* субъектов, обладающих данным определением. Следовательно, в нем вскрывается *всеобщность*. В субъекте же, наоборот, налицо единичность. Отношение между всеобщим и единичным есть противоречие. Именно в такой противоречивости соединение, которое может быть высказано лишь как некое *беспокойство несовместимых вместе определений*, как некое движение. «Беспокойство несовместимости» появляется сразу же с разворачиванием понятия в суждение и не снимается на протяжении всего движения суждения от единичности до всеобщности. Противоречие между общим и единичным в понятии при его разворачивании, расщеплении переросло в противоречие между предикатом и субъектом. Положения в понятии как внутренние, они в суждении становятся внешними по форме. Таким образом, переход понятия в суждение не снимает противоречивости в мышлении, а, наоборот, выражает эту противоречивость более рельефно, выражая собою противоречивый характер мышления.

IV. Формальная логика суждение понимает как высказывание, — она интересуется тем, что лежит на поверхности и не видит того, что, поскольку противоположности находятся в единстве, проникают друг в друга, переходят друг в друга, постольку в суждении, наряду с видимой внешней стороной, есть другая, противоположная ей, невидимая, неформулируемая, глубинная его сторона. Она не видит того, что всякое суждение подобно айсбергу, надводная часть которого видна, а «подводная», большая часть не видна. А ведь без «подводной» части суждение — бессмыслица.

Она совершенно не интересуется этой подводной частью, и суждение понимает как такое высказывание, где внешним образом посредством (также формально понимаемой) связки соединены два понятия. А между тем суждение является вместе с тем формой движения мысли, формой перехода к новому, более глубокому знанию, способом проявления результатов движения мысли внутри одного понятия. Что же касается предложения, то оно рассматривается лишь как внешнее речевое сокращенное оформление суждения. Поскольку суждение есть тождество противоположностей как в себе, так и вне себя, то исключительно важное значение приобретает вопрос о *подразумеваемом*. Положение «некоторые люди счастливы» заключает в себе свое противоположное положение: «некоторые люди несчастливы», которое подразумевается в одном и том же отношении. Утвердительное суждение заключает в себе скрытое отрицательное суждение относительно того же объекта суждения. В свою очередь, отрицательное суждение заключает в себе свою противоположность — скрытое утвердительное суждение. Таким образом, суждение всегда есть тождество противоположностей.

V. Формальная логика, абсолютизируя в суждениях внешнюю устойчивую сторону единства, тем самым исключает при их изучении изменчивую сторону. Формально-логические законы не разрешают в одно и то же время, в одном и том же отношении открывать в предмете противоречивые определения. А раз это так, то она не интересуется ни изменениями суждения, ни источником этих изменений. Но суждение без изменений не есть суждение, а скорее мертвая безжизненная абстракция.

Между тем главной закономерностью суждения является его изменчивость, его поступательность, которая реализуется не только в утвердительных, но и в отрицательных суждениях.

VI. Формальная логика, как сказано, суждения не развивает друг из друга, она не интересуется их субординацией и связывает их внешним образом. Однако нельзя довольствоваться тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом формы движения мышления, различные формы суждений. Наоборот, нужно выводить эти формы одну из другой, устанавливать между ними отношение субординации, а не координации, развивать более высшие формы из низлежащих.

Софистика. Как понять: «развивать более высшие формы из низлежащих»? Разве это возможно? Приведите доказательство.

Диалектика. Рассмотрим развитие друг из друга следующих видов суждения, которое дает Энгельс.

«1. Суждение наличного бытия — простейшая форма суждения, где о какой-нибудь единичной вещи высказывается, утверди-

тельно или отрицательно, какое-нибудь всеобщее свойство (положительное суждение: «роза красна»; отрицательное суждение: «роза не голубая»; бесконечное суждение: «роза не верблюду»).

2. Суждение рефлексии, где о субъекте высказывается некоторое относительное определение, некоторое отношение (сингулярное суждение: «этот человек смертен»; партикулярное суждение: «некоторые, многие люди смертны»; универсальное суждение: «все люди смертны», или «человек смертен»).

3. Суждение необходимости, где о субъекте высказывается его субстанциональная определенность (категорическое суждение: «роза есть растение»; гипотетическое суждение: «если солнце поднимается над горизонтом, то наступает день»; разделительное суждение: «чешуйчатник есть либо рыба, либо амфибия»).

4. Суждение понятия, где о субъекте высказывается, в какой мере он соответствует своей всеобщей природе, или, как выражается Гегель, своему понятию (ассерторическое суждение: «этот дом плох», проблематическое: «если дом устроен так-то и так-то, то он хорош»; аподиктическое: «дом, устроенный так-то и так-то, хорош»).

1-я группа — это единичное суждение, 2-я и 3-я — особенное суждение, 4-я — всеобщее суждение»⁶.

Энгельс иллюстрирует эти выводы на примере превращения форм движения. Суждение *единичности* или наличного бытия: «трение есть источник теплоты». Здесь регистрируется тот единичный факт, что трение производит теплоту. Суждение *особенности*: «всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту». Некоторая особая форма движения, а именно механическая, обнаружила свойство переходить при особых обстоятельствах (путем трения) в некоторую особую форму движения — в теплоту. Суждение *всеобщности*: «любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превращаться, прямо или косвенно, в любую другую форму движения». Это суждение понятия и притом аподиктическое — наивысшая форма суждения. Сама эта классификация выражает собою совпадение законов мышления и законов природы, которым вовсе не интересуется формальная логика.

VII. Наконец, формальная логика как все формы мышления, так и суждение рассматривает вне практики, произвольно. Но отрываясь от практики, формы мышления превращаются в нечто безжизненное и бессодержательное — априорные абстракции, выражающие не само мышление, как таковое, а его внешний

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 538.

устойчивый момент. В связи с этим нельзя согласиться с трактовкой формальной логики, формального критерия истины. Наука расшатывает старое представление о механичности мышления и подрывает иллюзию о получении новых знаний вне практики. Мышление, изолирующее себя от практики, есть схоластика. Как сами виды суждений, так и их взаимосвязь, взаимопереходы, изменения, диалектичность и т. д. — все это в конечном итоге обусловлено практикой и потребностями ее развития. Этим обусловлен и переход суждения в **умозаключение**.

Софистика. Общеизвестно, что основные формально-логические принципы умозаключения разработаны еще Аристотелем и развиты дальше стоиками и эпикурейцами. К тому же Аристотель более полно разработал теорию дедукции — учение о силлогизме, хотя он говорил и об индукции как об особом виде силлогизма. В его понимании умозаключение есть заключение из двух высказываний — посылок, которые содержат в себе утверждение о присущности или не присущности предиката субъекту. Учение о следующих четырех логических константах составляет содержание его силлогистики: «быть присуще всем», «не быть присуще ни одному», «быть присуще некоторым», «не быть присуще некоторым». Он силлогизм строит по принципу: «если *A* не присуще ни одному *B* и *B* присуще некоторым *V*, то *A* не присуще некоторым *V*». **Доказательство** в его понимании — это такой силлогизм, исходные начала которого необходимо истинны. Он все силлогизмы делит на три фигуры — по тому, каково положение общего для обеих посылок среднего термина *B* по отношению к крайним терминам *A* и *V*.

Диалектика. Хотя Аристотель разработал основные принципы формальной логики, тем не менее его логика связана с учением об истине, с теорией познания, а также с учением о бытии, ибо в его понимании логические формы есть и формы бытия. У него везде объективная логика смешивается с субъективной и так, что везде видна объективная, и нет сомнения в объективности познания.

В дальнейшем схоластика и поповщина берут у Аристотеля мертвое, а не живое, абсолютизируют это мертвое и, таким образом, придают учению великого философа однобокий искаженный и извращенный мистический характер.

В связи с возникновением и развитием капитализма и соответствующего научного материалистического мировоззрения возникает учение об индукции. Капитализм не смог бы победить феодализма и его идеологию без материалистического мировоззрения, без развития частных, в особенности естественных наук. Но частные науки на первоначальной стадии преимущественно могли быть лишь собирающими и описывающими, то есть они находились

вплоть до середины XIX в. на эмпирической стадии своего развития. На этом уровне необходимым методом научного познания мог быть индуктивный, поскольку он соответствовал этому эмпирическому уровню наук. С другой стороны, в интересах борьбы против схоластики, против ее абстрактно-догматического дедуктивного метода на первый план мог быть выдвинут только индуктивный метод, опирающийся на факты, на движение мысли от частных фактов к общему, к обобщению. Следовательно, возникновение и утверждение индуктивного метода было закономерным процессом. Уже Леонардо да Винчи и Галилео Галилей доказывают необходимость индуктивного метода, требуют тщательного изучения фактов, на основе чего возможно открытие закона природы. В их понимании истинное знание возможно на основе опыта и математики.

Более всесторонне и полно индуктивный метод разрабатывается Бэконом. Прежде всего он решительно выступает против схоластики, извратившей «Органон» Аристотеля, и противопоставляет ему свой «Новый органон», где обосновывает задачи науки и основы индуктивного метода. Всякая наука должна быть опытной. Необходимо применять рациональный метод к чувственным данным, главными условиями которого являются индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент. Следует извлекать не практику из практики и опыты из опытов, как это делают эмпирики, а причины и аксиомы из практики и опытов, из причин и аксиом — снова практику и опыты как верных истолкователей природы.

Бэкон считал, что материи изначально объективно свойственны неотъемлемые от материи первичные «формы», которые являются источником «природ» или «натур», то есть физических свойств тел. Главный предмет, который следует постоянно иметь в виду, это сама материя, а также различное ее устройство и превращения. По его мнению, нельзя познать природу без знания причин явлений. Поэтому задача науки состоит в том, чтобы путем индуктивного метода отыскать причины явлений. В основе всякого истинного познания лежит нахождение причины. Познание причины и есть истина. Но для этого нужно познать форму. Бэконовское учение об индукции, поскольку индуктивное обобщение опирается на опыт, наблюдение, эксперимент, является важным вкладом в науку логики. Вместе с тем одностороннее преувеличение, раздувание этого метода и недооценка дедуктивного метода выражает историческую ограниченность его учения об индукции.

Софистика. Истинность индуктивного метода не вызывает сомнения. Наука должна исходить из фактов, из действительности, из эмпирии, чего и требует этот метод. В противном случае имеет

место пустое абстрактное дедуцирование, что ничего общего не имеет с наукой.

Диалектика. Ни индукция без дедукции, ни дедукция без индукции не истинны. Истина состоит в их единстве. Если Бэкон односторонне преувеличивал роль индукции, то Декарт развивает противоположную точку зрения. Он считает, что решающую роль в получении выводного знания играют дедукция и интуиция. Только эти два пути надежны, все остальное ведет к заблуждению. Дедукция есть выведение чего-либо из ранее достоверного знания и совершается на основе индукции. Индукция же не имеет серьезного значения в науке, ибо она есть не более как собирание следствий, выводимых из многочисленных положений. Ее задача состоит в том, чтобы систематизировать материал, полученный дедукцией и индукцией.

Таким образом, в истории логики вплоть до Гегеля существовали два взаимно исключающих друг друга метода умозаключения: дедуктивного и индуктивного. Так появились пресловутые «вседедуктивизм» и «всеиндуктивизм». Поскольку в понимании Гегеля логика и есть теория познания, то для него индукция и дедукция не существуют изолированно друг без друга. Познание есть взаимопереход индукции и дедукции. Оно невозможно без той или другой формы движения мышления. Поэтому, если Бэкон противопоставлял индукцию силлогизму, то это противопоставление носит формальный характер; всякая индукция есть вместе с тем умозаключение, что знал также и Аристотель, ибо когда мы из множества вещей выводим нечто всеобщее, то первое суждение гласит: эти тела обладают этими свойствами. Второе положение гласит: все эти тела принадлежат к такому-то классу; следовательно, в-третьих, данный класс обладает данными свойствами. Это — полное умозаключение, и всегда индукция имеет тот смысл, что делается наблюдение, устраиваются эксперименты, рассматривается опыт, а затем выводится из него всеобщее определение.

Умозаключение у Гегеля, подобно суждению, проходит также три ступени развития, в соответствии с его учением о бытии, о сущности и о понятии. Первая ступень — это умозаключение наличного бытия; вторая — умозаключение рефлексии; третья — умозаключение необходимости.

Софистика. Взгляд Гегеля на проблему нам известен, но этот взгляд не имеет под собой основания. И вот почему: во-первых, это вымученное идеалистическое умствование, а во-вторых, что самое главное, он ничего нового не дает, а имеет дело лишь со старыми традиционными формами умозаключения.

Диалектика. Нет, новое есть. Его заслуга состоит в том, что

именно он впервые, хотя и имеет дело со старыми формами умозаклучений, эти пустые бессодержательные формы наполняет истинным научным содержанием, определяет их субординацию, развивая одни — более сложные формы из менее сложных, осуществляя отрицание этих форм по линии восхождения, углубления движения мышления. Одновременно с этим Гегель вскрывает узость, ограниченность формально-логического умозаклучения. Он показывает, что абсолютное тождество, являющееся ядром всей формальной логики, в том числе и умозаклучения, приводит к тому, что мышление утрачивает свою сущность, уродуется, подрывается, превращаясь в придаток словесно-терминологических операций.

Формальная логика отходит от содержательной стороны познания, акцентируя свое внимание на его формальной стороне, на словесно терминологическом содержании мышления. Все ее принципы, законы, определения лишь *формальны*. В ней строгость и ясность понятийная подменяются строгостью и ясностью изложения. Ее определенность сводится лишь к формальному упорядочиванию знания. Она не адекватна отражаемому предмету, не способна выражать истины, противоречивость предмета и его развитие, поскольку руководствуется лишь принципом абстрактного тождества. Более того, она сама по себе фрагментарна и потому не способна выражать конкретной целостности предмета. Она подчинена лишь формально-логической направленности, не способна следовать логике предмета.

Софистика. Не означает ли все это, что Вы безоговорочно переняли гегелевское решение проблемы!

Диалектика. Нет, не означает! Мы не отбросили анализ умозаклучения, а также других форм мышления, данных Гегелем, а, материалистически переосмыслив его, развили его дальше, обогатив его новыми положениями. Мы не отвергаем также и форм, выработанных формальной логикой, равно как и не подменяем ее, а сосредоточиваем свое внимание на исследовании путей, средств, форм постижения истины. Умозаклучение поэтому нами рассматривается как одна из форм движения мышления к научной истине, к образованию научной теории. Важнейшим отличием от гегелевского понимания умозаклучения является то, что не практика выводится из умозаклучения, как это он доказывает, когда пишет, что «все вещи суть умозаклучения, некоторое всеобщее, сомкнутое через особенности с единичностью», а, напротив, умозаклучение выводится из практики, из трудовой деятельности людей. Любое, даже формально-логическое умозаклучение есть отражение объективных связей действительности. Всеобщее, особенное и единичное в системе умозаклучения есть отражение

в голове всеобщего, особенного и единичного в объективной действительности.

Это блестяще показал Маркс на примере анализа объективных взаимосвязей производства, распределения, обмена, потребления. Эти стороны 'единого экономического организма образуют правильный силлогизм. Производство в нем составляет всеобщность, распределение и обмен — особенность, а потребление — единичность, замыкающую собой целое. В форме $T — Д — Т$, показывает Маркс, крайние члены не одинаково относятся к $Д$. В первом случае T относится к $Д$ как особенный T к всеобщему T , а $Д$, в свою очередь, относится ко второму T как всеобщий T к единичному T . «Следовательно, абстрактно-логически $T—Д—Т$ может быть сведен к форме силлогизма $О—В—Е$, где особенность образует первый крайний член, всеобщность — связующий средний член и единичность — последний крайний член»⁷.

Стало быть, никакие умозаклучения сами по себе, без обращения к практике не могут быть формой и источником получения нового знания. Какую роль играют умозаклучения в познавательном процессе, как они направляют наши практические действия, связанные с получением нового знания об интересующих нас предметах, какой они формы, какой глубины и т. д. — все это зависит от предметной деятельности людей.

Далее исходим из того, что то или иное умозаклучение имеет познавательную функцию лишь в системе всех логических средств постижения истины. И, напротив, они вне этой системы не имеют существенной познавательной ценности. Умозаклучение, как и все логические средства, есть процесс, где переходы друг в друга в зависимости от практики составляют их сущность.

Переход суждения в умозаклучение в конечном итоге обусловлен практикой и потребностями ее развития. Этот переход есть разрешение противоречия между общим и единичным, есть скачок от низшего к высшему, от простого к сложному, есть восстановление понятия в суждении. Это восхождение в познании как высший синтез понятия и суждения обусловлено тем, что из нескольких суждений (посылок) выводится новое знание. Необходимость вывода заключения из данных посылок в общем диктуется целями и задачами закономерного углубления мышления в сущность предметного мира, потребностями получения нового знания. Умозаклучение есть такой процесс мышления, где на основе знания, содержащегося в посылках, выводится новое знание, которое обосновывается при переходе от посылок к заключению. Как

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 78.

мышление в целом, так и отдельные его формы, развиваются противоречиво, также развивается и умозаключение. Здесь мышление снова возвращается к единству единичного и общего, но на высшей основе, выражая собою действие закона отрицания отрицания. Движение мысли идет по витку: от нерасчлененного единства общего и единичного в понятии к расчленению их в суждении, а затем — к восстановлению их единства в новой, высшей форме — в умозаключении.

Как видим, в умозаключении раскрываются три момента понятия: единичность, особенность, всеобщность. Если в суждении наличествуют два расчлененных момента — единичное и общее (субъект — предикат), то в умозаключении наличествует и третий член — *опосредствующее звено или особенное*. Поэтому структура умозаключения в отличие от суждения трехчленна. Причем особенное проявляет себя и как понятие, и как суждение. Особенное выступает как главное определяющее звено, поскольку сущность умозаключения состоит как раз в опосредствовании двух моментов этим третьим.

Формальная логика в своих правилах построения вывода исходит из тождественной, устойчивой стороны форм мышления, отвлекаясь от их изменения, развития; основываясь на классификации явлений на виды, роды, классы и т. д., формально-логическое умозаключение всегда содержит в себе тождественную сторону отношений. Если все явления данного вида имеют такое-то свойство, то каждое отдельное явление этого вида также имеет это свойство. Здесь различие, противоположность, противоречие и т. д. в явлениях не принимаются во внимание, не берутся в расчет. Но если мы хотим познать явления такими, как они есть, т. е. не только со стороны их тождества, но и их различия, изменения, развития, то законы формальной логики тотчас же оказываются недостаточными и попытка построить их вывод на их основе извращает познание.

Софистика. По вашему, формальная логика источник искажений, ошибок, недоразумений. Так зачем же она существует?

Диалектика. Нет, это не так. Мы ранее неоднократно подчеркивали ее узость, ограниченность, однако в определенных узких пределах она даже полезна, но вне их она источник ошибок. Попытка решать сложные проблемы с помощью формально-логического умозаключения не раз в науке и политике приводила к ошибкам и извращениям. Как известно, Маркс всесторонне вскрыл не только ограниченность метафизического метода Рикардо, но и научную несостоятельность попыток его последователей, в частности Дж. Милля, с помощью формально-логических силлогизмов решать сложные вопросы экономической науки. «Милль был пер-

вым, — писал К. Маркс, — кто изложил теорию Рикардо в систематической форме, хотя лишь в довольно абстрактных очертах. То, к чему он стремится, — это формально логическая последовательность. С него «поэтому» и начинается *разложение* рикардianской школы»⁸. Из этих слов Маркса видно, что формально-логическая последовательность была причиной разложения школы Рикардо.

В. И. Ленин неоднократно подвергал резкой критике догматический подход к столь сложным социальным вопросам, как социальная революция, вскрывал несостоятельность попытки с помощью формально-логического умозаключения решать такие сложные вопросы, как тактика в революции. «...Выводить конкретные положения, — писал В. И. Ленин, — об определенной тактике в определенном случае, об отношении к различным партиям буржуазной демократии из общей *фразы*, об «общем характере» революции, вместо того, чтобы этот «общий характер русской революции» выводить из точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции; — разве же это не подделка? разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?»⁹.

Опасность увлечения формально-логическим умозаключением в решении сложных вопросов состоит в том, что такой подход создает внешнее правдоподобие, создает иллюзию истинного вывода, а на деле этот вывод оказывается заблуждением. Постигание истины невозможно, если познание руководствуется только формально-логическими умозаключениями, отрываясь от жизни, игнорируя конкретный анализ конкретной ситуации. Вот почему В. И. Ленин свои выводы о тактике и стратегии партии в социальной революции делал на основе тщательного всестороннего анализа самой развивающейся общественной жизни эпохи империализма, специфики развития самой этой революции, анализа соотношения классовых сил как внутри страны, так и вне и т. д. Именно такой подход дал возможность В. И. Ленину сделать правильные, научные логические выводы о характере и движущих силах социальной революции 1905 года, о руководящей роли пролетариата в этой революции, о ее перерастании в социалистическую и т. д. Жизнь давно полностью подтвердила верность этих выводов.

Как в прошлом, так и теперь чрезмерное увлечение формально-логическим умозаключением является одним из логических ис-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 3, с. 81—82.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 223.

точников заблуждений в международном рабочем движении, в частности, по вопросам войны и мира. Заблуждения современных догматиков, «левых» о неизбежности мировой войны, о «революционной» войне и т. д. как раз основаны на строжайшем соблюдении правил формально-логических умозаключений.

Характерно отметить, что у левых фразеров одно заблуждение вытекает из другого, дополняет и «доказывает» другое. Вот, например, очередное заблуждение: война есть продолжение политики иными средствами, следовательно, нет политики без войны. Это заблуждение, призванное, очевидно, дополнять и доказывать главное о неизбежности «революционной» (то бишь мировой) войны, основано также на чисто формально-логическом выводе. Действительно, война является продолжением политики государств, классов иными, насильственными средствами. Действительно, в прошлом политика государств и классов приводила к войне. Но разве из этих посылок вытекает, что в современных условиях не может быть политики без войны, и мировая война неизбежна? Отнюдь нет! Левацкая фраза здесь заменяет научный анализ вещей. Между тем такой анализ показывает, что в настоящее время не существует фатальной неизбежности новой мировой войны, что силы мира могут объединенными действиями обуздать агрессивные силы, предотвратить войну.

Опасность состоит в том, что умышленно ложно построенное умозаключение внешне, формально кажется правильным. И это внешнее правдоподобие может сбить с толку неискушенных людей. Именно таким заблуждением является и утверждение левых фразеров, что мир будто не благоприятствует социалистической революции, что, напротив, будто ей благоприятствует военная обстановка. Более того, внешне покажется, что война даже является причиной социалистических революций, что, следовательно, без войны не может быть социалистической революции, что война — благо и т. д.

На деле хорошо известно, что война не является причиной революции, что как война, так и революция есть различные формы проявления одной и той же сущности — внутренних антагонистических противоречий капитализма. Социалистическая революция есть социальная революция, глубокой причиной которой является конфликт в способе производства, проявляющийся в антагонистическом противоречии между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Ее задача состоит в разрешении этого противоречия, то есть в упразднении капиталистических производственных отношений и утверждении социалистических.

Софистика. Но ведь факт остается фактом, что в прошлом рево-

люционная ситуация всегда возникала в условиях войн, военной обстановки. Как же можно игнорировать факты истории?

Диалектика. Мы не склонны игнорировать ту роль, которую в прошлом войны играли в создании революционной ситуации. В самом деле, эти войны ускоряли революционные процессы, способствовали созданию революционной ситуации, без которой невозможна революция, способствовали развитию кризиса самих «верхов», огромное влияние оказывали и на «низы» и т. д., и в этом смысле они были «косвенным» резервом социалистической революции.

Но разве из этого следует, что всегда и всюду революционная ситуация непременно связана только с военной обстановкой? В современных условиях, когда открылась реальная возможность предотвратить новую мировую войну, карикатурой на истину была бы попытка цепляться за вывод об этом бывшем «косвенном» резерве социалистической революции. В наше время нет более возвышенной, благородной, революционной задачи, чем борьба за спасение человечества от термоядерной войны, за мир и социализм.

Но на чем построены эти выводы левых фразеров? На тождественной стороне рассмотренных социальных сил вообще, капитализма, рабочего движения и т. д. всех времен всех условий вообще. Однако эти выводы вовсе не учитывают изменений самой живой конкретной жизни, потому и являются мертвыми, формально-логическими, абстрактными. Они не учитывают того, что в современном мире произошли глубокие изменения, главный и важнейший результат которых состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества, а возможности империализма закономерно сокращаются.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал великую роль научного подхода к оценке исторического момента, к разработке тактики и стратегии партии на том или ином этапе революционного движения. Задача состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке. Только знание того, какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи, может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны. Точный объективно проверенный учет соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента — вот что тре-

буется для постижения истины в таком вопросе, как социальная революция.

Софистика. Но ведь как бы ни учитывали, каков бы ни был учет сил — внутренних, внешних, как бы всесторонне, конкретно не анализировали всю обстановку, все условия и т. д. и т. п., — все это делается для формально-логического умозаключения, то есть для определенного вывода.

Диалектика. В том-то и дело, что формально-логическое умозаключение строится не на учете сил, не имеет дело с процессом, с изменением посылок, а исходит из мертвых, раз навсегда данных посылок. Такова его сущность. Но в этой связи мы хотели бы еще раз предостеречь от возможных кривотолков относительно роли формально-логического критерия в познании, поскольку категорическое наше утверждение может создать впечатление, будто мы недооцениваем роль этого критерия в познании. Мы исходим из того, что формальная логика очень необходима, так как она служит нам испытанным орудием познания. Но, конечно, эту роль она может выполнить лишь при том условии, если от нее мы не требуем больше того, на что она способна и что может она дать, то есть если мы не нарушаем пределы ее истинности. Пока она не выходит за пределы своего предмета — неизменной тождественной стороны формы, сознательно отвлекаясь от содержания и его изменчивости и не претендует на выводное знание об их изменениях, ее результаты в этих пределах истинны. Но как только нарушаются эти пределы и она претендует на большее, чем она может дать, то она превращается в свою противоположность, становится неверной и в определенной связи — источником разных заблуждений. Суть ее законов — тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания — одна и та же: не допускать противоречия в мышлении, хотя оно по своей природе противоречиво, предмет познать, выразив в мысли, в логических законах и категориях не как он есть «в себе», то есть не как противоречивый процесс, а как он дан в устойчивом состоянии, в неизменности, вне процесса, вне противоречий. Таков уж ее предмет.

Софистика. Если предметом формальной логики является устойчивость, неизменность, или, как Вы говорите, абстрактное тождество, то Вашим предметом, видимо, является изменчивость!

Диалектика. Такое мнение ошибочно. Если предметом формальной логики является внешняя сторона мышления, отражающая устойчивость отношений, то это еще не значит, что нашим предметом является только содержание мышления, отражающего лишь другую сторону — изменчивость отношений. Такое понимание приводило бы к односторонности, то есть к другой крайности.

Но тогда не было бы всесторонней науки — науки о всеобщих формах и принципах развития. На деле нашим предметом являются содержание, законы и формы мышления, в единстве отражающие как устойчивость, так и изменчивость отношений. Следовательно, он не отвергает формальную логику совсем, а содержит в себе в снятом виде, вместе с тем указывая на узость, ограниченность формально-логического умозаключения и недопустимость нарушения тех пределов, в которых оно истинно, сохраняет свое значение для познания, но вне которых оно становится источником заблуждений.

Поэтому для нас важно не то, чтобы соблюдались формальные требования заключения, а важно *адекватное, верное отражение изменяющихся явлений*. Поэтому мы строим свой логический вывод на основе изучения, анализа самой *изменяющейся, развивающейся действительности*. А это значит, что мы подчеркиваем ведущую, решающую роль содержания по отношению к форме, рассматривая его в изменении — в возникновении, развитии и превращении. Вне такого конкретного исторического подхода к содержанию умозаключения получаемый вывод всегда окажется узким, следовательно, вне известных пределов — неверным. Поскольку явления объективно имеют противоречивую природу, подвижны, изменчивы, переходят друг в друга, то и их отражение в логике также должно иметь такую же, то есть адекватную природу. Поэтому когда мы хотим иметь вывод из суждений, отражающих не устойчивость, точнее не только устойчивость, но и изменчивость предметов, то формально-логическое умозаключение оказывается недостаточным. Между тем вывод из суждений тогда может быть истинным, если они отражают адекватно изменяющиеся явления, то есть сами являются изменяющимися, на основе анализа их возникновения, развития и превращения.

Из сказанного следует, что глубоким и действующим логическим критерием верности и истинности вывода является умозаключение, основанное на всестороннем анализе, — и содержательном и формальном, — самого развивающегося предмета. Мысль должна отражать практику и проверять свои результаты на практике. Но поскольку сама практика есть процесс, то отражающие ее понятия, суждения и умозаключения также должны быть процессом. Для такого отражения старые принципы не всегда пригодны, они — узки. Для постижения истины главное внимание нужно обращать не на внешнее, а на исследование тех *логических принципов и законов, которые обеспечивают истинный, верный и проверенный практикой вывод об изменяющихся явлениях, то есть обеспечивают правильный ход мысли по логике вещей*.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что само умозаключение не

есть мертвое состояние. Оно имеет свою историю, переходит в свое другое и т. д. Переход от одного умозаключения к другому, от менее глубокого к более глубокому, от простого к сложному и т. д. выражает собою путь непрерывного углубления неисчерпаемого процесса познания, переход умозаключения в более высшую форму мышления — научную теорию.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НАУКА

Диалектика. Умозаключение есть выводное знание. Знание, говоря в самом общем плане, есть постижение действительности в формах сознания. Однако само знание можно и нужно рассматривать с двух точек зрения: знание как постижение обыденным сознанием на основе опыта повседневной жизни и знание как постижение сознанием в высших его формах, в формах науки, на основе общественно-исторической практики. Оба вида знания тождественны и различны. Их тождество состоит в том, что оба они своим источником имеют объективную реальность, оба друг без друга невозможны, взаимопроникают, взаимопревращаются. Обыденное знание под решающим воздействием общественно-исторической практики и потребностей ее развития неизбежно переходит в научное, чем и достигается развитие, усложнение, восхождение самого сознания, а научное знание в свою очередь переходит, превращается в обыденное, подобно взаимопревращению рассудка и разума.

Софистика. Правомерно ли подобное жесткое и безоговорочное деление знания на обыденное и научное? К тому же, как Вы говорите, они взаимно превращаются друг в друга.

Диалектика. Правомерно! Но прежде всего о взаимопревращении. Во-первых, научное знание реализуется в практике, определяется и таким образом становится общедоступным, обыденным; во-вторых, любое научное знание со временем рано или поздно в общем процессе восхождения научного производства неизбежно становится обыденным. Так, открытие закона всемирного тяготения было в свое время научным знанием. Сегодня оно из себя представляет обыденное знание; в-третьих, обыденное знание в снятом виде всегда содержится в научном знании как его момент. Таким образом, как обыденное, так и научное знание есть процесс подвижный, обогащающийся, развивающийся.

Вместе с тем это тождество заключает в себе существенное различие. Оно состоит, во-первых, в том, что научное знание яв-

ляется продуктом научного производства, то есть специальной сферы деятельности, особо для этой цели подготовленных научных работников, в то время как обыденное знание достигается без науки; во-вторых, научное знание является продуктом разума, а обыденное — продуктом рассудка; в-третьих, научное знание характеризуется большим восхождением, «удалением» от своего материального источника, следовательно, более близким, глубоким подходом к этому своему источнику, чем обыденное знание; в-четвертых, научное знание выражает сущность объекта, закономерности его развития, а обыденное — внешность, кажимость объекта; в-пятых, научное знание отражает сущность в ее развитии, модификациях, следовательно, оно по своей природе есть более конкретное, более полное и более глубокое, богатое своим содержанием знание, чем обыденное; в-шестых, научное знание выполняет и такую задачу, как разработка методов технологического, технического, специального и т. д. освоения познанных законов, чего нельзя сказать об обыденном знании; наконец, в-седьмых, опредмечивание, объективация научного знания в процессе практики есть более глубокое, существенное, чувственно-предметное изменение действительности, чем опредмечивание обыденного знания. Поскольку производство научного знания является сложным, противоречивым процессом, то в интересах дела ограничимся лишь сказанным об обыденном знании с тем, чтобы сосредоточить внимание на исследовании генезиса развития и функционирования научного знания.

Мы выяснили, что необходимость производства научного знания обусловлена материальным производством, общественно-исторической практикой и потребностями ее развития. Исходя из этого очевидного факта, отталкиваясь от него, следует перейти в сферу непосредственно самого научного знания, анализировать прежде всего его генезис.

Свой жизненный путь научное знание начинает с его предпосылок — материальных и идеальных. Под материальными предпосылками подразумевается тот или другой уровень материальной жизни общества, характер потребностей ее развития, количественно-качественные характеристики орудий, средств производства, состояние экспериментальной базы и т. д. Под идеальными предпосылками подразумевается тот или другой уровень, этап духовного производства общества вообще, достигнутый уровень данной науки в особенности.

На этом общем базисе единства материального и идеального непосредственной предпосылкой научного знания является прежде всего *научная проблема*. Последняя из себя представляет научный вопрос, ответ на который отсутствует в данном состоянии

данной науки. Проблема возникает из проблемной ситуации — противоречия между знанием и незнанием, известным и неизвестным. Критерием проблемной ситуации, а также вычленения и постановки проблемы является всесторонний учет потребностей и возможностей как практики, так и самой науки. Научную проблему, разумеется, следует отличать от мнимой, которая есть псевдопроблема или квази-проблема.

Научная проблема является не только началом, но и формой организации исследования или организующим его началом. Ее функция состоит как раз в том, что она сама является указанием направления исследования и в соответствии с этим содержит в себе как свой имманентный момент вовлечение в исследование всевозможных известных знанию сил и средств, необходимых для постижения нового знания. Научная проблема, поскольку есть опосредствующее звено между крайними членами — знанием и незнанием, необходимым образом содержит в себе *гипотезу* и неизбежно в процессе исследования перерастает в нее.

Софистика. Гипотеза есть не что иное, как догадка, измышление. Об этом говорили все видные ученые и философы. Так, Ньютон считал гипотезу измышлением; Лавуазье также гипотезу считал фантастикой, и требовал исключить ее из науки; Декарт считал, что как бы ни были вероятны догадки, уж одно то, что это лишь догадки, а не достоверные и несомненные основания, достаточно, чтобы их отвергнуть. Он отвергал все знания, являющиеся только вероятными, и признавал только достоверное знание, не допускающее никакого сомнения; Спиноза также исключает гипотезу из научного познания. Он считает, что вещи познать возможно через познание их сущности или через их ближайшую причину путем определений, а не путем гипотез. Таким образом, и эмпирики и рационалисты XVII — XVIII вв. отвергают роль гипотезы в научном познании.

Диалектика. Допустим, мы согласны с Вашим обзором взглядов на гипотезу. Но, во-первых, эти «видные ученые и философы», хотя внешне недооценивали роль гипотезы, но сами они на деле пользовались ею; во-вторых, важный шаг на пути открытого признания роли гипотезы в научном познании уже делает Дидро. Он считает, что в науке следует наблюдение и изучение фактов соединять с рациональным их объяснением. Поэтому нужно отбрасывать пустые, фантастические догадки, но выдвигать догадки о том, что еще должно быть на основании того, что есть. Если в голове сложилась какая-нибудь система, подлежащая подтверждению на опыте, не следует ни упрямо ее держаться, ни быстро ее бросать. Многие думают о своих догадках, что они ложны, между тем не принимаются надлежащие меры, чтобы испытать их истин-

ность. Для абсолютно нелепых взглядов достаточно одной первой проверки; несколько большего внимания заслуживают взгляды правдоподобные; от взглядов же, которые обещают существенные открытия, можно отказаться лишь тогда, когда все будет исчерпано. Если догадки и гипотезы слабы и необоснованны, то можно отыскать либо какой-нибудь факт, либо открыть истину, в результате которых догадки рухнут.

Более четко и определенно о роли гипотезы высказывается Пристли. Он считает, что теория и эксперимент неизбежно идут рука об руку, причем всякое движение вперед связано с понятием некоторой специальной гипотезы, которая представляет собой только догадку относительно обстоятельств или причины некоторого действия природы. Следовательно, самыми смелыми и самыми оригинальными экспериментами являются те, которые, представляя свободу своему воображению, допускают сочетание самых далеких друг от друга идей. И хотя многие из этих идей впоследствии окажутся дикими, фантастическими, другие из них могут повести к величайшим и капитальнейшим открытиям. В каждом эксперименте, в котором есть какой-либо план, все делается для того, чтобы установить какую-либо гипотезу. И, наоборот, гипотезы ведут людей к разнообразным экспериментам в целях сделать более точными эти гипотезы. Из этих экспериментов вообще вытекают новые факты. Эти новые факты содействуют исправлению гипотезы, которая послужила толчком к их обнаружению. Исправленная таким путем теория способствует открытию большого количества новых фактов, которые, как и раньше, делают теорию еще более близкой к истине.

Известный вклад в теорию гипотезы внес М. В. Ломоносов. В движении познания от фактов и наблюдений к теории, по его мнению, огромная роль принадлежит гипотезе. Гипотезы представляют единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин. М. В. Ломоносов не только ясно сознавал роль гипотез, но и сам, как известно, выдвигал ряд весьма нужных для развития наук гипотез.

При переходе естествознания от накопления фактов к их объяснению в конце XVIII в. и в особенности в XIX в. необходимость гипотезы более не вызывает сомнения. Вопрос теперь состоит в том, *какова функция, каковы содержание и структура гипотезы, каково ее эвристическое значение и т. д.* Великие мыслители XIX в. Дальтон, Дарвин, Менделеев, Сеченов и другие пытаются дать ответ на этот вопрос — одни с позиций натурфилософии, другие — стихийного материализма.

Особенно глубоко разрабатывает проблему Д. И. Менделеев. Его точка зрения состоит в следующем: гипотеза есть активная

форма научного исследования на всех его этапах. Она помогает ученому избрать направление исследования. Вот как он характеризует роль гипотезы: нужно смотреть, но надо знать, куда смотреть, нужно искать, но нужно знать, что искать. Гипотезы науке и особенно ее изучению необходимы. Они дают стройность и простоту, каких без их допущения достичь трудно. Вся история наук это показывает. А потому можно смело сказать, лучше держаться такой гипотезы, которая может оказаться со временем неверной, чем никакой. Гипотезы облегчают и делают правильную научную работу — отыскания истины, как плуг земледельца облегчает выращивание полезных растений. В соответствии с этим Д. И. Менделеев считает, что научное познание включает следующие свои элементы: собирание, описание и изучение фактов; составляющие гипотезы; опытную проверку логических следствий из гипотез, превращение гипотез в достоверные теории или отвержение ранее принятой гипотезы и выдвижение новой.

Софистика. Ваш обзор также ничего не доказывает, ибо если одни ученые отвергают роль гипотезы, а другие — признают, это нам еще ничего не дает для утверждения чьей-либо правоты. После приведенных взглядов ученых позитивизм более аргументированно обосновал неправомочность гипотезы. Так, О. Конт на словах признавал гипотезы, даже их классифицировал на допустимые и недопустимые, но на деле он отвергал их роль. Он считал, что гипотеза бессильна, когда речь идет о выяснении того, как возникает явление. Всякая научная гипотеза, чтобы иметь реальное значение, должна касаться исключительно законов явлений и ни в коем случае не способов их возникновения. Эту позитивистскую линию развивали дальше махисты, которые объявили гипотезу «чумой» разума, «ядом» философии. Современные их последователи — неопозитивисты также в той или иной форме, явно или скрыто, но так или иначе в сущности отвергают роль гипотезы в научном исследовании.

Диалектика. К сожалению, ошибочные мнения бытуют и сегодня. Однако современный научно-технический прогресс полностью и решительно опровергает эти ошибочные мнения и столь же неопровержимо и решительно доказывает огромную всевозрастающую роль гипотезы в научном исследовании. Более того, гипотеза как научное предположение есть процесс. Пока господствовал метафизический способ мышления, гипотезу делили на два вида: описательные и объяснительные. Первый вид связан с наблюдением явлений, а второй — с предположением о связи между наблюдаемыми явлениями и их производящей причиной или основой. В самом деле, пока науки накапливали факты, были возмож-

ны *описательные* гипотезы. Это начальный период развития наук. Но когда одна за другой накапливали факты об окружающем мире, стало необходимым на основе эмпирических знаний делать широкие обобщения, открывать законы, объясняющие эти факты. Следовательно, возникают гипотезы объясняющие, то есть более содержательные, более значительные. Такие гипотезы стремятся за чувственно-наблюдаемыми явлениями обнаружить закон, ими управляющий, логически объяснить наблюдаемые явления из внутренней, производящей их причины.

Однако в наше время такое деление, будучи в известных пределах верным, недостаточно, ибо теперь гипотезы в большинстве своем базируются на достигнутом более высоком уровне практики и теоретического мышления, сконцентрировавшего в себе в снятом виде все богатство истории познания. И если на первом этапе основным способом при создании гипотез был способ восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному, то с накоплением знаний об окружающем мире гипотезы стали возникать на основе восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному. Современный научно-технический прогресс и более высокий уровень развивающейся практики являются реальной основой возникновения гипотез высшего порядка. Более того, все это связано с творческой, конструирующей, преобразующей способностью нашего мышления, которая должна находить свое выражение и в такой идеальной форме деятельности, как гипотеза. Следовательно, правомерна постановка вопроса о таком виде гипотез, как гипотезы *преобразующие*. Именно этот вид гипотез имеет неизмеримо большее эвристическое значение, чем другие виды гипотез. Чем же обусловлено это эвристическое значение гипотез преобразующих? Прежде всего преобразующей сущностью практики. Поскольку последняя есть не что иное, как чувственно-предметное преобразование действительности, то она и перед постигающим мышлением ставит такую же задачу — идеальное преобразование предмета с тем, чтобы затем это идеальное преобразование реализовать на практике, преобразовать практически. Поэтому гипотеза должна выступать как форма научного поиска, но как такая форма, которая опирается на данные практики и познания, то есть является *единством известного и неизвестного*.

Гипотеза есть процесс и со стороны своего индивидуального развития. Возникнув на определенной базе, она проходит путь своего совершенствования, уточнения, углубления, подтверждения и превращения в теорию. Любая научная теория бывает первоначально гипотезой, пребывает в форме гипотезы. Как известно, Д. И. Менделеев неоднократно подчеркивал, что периодический закон был сначала гипотезой, которая постепенно превращалась

в общепринятую истину только под влиянием оправдания тех неожиданных следствий, которые эта гипотеза вызвала, под впечатлением той новой точки зрения, которую открывает гипотеза и подтверждает действительность.

Поскольку гипотеза содержит в себе не достоверное знание, а вероятное, задача которого состоит в том, чтобы служить средством отыскания истины, открытия закономерностей предмета, то в процессе ее обоснования и развития она должна быть либо доказана, либо отвергнута и заменена новой. Вполне возможно, что она может быть доказана в той или иной степени, или тот или иной момент ее и, наоборот, может быть отвергнута полностью или частично, или тот или иной ее момент и т. д. Поэтому изучение способов получения вероятного знания, его обоснование приобретают первостепенное значение в теории гипотезы.

Любая гипотеза, независимо от конечного результата, проходит путь проверки с самого начала. С этой целью используются как эксперимент, так и самые разнообразные логические средства. Прежде всего обоснование истинности гипотезы включает в себя такие моменты, как нахождение многообразных следствий, вытекающих из гипотетически сформулированного закона, практическая проверка этих следствий, сличение теоретических предсказаний с реальными фактами, обнаруженными в чувственно-предметной деятельности, направленной на практическое освоение уже усвоенного мыслью предмета и т. д. В этом процессе важна роль эксперимента, который имеет ряд преимуществ перед обычным наблюдением. Он позволяет изучить явления всесторонне, в нем можно повторить одно и то же явление сколько угодно раз, как при одних и тех же, так и при различных обстоятельствах, он позволяет тщательно изучить предмет, расчленив его на отдельные части, выделить нужные стороны. Из экспериментальных исследований можно сделать более точные и достоверные заключения, чем из обычных наблюдений, даже если они ведутся при помощи соответствующих приборов. Достижения квантовой механики подтверждают огромную роль эксперимента, когда с его помощью гипотеза превращается в достоверную теорию.

Эксперимент возникает в результате необходимости проверки гипотезы или отдельных ее моментов и является, таким образом, средством доказательства истинности вероятного знания. Но, разумеется, эксперимент относителен, ограничен как непосредственно самой экспериментальной базой, так и уровнем науки. Поэтому, как подсказывает история, в одних условиях эксперимент может подтвердить, а в других отвергнуть. Следовательно, не допуская никакой недооценки роли эксперимента, тем не менее следует подчеркнуть, что не эксперимент, а вся практика выносит свое

окончательное решение о том или ином знании, о чем речь будет позже. Всякий физический опыт, если он тщателен, имеет самостоятельную ценность. Но к опыту редко обращаются наудачу, в поисках новых, неожиданных явлений. В большинстве случаев опыт ставят для суждения о правильности или ошибочности определенных теоретических построений. Результат опыта может окончательно опровергнуть некоторые предположения с большей или меньшей точностью. Наоборот, экспериментальное подтверждение той или иной теории никогда не должно почитаться безапелляционным по той причине, что один и тот же результат может следовать из различных теорий. Ответ, даваемый опытом, иногда может быть неожиданным, и тогда опыт становится первоисточником новой теории (так, например, возникло учение о радиоактивности). В этом самое ценное, эвристическое значение опыта. Но результаты такого рода очень редки, поэтому экспериментатор всегда, прежде чем предпринять опыт, ставит вопрос о его целесообразности.

Софистика. Правильно ли поняли Вас, что гипотеза сама по себе превращается в научную теорию?

Диалектика. Нет, неправильно! Гипотеза, как бы она не была совершенна, непосредственно не может превратиться в теорию, минуя опосредствующие звенья, необходимый этап восхождения. Таким этапом является *эмпирическая стадия* исследования. Научное исследование состоит из двух взаимосвязанных необходимых стадий: эмпирической и теоретической. Эмпирическая стадия характеризуется выдвижением гипотез, фиксацией, констатацией фактов, наблюдением, описанием, измерением, сравнением, экспериментом и т. д. Это такое состояние знания, которое выражает объект на уровне чувственно-рассудочном.

Софистика. Следовательно, эмпирическая стадия совпадает с этапом чувственного познания.

Диалектика. Эмпирическая стадия совпадает и не совпадает с этапом чувственного познания. Совпадает в том смысле, что эта стадия кроме рассудка выражает собой непосредственную связь органов чувств исследователя с объектом, то есть содержит в себе ощущения, восприятия, представления. Не совпадает, отличается от этапа чувственного познания тем, что, во-первых, эта стадия есть специфическая стадия научного познания, а не познания вообще. А это значит, что ее нет там, где нет науки, в то время как чувственное созерцание является постоянной стороной или этапом познания вообще и независимо от того, есть наука или нет. Во-вторых, эта стадия преимущественно есть стадия рассудка, то есть мышления, хотя она и содержит элемент чувственного познания. Важным моментом этой стадии исследования является

фиксация, описание и объяснение факта. Последний как совершившееся объективное явление или событие существует независимо от познающего субъекта. Однако в научном исследовании он включается в систему научных знаний и является его моментом или элементом. Это означает, что он, будучи научным фактом, то есть включенным в систему научного исследования, не существует без последнего. Так, например, взаимопревращение форм движения существует вечно и объективно, но фактом науки оно стало тогда, когда его открыли, описали и объяснили. Правда, факт также можно рассматривать на разных уровнях — на эмпирическом и теоретическом, — но в данной связи речь идет об эмпирическом уровне изучения факта.

Говоря о месте, роли, функции, значении факта в эмпирическом исследовании, нужно исходить, на наш взгляд, из следующих принципов. Прежде всего следует подчеркнуть, что факт, вовлеченный в научное исследование, есть отражение объективного факта, то есть он имеет объективный источник в действительности, отрицание чего ведет к субъективизму.

Софистика. Видные современные ученые не так понимают факт. Они дают свою интерпретацию факта. Так, логические позитивисты главное внимание обращают на языковую форму факта — предложение и изображают его как логическую конструкцию, придуманную субъектом. Для Б. Рассела не существует отношения между познанием и познаваемым, между субъектом и объектом. А Л. Витгенштейн считает, что мир есть совокупность фактов, а не вещей. Операционалист Бриджмен утверждает, что для физика факт является всегда единственной конечной вещью, которая не нуждается в обосновании и перед лицом которой единственно возможная позиция состоит в почти религиозном смирении. К. Поппер же критикует операционализм Бриджмена со своей позиции, считая, что идея абсолютно предшествует опыту. Он верно доказывает, что очень часто факт возникает из теории и становится научным лишь на основе определенной теории, что факты подбираются или отбрасываются лишь с целью расширения или углубления существующих теорий. Предварительно сформулированная идея всегда присутствует, когда приступают к анализу фактов. Поэтому в истории науки всегда именно теория, а не эксперимент, всегда именно идея, а не наблюдение открывали путь новому познанию. Факты не подсказывают идей и тем более не поддерживают их.

Диалектика. Приведенные Вами точки зрения о факте протаскивают субъективизм в научное познание, в разной форме отвергают объективный характер факта, даже тогда, когда говорят о нем, признают его роль в науке. Что же касается точки зрения К. Поппера

пера, то верно, конечно, что предварительно сформулированная идея всегда присутствует при анализе фактов. Но, во-первых, это не значит, что всякая идея, присутствующая при анализе фактов, является идеей теоретической; во-вторых, без анализа фактов просто невозможно открывать сущность, закон, то есть теория без фактов невозможна. В-третьих, идея на эмпирическом уровне или эмпирическое описание событий не есть конкретная теория.

Весьма важно четко различать объективные данные, объективную характеристику факта от субъективных мнений, суждений, представлений, искажающих объективную характеристику факта. Опираясь на практику и на данный уровень науки, нужно и должно проводить это различие, дабы научное исследование не приняло неправильное, ложное направление.

Необходимо четко и последовательно определить место, роль, значение и т. д. факта в научном исследовании, не допуская ни недооценки, ни переоценки его роли. Поскольку факт, вовлеченный в эмпирическое исследование, есть чувственно-конкретное знание, то именно последнее становится исходным пунктом исследования. Факты составляют не только фундамент научного знания, но и его строительный материал.

Объяснение факта предполагает установление научной ценности информации, содержащейся в нем, раскрытие его внутренней природы. Такое объяснение факта возможно на основе количественного и качественного его анализа, разумеется, если опираться на законы данной науки и руководствуясь ими. Без приведения в движение законов объяснение факта, попросту говоря, невозможно.

Безусловно, верно, что рассмотрение факта включает в себе возможность различных отклонений, представлений и суждений, искажающих его сущность. Поэтому анализ факта должен проводиться на основе принципа объективности рассмотрения. При этом первостепенное значение приобретает рассмотрение факта в его естественной связи. Выхватывание того или иного факта из его связей есть антинаучное занятие.

Исследование должно учитывать все условия, всю ситуацию, в которой факт совершился. А это означает, что изучать надо всю систему фактов, относящихся так или иначе к данному объекту исследования.

Фиксация, описание, объяснение научного факта связаны с наблюдением, опытом, экспериментом. Выше речь шла о роли опыта-эксперимента в вычленении и фиксации гипотезы. Однако на этом его роль не исчерпывается. Опыт-эксперимент продолжает играть свою роль на протяжении всего эмпирического исследо-

вания, и по мере восхождения его роль возрастает. Сам опыт есть процесс и как в историческом, так и в логическом плане проходит путь своего усложнения, обогащения под решающим воздействием изменений общественно-исторической практики. С ее развитием и возникновением наук возникает высший вид опыта — научный опыт или эксперимент. Последний позволяет получать первоначальные данные — регистрируемые состояния, сохраняющиеся или вновь возникающие в исследуемом объекте. Прибор заменяет некоторые стороны деятельности человека, подобно тому как орудия труда заменяют органы человека, орудие эксперимента выступает в качестве исполнителя целей и намерений человека. Качественно-количественное оснащение эксперимента приборами и оборудованием выражает уровень знаний, достигнутый обществом на данной ступени его развития.

Софистика. Влияние прибора на объект означает, что объект не носит объективного характера, поскольку это влияние вызывает изменение его характеристик. Это подтверждают сами ученые. По свидетельству Д. Бома, любое тело, свойства которого изучены хотя бы частично, можно в принципе использовать в качестве измерительной аппаратуры. Прибор своим воздействием меняет первоначальное состояние объекта и это его влияние на результат эксперимента принципиально неустранимо. Вместе с тем на основании того, как ведет себя объект при воздействии на него субъекта, можно судить о его свойствах. Разумеется, при этом необходимо учесть специфику познавательных средств и влияние наблюдения на объект. Во всех областях знания для объективного описания и гармонического охвата экспериментальных данных необходимо обращать внимание на обстоятельства, при которых эти данные получены. Нужно говорить о состоянии объекта при условии, что это состояние зависит от того, что делает наблюдатель. Таким образом, субъективные решения неразрывно смешиваются с объективными наблюдениями. Было бы, очевидно, праздным делом обсуждать ситуацию, какая получилась бы без вмешательства наблюдателя или независимо от него. Об этом же пишет В. Гейзенберг: в описание атомных процессов снова вводится субъективный элемент, так как измерительный прибор создан наблюдателем. То, что мы наблюдаем, это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов.

Диалектика. Однако это обстоятельство не дает никакого основания подменять объективно существующий объект абстракцией и вместо того, чтобы открыть сущность самого этого объекта, ищут ее в абстрактных математических объектах, как это делает В. Гейзенберг. Здесь он допускает субъективистский отход в реше-

нии проблемы объективности естественнонаучного знания. В этой связи нужно отдать должное М. Борну, который признает, что материальное бытие объекта проявляется в бесчисленных аспектах, а понятие объекта — инвариант этих аспектов. Это правильная, научная позиция. Он правильно считает, что «субъективный момент» состоит в выборе исходной системы и расположенных на ней измерительных устройств. «Субъективный момент» является в то же время материальным моментом, поскольку взаимодействие объекта и субъекта познания на уровне эксперимента материально. М. Борн дает отпор антинаучному подходу к проблеме реальности в физике, заявив, что ему, как и Э. Шредингеру, «совсем противна» «крайне позитивистская точка зрения», согласно которой «единственной реальностью являются ощущения».

Все это показывает, какое громадное значение имеет для судеб развития всех наук применение научных принципов к решению самых сложных проблем.

На эмпирической стадии исследования, кроме сказанного, применяются и другие средства, методы, приемы, в частности такие, как сравнение, аналогия, идеализация, обобщение, индукция и дедукция, анализ и синтез, моделирование, формализация и т. д. Однако одни из этих приемов рассмотрены нами раньше в другой связи, другие вполне достаточно рассмотрены в нашей литературе, так что нет необходимости повторять других авторов.

Софистика. Вышеназванные Вами методы и формы научного познания являются не единственными.

Диалектика. Подобно тому как формы мышления не исчерпываются понятием, суждением и умозаключением, о чем шла речь выше, так и методы и формы научного познания не исчерпываются вышеуказанными. *Весь научный арсенал со всеми своими принципами, законами, категориями, а не его отдельные моменты, элементы или принципы является методами и формами научного познания.* Невозможно научное познание без применения сознательно или стихийно категорий: материальное, идеальное, качество, количество, скачок, противоречие, отрицание, сущность, явление, необходимость, случайность, причина, следствие, возможность, действительность, истина, заблуждение, практика и т. д. и т. п. Например, что из себя представляет корпускулярно-волновая теория (любая научная теория) без категории противоречия? Ничто! Более того, рассматриваемая тема не мобилизует представителей частной науки на всестороннее изучение и применение принципов всеобщей методологии.

Мы подчеркиваем: благодарной является задача исследования логики научного познания. Но вместе с тем нельзя не видеть того, что большинство авторов трудов на эту тему под логикой научно-

го познания понимает... формальную логику. Последняя ныне эволюционирует в математическую логику, вовсе не является методологией частных наук, поскольку она сама есть частная наука. Мы и раньше подчеркивали, что мы не «против» формальной логики, а против ее чрезмерных притязаний выдавать себя за единственную логику. Так же нет возражений против применения формально-логического аппарата к научному исследованию.

Однако следует со всей решительностью и принципиальностью восставать против сведения логики научного исследования к формальной логике, против подмены Логики с большой буквы логикой формальной. Подобная акция, хотим мы того или нет, открывает настежь двери науки для проникновения туда неопозитивизма, ослабляет позиции науки в борьбе против неопозитивизма. Вот почему задача состоит в том, чтобы во все частные науки, во все научное познание решительно, последовательно и систематически внедрять принципы Логики с большой буквы, которая и есть истинная, действительная логика научного познания.

Сказанное об узких возможностях формальной логики еще в большей степени верно, когда исследование переходит в теоретическую стадию. Ее узкая мерка на этой стадии становится совершенно непригодной, поскольку здесь речь идет о разрешении теоретических противоречий. Именно разрешение противоречия между знанием и незнанием есть переход исследования на теоретический уровень. Это означает, что во-первых, эмпирическая стадия в качестве своей противоположности заключала с самого своего начала в возможности теоретическую стадию; во-вторых, эта возможность могла превратиться в действительность лишь достигнув зрелого состояния, лишь тогда, когда эта стадия исчерпала себя и породила из своего чрева вопросы, на которые она по своей природе не могла давать ответы и на которые должна давать ответы теоретическая стадия, подобно тому как на вопросы первого отрезка витка познания должен давать ответы второй отрезок витка; в-третьих, хотя средства и возможности эмпирической стадии исследования в снятом виде должны сохраняться на теоретической стадии, тем не менее на этой стадии приводятся в движение многочисленные новые средства и возможности, такие, как допущения, постулаты, аксиомы, идеализация, общие законы, правила вывода и доказательства и т. д.; в-четвертых, теория содержит в себе результаты эмпирической стадии в снятом виде, должна быть отрицанием эмпирии. Она должна двигаться не путем эмпирии, а с помощью эмпирии, но вопреки эмпирии, вопреки «здравому смыслу», путем разума. И там, где эмпирия обнаруживает свою узость, вступает в противоречие с самой собой, возникает сложная гносеологическая ситуация назревшей необходимо-

сти преодоления этой узости, выхода за ее рамки и восхождения к разуму, к теоретическому осмыслению данных эмпирической стадии. Это тем более нужно подчеркнуть, ибо сам этот процесс восхождения невозможен без борьбы с плоским эмпиризмом, без преодоления сопротивления эмпириков, которые, как писал Энгельс, сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать их чувственно, желают видеть время и обонять пространство. Эмпирик до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя все еще находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда он оперирует абстракциями. В теоретической области плоская эмпирия оказывается бессильной, сама по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимости, а ее претенциозность, презирующая всякую теорию, есть самый верный путь к мистицизму; в-пятых, теория должна со своего высокого уровня по-новому освещать и объяснять результаты эмпирической стадии. Иными словами, эти результаты должны в ней жить новой жизнью, приобретая новое качество, сливаясь с ней и сохраняясь в ней в снятом виде. Поэтому не должно быть никакой иллюзии относительно формально-логического отождествления результатов эмпирической стадии с теми же результатами, но снятыми в теории, поскольку эти бывшие результаты теперь на новом высшем уровне слиты воедино с теорией и в ней играют иную роль.

Софистика. Верно ли Вас поняли, что на эмпирической стадии господствуют принципы формальной логики, а на теоретической — принципы диалектики?

Диалектика. Нет, неверно! На обеих стадиях должна господствовать диалектика, хотя на теоретической стадии в большей степени. Эмпирическая и теоретическая стадии исследования одновременно тождественны и различны. Их тождество состоит в том, что они предполагают друг друга, обе в единстве составляют научное исследование, друг без друга невозможны и взаимно превращаются друг в друга — эмпирическая стадия неизбежно переходит в теоретическую, а последняя также неизбежно в эмпирическую.

Их отличие состоит в следующем:

1. Теория, в отличие от результатов эмпирической стадии, является логически организованной системой научных знаний, всесторонне выражающей систему объективных явлений. По свидетельству А. Эйнштейна, теория должна охватить по возможности все явления и их взаимосвязи и добиваться этого, взяв за основу как можно меньше логически взаимно независимых понятий и произвольно установленных соотношений между ними (основных законов и аксиом). При этом она производит тем большее

впечатление, чем разнообразнее предметы, которые она связывает, и чем шире область ее применения. Определить некоторую совокупность фактов и вывести любой из них из базисных утверждений — такова объяснительная функция теории.

2. Теория в отличие от эмпирической стадии, является адекватным отражением объекта. Одна из особенностей эмпирической стадии исследования, обусловленной господством рассудка на этой стадии, является то, что целое необходимым образом разделяется на разные части, которые изучаются порознь, изолированно друг от друга. Абстрагирующая и разделяющая функция рассудка таит в себе опасность односторонности знания, его разрозненности, более того, — опасность того, что различные стороны единого целого ставятся в случайную взаимосвязь. Как показал Маркс, буржуазная политэкономия производство, распределение и потребление рассматривала как самостоятельные сферы деятельности, находящиеся во внешних связях. «Грубость и отсутствие понимания в том и заключается, — писал К. Маркс, — что органически между собой связанные явления ставятся в случайные взаимоотношения и в чисто рассудочную связь»¹. Без научной теории результаты эмпирической стадии для науки и практики серьезного значения не имеют. Более того, они могут стать источником ошибок и заблуждения. История науки подтверждает тот вывод, что кто довольствуется результатами эмпирического знания и задерживается на них, тот делает практические и теоретические промахи, исходит из неудачных, односторонних, ложных предпосылок, идет ложными, кривыми, ненадежными путями². Поэтому, чтобы избежать ошибок, промахов и подмены действительных связей явлений вымышленными, искусственными, следует переходить от эмпирического описания объекта к его теоретическому объяснению с тем, чтобы воспроизвести сущность в ее развитии и модификациях. Предмет только в определениях теоретического мышления есть то, что он есть, лишь в системе теории результаты эмпирической стадии становятся полноценными элементами адекватного научного знания. В противном случае, как пишет К. Маркс, «грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона, или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон»³.

Адекватность теории состоит в том, что сущность она раскрывает и объясняет на более высоком уровне; анализирует путь

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 714.

² См.: Там же, т. 20, с. 548.

³ Там же, т. 26, ч. 1, с. 64.

модификаций самой сущности, ее развертывание, ее конкретизацию, ее превращения в свои необходимые формы движения. Иными словами, теория объясняет новые факты, новые явления из их сущности. Поэтому, если эмпирическая стадия характеризуется движением познания от чувственно-конкретного к абстрактному, то теоретическая стадия характеризуется движением обратным — от абстрактного к мысленно-конкретному.

3. Научная теория, в отличие от эмпирического знания, содержит в себе такую важную свою особенность, как *научное предвидение*, как предсказание о принципиально новых фактах, которые должны затем подтверждаться экспериментально и на практике. Иными словами, теория должна определять пути достижения нового знания, предсказать новые явления. С этой точки зрения она выступает как метод познания и деятельности. Поэтому объяснение не самоцель, а должно подчиняться задаче овладеть явлениями и подчинить их себе.

4. Теория в отличие от эмпирического знания характеризуется всесторонностью, переходом от исследования отдельных сторон объекта к их генетическому и синтетическому изучению в качестве системы, в качестве единства в многообразии. Вместе с тем она должна быть субординированной системой своих компонентов, исходной эмпирической основы множества изученных фактов, экспериментов и т. д.; исходной теоретической основы — множества допущений, постулатов, аксиом, общих законов; множества логических форм вывода и доказательств; совокупности выведенных следствий, утверждений с их доказательствами и т. д.

5. В любой науке, являющейся системой развивающихся теорий, одна из них непременно является господствующей, а в самой теории один из ее компонентов является господствующим, подчиняет себе другие. В марксистской политической экономии капитализма, например, господствующей теорией, ее краеугольным камнем является теория прибавочной стоимости, в марксистской философии — учение о противоречии, в марксистской историографии и социологии теория решающей роли общественного бытия, в современной физике — теория относительности, в химии — периодический закон Менделеева и т. д. Следовательно, указывая на теорию как всестороннюю систему знания, вместе с тем следует вычленить, оттенить, подчеркнуть ее господствующий компонент, подчиняющий себе другие компоненты. Без этого «всесторонность» теории станет тощей односторонней абстракцией.

6. Наконец, важнейшей особенностью теории является ее *доказательность*. Она должна быть подвергнута проверке на истинность практической деятельностью.

Теории можно классифицировать сообразно с классификацией наук (механические, физико-математические, химические, биологические, общественные). Но можно установить и их типологию. По типам обычно теории делят на описательные, математизированные. По связям с формами мышления они есть дедуктивные, индуктивные, аналитические, синтетические, аксиоматические, конструктивные, гипотетико-дедуктивные и т. д.

Софистика. В современной науке математизированные теории приобретают особо важное значение. Более того, их значение возрастает в связи с тем, что используемые в них математические модели нередко допускают несколько интерпретаций, что способствует постижению истины сложных объектов. Поскольку в математизированных теориях модели заключают в себе множество значений и интерпретаций, из которых некоторые окажутся правильными, а другие — ложными, постольку их потенциальное содержание велико.

В. Гейзенберг считает, что первичным языком, который вырабатывается в процессе научного усвоения фактов, является в теоретической физике обычно язык математики, а именно математическая схема, позволяющая физикам предсказывать результаты будущих экспериментов. А. Эйнштейн замечает, что к логической цепи, связывающей теорию и наблюдение, прибавляются новые звенья. Чтобы очистить путь, ведущий от теории к эксперименту, от ненужных и искусственных допущений, чтобы охватить все более обширную область фактов, мы должны делать цепь все длиннее и длиннее. Чем проще и фундаментальнее становятся наши допущения, тем сложнее математическое орудие нашего рассуждения; путь от теории к наблюдению становится длиннее, тоньше и сложнее.

Диалектика. Однако следует подчеркнуть, что теория, как бы ни была содержательна, точна, глубока, совершенна и т. д., она не является ни абсолютной, ни завершенной, ни истиной в последней инстанции. Она всегда ограничена. Она содержит в себе общие сведения о предмете, знания в виде идеализированных допущений, абстрактных структур, постулатов и т. д. Следовательно, она всегда содержит в себе и истину, и гипотезу, и заблуждение, недоказанные моменты и т. д. и т. п.

Практика, жизнь гораздо богаче, чем любая теория. Всякая теория в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь приближается к охватыванию сложности жизни. Более того, теория окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой, что только тогда, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, становится достоверностью. Неисчерпаемость и многогранность практи-

ческой деятельности людей обуславливает неисчерпаемость процесса познания, где узловыми пунктами, ступеньками являются теории, последовательно возникающие одна за другой по линии восхождения, где, следовательно, каждая из себя представляет момент.

Теория входит в науку и не составляет там автономии, а вместе с другими теориями, сливаясь с ними, составляет содержание науки. Место, роль, функция теории в составе науки будет определяться местом, ролью господствующей фундаментальной теории, наукой в целом. Становление науки есть процесс превращения теорий в науку. Как известно, А. Смит и Д. Рикардо создали трудовую теорию стоимости. Маркс не отверг ее, а, напротив, использовал этот момент, создал множество других экономических теорий, которые в единстве, переплавленном виде составляют строгую систему субординированных теорий науки, марксистскую политическую экономию. Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, какой труд, почему и как образует стоимость, установил, что стоимость вообще есть не что иное, как кристаллизованный труд. Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и почему в силу присущего ему свойства стоимости — товар и товарный обмен должны порождать противоположность товара и денег; его основанная на этом теория денег есть первая исчерпывающая теория их. Основываясь на теории прибавочной стоимости, он развил первую научную теорию заработной платы, дал основные черты истории капиталистического накопления и изложил его исторические тенденции. Создав теорию процесса производства капитала в частности и в целом, он затем перешел к исследованию процесса обращения капитала, создал ряд теорий этого процесса. После всего этого Маркс исследовал процесс капиталистического производства, взятый в целом, тоже создав ряд теорий, выражавших этот процесс.

Наконец, теория становится фактом. Достигнув своего предела развития, она снимает себя в следующей, новой теории, с новыми принципами, составляя вместе с другими средствами ее фактический базис, ее эмпирическую стадию исследования, которая вновь есть единство знания и познания, достоверного и вероятного знания и т. д.

Все это показывает, что как теория, так и в особенности наука есть сложный, противоречивый процесс.

Софистика. Наука поэтому и называется наукой, потому что представляет из себя сумму или систему непротиворечивых, точных, истинных знаний.

Диалектика. К сожалению, такое мнение в литературе бытует.

Однако встречающиеся в литературе определения теории или науки как «системы точных, истинных, непротиворечивых знаний» не выдерживают научной критики. Ввиду того, что этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение, следует более или менее подробно остановиться на нем.

Во-первых, следует напомнить, что наука не состоит и никогда не состояла из одних точных знаний, из одних истин. В ней всегда имеется и истина, и заблуждение, и достоверное знание, и недостоверное знание, и гипотеза, и процесс доказательств и т. д. Следовательно, она есть единство противоположностей. Ее жизнедеятельность, жизненность, неисчерпаемость, восхождение, усложнение, развитие и т. д. обусловлено ее саморазорванностью в себе самой на свои противоположности, которые одновременно тождественны и различны.

Во-вторых, эта саморазорванность, самораздвоенность науки на противоположности и есть то противоречие, которое является внутренним источником, «импульсом» ее самодвижения. И когда говорят, что научные знания не должны быть противоречивыми, то прежде всего возникает вопрос: почему такое исключение делается для науки?

В-третьих, именно потому, что наука внутренне противоречива, она есть процесс. Необходимо подчеркивать тот неоспоримый факт, что наука не есть покоящаяся сумма знаний, а есть процесс, *процесс производства научного знания*. Это производство, как и материальное производство, производит свою продукцию. Подобно тому как материальное производство производит средства производственного и индивидуального потребления, так и научное производство производит продукцию или средства производственного и индивидуального потребления.

Производственное научное знание имеет двоякое назначение: 1) оно вовлекается в процесс производства нового научного знания, то есть в научное исследование в качестве средства научного производства и 2) оно опредмечивается, непосредственно удовлетворяет потребности, имеет утилитарное значение на практике и в кристаллизированном виде переходит на страницы учебников и книг для подготовки кадров — тоже в интересах практики. Рассудок определяет науку на основе вот этих готовых, точных, истинных и т. д. знаний, изложенных в книгах и в других средствах информации. Он не хочет знать самого главного. А самое главное в науке не сумма готовых знаний, а *научное исследование, то есть сам процесс производства и воспроизводства научных знаний*. Конечно, пока под наукой понимают вот эту сумму готовых знаний, неизбежно приходят к ложному выводу, что наука есть сумма непротиворечивых знаний. Но ведь эта «сумма» не есть сама по себе

наука, а готовая продукция науки. Смещивать готовую продукцию науки с процессом производства этой продукции то же самое, если бы смешивать материальное производство с его продукцией. Пока мы рассматриваем эту готовую продукцию самое по себе, в готовом, статическом состоянии, мы не наталкиваемся ни на какие противоречия. Но как только мы рассматриваем внутреннее единство производства и потребления такими, какими они есть в себе, то приходим к другому выводу: производство есть потребление, потребление есть производство, каждое из них содержит в себе свое другое, обуславливает другое и определяется им. Но ведь это тождество противоположностей и есть их жизненность, есть противоречие. Вместе с тем производство производит не только готовую продукцию в виде предметов потребления, но и *потребность* в потребителе, которая есть цель, мотив и т. д. производства. Точно также научное производство, кроме готовых истинных знаний, производит и воспроизводит гипотезу, да и заблуждения.

Из сказанного следует, что наука не есть сумма готовых знаний, а прежде всего она есть процесс, процесс производства научных знаний как для самого производства научных знаний, так и для удовлетворения непосредственно потребностей практики. Поэтому наша дефиниция науки должна выражать следующие характерные ее черты: 1. Наука есть процесс производства и воспроизводства научных знаний; 2. Наука есть противоречивый процесс; 3. Наука есть процесс производства истины и заблуждения, вероятного и невероятного знания, гипотезы и других средств, компонентов в их единстве; 4. Производство научного знания имеет два аспекта: научное исследование — со своими эмпирической и теоретической стадиями, что является главной, решающей стороной ее, и утилитарную сторону, которая удовлетворяет непосредственно запросы и потребности практики.

Наука есть сложный диалектический процесс производства и воспроизводства научных знаний, в котором решающая, ведущая роль принадлежит научному исследованию. Что же касается результатов науки, т. е. ее готовой продукции, то, во-первых, она опредмечивается, превращается в практику, на ее основе люди практически изменяют действительность; во-вторых, она вовлекается в дальнейший процесс научного исследования; в-третьих, она переходит на страницы учебников, на ее основе готовятся кадры как для практики, так и для научного исследования; в-четвертых, она выполняет и такую задачу, как разработка методов технологического, технического, специального и т. п. освоения познанных законов.

ИСТИНА И ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Диалектика. Основным содержанием всех принципов научного познания является вопрос об истине. Не психология, не феноменология духа, а логика — вопрос об истине. Поскольку познание означает процесс воспроизведения в человеческой голове содержания объекта, то встает вопрос о совпадении идеального с материальным. Категория истины и выражает тождество мышления и бытия.

Авторы, отрицающие тождество бытия и мышления, во-первых, утверждают, что диалектический материализм есть наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления. Следовательно, раз бытие и мышление подчиняются одним и тем же законам, то не могут не быть тождественными; во-вторых, они, определяя истину как совпадение мысли с предметом, тем самым подчеркивают тождество мысли предмету, то есть мышления и бытия. Без тождества бытия и мышления не было бы никакого познания; в-третьих, доказывая, что диалектика есть учение о тождестве противоположностей, тем самым доказывают тождество мышления и бытия, ибо последние есть противоположности; в-четвертых, эти авторы неправильно ссылаются на ленинскую критику положения тождества: «общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны». Они либо не понимают, о чем здесь идет речь, либо делают вид, что не понимают. Но так или иначе они грешат против истины, в интересах которой нужно дать некоторое пояснение. Как известно, махист Богданов решил исправить Маркса, исходя из своего идеализма. Поскольку для него не существует объективной реальности независимо от ощущений — сознания вообще, а все есть ощущения и комплексы ощущений, то он этот свой идеализм решил распространить и на общество. Следовательно, в его понимании и общество есть комплексы ощущений. Следовательно, идеалист не может не отвергать объективность общественного бытия и его решающую роль, не может не отождествлять общественное бытие и общественное сознание. Это отождествление означает, что Богданов проводит принцип формально-логического тождества. В таком тождестве нет противоположностей, нет объективного общественного бытия, последнее утратило себя полностью, и единственной реальностью являются ощущения. В. И. Ленин весь огонь своей беспощадной критики направил против субъективизма, который проводил Богданов путем отождествления общественного бытия и общественного сознания. Поэтому В. И. Ленин совершенно верно подчеркивал, что о таком отождествлении (фор-

мально-логическом тождестве) общественного бытия и общественного сознания речи быть не может, и разъяснял, что общественное бытие является объективным, существует независимо от сознания, а последнее является его отражением. Следовательно, у Богданова нет речи о тождестве противоположностей, а речь идет о формально-логическом тождестве. И это нужно ясно и определенно подчеркивать, дабы не подменять формально-логическое тождество диалектическим, являющимся всегда тождеством противоположностей.

Софистика. Это Платон считал, что истина есть вечное, неизменное свойство идеальных объектов, врожденные идеи или понятия. Стало быть, с самого начала философии существует представление об истине как тождестве бытия и мышления. Правда, в этом вопросе Аристотель стоял на материалистических позициях. В его понимании истина есть совпадение знания с предметом: прав тот, писал он, кто считает разделенное в действительности разделенным и соединенное — соединенным. Но в дальнейшем линию Платона развивает Гегель.

Диалектика. Важный вклад в разработку проблемы вносит немецкая классическая философия, в особенности гегелевская. Кант, правда, первым пытается применять диалектику к теории познания, однако безуспешно, ибо в силу обстоятельств он проводит линию агностицизма.

Софистика. Выходит, своим агностицизмом Кант внес вклад в теорию познания?

Диалектика. Агностицизм антинаучное течение в теории познания. Но положительное значение всякого антинаучного течения состоит в том, что оно порождает науку, превращается в науку. Хотя агностицизм помешал Канту разобрать проблему истины, но способствовал тому, что более полно и всесторонне эту проблему разработал Гегель. Прежде всего он вскрывает научную несостоятельность агностицизма Канта. Доказывая содержательность категорий, Гегель обосновывает объективность рассмотрения, познание объекта таким, как он есть. Несуразно истинное познание, пишет он против Канта, не познающее предмета, как он есть в себе, а вещи в себе Канта есть не что иное как не имеющие истинности пустые абстракции. Кантовская философия исходит из ложной позиции, будто разум не способен познать никакого истинного содержания и в отношении абсолютной истины следует отсылать к вере, она служит подушкой для лености мысли, успокаивающейся на том, что все уже доказано и порешено. Гегель особенно резко возражает против утверждения Канта о непознаваемости бога. Это ничтожное учение, мнимое познание дерзнуло присвоить себе название философии, возмущается он. Истин-

ное мышление, пишет Гегель, мыслит так, что его содержание вместе с тем не субъективно, а объективно.

У Канта «Я» являлся трансцендентальным субъектом мыслей и имел то неудобство, что для какого-либо суждения о нем мы постоянно должны уже пользоваться им. Кант просто следовал юмовой скептической манере, а именно твердо стоял на том, каким является «Я» в самосознании, отбрасывая из него, — так как надлежало познать его, как сущность, как вещь в себе, — все эмпирическое; таким образом, не оставалось ничего, кроме этого явления; «Я» мыслю, — которое сопровождает все представления и о котором мы не имеем ни малейшего понятия. Несомненно, следует согласиться с тем, что ни о «Я», ни о чем бы то ни было, даже о понятии, мы не имеем ни малейшего понятия, откуда мы не постигаем истину в понятии, а останавливаемся на простом, неподвижном представлении и названии. Но останавливаться на явлениях и на том, что в обыденном сознании оказывается просто представлением, значит отказываться от понятия и философии. Объекту приписывается некоторое неведомое свойство быть вещью в себе за пределами познания, и последняя, а вместе с тем и истина рассматривается как нечто абсолютно потустороннее для познания. Определения мысли вообще, категории, определения рефлексии, равно как формальное понятие и его моменты, получают в этом понимании положение не таких определений, которые конечны сами по себе, а конечных в том смысле, что они суть нечто субъективное по сравнению с упомянутым пустым свойством быть вещью в себе; принятие этого неистинного отношения познания за истинное есть заблуждение.

Истина у Гегеля перестает быть собранием готовых догматических положений, а заключается теперь в самом процессе познания, в длительном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на все более и более высокие и так — до бесконечности. Истина есть тождество понятия и объективности. Первоначально под истиной понимают то, что я знаю, как нечто существует. Это, однако, истина лишь по отношению к сознанию или формальная истина, — только правильность. Истина же в более глубоком смысле состоит в том, что объективность тождественна с понятием. Она отношение для себя сущей субъективности простого понятия и его отличной от нее объективности. Она есть процесс, направленный к разделению себя на индивидуальность и на ее природу, процесс погружения ума в природу ради подчинения ее власти субъекта. Человек не должен представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины, образа — бледного, тусклого, без стремления, без движения.

Софистика. Допустим, все это подробное изложение позиции Гегеля против Канта верно.

Однако критика Гегелем Канта есть критика «справа», критика последовательным идеалистом непоследовательного идеалиста, допускающего элементы материализма.

У Гегеля познание есть односторонне раздутое логическое познание, которое абсолютизируется и отрывается от чувственного познания. Оно есть движение чистых мыслей, содержание которых принадлежит мышлению и произошло от него. Оно есть саморазвитие понятия, или разума, идеи. Понятия, категории являясь не отражением действительных вещей и процессов в голове человека, а, напротив, вещи являются лишь «воплотившимися» отражениями мистической идеи. Мысль есть душа, сущность вещей. Вещи и мысли о них «совпадают в себе и для себя». Объективное понятие вещей, пишет он, составляет самое вещь. Вещь не может быть для нас ничем иным, кроме как нашим понятием о ней. Если мы хотим говорить о вещах, то мы равным образом называем их природу или сущность их понятием, а последнее существует только для мышления. Нечто имеет действительность лишь в своем понятии. Отрешение от понятия есть недействительность и уничтожение. Так, для того, чтобы быть содержанием, требуется нечто большее, чем один лишь чувственный материал. А что же такое это большее? Не что иное, как мысли, а в данном случае прежде всего категории.

Но постижение вещи не может быть истинным, когда отрицается ее объективное бытие, когда вещи извне навязывается нечто субъективное, приписывается ей субъективное мнение, ничего общего не имеющее с ней. В этом случае к вещи в самой себе приписывается нечто субъективное, что нарушает объективность ее рассмотрения.

Объективный идеализм исходит из того, что вещь сама по себе (а также вся материя) сотворена абсолютной идеей или каким-то внечеловеческим духовным началом. Например, Гегель считал, что объективный мир (следовательно, и вещь в себе) является вторичным, производным абсолютной идеи, творением последней. Суть этой «спекулятивной конструкции» состоит в том, что Гегель человеческое понятие, отражающее действительность, отрывает от последней и от человека, превращает его в самостоятельную сущность, субстанцию, в абсолютную идею, будто существующую вечно до мира и человека.

И вот эта вымышленная идея, по Гегелю, есть истина, сущность явлений природы и общества, есть источник и основа всего сущего. В отличие от субъективного идеализма Гегель допускает существование материального мира без человека и до человека,

но он его считает «отчуждением», «инобытием» абсолютной идеи, как бы ее деградацией. Природа и общество есть ее постоянное осуществление и моменты ее проявления. Оно не только предшествует по времени материи, но и при обнаружении себя в природе «чистые мысли» воплощаются в телесные формы. Гегель, таким образом, выводит реальный мир из мистической идеи, отрицает его вечность и несотворимость, вместе с тем лишает его диалектического развития. По Гегелю, диалектические законы развития действуют только в мысли, идее. Природа же может развертывать свое многообразие лишь в пространстве. Гносеологическими корнями идеализма Гегеля является абсолютизация логического познания, отрыв его от чувственного познания, а через это — и отрыв от практики, от материи.

Из сказанного видно, что у Гегеля мистификации подвергается не только объективная действительность, но и человеческое мышление. Последнее у него отнюдь не является функцией общественно-исторического человека, продуктом общественного развития, действительным источником которого является общественно-историческая практика материально-производственной деятельности людей, а представляет собой функцию вымышленной абсолютной идеи. Все это значит, что Гегель не мог внести ничего положительного в теорию познания.

Диалектика. Нет, не значит! Вы делаете неверный вывод. Историческую ограниченность философии Гегеля нужно было преодолеть, снять, не отвергать, а спасти все разумное, истинное и ценное, что сделали классики марксизма!

Софистика. Каков вклад старого материализма в разработку проблемы?

Диалектика. Старый материализм внес ценный вклад в разработку проблемы. Его заслуга состоит в том, что он в борьбе с мистикой и идеализмом доказывает неразрывную связь познания с материальным миром, но в то же время разрабатывает метафизический взгляд на истину.

Однако не видя решающей роли общественно-исторической практики как в познании, так и в преобразовании действительности, старый материализм, разумеется, не смог выработать научную теорию истины. Он, во-первых, хотя и признает объект познания материальным, а истину его отражением, существующим независимо от субъекта познания, но понимает его абстрактно, не конкретно. Вещь в себе для него внутренне не противоречива, не содержит в себе внутренне присущего источника самодвижения; этот источник он видит вне вещи, а ее развитие понимает как количественные изменения, как убавление или прибавление, как повторение — без скачков, без перерыва постепенности, без проти-

воречий. Во-вторых, в понимании этого материализма не только объект познания, но и субъект познания есть абстракт. Действительную человеческую сущность он понимает не как совокупность общественных отношений, а как абстракт, присущий отдельному индивиду, как немую общность, связующую множество индивидов только природными узами. В-третьих, он недостаточно исследовал субъект познания — само человеческое мышление, его формы, его предметность и деятельную преобразующую через практику роль. Это объясняется отчасти его метафизичностью и созерцательностью, отчасти характером и формами его борьбы против идеализма. Если идеализм активность мышления непомерно раздувал, абсолютизировал, отрывая его от «чувственности», то метафизический материализм, наоборот, не видел активной роли мышления в процессе познания и преобразования действительности. В-четвертых, он отрицал противоречивый характер познания. Это выражалось в том, что он, с одной стороны, понимал мышление как простое продолжение ощущений, не видел в процессе познания скачка, решающего поворота от ощущений к мышлению, нередко считая разум шестым чувством (Дидро). С другой стороны, он рассматривал познание вне движения и развития, догматически, каждое новое достижение в науке выдавал за абсолютную истину. Основная беда этого материализма есть неумение применить диалектику к теории отражения, к процессу и развитию познания. В-пятых, он отрицал решающую роль общественно-производственной практики в познании. Это выражалось в том, что, с одной стороны, понимая практику идеалистически, он критерием правильности познания считал либо ощущения (сенсуализм), либо разум (рационализм), либо и ощущения и разум вместе, но только не практику в научном ее понимании. С другой стороны, основой мышления он считал природу как таковую, не видел того, что природа сама по себе оставляет открытым вопрос об источнике мышления, что не природа, а изменение природы человеком (то есть опять-таки общественно-производственная практика) является основой возникновения и развития мышления. Отрицающий противоречивый характер мышления и решающую роль практики в познании, он не понял преобразующей роли мышления, которое активно воздействует через практику на мир.

Софистика. Каковы бы ни были взгляды на проблему, они всегда исторически ограничены, то же самое нужно сказать о современных учениях об истине.

Диалектика. Дело не в этом, а в характере ограниченности. Так, говоря об исторической ограниченности домарксистской философии по проблеме, следует подчеркнуть, что, безусловно, домарксистские философы — сенсуалисты (Локк, французские материа-

листы XVIII в., Фейербах), считавшие истинной содержание ощущений, и рационалисты (Декарт, Спиноза, Гегель), считавшие источником истины разум, — так или иначе высоко ставили проблему истины, каждый из них старался внести крупицу истины в проблему, — подчеркивали одни — роль ощущений, восприятий, другие — роль рассудка, разума в постижении истины. Но этого нельзя утверждать о современной буржуазной философии в целом. Решение проблемы истины ею — ярчайшее доказательство ее глубокого кризиса и вырождения. Она либо не ставит этой проблемы, явно игнорирует, даже третирует ее, либо, если ставит, то дает ей иррациональное толкование. Она отвергает объективные закономерности развития, сеет пессимизм, суеверия и всякую мистику. Все направления современной буржуазной философии не смогли, не могут дать научного ответа на вопросы, выдвигаемые жизнью. Буржуазия уже не в состоянии выдвинуть идеи, которые могли бы увлечь за собой народные массы. Все больше людей в капиталистических странах порывает с буржуазным мировоззрением.

И неопозитивизм, и прагматизм, и неотомизм, и экзистенциализм как в целом, так и их многочисленные разновидности в отдельности переживают деградацию. Общая характерная их особенность — это *страх перед разумом, уход от истины, крайний иррационализм.*

Софистика. Названные Вами направления современной философии непосредственно, прямо не ставят вопроса об истине, и тем более не исследуют его. Однако более подробно, чем другие направления, проблему истины непосредственно рассматривают представители прагматизма. Основные принципы теории прагматизма об истине разработаны Т. Пирсом. В его понимании истина — это то, во что мы верим, это верование. Каждое верование является истинным. То, во что вы никак не можете верить, строго говоря, не есть ошибочное верование. Другими словами, для нас оно есть абсолютная истина. Вместе с тем истина выступает как такое верование, которое позволяет действовать успешно. В этом смысле истина означает лишь способ достигнуть чьих-либо целей. Прагматизм, по Пирсу, и есть учение о том, что истина состоит в будущей полезности для наших целей.

Диалектика. Верно, прагматизм непосредственно исследовал проблему, и в особенности его такая разновидность, как инструментализм. Суть инструментализма Дьюи состоит в следующем: поскольку это приспособление активно, то на первый план выдвигаются действие и поведение человека. Его идеи, планы, намерения выступают как инструменты его целенаправленного действия. Идеи, значения, концепции, понятия, теории, системы инструмен-

тальны по отношению к активной реорганизации данной среды. Истинность — это одно из многих прилагательных, характеризующих способность идей вести нас к желательной цели. Если они справляются с этой обязанностью, они надежны, здравы, обоснованны, хороши, истинны.

Развивая и уточняя концепцию Джемса, Дьюн считает, что истина для инструментализма — это не любые успехи, полезность или удовлетворение, но лишь те, которые связаны с решением специфической проблемы. Истина как полезность означает такую услугу в деле реорганизации опыта, на оказание которой претендует идея или теория. Но вместе с тем весьма симптоматично, что Дьюи в конце концов заменяет термин «истина» термином «оправданная убеждаемость», под которым понимает результат успешно проведенного исследования. Теперь ясно, что Дьюн не только по содержанию, но даже по форме отвергает истину.

Таким образом, современная буржуазная философия делает шаг назад от рубежей, достигнутых домарксистской философией, повторяя слабые стороны последней и отбрасывая все ценное. Вместе с тем она не только идеалистична в сущности, но и насквозь метафизична. Это мы видим, например, из того факта, что она неслучайно преувеличила элементы догматизма и релятивизма, имевшие место в домарксистской философии, причем используя с этой целью достижения современной науки.

Софистика. Как она может использовать достижения современной науки в целях идеализма и метафизики, если эти достижения направлены и против идеализма, и против метафизики?

Диалектика. В том-то и дело, что она не брезгует никакими средствами в борьбе против научного мировоззрения. Это выражается в том, что она характеризуется в целом двумя крайностями — релятивизмом и догматизмом. Для современного метафизического мышления характерна абсолютизация отношения вещей, предметов, которое приобретает все более и более актуальное значение в научном познании. В частности, релятивизм софистически использует такие достижения современной науки, как теория относительности.

В связи с созданием теории относительности и открытием субатомных закономерностей, прежний метафизический принцип о неизменности качеств безусловно утратил свое значение. Исходя из этого факта, буржуазная философия совершает переход от этого принципа к релятивистскому принципу, согласно которому предметы растворяются в отношениях. В абсолютно непрерывном изменении исчезает то, что должно измениться, движение исключает предмет движения, а во взаимодействиях исчезают взаимодействующие стороны. Абсолютизация момента прерывности, дис-

кренности приводит к его отрыву от непрерывности — прерывность и непрерывность изображаются уродливо, однобоко, как рядоположенные, внутренние не взаимосвязанные противоположности. Но такое понимание выхолащивает суть развития. И для дела не имеет значения, в какой форме это делается — абсолютизируется ли отношение в форме прагматического принципа непрерывности, в форме единого, неделимого целого в духе идеалистического монизма, или в форме концепции «внешних отношений» Рассела, или в форме понимания истины прагматизмом. Метафизическое искажение отношения выступает также в виде абсолютизации его устойчивости, что ведет к догматизму.

Софистика. Истина бывает обыденной и научной, более глубокой и менее глубокой, более точной и менее точной, абсолютной и относительной и т. д.

Диалектика. Следует подчеркнуть, что, во-первых, всякая истина — поскольку она истина — есть точное знание, ибо истина есть адекватное отражение предмета, а неточное, не адекватное отражение не есть истина. Следовательно, на пути «точного» и «неточного» невозможно находить отличие между относительной и абсолютной истиной. Во-вторых, деление истин на абсолютные и относительные по принципу: вот эта истина — абсолютная, а вот эта — относительная означает, что рассматривается абсолютное и относительное как рядоположенные, существующие возле друг друга противоположности.

Софистика. Как же так? А ведь абсолютные истины принадлежат к числу тех, которые, будучи раз выражены с полной ясностью и доказательностью, не встречают больше доказательных возражений. Например, «Земля вращается вокруг Солнца». К абсолютным истинам относятся установленные с полной достоверностью факты и т. д.

Диалектика. То, что не выражено с «полной ясностью и доказательностью», есть все, что угодно, только не истина. Следовательно, нет такого критерия, по которому можно классифицировать истины, на выраженные «с полной ясностью и доказательностью» и на выраженные «не с полной ясностью и доказательностью».

Софистика. Абсолютная истина есть такое отражение вещей, которое остается при всех условиях их существования и не может быть опровергнуто в будущем.

Диалектика. Нет такой истины, которая была бы когда-либо опровергнута. Поэтому знание «Земля вращается вокруг Солнца» так же абсолютно, как и относительно. То, что опровергается дальнейшим развитием науки и практики, вовсе не было истиной, а было либо заблуждением, либо моментом истины, но выдава-

лось за полную истину. Но у нас речь об истине. Ни одна истина никогда и ни при каких условиях не может и не должна быть опровергнута, в противном случае не было бы никакого прогресса. Конечно, инквизиция могла даже сжечь на костре ученого, который был носителем истины, но от этого истина не была опровергнута. Каково было бы положение человечества, если бы одни истины (чаще всего уже ставшие тривиальными) были абсолютны, оставались бы верными при всех условиях существования отражаемых ими вещей, а другие — нет. Оно не имело бы никаких истин! То, что не остается верным, то не есть истина. Известно, что истина есть верное отражение.

Софистика. Раз истина есть процесс, то, следовательно, то, что есть истина сегодня, есть ложь завтра. И, наоборот, то, что ложь сегодня, то и истина завтра. Наукой давно доказано, что по мере прогресса познания человечество все более преодолевает относительность истины и все более приближается к абсолютной истине.

Диалектика. Такое мнение исходит опять-таки из того же принципа рядоположенности истин: одни истины относительны, другие — абсолютны. Между тем истина есть тождество противоположностей — абсолютного и относительного знания. Она *одно-временно в одном и том же отношении и абсолютна и относительна*. Стало быть, нет абсолютных и относительных истин, существующих как рядоположенные. Абсолютная истина есть полное, исчерпывающее знание. Относительная истина есть неполное, не исчерпывающее знание.

Софистика. Это означает, что существуют истины двух рядов, двух уровней — абсолютной и относительной истин, что подтверждается приведенными Вами дефинициями истин.

Диалектика. Эти дефиниции и создают внешнее впечатление о существовании двух рядов истин. Однако ближайшее рассмотрение покажет, что *всегда и всюду в одном и том же отношении полное знание есть неполное, неполное есть полное*. Полное, исчерпывающее знание, проверенное практикой как адекватно верное отражение в формах сознания данного предмета является в то же время неполным. Всякое истинное знание является исчерпывающим, полным лишь в своих пределах, в пределах совпадения мысли с данной стороной, с данным уровнем, качеством, моментом предмета. Но это же исчерпывающее знание является не исчерпывающим, во-первых, потому что мы оставили в стороне другие стороны, качества, свойства, моменты и т. д. предмета. Во-вторых, это исчерпывающее знание в его пределах является неисчерпывающим, относительным, поскольку данная сторона предмета, исчерпывающе отраженная в нашей голове в данный момент, как и сам предмет в целом, со всеми внутренними и внеш-

ними сторонами, есть процесс, следовательно, исчерпывающее отражение также должно быть процессом, в противном случае возникает опасность догматизма. В-третьих, исчерпывающее отражение данной стороны есть момент всего процесса познания. Стало быть, эти три аргумента абсолютно убеждают в том, что любая истина есть одновременно и абсолютная и относительная.

Возьмем тот же пример, который приводится в учебной литературе: «Земля вращается вокруг Солнца». Эта истина абсолютна? Безусловно! Относительна? Безусловно! Она абсолютна потому, что это так, это знание, проверенное практикой и наукой, абсолютно верное отражение в голове субъекта самого объективного факта вращения Земли вокруг Солнца. Если даже когда-либо исчезнет наша солнечная система вместе с нашей Землей, даже тогда невозможно опровергнуть факт вращения Земли вокруг Солнца в такое-то время. Но это исчерпывающее, абсолютно верное знание относительно, что доказывают приведенные выше три аргумента. Это относится ко всем истинам, как обыденным, так и научным.

Софистика. К абсолютным истинам относятся установленные с полной достоверностью факты, даты событий, рождения и смерти: «Париж находится во Франции; Наполеон умер 5 мая 1821 г.» и т. д.

Диалектика. Эти банальности, конечно, абсолютно истинные, ибо они истинно отражают объективно существующие факты. Но они в то же время относительны, что доказывается теми же тремя аргументами, приведенными выше.

Если даже объявить, что абсолютной истиной является сумма всех относительных истин, и тогда она будет относительной, ибо познание есть неисчерпаемый процесс.

Софистика. Но ведь сказанное Вами и означает, что в одних условиях нечто есть истина, а в других это нечто становится заблуждением и, наоборот.

Диалектика. Это, не так! Когда говорят, что нечто тогда-то было истиной, а затем люди пришли к выводу, что это нечто есть заблуждение, то они в действительности имели дело с заблуждением, но выдавали его за истину. Или долю истины выдавали за полную. Это и создает иллюзию того, что по мере развития истина опровергается и заменяется новой.

Софистика. Представления о заблуждении также восходят к истокам философского мышления. Эта проблема ставилась одновременно с проблемой истины еще в античной философии. Уже здесь заблуждение рассматривается как несовпадение ума, воли с законами универсума. В средневековой религии заблуждение рас-

смачивается как искажение божественной истины, вызванное злой волей.

Философы нового времени Бэкон, Декарт, Спиноза заблуждение истолковывают как результат искажающего влияния воли на разум. В их понимании, поскольку человеческая воля свободна, шире разума, питает его и влияет на него, — постольку она и рождает заблуждение. Поэтому в познании идеи неадекватные возникают также неизбежно, как и идеи адекватные. И те и другие детерминированы социальными и природными условиями, следовательно, учение индетерминистов и всякой религиозной мистики несостоятельно. Ламетри, Дидро, Гельвеций и другие французские материалисты источник заблуждения видели в инстинкте, подчинении личности интересу, социальной группы — групповому интересу, господствующих слоев — политическому интересу. По их мнению, достаточно с помощью разума открыть эти источники заблуждения, чтобы построить разумное общество без заблуждений.

Гоббс, Локк, Юм источник заблуждения видят в ошибке суждения. Подобно тому, писал Гоббс, как люди обязаны всем своим истинным познанием правильному пониманию словесных выражений, так и основание всех их заблуждений кроется в неправильном понимании последних. Эту линию развил дальше Кант. В его понимании заблуждение есть следствие смещения субъективных и объективных основ суждения, что приводит к неправомерному выходу индивидуального сознания за пределы чувственного опыта. Оно есть «нравственное несовершенство», «коренное зло». Фихте считает, что в противоположность истине, произведенной «Я» свободно, заблуждение производится «Я» несвободно, под воздействием внешних условий.

Гегель выступает как против субъективизма Канта и Фихте, так и против метафизического противопоставления истины и заблуждения. Он считает, что заблуждение является не внешней, а внутренней противоположностью истины. Потому оно также закономерно, как и истина. Источником заблуждения является сама противоречивая природа познания, где всегда есть момент знания и момент негативной по отношению к знанию предметности. Ложное знание о чем-нибудь означает неравенство знания с его субстанцией. Заблуждение — это истина в «форме неистинного». Важно не то, что констатируют заблуждение, а то, как оно возникает. А возникает оно необходимо, как порождение данного этапа развития истины. Заблуждение есть нечто положительное, как мнение касательно того, что не есть само по себе сущее мнение, знающее и отстаивающее себя. Заблуждение необходимо для того, чтобы истина подвергла его отрицанию. Потому оно и входит

в истину, как ее другое, без чего не было бы никакого другого пути развития истины. Таким образом, до Вас философы разных времен выражали свое отношение к проблеме, охватывая ее с разных сторон в разной форме. В чем же отличие Вашего решения проблемы?

Диалектика. С Вашим обзором можно согласиться, отличие состоит в следующем. Процесс познания производит и воспроизводит одновременно как истину, так и заблуждение. Заблуждение является не только внутренне необходимым моментом истины, но и его преодоление является необходимостью. В процессе материальной практики и познания возникновение заблуждения и его преодоление, преодоление и возникновение из себя представляет одновременный процесс, который обуславливает возникновение новых истин или обогащение, углубление, расширение, сужение старых истин. Поэтому категория истины в тождестве со своей противоположностью — заблуждением является верховным судьей, господствующим над ним и подчиняющим его целям познания и практики.

Софистика. Вы все объясняете из материальной практики. Но заблуждение не есть истинное отражение предмета, следовательно, оторвано от него. Возьмем, к примеру, такую форму заблуждения, как религия. Она сфера фантастики, сверхъестественного, следовательно, ее вовсе невозможно объяснить из материальной практики, то есть не имеет источника в действительном мире и не отражает ничего реального.

Диалектика. Следует подчеркнуть, что всякое заблуждение есть отражение объективной действительности, имеет «земную основу», даже самое иллюзорное, превратное, фантастическое или односторонне раздутое. Поэтому не должно быть никакой иллюзии относительно того, будто заблуждение абсолютно ничего не отражает в объективной реальности. В противном случае протаскивается линия объективного идеализма и теологии, суть которых как раз состоит в том, что не мысли, мышление есть отражение реального мира, а, наоборот, реальный мир есть отражение и проявление мышления.

Заблуждение имеет место во всех сферах познания и деятельности людей. Его формами являются: религия, идеализм, разного рода предрассудки, заблуждения в обыденной жизни, в сфере морали, искусства, науки, в экономических и политических отношениях и т. д. Все эти формы заблуждения, безусловно, отличаются друг от друга. Однако все они имеют социальные и гносеологические корни, рождены и рождаются определенными реальными земными условиями и в сущности характеризуются односто-

ропностью, абсолютизацией, раздвиганием одной из черточек, одного из моментов познания. Абсолютизация истины и есть ее превращение в заблуждение. Однако заблуждение как несоответствие субъективного образа объективной действительности вместе с тем обусловлено ограниченностью власти людей над природой и над своими отношениями, уровнем общественно-исторической практики. Разумеется, социальные мотивы переплетаются с гносеологическими, и только в этом единстве возможно заблуждение. Но вместе с тем их роль различна. Причем сама решающая роль социального фактора бывает в разной степени в разных условиях. Так, когда социальное развивается в русле развития познания, то эта роль как бы уменьшается. И, наоборот, несравненно повышается эта роль, когда оно действует против развития познания. Но вместе с тем в этом случае познание больше испытывает внутреннюю потребность своего развития. Как известно, создание идеалистической системы потребовало от Гегеля больших усилий, чем создание диалектического метода.

Однако мы подчеркиваем: в целом материальная практика играет решающую роль в познании, следовательно, также — производство и преодоления заблуждения.

Эта проблема, пожалуй, является одной из сложных как по форме, так и по содержанию, как по постановке, так и по ее решению. Безусловно то, что во взаимодействии практики и познания, равно как и практики и заблуждения, мы не можем не исходить из решающей роли практики.

Софистика. В подтверждение нашей точки зрения сошлемся на факт существования пережитков прошлого, то есть капитализма в сознании людей. При социализме пережитки прошлого существуют только в сознании, но не имеют корней в материальной практике. При социализме религия не имеет «социальных корней». Следовательно, материальная деятельность людей не является источником всякого рода заблуждения при социализме, но, возможно, является решающим условием преодоления всякого рода заблуждения.

Диалектика. Такое утверждение — отход от общеизвестных, ясных, принципиальных положений о том, что на первой фазе коммунистической формации во всех сферах общественной жизни — экономической, политической, культурной — сохраняются «родимые пятна» прошлого общества, из чрева которого она возникает.

Софистика. Позвольте, но ведь, во-первых, в экономике социализма господствуют безраздельно социалистические производственные отношения, а пережитки прошлого существуют в сознании людей; во-вторых, эти пережитки, скажем, религиозные, существ-

вуют в сознании не дореволюционных людей, а людей нового поколения, рожденного и воспитанного при социализме. Причем тут социалистическая экономика, практика и т. д.?

Диалектика. При социализме невозможны пережитки прошлого в сознании людей без соответствующих практических, материальных отношений. Во все исторические эпохи общественно-производственная практика и порождала, и отвергала заблуждения, что обусловлено внутренней противоречивостью самой практики. Практика не теряет своей противоположности и при социализме. Она претерпевает глубокие качественные изменения, освобождается от классового антагонизма и т. д., но не освобождается от противоречий. Заблуждение, скажем, религия, преодолевается лишь в своей главной или основной социальной детерминации, но не во всех своих возможных объективных основах. В действительности глубокий корень заблуждения при социализме кроется в общественных, материальных и других отношениях и преодолевается в результате борьбы с ними. Тот, кто игнорирует объективные корни заблуждения при социализме, по всей вероятности, допускает спешку, игнорирует тот факт, что социализм по своей объективной природе, по своему объективному бытию, во всех отношениях еще не достиг такого уровня, чтобы объективные источники «пережитков» прошлого в сознании перестали действовать.

Что же касается «нового поколения», то оно появляется не в безвоздушном пространстве, а в обществе, где есть пережитки прошлого, которые также передаются «новому поколению», то есть воспроизводятся в определенных возможных пределах и при определенных условиях. Научный анализ генезиса разного рода заблуждений при социализме показывает, что их истинные причины следует искать в соответствующих социальных мотивах. Гносеологическое же играет роль только условия или, точнее, возможности соответствующего материала в возникновении тех или иных заблуждений. Следует особо подчеркнуть, что гносеологическое только в связи с определенным социальным фактором и на его основе из возможности превращается в действительность, приобретая значение гносеологической детерминанты. Только в этой связи возможность отрыва абстракций от действительности становится реальной возможностью и затем превращается в действительность. Возможность отрыва абстракций от действительности существует всегда, но только при наличии соответствующего социального фактора становится возможным возникновение заблуждения. И, наоборот, с исчезновением социального фактора с необходимостью исчезает и соответствующее следствие. Если бы гносеологический корень сам по себе без социального порождал бы заблуждение, то последнее было бы раз навсегда данным и не-

преодолимым. Гносеологическая возможность заблуждения в абстрактной форме всегда заложена в самой структуре познания, в частности, в его элементе абстрагирования. Раздвоение познания человека и возможность идеализма (=религии) даны уже в первой элементарной абстракции. Однако эта возможность приобретает значение гносеологической детерминанты заблуждения только лишь в определенных социальных условиях. С исчезновением социальной причины заблуждение теряет свое значение и соответствующую гносеологическую детерминанту. С исчезновением определенных детерминирующих социальных факторов гносеологическая возможность остается возможностью и только, то есть превращается не в действительность, а в *невозможность*. Гносеологический корень, таким образом, всецело находится в непосредственной зависимости от соответствующих социальных факторов.

Софистика. Не означает ли это, что без определенных гносеологических возможностей исключено возникновение заблуждения?

Диалектика. Заблуждение не возникает из одного гносеологического детерминанта, точно также оно не возникает и из одного социального детерминанта. Оно возникает из их единства.

Софистика. Если Вы объясняете все из этого единства и — более того — в этом единстве двух детерминантов Вы подчеркиваете решающую роль социального детерминанта, то не означает ли это следующее: раз народ в истории играет решающую роль, а не личность, или общественное бытие определяет сознание людей, а не наоборот, то за грехи или преступления личности и должен отвечать народ, ибо в этом случае народом обусловлено любое поведение и действие той или иной личности. Ну, скажем, при социализме нечестный человек может находить оправдание в следующем: «общественное бытие определяет сознание, народ играет решающую роль, а не я, следовательно, не я отвечаю за свои поступки, за свое поведение, а народ, общественное бытие».

Диалектика. Это вульгаризация, ибо не принимаются во внимание такие факторы, как свойства, качества этого человека, уровень, характер его воспитания, образования, черты его характера, его страсть, его субъективное желание быть непременно обманщиком, относительная самостоятельность его индивидуального сознания и индивидуальной психики, способность его сознания к свободным эмоциям, ассоциациям или его способности к обману, просто, из любопытства, его фантазия, приобретающая самостоятельное значение, его мечтательность, его привычки, традиции и бесчисленное множество социальных причинно-следствен-

ных связей, которые в единстве сделали этого человека нечестным.

Никто не должен игнорировать решающую роль общественной практики и в этом сущность всякой личности, совокупность всех общественных отношений. Придет время, когда в обществе не будет нечестных людей, и в этом решающее слово принадлежит практике, материальному производству.

Можно, конечно, всесторонне исследовать и через множество опосредствующих связей в конечном счете установить, чем, какими объективными факторами, причинами и т. д. обусловлены эти субъективные качества, черты характера и на этом основании утверждать, что в их возникновении, формировании решающую роль сыграл социальный детерминант. Это верно и против этого невозможно возражать. Беспричинных явлений не бывает. Однако связи бывают не только опосредованные, но и непосредственные. Личные качества человека, черты характера не есть мертвая абстракция, а его непосредственная жизнедеятельность, его функционирование, его деятельность и т. д. И при том или ином его действии, при принятии им решения и при его реализации эти черты действуют сами, непосредственно, проявляя себя в том или ином действии. Следовательно, если это действие есть заблуждение, то за него непосредственно отвечать должны не объективные источники черт его характера, а сами эти черты или их носитель, обладатель. В противном случае в обществе царила бы абсолютная безответственность, абсолютный произвол и хаос.

На основе и на фоне объективных действий и отношений людей черты характера, личные качества руководителя в решении того или иного конкретного вопроса, в том или ином конкретном действии может непосредственно получить решающее значение, играть решающую роль и, если оно заблуждение, иметь пагубные последствия.

Вместе с тем с дальнейшим общественным прогрессом, с утверждением коммунизма качественно изменится само заблуждение. От него отпадут его уродливые, преступные, реакционные формы. Это значит, что не только истина есть процесс, но и заблуждение.

ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА

Диалектика. Для постижения истины важное значение имеет принцип историзма.

Софистика. Научная истина постижима без какого-либо принципа историзма. Доказательством этого является вся история самой науки. Ни один представитель науки никогда ничего не знал и не знает о принципе историзма, но всегда постигал и постигает истину.

Диалектика. Во-первых, неверно, что «ни один представитель науки никогда ничего не знал» об этом принципе. Лучшие представители науки, такие, как Аристотель, Бекон, Гоббс, Декарт, Спиноза, французские материалисты XVIII в., Кант, в особенности Гегель разрабатывали те или иные моменты, элементы этого принципа. Во-вторых, те или иные моменты истины постижимы при стихийном, несознательном применении этого принципа вследствие его незнания. Но у нас речь идет об овладении этим принципом и о сознательном его применении в научном исследовании.

Софистика. Что же, в таком случае, представляет этот принцип?

Диалектика. Коротко суть этого принципа можно выразить так: смотреть на каждый вопрос с точки зрения того: 1) как известное явление в истории возникло, 2) какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, 3) чем оно стало теперь, 4) какова главная тенденция его развития, т. е. куда оно развивается.

Софистика. Ко всем ли явлениям применим этот принцип? Что из себя представляет принцип совпадения исторического и логического? Здесь мы имеем дело с одним принципом или двумя?

Диалектика. Логическое есть исправленное, освобожденное от случайностей, зигзагов историческое. Логическое есть такой способ (метод) рассмотрения, при котором исследуется не всякое, а *развитое состояние предмета*. Восхождение к конкретному есть не что иное, как воспроизведение в мысли этого развитого целого, конкретного. Логический метод исследования имеет дело с главными, основными, существенными, узловыми этапами исторического развития, выражающими сущность предмета, если рассматривать его в той точке, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы. Этот метод критически-творчески преодолевает недостаточность прошлых теорий, учений не с точки зрения того уровня предмета, на основе которых они возникли, а с точки зрения другого, более зрелого уровня, этапа развития

предмета. С достигнутого высшего — уровня результата — отчетливее, рельефнее видна как история возникновения и становления предмета, так и недостаточность прошлых теорий о нем. Поскольку результат всегда выше, богаче, конкретнее своего начала, а предмет — своих предпосылок возникновения, то развитие категорий, отражающих высшую ступень развития, позволяет правильно понимать историю возникновения предмета и творчески, критически преодолеть историческую ограниченность прошлых учений о предмете.

Софистика. Значит, мы имеем дело с двумя методами — историческим и логическим, между которыми ничего общего нет!

Диалектика. Логическое и историческое не только различны, но и тождественны. Их тождество состоит в том, что оба метода друг без друга невозможны, немыслимы. Исторический метод содержит в себе и для себя логический метод, а последний также в себе и для себя содержит исторический метод. Кроме того, тождество этих двух методов состоит в принципе их взаимопревращения. Индивидуальное сознание на различных его ступенях развития есть не что иное как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием; логика развитого мышления совпадает с историей формирования этой логики.

Софистика. Приведите пример.

Диалектика. Принцип совпадения логического и исторического хорошо иллюстрируется биогенетическим законом, суть которого состоит в следующем: зародышевое развитие является кратким повторением развития филогенетического; онтогенез — это краткое повторение (рекапитуляция) филогенеза. Ряд форм, через которые организм проходит в течение своего развития, начиная от яйцевой клетки до взрослой стадии, представляет собой сжатое повторение длинного ряда форм, пройденных его животными предками (то есть родоначальными формами его вида) с древнейшей эпохи так называемого органического творения и до настоящего времени. Причем это повторение является несравненно более быстрым, кратким, неполным.

В наиболее развитой форме, всесторонне этот принцип разработан К. Марксом в «Капитале». Маркс впервые установил, что проблема совпадения логического и исторического имеет два аспекта: во-первых, совпадение логического отражения познания предмета с историей самого отражаемого объективного предмета и, во-вторых, совпадение логического отражения предмета с историей его познания.

По поводу второго аспекта заметим следующее. Стадии инди-

видуального познания — чувственно-конкретное знание, абстрактное знание, мысленно-конкретное знание — совпадают в общем с историей развития учений о капитале. Первая стадия совпадает со взглядами меркантилистов (Джемс Стюарт и др.), которые делают первую попытку анализа капитализма. Они исходят из непосредственного бытия, данного в чувственном созерцании — из товарного обращения, из денег и видят в этом источник прибыли. Вторая стадия совпадает со взглядами физиократов (Ф. Кэне, Тюрго и др.), которые совершают попытку перехода от непосредственного бытия к его сущности и в земледельческом труде видят источник прибыли. А. Смит и Д. Рикардо дают абстрактное исследование сущности, что совпадает с абстрактным знанием в индивидуальном познании. Они создают трудовую теорию стоимости, доказывают, что не только земледельческий труд, но и труд как таковой в любой его форме создает стоимость. Третья стадия индивидуального познания — мысленно-конкретное знание совпадает с «Капиталом», который и есть мысленно-конкретное воспроизведение процесса капиталистического производства как целого.

Что же касается первого аспекта, то Маркс показывает, что капитал, как и любой предмет, возникает не на пустом месте, а из своих предпосылок, какими являются развитые товарно-денежные отношения. Но возникнув из них, построив свое тело из них, капитал сам производит товары и деньги. Эти предпосылки, которые первоначально выступали в качестве условий возникновения капитала и поэтому еще не могли вытекать из его деятельности *как капитала*, теперь являются результатами его собственно осуществления, *полагаемой* им действительности, являются *не условиями возникновения капитала, а результатами его бытия*.

Возникший из своих предпосылок, капитал проходит различные этапы и пути своего развития, восхождения, вбирая в себя старые и возникающие в процессе своего исторического развития новые моменты, становясь более конкретным, содержательным и т. д.

Итак, как сам предмет, так и его познание, как снежный ком катится вперед, унося с собою все прошлое, все приобретенное, становясь все богаче и конкретнее. Результат содержит в себе начало. Высшее потому является высшим, что содержит в себе богатство низшего. Вместе с тем каждый данный этап в развитии не только содержит в себе в снятом виде богатство своего предыдущего этапа, но и является предпосылкой своего следующего, высшего этапа. Каждый этап содержит в себе в виде возможности высший этап, который в свою очередь должен быть снят в следующем высшем этапе и т. д.

Софистика. В «Капитале» логическое и историческое не совпадают или в одном случае совпадают, а в другом — нет.

Диалектика. Последовательность логического развертывания категорий в «Капитале» от начала до конца воспроизводит историю товарно-денежных отношений, совпадая с ней. На всем протяжении исследования в анализе товара, затем формы стоимости: простой или случайной, полной или развернутой, всеобщей и денежной — дается глубокое теоретическое отражение исторического развития товарного производства и обращения. Далее логический переход от денег к капиталу является также отражением исторического перехода, о чем сам Маркс писал: «Этот переход есть в то же время и исторический. Дюпотопной формой капитала является торговый капитал, который всегда развивает деньги. Одновременно происходит возникновение действительного капитала из денег или купеческого капитала, овладевающего производством»¹.

Логический переход от этого к исследованию способов увеличения прибавочной стоимости — сначала абсолютной прибавочной стоимости и потом относительной, а затем анализ их единства также совпадает с историческим процессом. Это совпадение мы видим и в движении мысли от стоимости к цене производства. Маркс показывает, что обмен по стоимости возможен был лишь на ранней ступени товарного производства. Для обмена же по ценам производства требуется капиталистическая форма товарного производства. Поэтому закон стоимости исследуется раньше цены производства. Независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильно рассматривать стоимость товаров раньше анализа цен производства.

Софистика. Как же логическое и историческое в «Капитале» совпадают, если, скажем, торговый капитал, земельная рента и т. д. в истории возникли раньше промышленного капитала, а в «Капитале» исследуются после промышленного капитала?

Диалектика. Представьте себе, что это так. Сам Маркс следующим образом отвечает на это: «В ходе научного анализа в качестве исходного пункта образования общей нормы прибыли принимаются промышленные капиталы и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация благодаря посредничеству купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимостям, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, опосредствующая процесс воспроизводства. Первоначально торговая при-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 259.

большую часть определяет промышленную прибыль. Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала как соответственной части совокупного капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства»².

Вот почему «было бы недопустимым и ошибочным брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития»³.

Само собой разумеется, что, скажем, земельная рента, существовавшая до и независимо от промышленного капитала, совершенно не та земельная рента, которая существует при промышленном капитале, являясь производным от него, его продуктом, его моментом. Торговый капитал, купеческий капитал, торговая прибыль и т. д., возникшие исторически раньше промышленного капитала и независимо от него, абсолютно не те, что при нем, ибо они из состояния его предпосылок превратились в подчиненные ему продукты. И эти продукты нужно выводить, объяснять из промышленного капитала, а не наоборот. Здесь логическая последовательность развития этих категорий соответствует той исторической последовательности, в которой осуществилась эволюция самого промышленного капитала (а не чего бы то ни было другого) в его внутренне необходимой последовательности его моментов, поскольку «каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных производств. Это — общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это — особый эфир, который определяет удельный вес всего сущего, что в нем обнаруживается»⁴. Поэтому «капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт, и его следует разобрать раньше земельной собственности»⁵.

Следовательно, логическая последовательность рассмотрения

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 314—315.

³ Там же, т. 12, с. 734.

⁴ Там же, с. 733.

⁵ Там же, с. 733—734.

торговой прибыли, земельной ренты и т. д. после промышленного капитала и выражает принцип совпадения логического и исторического, а не наоборот, как утверждаете Вы, ибо речь идет не о том положении, которое исторически занимают экономические отношения в различных, следующих одна за другой общественных формах. Речь идет об их расчленении внутри современного буржуазного общества.

Софистика. Если капитал есть исходный и конечный пункт исследования, то почему анализ начинается с товара? Ведь Маркс в начале первого тома «Капитала» исходит из простого товарного производства, а не из самого капитала.

Диалектика. Верно, конечно, что в «Капитале» предметом исследования является капитал. Тем не менее исследование начинается с анализа товара, капиталистически не модифицированного, но являющегося «клеточкой» буржуазного общества, поскольку общие характеристики товарного производства вообще, исследованные здесь, имманентно присущи и капиталистически модифицированному товару. Весь первый отдел первого тома «Капитала» «товар и деньги» является анализом предпосылок капитала.

Софистика. Но в таком случае зачем Марксу нужно было исследовать докапиталистические формы, тем более что его предметом был развитый капитализм?

Диалектика. Это было вызвано интересами самого исследования капитала. Марксу нужно было критически-творчески преодолеть историческую ограниченность теорий Смита и Рикардо. Эта ограниченность состояла в том, что они не дали научного анализа ни двойственности труда, ни источника стоимости, ни ее формы, ни тайны происхождения денег и т. д. Маркс впервые дает анализ двойственности труда, доказывает, что субстанцией стоимости является не всякий труд, а абстрактный труд. Этот пункт он считал отправным, от которого зависит понимание политической экономии.

Вместе с тем Маркс в первом отделе исследует категории, последовательность которых воспроизводит их последовательность в истории, исследует форму стоимости, вскрывает тайну возникновения денег и т. д. и дает научный ответ на вопрос, как и в каких исторических условиях товарно-денежные отношения могли превратиться в капиталистические. Разумеется, если бы, скажем, до Маркса этот научный анализ был бы проделан кем-нибудь на том уровне, на котором это сделал Маркс, то он не задерживался бы на нем и, опираясь на него, начал бы свое исследование непосредственно с превращения денег в капитал, то есть с анализа собственного капитала.

Софистика. Общеизвестно положение, что если капитализм воз-

никает в недрах предыдущего строя — феодализма, то социализм не возникает в недрах предыдущего строя — капитализма. Поэтому буржуазная революция заканчивается захватом политической власти, а социалистическая революция начинается с захвата.

Диалектика. Это ошибочное положение. Любое явление, любой процесс возникает только тогда, когда имеются налицо его предпосылки, условия его возникновения.

Коммунистическая формация как качественно новая форма общества также возникает из своих необходимых определенных предпосылок: материальных, социально-политических, идеологических, этических, эстетических и т. д., которые создаются внутри предшествующего ей общества — капитализма. Социализм — эта первая фаза единой коммунистической формации происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая рождена капитализмом.

В отличие от всех предшествующих формаций, которые возникли и развивались стихийно, коммунистическое общество с самого начала создается, строится сознательно. «Коммунизм, — подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов»⁶.

Софистика. Социалистические производственные отношения не могут возникать в недрах капитализма, ибо они основаны на общественной собственности на средства производства.

Диалектика. Возникают в недрах капитализма своими предпосылками! Создание мощных производительных сил, обобществление труда и т. д. в недрах капитализма и есть предпосылки социализма. Отрицание же предпосылок возникновения ведет к мистицизму вроде креационизма, т. е. к божественному творению. Что же касается того, что одна революция кончается захватом власти, а другая начинается с этого, то это неверно как исторически, так и логически: исторически потому, что в истории не было, попросту говоря, социальной революции, которая закончилась бы захватом власти. Логически — потому, что в таком случае сама революция была бы беспредметной.

Софистика. Фактом является то, что не все страны одного и того же уровня — экономического, политического, культурного

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 70—71.

развития. Следовательно, предпосылки также должны быть разного уровня.

Диалектика. Безусловно! Но это не даст основания отрицать роль предпосылок в возникновении социализма. Более того, следует учесть и то, что среди весьма разнообразных и многочисленных предпосылок, условий возникновения социализма не все из них имеют равное значение и играют одинаковую роль в его возникновении. Предпосылки одной из этих групп непосредственно употребляются в качестве «строительного материала» для социализма и, следовательно, входят в его содержание. В нашей стране, в частности, такими предпосылками, которые затем в измененном и преобразованном («снятом») виде вошли в его состав, являлись: обобществление труда, концентрация производства и населения, наличие развитого, достаточно сильного, политически активного рабочего класса, руководимого марксистской партией и вооруженного передовой революционной теорией, наличие союзников пролетариата и т. д. С возникновением социализма его предпосылки стали взаимодействующими сторонами социализма как целого, как системы, моментами его движения.

Предпосылки другой группы только содействуют, способствуют возникновению социализма, не входя непосредственно в его содержание (например, резкое ослабление сил международного империализма в результате мировой войны) или тормозят, препятствуют этому возникновению и даже делают возникновение социализма на данном историческом этапе невозможным (например, наличие сильного военно-бюрократического аппарата в той или иной стране).

Все это значит, что без предпосылок не может быть возникновения явления, но характер, количество, качество, уровень предпосылок играют не последнюю роль в возникновении явления.

Софистика. Из Вашего анализа роли предпосылок в возникновении явления следует вывод, что предпосылки входят в состав нового явления. Скажем, если речь идет о возникновении социализма, то предпосылки его возникновения в недрах капитализма входят в состав социализма, следовательно, их постепенное накопление и есть социализм.

Диалектика. В вопросе о роли предпосылок в возникновении социализма имеют место две крайности: с одной из них мы познакомились только что. Это отрицание роли предпосылок в его возникновении (теория и практика левого ревизионизма). Другая крайность состоит в раздувании, преувеличении этой роли. Теория и практика правого оппортунизма, ревизионизма основаны как раз на этом. Праворевизионистские, социал-демократические партии те или иные предпосылки социализма, возникающие в нед-

рах капитализма, выдают за действительный социализм, смешивают его предпосылки с его действительной историей.

Софистика. Разве предпосылки социализма не есть его начало? Ведь Вы сами сказали, что предпосылки входят в состав социализма.

Диалектика. Нет, не есть! Предпосылки входят в состав социализма не механически, а в снятом виде и тогда, когда он действительно начинается. А его начало есть начало социалистической революции, начало установления власти рабочего класса и социалистических преобразований.

Софистика. Другим важным элементом историзма, как Вы утверждаете, является выяснение того, какие главные этапы в своем развитии явление проходило. Разве это имеет какое-либо значение для постижения истины?

Диалектика. Безусловно, да! Поскольку историзм есть конкретный историзм, то он требует не рассуждать об истории «вообще», а исследовать конкретную историю конкретного объекта и понимать развитие предмета не как плавный постепенный процесс, а как ряд сменяющих друг друга качественно своеобразных ступеней, для каждой из которых существуют свои конкретно-исторические условия и специфические закономерности.

Софистика. Эти ступени не отделяются друг от друга абсолютно строгими границами, ибо все грани в природе и обществе условны и подвижны.

Диалектика. Грани условны, подвижны, но они есть. Прежде всего необходимо отделить (хотя это нередко очень трудно) каждое конкретное явление от «его» предшествующего, а затем внутри данного явления выделить его естественные этапы, установить их характерные, специфические черты и связь между ними. При этом надо подмечать главным образом именно то, что характерно для *данной* ступени развития явления, а не только то, что применимо ко всем его ступеням, поскольку именно в специфическом различии этих ступеней и заключается развитие. Так, переход от капитализма к социализму есть развитие, но это не снимает, конечно, резкой противоположности между ними как качественно различными ступенями истории и не «отменяет» установления политической власти рабочего класса как начала этого периода.

Софистика. Между капиталистическим и социалистическим государствами есть много переходных ступеней.

Диалектика. Разговор о «многих переходных ступенях» преследует одну цель: «переходными ступенями» заменить революцию, то есть отрицать ее. В действительности есть один переход, одна «переходная ступень» от капиталистического государства к социа-

листическому — это *революция*, состоящая в свержении буржуазии и в ломке ее государственной машины, в установлении диктатуры пролетариата. Но именно эту «переходную ступень» отказываются признавать и рассуждениями о «переходных формах» и «промежуточных ступенях» хотят проташить свое отречение от социалистической революции.

Отрицание исторической необходимости социалистической революции как начала социализма достигалось и достигается с помощью того, что те или иные предпосылки социализма, возникающие в недрах предшествующих ему формаций, выдаются за социализм, история и законы предпосылок социализма смешиваются с историей и законами самого социализма, образование предпосылок социализма принимается за развитие самого социализма.

Софистика. А разве современные научно обоснованные теории «народного капитализма», «нового общества», «планового капитализма», «общества изобилия», «коллективного капитализма», «конвергенции» и т. п. не являются доказательством беспредметности социалистической революции?

Диалектика. Не только не являются, а рассчитаны на увековечивание капитализма там, где пока он держится. Эти теории утверждают, что якобы происходит «мирное вращение» капитализма в социализм. Они «доказывают» это тем, что во время пребывания у власти лейбористов в Англии, социал-демократов в Швеции эти страны будто бы строят социализм. Утверждают, что современная Англия уже сегодня является на 25% социалистической страной и на 75% капиталистической, что нынешнее «общество благоденствия» — это не капитализм и не социализм. Если одни лидеры социал-демократии только пытаются одновременно следовать капиталистическим и социалистическим принципам, то другие полагают, что нынешнее буржуазное государство уже отвечает интересам всего общества и поэтому цель социал-демократической политики должна заключаться в том, чтобы окончательно «вывести его за классовые границы». Десятилетиями социал-демократические партии в развитых капиталистических странах находятся у власти и предпосылки социализма выдают за социализм, и широко рекламируют его, но из этого никакого социализма не получается.

Требование рассмотрения предмета в его развитии включает в себя не только изучение генезиса этого предмета, ступеней, уровней его эволюции и его настоящего состояния, но и выяснение главного направления, *основной тенденции* его дальнейшего развития. Настоящее является ключом не только к прошлому, но и к будущему. Иными словами, последовательное проведение прин-

ципа историзма неизбежно предполагает *предвидение будущего*, предпосылки (зачатки, зародыши, элементы) которого содержатся в настоящем. Важнейшим выводом из разработанного К. Марксом принципа совпадения логического и исторического является установление тенденции развития исследуемого предмета, научное предвидение. Специальный параграф 24 главы 1 тома «Капитала» посвящен исторической тенденции капиталистического накопления, где говорится: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют»⁷. Следовательно, все исследование капитализма в «Капитале» содержит в себе отражение объективной тенденции развития капитализма, вывод о его неизбежной гибели.

Софистика. Вообще невозможно предвидение общественной жизни. Тот факт, что мы можем предсказать затмения, не дает законного основания утверждать, что мы можем предсказать революцию, веру в историческое предвидение — просто предрассудок, ибо невозможно предугадать ход человеческой истории научным или каким-либо рациональным методом. Научное предвидение возможно лишь в сфере технологии, технологического типа.

Диалектика. Вы таким путем пытаетесь теоретически обосновать частичное изменение в современном буржуазном обществе для того, чтобы не затрагивать самого строя, сущности капитализма, то есть спасти его. Однако теоретически, научно давно доказана неизбежность гибели капитализма, а вполне очевидным объективным процессом современности является процесс практического перехода от капитализма к социализму. Этот процесс еще не завершен, верно, и попытки современной буржуазной апологетики с еще большим упорством, чем раньше, отвергать принцип конкретного историзма, из которого вытекает вывод о неизбежности гибели капитализма, не спасут его. Чем более лагерь империализма нынче теряет почву из-под ног, тем яростнее выступает эта апологетика. Процесс, который начался в 1917 году, неуомимо, несокрушимо будет развирываться и вширь и вглубь до тех пор, пока полностью, во всех отношениях не исчезнет капитализм, что будет означать скачок из царства необходимости в царство свободы.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 772—773.

НЕОБХОДИМОСТЬ И СВОБОДА

Софистика. Почему свободу связывают с необходимостью? Свобода потому и свобода, что она абсолютно свободна и не связана ни с чем.

Диалектика. Такое ошибочное мнение очень старо. Напомним в этой связи, что проблема свободы и необходимости на протяжении всей истории философии была ареной острой борьбы прежде всего между детерминизмом и индетерминизмом. Коротко суть этой борьбы можно выразить так: детерминисты доказывали, что абсолютной свободы воли нет, что воля человека детерминирована. Индетерминисты доказывали, что воля абсолютно свободна, она ничем не детерминирована.

Софистика. Нас не интересует история философии. Проблему следует обсуждать сегодня на современном уровне науки.

Диалектика. Но чтобы проблему обсуждать на современном уровне, надо знать ее историю, ибо домарксистские философы — и материалисты и идеалисты — исследовали те или иные ее моменты, стороны и, хотя не дали и не могли дать ее научное решение в развитой форме, тем не менее каждый из них в меру своих сил и возможностей вносил разумный истинный момент, зерно, тем самым способствуя ее научному решению. Однако этого не скажешь о современной буржуазной философии. Именно опыт истории показывает, что всеобщий кризис капитализма на новом этапе становится все более глубоким и в духовной жизни, в частности, в философии. А это обуславливает тот факт, что добросовестное, объективное, беспристрастное научное исследование проблемы все более и более заменяется неприкрытой апологетикой. Различные школы и школки прагматизма, неотомизма, экзистенциализма и т. д. отличаются прежде всего эпигонством.

Софистика. Но признание объективной необходимости ведет к отрицанию сознательной деятельности людей. Если в обществе была бы объективная закономерность, необходимость, то она должна была бы действовать без людей, без их организующей, сознательной деятельности.

Диалектика. Но в обществе ничего не осуществляется без людей, ибо исторические процессы, события — есть деятельность людей. Люди творят свою собственную историю, следовательно, историческая необходимость осуществляется, как их деятельность.

Софистика. Необходимость, закономерность — может быть, все это плод фантазии идеалиста Гегеля!

Диалектика. Гегель необходимость понимал мистически, но это

отнюдь не означает, что в обществе нет объективной необходимости. Она, во-первых, есть содержание в его сущности или, что то же самое, сущность в ее модификации, а также сущность теоретического познания. Задача последнего состоит в том, чтобы в его противоречивых отношениях, в его противоречивом движении просвечивать более глубокие, существенные связи и отношения, а также синтезировать знание, выводить и объяснять единство всех сторон из самой необходимости. При этом выясняется, что самое свободу возможно понять лишь на основе необходимости, из самой необходимости. Последняя, таким образом, подчиняет себе это «свое другое», определяя основное направление развития.

Она, во-вторых, есть всеобщее. Сам факт вычленения всеобщего — сущности в единичных явлениях есть *познание необходимости*, то есть свободы. Необходимость — это всеобщее в бытии, абсолютное опосредствование, она неотделима от всеобщего, понимаемого не в формально-логическом смысле, а как такое, которое удержало в себе богатство отдельного, особенного, то есть отраженное всеобщее в процессе познания наполняется богатством содержания самого предмета.

Она, в-третьих, есть закон. Одно из определений необходимости это — ее устойчивость, поскольку она есть сущность, внутренняя существенная связь. Необходимость — такая закономерная связь, которая остается равной себе в смене явлений. Всеобщность и устойчивость — это определения также и закона. Последний есть *прочное*. Он сохраняющаяся в явлениях устойчивость, он есть *идентичное* в явлениях, спокойное отражение явлений, *тождество, основа*, внутренняя необходимая связь явлений.

Законы объективного мира — основа свободы — целесообразной деятельности человека, который зависит от них и ими определяет свою деятельность и ее направление. Поскольку закон выражает генезис и синтетическое развитие явлений, постольку он содержит в себе тенденцию, главное направление развития, которое лежит в основе практической деятельности и научного предвидения.

Софистика. Если, допустим, в природе есть необходимость, закон, то закон, необходимость в обществе вовсе отсутствуют, абсолютно невозможны здесь, ибо действуют люди, каждый из которых имеет волю.

Диалектика. Законы общества также объективны, не зависят от воли и сознания людей, как и законы природы. Общественная необходимость в своей сущности функционирует во всеобщих формах деятельности, что прежде всего выражается в характере орудий труда, являющихся решающим показателем уровня раз-

вития материальной и духовной культуры. Орудия труда каждой конкретной исторической эпохи в снятом, переплавленном виде содержат в себе все завоевания прошлых поколений, всей цивилизации.

Однако производством орудий труда не исчерпываются всеобщие формы деятельности людей. Этими формами характеризуются экономические, политические, культурные, идеологические и другие отношения. Сами же всеобщие формы обусловлены законами, которые своим объективным бытием определяют направление, тенденцию, стороны, аспекты деятельности людей. Действуя сообразно с объективными законами, люди выражают свое отношение к ним во всеобщих формах, поскольку закон, как сказали, есть всеобщее. Следовательно, сами законы предопределяют способ их использования: всеобщие формы деятельности людей зависят от характера используемых законов.

Софистика. Вы уходите в сторону от обсуждаемой проблемы.

Диалектика. Нет, речь как раз о проблеме. Ее научное решение зиждется на незыблемом фундаменте величайшего открытия человеческой мысли — материалистического понимания истории, на том, что чувственно-предметная, материальная деятельность людей, материальная практика является базисом, основой, источником, причиной, целью, критерием и решающим условием познания объективной необходимости, ее превращения в свободу. Общество есть в сущности практически-революционная деятельность людей, которые сами творят свою историю. Далее, люди делают историю не по произволу, а в строгом соответствии с законами ее развития; для познания и использования объективной необходимости нужна активная, целесообразная деятельность людей — их воля, желание, страсть, стремление, их знание, умение, опыт, организованность и т. д.

Это содержание коротко можно выразить так: необходимость есть закономерно развивающаяся действительность. Она существует объективно, независимо от воли и сознания человека. Необходимость первична, сознание вторично; необходимость познаваема, люди в своей практической деятельности познают ее и ставят себе на службу; свобода есть познанная необходимость, есть познание и практическое использование самой объективной необходимости. Объективная необходимость не исключает свободы и, наоборот, свобода не исключает необходимости. Господство человека над объективной действительностью, проявляясь в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов действительности, практическое господство есть доказательство того, что это отражение есть объективная истина.

Софистика. Либо свобода, тогда нет никаких — ни социальных, ни природных законов. Либо нет свободы, если есть законы. Любые законы, нормы, правила ограничивают, а то и искажают свободу человека. Свобода человека невозможна при его полном подчинении произволу природы. Своеволие может быть опасным фактором. Тем не менее именно в нем — самое существо человеческой свободы. Человек свободен постольку, поскольку он может по собственному желанию браться за дело или отказываться от него, принимать собственные решения, отвечать «да» или «нет» на любой вопрос или приказ и, руководствуясь собственным разумением, определять понятия долга и достойной цели. Он не свободен, когда лишен возможности следовать своим склонностям, поступать вопреки собственным желаниям. И более того. Так как каждое душевное состояние личности неповторимо, не поддается верификации, то этого достаточно, чтобы считать такое состояние проявлением ничем не детерминированной свободы воли.

Диалектика. Не трудно видеть, что содержанием Ваших концепций является игнорирование объективной необходимости, закономерности. То же самое утверждается неотомизмом, только в мистической форме. Неотомисты на новом «высшем» уровне развили представление о свободе церковников. По их мнению, свобода человеку дана богом — всеобщим моральным законодателем, и только воля бога абсолютно свободна. Личность свободна в той мере, в той степени, в какой она выполняет требования морального законодателя — бога. Грех выражается в стремлении человека жить по-своему, а не по-божьему. Личность есть духовная субстанция. Ее атрибуты — свобода, способности, желания получают свое ценностное подтверждение лишь в соотношении с богом. Бытие личности в ее соотношении с богом. Высшей свободой для человека является способность человека подавлять в себе свои желания, воздерживаться от мирских искушений. Аскетизм, умерщвление плоти, способствует совершенствованию человека. Свобода воли человека божественного происхождения, она является для него абсолютной тайной, поэтому человек не способен познать эту тайну и сделать сознательный целенаправленный выбор действия.

Реакционный вывод из этой концепции напрашивается сам собой. Если люди не могут познать эту «тайну», то они не могут целенаправленно изменять самое действительность, а должны слепо, пассивно жить «по-божьему», не должны ликвидировать негодные, отжившие отношения, не должны бороться против всепобеждающего монополистического капитализма, не должны добиваться своего социального освобождения, ибо все это является нарушением «божьей воли», требований морального закона.

Софистика. Нельзя отрицать интенциональную активность субъекта, абсолютную свободу человека, происходящую из таинственных пределов небытия. Корни человеческой свободы находятся вне общества, вне практической жизни людей. Исходным пунктом в решении проблемы является положение о том, что социальное поведение человека выходит за рамки социальности, социальных отношений. В том-то и дело, что социальная и природная внешность ставит человека в альтернативные ситуации, не детерминируя выбор его решения. Выбор является его субъективным, ничем не детерминированным внутренним желанием, потому за это свое действие он несет ответственность не перед обществом, а перед собою. Подлинная свобода — это свобода «внутренняя», потусторонняя, нечто вроде врожденной способности в самом человеке. Сам выбор действия осуществляется по субъективной воле без разума, независимо от «эмпирической действительности». Более того, если хочешь стать свободным, то должен освободить себя от всяких законов действительности, от ее атрибутов, от данных науки, практики, от нравственных норм, обычаев, традиций — от всякой социальности.

Диалектика. Все эти рассуждения о свободе носят не только антинаучный характер, но являются человеконенавистническими, антигуманными, ибо игнорируют роль нравственной оценки поступков человека, отвергают социальные критерии его поведения, его ответственность перед обществом, оправдывают злодеяния тиранов, палачей, убийц и т. п. И здесь никакая объективная реальность, необходимость, закон, моральная оценка самих действий и т. д. не при чем.

Софистика. Вы говорите о необходимости, законе и т. д., но ведь вся история человечества есть сплошное беззаконье, ибо кто что хочет, то и делает. История есть абсолютный произвол. Так было, так есть, так и будет, пока есть люди.

Диалектика. Внешне покажется, что это так! Однако все действия людей подчинены внутренним, скрытым законам. Проблема свободы и необходимости имеет два внутренне взаимосвязанных аспекта: *свобода как познанная природная необходимость* и *свобода как познанная общественная необходимость*. Эти два аспекта составляют внутреннее тождество, невозможны друг без друга, но вместе с тем они имеют свою специфику, следовательно, их нужно рассматривать в чистом виде.

Вся история человечества есть история познания и использования сил и законов природы, история достижения свободы, история развития господства человека над силами природы. Пока человек не познал закона природы, закон, действуя слепо, помимо него, делает его рабом слепой необходимости. Он несвободен. Но

раз человек познал закон и стал пользоваться его действием — он стал его господином.

А теперь остановимся на втором аспекте проблемы. Следует прежде всего подчеркнуть, что в сфере общественных отношений обсуждаемая проблема гораздо сложнее, что обусловлено самой спецификой общественной жизни. Если проявление свободы воли в отношении к необходимости к силам природы из себя представляло процесс восхождения, развития этой свободы, то этого нельзя сказать об отношении к общественной необходимости. Чтобы проявлять свободу в этой области, люди должны познавать и направлять законы общественного развития, господствовать над своими собственными действиями и отношениями. До тех пор, пока этого нет, человек несвободен. Он раб своих собственных отношений.

Софистика. Выходит, что в обществе свобода невозможна?

Диалектика. Не спешите с таким выводом. Мы имеем в виду классовое общество. Рабовладельческие, феодальные и буржуазные производственные отношения обусловили не только историческое развитие господства человека над силами природы, но и господство человека над человеком.

Свобода человека по отношению к силам природы была условием развития несвободы людей в их отношениях друг к другу. В какой мере шел процесс развития свободы человека по отношению к силам природы, в какой степени шел процесс усиления, развития власти, господства человека над природой, в той же мере шел процесс усиления господства человека над человеком, то есть процесс развития несвободы. По мере того, как человечество подчиняло себе природу, человек становился рабом других людей, либо же рабом своей собственной подлости. Так, труд при капитализме для пролетариата является проклятием, поскольку он противостоит ему как чуждая враждебная, порабащующая сила. Свобода пролетариата в буржуазном обществе состоит в том, что он свободен продавать свою рабочую силу как особый товар, он свободен принести себя в жертву, идти на самоистязание. Он свободен быть безработным и голодать. И здесь каковы бы ни были его «демократические свободы», над ним будут господствовать те же чуждые ему социальные условия, силы, факторы, которые ставят его в рабское положение, превращают его в бесправного, нищего, паупера. Следовательно, он не свободен. Поэтому лозунги «свобода — равенство — братство» лицемерно-ханжески прикрывают действительную несвободу угнетенных, эксплуатируемых.

Софистика. В конституциях капиталистических стран провозгла-

шаются равенство, свобода: свобода слова, мысли, инициативы, собраний, демонстраций, забастовок, выбора и т. д.

Диалектика. Лицемерие — явление многоликое, имеет многочисленные формы проявления. Каждый параграф буржуазной конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке. Равенство, свобода есть пустая фраза, если под этим не понимать уничтожения классов. Лозунг свободы и равенства без ликвидации частной собственности на средства производства есть ложь и лицемерие буржуазии. К тому же следует всегда исходить из четкого конкретно-исторического подхода к таким понятиям, как «свобода», «равенство», «демократия». Содержание этих понятий и их соотношение не является неизменным, раз навсегда данным, а изменяется в соответствии с переходами от одной общественной формации к другой, в зависимости от ступени развития классовой борьбы, от соотношения классовых сил и т. д. Иначе говоря, содержание этих понятий является историческим и классовым.

В обществе, основанном на частной собственности на средства производства, интересы людей как в главном, решающем в материальных отношениях, так и в других сферах общества не совпадают, взаимно сталкиваются, находятся в состоянии антагонизма. Поэтому множество сознательно, «свободно» поставленных, но и противоположных индивидуальных волей, желаний, целей и интересов, переплетаясь, перекрещиваясь и сталкиваясь друг с другом, образуют *неосознанный, стихийный* процесс, который не поддается ни регулированию, ни контролю со стороны людей, а, напротив, сам господствует над людьми и, подобно необузданным силам природы, действует слепо, пагубно, разрушительно. Достаточно указать на такие явления, как анархия, конкуренция, кризисы, конфликты в капиталистическом способе производства, чтобы убедиться в этом. И пока еще существует отживший свой век капитализм, производительные силы в нем действуют вопреки людям, против них слепо и разрушительно.

Софистика. Но разве может быть человеческое общество, где люди ставили бы перед собою свободно выбранную, сознательную цель? Согласитесь, что нет. Поэтому стихийный процесс, включающий свободу, является вечным.

Диалектика. Нельзя думать, конечно, что господство слепой необходимости в обществе было абсолютным и исключает свободу. Последняя выражалась в той или иной форме, в том или ином конкретном отношении. Но так как материальные, политические и иные интересы и цели людей в классовом обществе не совпадали и не могли совпадать, то свобода сама входила в состав

общего стихийного процесса как его момент, подчиняясь ему, не нарушая в общем стихийности общественного процесса. Разумеется, свобода пролетариата в буржуазном обществе состоит не только в том, что он свободен продавать свою рабочую силу, но и в том, что он познает природу капиталистических производственных отношений и борется за их ликвидацию.

Софистика. Что за свобода, которая сама «входит в состав общего стихийного процесса»? Это то же самое, что сказать: свобода в обществе невозможна! Следовательно, нет такого общества, где была бы возможна свобода.

Диалектика. Есть такое общество — коммунизм! Первым и решающим условием развития действительной свободы в общественной жизни является ликвидация капитализма и завоевание социализма. Чтобы установить господство человека над своими действиями планомерно, со знанием дела направлять весь общественный процесс, нужно ликвидировать капиталистические производственные отношения — частную собственность на средства производства в любой форме, поставить всех членов общества в равное отношение к средствам производства. Только при этих условиях люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

Практика социалистического строительства подтверждает этот вывод. С победой социализма положен конец стихийности общественного процесса. Социальные процессы люди познают и со знанием дела направляют по единому плану, к единой цели. Законы их общественного развития подпали под их власть и контроль.

Основным и главным условием развития свободы после завоевания пролетариатом политической власти является мощное развитие материального производства во всех его сферах и на этой основе — всестороннее духовное развитие всех членов общества.

Софистика. Разве при социализме содержанием выбора не являются многочисленные и разнообразные стремления, противоречащие друг другу: каждое из них стремится к удовлетворению по возможности за счет других? Выбор состоит во взаимном сдерживании стремлений, в размышлении над тем, какое из стремлений, желаний целесообразно избрать и реализовать в данный момент.

Диалектика. Являются. Однако избирательная ситуация возникает сама по себе объективно, как одновременное возникновение противоположных объективных возможностей и тенденций про-

цесса. Поэтому выбор наступает только там и тогда, где и когда одновременно различные тенденции не могут быть одновременно реализованы. Когда же возможна одновременная реализация всех тенденций, то исчезает ситуация выбора. Выбора нет и в том случае, если имеем дело с одной единственной тенденцией. Но ситуация, когда имеется возможность выбора, возникает даже тогда, когда имеется возможность сначала реализовать одну тенденцию, а затем другую, ибо в этом случае необходим выбор относительно того, которую из двух тенденций нужно реализовать в первую очередь. Но, так или иначе, равномерное удовлетворение всех стремлений недостижимо, так как они многочисленны, разнообразны и противоположны друг другу.

Более сложной и трудной для выбора является ситуация равнозначных возможностей, в силу равного значения которых трудно дать одной из них предпочтение перед другой путем выбора. И чем дальше это состояние продолжается, тем больше выбор становится затруднительным.

Софистика. Все сказанное Вами означает, что в обществе и при социализме нет никаких критериев свободы выбора.

Диалектика. Нет, есть! Каковы бы ни были трудности выбора, тем не менее существуют объективные и субъективные критерии, позволяющие принимать оптимальное целенаправленное решение. Каковы эти критерии?

Во-первых, это — материальная практика и ее потребности. Она является не только критерием истины, но и практическим определителем связи предмета с тем, что нужно человеку.

Во-вторых, сама объективная действительность и возникающие тенденции, возможности рождаются самой объективной действительностью и их характер, специфика, содержание определяются ею.

В-третьих, эти возможности выражают противоречивую природу объективной реальности: одни из них выражают прогрессивную ее направленность, ее восхождение, а другие — регрессивную, и мешают, тормозят реализацию первых.

В-четвертых, для реализации данной прогрессивной возможности нужно строго учитывать другие возможности — как отрицательные, так и положительные. Без строгого учета и научного анализа всех реальных возможностей нельзя осуществить выбор данной возможности. Разумеется, для реализации этой возможности требуется добросовестное содержательное выполнение своего долга, всех норм социалистического общества всеми его членами. Чтобы осознать это, нужно исходить из того, что научное понятие свободы, «царство свободы» ничего общего не имеет с субъективным произволом или с мелкобуржуазно-анархическим

отрицанием объективной необходимости. «Царство свободы» есть не что иное, как целосообразное, сознательное, планомерное осуществление общественной необходимости, то есть сознательное, планомерное господство человека над своими собственными общественными отношениями. Свобода заключается в том, что человек рационально регулирует процесс общества, ставит его под свой общий контроль.

Софистика. Суть свободы — что хочу, то и делаю. Если этот принцип нарушается, то нет свободы.

Диалектика. Что касается «хотения», то оно должно выражать прогрессивную тенденцию развития и быть реализованным в самом процессе восхождения таким образом, чтобы обогащать это восхождение. Между тем анархистски-хулиганский произвол мешает процессу восхождения, является реакционным актом. Поэтому против такого произвола и обывательски мещанского понимания свободы нужно вести беспощадную борьбу.

Великим фактором развития свободы при социализме является научно-технический прогресс и на основе этого — развитие материальной и духовной культуры общества вширь и вглубь. Свобода при социализме есть процесс восхождения. Она с каждым шагом вперед в развитии общества становится богаче, конкретнее.

Софистика. В капиталистическом мире люди действуют именно по принципу «что хочу, то и делаю».

Диалектика. Это не так! Во-первых, «свободный мир» тоже подчиняется объективным законам развития, например, он не может существовать без производства и потребления; во-вторых, этот «свободный мир» есть свобода жесточайшей эксплуатации и угнетения громадного большинства незначительным меньшинством людей, свобода убийств, войн, грабежей, бандитизма, свобода секса, порнографии, наркомании и т. п.

Тем не менее все это не мешает современной буржуазной пропаганде жонглировать словом «свобода» и, ввиду его привлекательности и притягательной силы в глазах главным образом недостаточно сознательных и не организованных трудящихся масс, использовать его в идеологической борьбе против коммунизма.

Софистика. В каждой капиталистической стране существует много политических партий, там многопартийная система, а в социалистическом Советском Союзе одна партия коммунистов. Означает ли это подлинную демократию?

Диалектика. Во-первых, подлинная демократия определяется не количеством партий. Скажем, в США много партий, но у власти находятся либо демократическая, либо республиканская партия, то есть партии монополистического капитала, для подавляющего же большинства населения США — трудящихся совершенно без-

различно, какая из этих двух партий угнетает его. Коммунистическая партия Советского Союза выражает и защищает коренные интересы всех слоев населения, всего народа. Во-вторых, чтобы ответить на этот вопрос, нужно применить принцип историзма. А применив его, мы приходим к следующему выводу: это объясняется историческими условиями. В первые годы Советской власти кроме компартии были и другие партии. Так, в составе ЦИК было 62 коммуниста, 29 левых эсеров и 10 представителей еще трех партий. Хотя компартия имела право на формирование однопартийного кабинета, она предложила левым эсерам принять участие в формировании правительства, куда вошли 7 их представителей. Но вскоре выяснилось, что эсеры не собирались сотрудничать с коммунистами и в марте 1918 г. вышли из состава правительства, а в июле того же года подняли вооруженный мятеж против Советской власти. мелкобуржуазные партии не были «разогнаны», как утверждают, а сошли с политической арены, скомпрометировав себя перед народом. В-третьих, однопартийность вовсе не обязательный признак социализма: в Болгарии, Польше, ГДР и других социалистических странах функционируют многопартийные системы в рамках народного фронта.

Софистика. На выборах депутатов в Советы в СССР выставляются только один кандидат, а в капиталистических странах выставляются на выборах несколько кандидатов!

Диалектика. Вас интересует внешность, кажимость, а не сущность. А внешность часто обманчива. Во-первых, это не требование закона, который не ограничивает числа кандидатов, а сложившаяся традиция. Кстати, в капиталистических странах от каждой партии баллотируется тоже один кандидат. Во-вторых, по закону любой избиратель может свой голос отдавать за кого хочет. В-третьих, главное не в этих внешних моментах, а в том, кого и куда выбирают. При социализме власть народная и выбирают в органы власти представителей народа. Сравните хотя бы состав Верховного Совета СССР и Конгресса США и Вы убедитесь в этом. В составе Верховного Совета — 34,8% рабочих и 16,3% колхозников, 487 женщин. В составе Конгресса — 184 банкира и управляющих предприятиями, 57 крупных землевладельцев, всего 16 женщин и ни одного рабочего.

Софистика. В социалистических странах искусство носит партийный характер, то есть проводит политику коммунистической партии. Но разве может быть свободным искусство, если оно политично, привязано к политике?

Диалектика. Не может быть искусства вне политики или может быть без политики там, где нет политики. Но пока в обществе

господствует политика, которая охватывает все сферы общественной жизни, она охватывает и такую сферу, как искусство.

Софистика. В капиталистических странах художник не связан с политикой, не интересуется никакой политикой, потому он творит свободно.

Диалектика. Это Вам кажется. Конечно, художник искренне может заявить: «Я не интересуюсь политикой». Но, во-первых, нельзя жить в обществе и быть свободным от него; во-вторых, его произведение, если оно художественное, должно утверждать возвышенное, прекрасное на земле против безобразного, низменного, следовательно, он активный борец, сторонник прогрессивной политики; в-третьих, если он утверждает, наоборот, безобразное, реакционное, то он опять политик, ибо борется против прогрессивного. Так что в любом случае он политик. Политик не со стороны формы, а по содержанию. Нет писателя вне политики. К тому же напомним еще раз, что не всякое проявление воли есть свобода. Она есть познанная необходимость, которая в обществе есть восхождение, жизнеутверждение.

Всемирная история есть процесс восхождения взаимопревращения необходимости и свободы. Этот процесс, совпадая с возникновением и развитием человеческого общества и пройдя необходимые исторические фазы своей эволюции, достиг ныне такого состояния, уровня, когда возникла реальная возможность практического перехода всего человечества в коммунистическую формацию, где он, освободившись от атрибутов классового, антагонистического общества, станет вполне сознательным и планомерным, более полнокровным и всесторонним, более интенсивным и конкретным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Исходная абстракция	23
Глава вторая. Материя	45
Глава третья. Движение	58
Глава четвертая. Единство противоположностей	73
Глава пятая. Отрицание отрицания	122
Глава шестая. Содержание и форма	135
Глава седьмая. Сознание	165
Глава восьмая. Мышление	189
Глава девятая. Наука	259
Глава десятая. Истина и заблуждение	270
Глава одиннадцатая. Принцип историзма	287
Глава двенадцатая. Необходимость и свобода	298

Артавазд Михайлович Минасян

**ДИАЛЕКТИКА И СОФИСТИКА
(опыт философской дискуссии)**

Редактор А. П. Никаноров

Технические редакторы Л. В. Агальцова,

Н. П. Соловьева

Корректоры С. Н. Мелешина, Б. М. Федин

ИБ 1003

Изд. № 65/1112. Сдано в набор 17.11.81. Подписано к печати 07.05.85 ПК 14094. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,13(19,5). Уч.изд. л. 20,3. Тираж 5000 экз. Заказ 2480.
Цена 3 р.

Издательство Ростовского университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, 6, ул. Пушкинская, 160.

Производственное объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского обл. исполкома, 410730, Саратов, пр. Кирова, 27.

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1982

